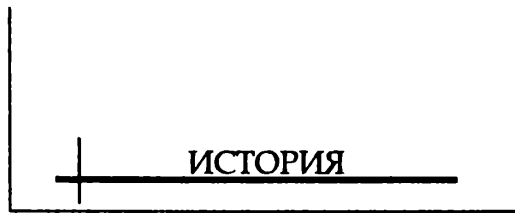

ИСТОРИЯ

НОБИЛИТЕТ В ИСТОРИИ СТАРОЙ ЕВРОПЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОБИЛИТЕТ В ИСТОРИИ СТАРОЙ ЕВРОПЫ

Под редакцией С. Е. Федорова
и А. Ю. Прокопьева

ББК 63.3(4)-28
Н72

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Г. Е. Лебедева*,
д-р ист. наук, проф. *С. Е. Федоров* (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. *А. Ю. Прокопьев* (отв. ред.),
М. В. Алексеева (отв. секретарь)

Рекомендовано к печати

*Редакционно-издательским советом исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Нобилитет в истории Старой Европы / Под ред. С. Е. Федорова, А. Ю. Прокопьева. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. – 364 с.
ISBN 978-5-288-05065-7

Публикуемые материалы посвящены различным аспектам функционирования благородного сообщества в пределах западноевропейского региона, а также истории нобилитета в славянских и балканских странах. Хронологически сборник охватывает проблематику от Античности до конца XVIII в. На обширном материале оригинальных источников воссоздается процесс генезиса и функционирования нобилитета, исследуются его историко-культурная среда, идеологические программы, а также многообразные связи с правящими династиями.

Публикация рассчитана на историков, социологов и политологов, а так же широкий круг читателей, интересующихся вопросами социальной истории.

ББК 63.3(4)-28

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-06-16164д*

© Авторы статей, 2009
© Исторический факультет
С.-Петербургского
государственного
университета, 2009

ISBN 978-5-288-05065-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории европейской знати имеет давние традиции в историографии. Пробудившийся в середине минувшего века интерес к социальным структурам прошлого неизбежно пробудил интерес к верхним эшелонам общества старого порядка. В рамках различных национальных историографических школ реконструкция социального быта знати – в самом широком значении слова – осуществлялась с различными акцентами и обязательно сопровождалась критикой традиционных воззрений. Французский опыт был во многом спровоцирован призывом Марка Блока и Люсьена Февра к систематическому изучению истории французского нобилитета и, оставаясь длительное время образцовым, определял профессиональное сознание не одного поколения специалистов. В то время – немецкий – отчасти более консервативный – отталкивался от наблюдений и моделей, сформулированных в работах Отто Брунера. Английский – накапливался по мере осмысления предложенных Лоуренсом Стоуном подходов, формируя палитру мнений как сторонников концепции ученого, так и его противников.

Если взглянуть в полувековой путь пройденный западной историографией, нетрудно констатировать существенные достижения. Именно они сегодня определяют панораму того, что немецкие историки называют *Adelsforschung*: чем дальше, тем больше прошлое элиты говорит языком широкого социального анализа, лишеного былых, долгое время казавшихся незыблемыми «политических» или «экономических» приоритетов. Позиции и функции элиты в хозяйственных структурах или в управленческом аппарате, в годы войны или в годы мира, в масштабах большой «государственной» или мелкой «региональной» истории так или иначе оцениваются производными не только сложных комбинаций исторических обстоятельств, но и характеристиками знати в контексте таких понятий как «семья», «династия», «группа» или «сословие». Каковы были внутренние и внешние параметры этого явления, что определяло его роль на конкретном отрезке времени или на фоне конкретных обстоятельствах, наконец, какова степень континуи-

тета или, напротив, разрыва на долгом историческом пути становления и развития этого феномена – вопросы, в своей совокупности образующие узловые, самые дискуссионные аспекты в историографии.

Тема предлагаемого сборника, равно как и тема конференции, его породившего примиряет и объединяет. Примиряет в названии: авторы сборника и учредители конференции сознательно убрали кажущийся очевидным русскому читателю, но требующий дифференцированного подхода термин «дворянство», сочтя за лучшее употребить иной – «нобилитет». Именно понятие «нобилитет» в своей исторической ипостаси как категория общая, но в то же время обладающая «лексико-исторической» почвенностью, представляется здесь примиряющим началом. От античности до раннего нового времени история общественной элиты будет неразрывно связана со смысловой нагрузкой, заключенной в понятии «нобилитет», оставляя в то же время значительное пространство для вариативных моделей, для иных терминологических конструкций, при всем множестве которых, однако, не утрачивается главное: архетип, содержащий общие черты, унаследованные с бегом столетий. Но «нобилитет» и объединяет: диапазон статей, сведенных в три рубрики, обнимает традиционную хронологию эпох и дает обильную пищу для размышлений над отдельными региональными моделями.

Основой опубликованных ниже статей стали материалы конференции, организованной и проведенной в январе 2007 года кафедрой истории Средних веков Санкт-петербургского Государственного университета. Научный форум собрал ведущих специалистов из учебных и научно-исследовательских центров Санкт-Петербурга, Москвы, Иванова, Воронежа, Вятки, Липецка, Смоленска и Тюмени. На заседаниях секций и работавшего в рамках конференции круглого стола «Знать в истории России» были зачитаны доклады и сообщения по самым разным аспектам истории европейской и российской знати.

Редакция сборника не сочла возможным придерживаться формального регионоведческого подхода, положенного в основу научной встречи. Опыт показал: содержание докладов позволяло преобразовать широкую тематику докладов в пять отраслевых блоков. Таким образом, проблема «нобилитета» рассматривалась на конференции в координатах сравнительных параллелей статуса, структуры, функции и самовосприятия социальной элиты.

Публикуемые материалы убеждают в масштабности поднятых вопросов. Квинтэссенцией сборника можно считать еще раз продемонстрированную культурно-концептуальную преемственность античного и средневекового нобилитета; синтез с христианской доктриной, состо-

явшийся в эпоху Империи и во многом предопределивший последующее представления о месте «аристократии» в судьбах общества. Вопросы иерархии, взгляд на нобилитет как на сословное целое при всех кризисных явлениях на исходе средневекового мира сохранили свою актуальность: именно структурный стержень, пусть с изменяющимися полюсами, но все же хранивший прочный традиционный фундамент, остается залогом успешного преодоления социальных кризисов, оставляя за дворянством лидирующее место в обществе.

Вместе с тем сама аристократия, внутренне скроенная из отдельных групп и фракций, на протяжении многовековой истории сумела с успехом выполнить интегрирующую роль, постоянно выступая важнейшим организующим звеном властной элиты. Стабильность власти, будь то принципат ранней Империи, общинное руководство итальянской коммун, корона Стюартов или немецкие владетельные дома, постоянно зависела от расклада сил внутри дворянской ассамблеи, от способности опереться на надежную и многочисленную прослойку «своих» среди множества аристократических кланов. Тем самым выстраивался не только тонкий баланс интересов, но и способность формировать поведенческую, социокультурную модель, способную сблизить власть и элиту.

Политическая сфера общества в свою очередь во многом выступала не только местом приложения интересов знатных общественных кругов, но и составной частью повседневности элиты, замешанной на семейно-родственных интересах и тесно связанной с Церковью. Жесткое разграничение внутрисистемных основ едва ли справедливо в описательном аспекте, но имеет ценность как методологический прием, позволяющий показать тесное вплетение отдельных сторон дворянской жизни в единую картину социального быта. Корона оставалась во многом руководящей силой, содействуя в одном случае (Иван Грозный) сдвигам в социальной и политической программе, в другом – вытеснению дворянского элемента на периферию (колонии Нового Света), в третьем (Швеция эпохи Великодержавия) – временному компромиссу на почве широкой внешнеполитической программы. Динамика постоянно предполагала общность интересов, внутреннюю солидарность, способность действовать в унисон, что могло укрепить лидерство отдельных родов на вершине сословной пирамиды.

Общественные позиции элиты формировались не только традиционными ценностями: завершающий раздел прекрасно иллюстрирует зависимость знати от образовательного стандарта, способности влиться в ряды интеллектуальной элиты и тем упрочить свое общественное

положение. В свою очередь восприятие отдельных категорий знати современниками позволяет историкам во многом обогатить и даже видоизменить существующие классификационные схемы. При этом даже частный материал нотариальных актов способен внести существенные коррективы. Наконец, проблема познания самого исторического материала преломляется в объективе целых поколений историков и публицистов, давая подчас любопытные искажения, что видно на примере польской шляхты глазами русских историков и публицистов двух последних столетий.

Разумеется, предлагаемый сборник не дает и не может дать исчерпывающие ответы. Успешное продолжение дискуссии предполагает цикличность конференций, подобно той, которая стояла у истоков этой публикации. Петербургские медиевисты надеются на положительный резонанс и готовы продолжить диалог, быть может, в тематически несколько более специализированном формате.

Раздел 1

НОБИЛИТЕТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ: СТАТУС, СТРУКТУРА, СОСЛОВНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

А. Д. Пантелеев

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РИМСКОЙ ЭЛИТЫ в II–III веках*

Многие исследователи считают возможным проводить параллели между процессами, происходившими в античном мире, и современностью, причем особой популярностью пользуется глобализация¹. При этом необходимо выделить, наверное, самый удачный глобализационный «проект» античности – новую мировую религию, христианство. Сложно переоценить его значение для истории западной цивилизации, поэтому уже не первое столетие оно оказывается в центре внимания историков, философов, культурологов, социологов и даже экономистов. Одним из основных вопросов, которые волнуют исследователей, является вопрос о причинах распространения и успеха новой религии в римском обществе. Литература, посвященная этой проблеме, поистине необъятна, и тем не менее мы рискнем добавить к ней еще одну работу, посвященную христианизации римской аристократии. От позиции этого слоя по отношению к религии Христа зависело и положение самого христианства, и религиозная политика императорской власти – именно сенаторское сословие формировало «ближний круг» императора, и в какой-то степени многие решения принимались с оглядкой на него². Мы продемонстрируем примеры принятия христианства представителями римской знати до конца третьего столетия и постараемся исследовать отдельные «контактные зоны» новой религии с римской элитой.

* Исследование выполнено в рамках работы над грантом РГНФ № 06-01-00438а «Глобализационные процессы в античном мире».

¹ Из последних отечественных работ см. целый набор статей в: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5 / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2006. С. 15–110.

² Казаков М. М. Рим на пути от язычества к христианству. Алтарь Победы // ВДИ. 1995. № 4. С. 161.

Уже сама постановка вопроса не вполне обычна: большинство исследователей предпочитают говорить о начале процесса христианизации римской аристократии со времен прихода к власти императора Константина и далее³. Хронологически это время с 313 г. – издания Миланского эдикта, легализовавшего христианство, до 394 г., когда Феодосий, издав эдикты, направленные против нехристианских культов, одержал победу над узурпатором Евгением. Часто историки, касающиеся темы христианства в высших слоях римского общества, отделяются общими замечаниями вроде следующего: «Приблизительно с середины II в. к христианству принадлежали представители греческой и латинской образованной буржуазии, тогда как представители верхних слоев империи в доконстантиновское время встречались очень редко»⁴. В самом деле, к IV–V вв. относятся самые драматические моменты борьбы старого и нового мирозерцания: это время деятельности Амвросия Медиоланского и Августина, попытки языческой реакции Юлиана и Евгения, знаменитого спора об алтаре Победы в здании римского сената. Но изучая события IV–V столетий, необходимо иметь в виду, что если бы христианизация римской знати была поверхностна, то вряд ли был бы возможен подлинный триумф новой веры. Эта христианизация была не моментальной; конечно, иногда она могла носить конъюнктурный – карьерный и меркантильный – характер⁵, но, как нам кажется, в большинстве случаев мы имеем дело с более сложным, длительным и глубоким процессом. Христианство появилось в Риме не в IV в., а гораздо раньше, едва ли не в 40-е гг., при императоре Клавдии (Suet. Claud., 25). Затем, самое позднее со II столетия, уже любой житель империи был способен отличить христиан от иудеев, и с этого времени можно говорить о

³ См., например: Казаков М. М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000; Brown P. R. L. Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // JRS. Vol. 51. 1961. P. 1–11; Edbrooke R. O. (jr.). The Visit of Constantius II to Rome in 357 and Its Effect on the Pagan Roman Senatorial Aristocracy // AJPh. Vol. 97. 1976. P. 40–61; MacMullen R. Christianizing the Roman Empire (A. D. 100–400). New Haven – London, 1984. P. 43–58; Lizzi R. Ambrose's Contemporaries and the Christianization of Northern Italy // JRS. Vol. 80. 1990. P. 156–173; Barnes T. D. Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy // JRS. Vol. 85. 1995. P. 135–147.

⁴ Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина. Ростов-н/Д, 1997. С. 217.

⁵ Jones A. H. M. The Social Background of the Struggle between Paganism and Christianity // Paganism and Christianity. The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / Ed. A. Momigliano. Oxford, 1963. P. 36.

начале взаимодействия христианства со всеми слоями римского общества – от рабов до императоров.

Состав римской знати на протяжении даже периода II–III вв. не был постоянен⁶. С III в. высшие слои римского общества начинают пополнять выходцы из низших слоев – выслужившиеся солдаты, вольноотпущенники и другие. Этот процесс начинается еще в правление императоров династии Северов, а во время кризиса III в. он еще более усугубится. Вполне вероятно, что кое-кто из тех, кто пополнил ряды римской знати в это время, уже исповедовал христианскую веру – среди военных, причем самых разных званий, встречались христиане, но в центре нашего внимания окажутся не они, а представители так называемой «старой» римской знати (конечно, они имели мало общего со знатными республиканскими родами, но безусловно были людьми более высокого происхождения).

Каково было отношение к христианам со стороны римской элиты? Позитивным его назвать сложно. Сенатор и историк Корнелий Тацит, живший на рубеже I–II вв., видит в христианах «врагов рода человеческого» (Tac. Ann., XV, 44). Его современник Светоний, перечисляя некоторые достойные деяния Нерона, упоминает среди них преследование христиан (Suet. Nero, 16). Этой оценке вторит видный администратор, также сенатор, Плиний Младший в письме императору Траяну: «Я не обнаружил ничего, кроме безмерно уродливого суеверия» (Plin. Epist. X, 96). Римляне не испытывали никакого желания разбираться в деталях этого нового и странного учения; его следовало уничтожить, пока оно не успело широко распространиться в Риме, «куда, – как пишет Тацит, – отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев». Христиане достойны лишь жалости, и она проскальзывает у Тацита, сочувствующего жертвам жестокости Нерона, и у Плиния. Со временем это отношение несколько изменится... сначала – в худшую сторону под воздействием слухов о бесчинствах и мерзостях, творимых христианами, а позже, уже на рубеже II и III вв., восприятие новой веры станет более спокойным⁷.

В это время среди язычников появляется стремление включить христианство в религиозную жизнь империи. Возможно, что теолог Ориген был приглашен императрицей Юлией Маммеей, матерью Александра

⁶ А. Х. М. Джонс полагает, что возникновение «новой аристократии» и ее параллельное сосуществование с аристократией «старой» начинается со времени Диоклетиана (Jones A. H. M. *The Social Background...* P. 35). Но эти реформы во многом закрепили уже существовавшее положение вещей.

⁷ Подробнее об этом см.: Benko S. *Pagan Criticism of Christianity During the First Two Centuries A.D.* // ANRW. Tl. II. Bd. 23.2. P. 1055–1118.

Севера, ко своему двору в Антиохии (Eus. HE, VI, 21). Император Гелиогабал собирался интегрировать христианство в создаваемый им общеимперский культ и поместить христианские святыни рядом со статуями Афины, Великой Матери, карфагенской Небесной Богини, священным огнем Весты, священными щитами салиев и другими святынями (SHA. Heliog., 5; 7–8). Александр Север, как сообщает его биограф, имел в своей молельне статуи Авраама, Орфея, Христа и Аполлония Тианского, которым оказывал равные знаки почтения (SHA. Alex. Sev., 29). Кроме того, Александр «хотел построить храм Христу и принять его в число богов» (43) и руководствовался христианским правилом не делать другому того, чего не хочешь самому себе (51). Приблизительно в тот же период некий сириец Серапион пишет письмо, в котором говорит о Христе, «мудром царе иудеев», как о мудреце, чье учение пережило несправедливые преследования, как это произошло с Пифагором и Сократом (P. Lond., 987). Нам известны два оракула Гекаты, в которых она высоко отзывается о Христе. На вопрос, является ли Христос богом, богиня ответила:

Путь бессмертной души, покинувшей тело, ты знаешь.

Если ее отделить от ума, она вечно блуждает.

Благочестивейший муж обладал той душою; а ныне

Чтут ее люди, чья вера совсем на нее не похожа.

А когда ее спросили, за что его казнили, ответ был таков:

Бренное тело всегда поддается жестоким мученьям,

Души же праведников в небесах обретают обитель.

Философ-неоплатоник Порфирий прибавляет к этому: «Сам же он (Христос) – праведник и, как все праведники, поднялся на небо. Поэтому его не надо хулить, а надо сожалеть о безумии людей, о возникшей из-за него, для них серьезной, неотвратимой опасности» (Eus. Praer. Ev., III, 6, 39–7, 2).

Христианство начинает интересовать отдельных представителей римского нобилитета еще в I в. Для большинства исследователей XIX и XX вв. христианство было движением обездоленных – раем для римских рабов и обнищавших масс. Такова классическая точка зрения, скажем, марксистской идеологии (предельно четко она была сформулирована К. Каутским); так о христианстве отзывались и многие отечественные исследователи. Впервые, кажется, это было отмечено едва ли не Эд. Гиббоном. Этот взгляд получил широкое распространение среди немецких ученых. Среди социологов этот взгляд впервые был озвучен Э. Трель-

⁸ Troeltsch E. The Social Teaching of the Christian Churches. NY, 1931.

чем⁸, который заявил, что все религиозные движения – дело «низших слоев общества». Более того, многие ученые обращали внимание при исследовании социального положения христиан на слова I Послания Павла к коринфянам: «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много [из вас] мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» (1:26). К 30-м гг. XX в. этот взгляд стал общепринятым.

Тем не менее в последние десятилетия исследователи Нового Завета начали пересмотр этого положения. Так, Е. А. Джадж в 1960-х гг. писал: «Если общераспространенное утверждение о том, что христианские общины состояли из низших классов, означает, что они не привлекали высшие классы римского общества, то это наблюдение будет столь же верным, сколь и бессмысленным. Самоочевидно, что в Восточном Средиземноморье представители римской аристократии не входили в местные культовые сообщества... Кроме того, они составляли бесконечно малую часть всего населения»⁹. После тщательного анализа источников Джадж приходит к выводу о том, что христианство вовсе не было религией этих обездоленных. Эти выводы, кроме новозаветных текстов, опирались и на данные других источников (Ахилл и Нерей, казначей Домициллы; Флавии, Эраст, Помпония Грецина и др.). После работы Джаджа постепенно стало преобладать мнение о том, что христианство распространялось в среднем и высшем классах. Пионер применения социологического подхода к изучению раннего христианства Г. Тайссен утверждает, что в богатые христианские общины входили представители «высшего класса»¹⁰; А. Малхербе, проанализировав язык и стиль раннехристианских писателей, заключил, что они обращались скорее к образованной аудитории; есть и много других работ, посвященных защите этой точки зрения¹¹.

Точно так же как и в случае социальной основы религиозных движений, долгое время было принято считать, что низшие классы более религиозны. С момента возникновения современных социальных наук, от Маркса до Фрейда, религия рассматривалась всеми как некий компенсаторный механизм для неудовлетворенных желаний, таких как завышенная самооценка или невротические иллюзии. Дальнейшие исследования современного христианства показали, что религиозные

⁹ *Judge E. A. The Social Pattern of Christian Groups in the First Century.* London, 1960. P. 52–60.

¹⁰ *Theissen G. The Social Setting of Pauline Christianity. Essays on Corinth.* Philadelphia, 1982. P. 97.

¹¹ *Malherbe A. Social Aspects of early Christianity.* 1977. P. 29–59; *Grant R. M. Early Christians and Society. Seven Studies.* San Francisco, 1977. P. 11 et al.

убеждения состоят из нескольких независимых друг от друга аспектов, и бедные тяготеют к одним аспектам (принятие традиционной религии, наличие мистического опыта и частота молитв), а богатые – к другим (молитва перед трапезой, посещение церкви и участие в церковной жизни). Но от принадлежности к социальному классу никак не зависят вера в загробную жизнь или существование рая¹².

То, что христианство было обращено не к низам общества, имеет большое значение. Если бы христианство было низовым движением, то государство, скорее всего, отреагировало бы на него как на политическое движение, но Рим не рассматривал новую религию таким образом. Когда Рим ощущал какую-то угрозу, его действия были очень быстрыми и очень жестокими – можно вспомнить дело о Вакханалиях, многократные изгнания из Рима колдунов, астрологов и философов, запрет человеческих жертвоприношений в кельтской религии. Но даже самые жестокие гонения, направленные против христианства, были, по большому счету, случайны и ограничены; государство на протяжении 150 или даже 200 лет игнорировало тысячи явных христиан, на которых не поступало доносов. Если мы предположим, что христианство было течением среднего класса, то эта политика станет более естественной. Если христиане не были массой обездоленных, а с самого начала существовали члены общин, принятые даже при дворе, то это могло очень сильно смягчать все попытки гонений вне зависимости от законодательной базы¹³.

И, как мы сейчас покажем, эти люди действительно существовали¹⁴. Во время правления императора Домициана был казнен Флавий Климент, римский консул и двоюродный брат Домициана, и изгнана его племянница: «В пятнадцатый год Домициана Флавия Домицилла, племянница Флавия Клемента, одного из тогдашних римских консулов, за

¹² Stark R. *The Rise of Christianity*. San Francisco, 1997. P. 24–37.

¹³ Мы не будем здесь касаться крайне непростого вопроса о законодательном основании преследования христиан. Намного важнее то, что римская судебная и административная машина не была так идеальна, как ее изображают некоторые исследователи, и в реальности существовала масса способов обойти или даже проигнорировать закон. Подробнее об отступлениях от правовой нормы в римском судопроизводстве см: MacMullen R. *Judicial Savagery in the Roman Empire* // Chiron. 1986. P. 147–166.

¹⁴ Мы не будем рассматривать «успехи» христианской проповеди среди римской аристократии в начале и середине I в., о которых нам сообщают более поздние авторы и апокрифическая литература, в силу их очевидной недостоверности.

исповедание Христа была вместе со многими другими наказана ссылкой на остров Понтию» (Eus. HE, III, 18, 4)¹⁵.

В середине 180-х гг. знатный римлянин Аполлоний по доносу своего раба был обвинен в христианстве. По свидетельству бл. Иеронима (De vir. illustr., 42), он был сенатором, но это не подтверждается другими источниками, хотя его судит коллегия сенаторов. Суд над ним продлился с перерывами несколько дней, ему неоднократно предлагали одуматься, но все было безрезультатно – Аполлоний исповедал себя христианином, произнес развернутую апологию своей веры и был казнен (Mart. Apoll.; Eus. HE, V, 21).

В 180-х гг. Ириней Лионский, один из крупнейших латинских христианских авторов, полемизируя с еретиком-гностиком Марком, упрекает его в том, что он, обращая людей в свою веру, «более всего имеет дело с женщинами, и притом с щеголеватыми, одевающимися в пурпур, и самыми богатыми» (Iren. Adv. haer., I, 13, 3)¹⁶.

В 202, 203 или 204 г., 7 марта, в день рождения сына Септимия Севера и брата Каракаллы Геты, в Карфагене были казнены знатная римлянка Вибия Перпетуя и ее товарищи – она происходила, как минимум, из всаднического сословия. Рассказ об этом содержится в одном из важнейших источников по истории африканского христианства – «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты». Всех их захватили, пока они были еще оглашенными; крещение было принято ими уже в тюрьме. Отец Перпетуи умолял дочь не исповедовать себя христианкой, но она была неумолима: «Да будет воля Господня». Допрос был краток: Перпетуя отказалась принести жертву и заявила: «*Christiana sum*». Всех приговорили к смертной казни – растерзанию зверьми (в это время римские граждане уже могли быть преданы казни на арене).

В то же время, около 204 г., Ипполит пишет свое «Толкование на книгу Даниила», где упоминает о том, что незадолго до этого жена наместника Сирии воздействовала на своего мужа с целью предотвратить преследования христиан (Hipp. In Dan., IV, 18). Любопытно, что Тер-

¹⁵ Вслед за большинством ученых, мы не ставим под сомнение то, что эта Флавия Домицилла была, во-первых, племянницей, а не женой Флавия Климента, а во-вторых, являлась христианкой (о дискуссии см.: Keresztes P. The Imperial Roman Government and the Christian Church. I. From Nero to the Severi // ANRW. Bd. II.23.1. 1979. P. 268).

¹⁶ Многие гностики, подобно Марку, обращали свою проповедь к высшим слоям римского общества. Подробнее см.: Пантелеев А. Д. «Избранный род» и «силы и власти»: гностики и земная власть // Жебелевские чтения – III. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 182–187.

туллиан сообщает о жене наместника Каппадокии Клавдия Луция Германиана, переход которой в христианство, наоборот, побудил мужа начать гонение (Tert. Ad Scap., 3, 4).

Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» сообщает о сенаторе Астирии во время правления Галлиена (253–268 гг.): «Держится там память и об Астирии: вспоминают его дерзновенность, угодную Богу. Римский сенатор, любимец императоров, известный всем знатностью и богатством, он однажды присутствовал при кончине мученика. Он взвалил тело на спину (а был в сверкающей дорогой одежде), облек его в дорогой покров и похоронил в соответствующей гробнице» (Eus. HE, VII, 16).

Он же сообщает еще об одной христианке – жене префекта Рима при Максенции (307–312 гг.): «Особого удивления заслуживает одна римлянка, действительно благороднейшая и самая целомудренная из всех женщин, которых пытался обидеть тамошний тиран Максенций... Когда она узнала, что прислужники тирана, которым поручались такие дела, окружили ее дом (а была и она христианкой) и что муж ее, префект Рима, согласился из страха на то, чтобы ее взяли и увели, она попросила маленькой отсрочки, будто для того, чтобы принарядиться, пришла в комнату и, оставшись одна, вонзила в себя меч и тут же скончалась, оставив совратителям свой труп» (Eus. HE, VIII, 14)¹⁷.

Кроме того, наши источники упоминают о двух императорах, которые были христианами, – это Александр Север (Eus. HE, VII, 10) и Филипп Араб (Eus. HE, VI, 34; Oros. Hist. adv. pag., VII, 20). В случае с Севером, конечно, мы имеем безусловное преувеличение¹⁸, но то, что Филипп был верующим, сомнению практически не подвергается. Наконец, жена и дочь Диоклетиана, самого жестокого преследователя христиан, тоже исповедали религию Христа (Eus. HE, VIII, 1; Lact. De mort. pers., 15).

Особый сюжет представляют христиане, принадлежащие к *familia Caesaris* – люди, входящие во дворец и имевшие доступ к императору. Их невозможно назвать аристократами – это рабы и вольноотпущенники,

¹⁷ К этому списку можно добавить еще имена двух сенаторов и четырех христианок из senatorского сословия: это Либералий и Сотер и Катия Клементина, Гидрия Третулла, Яллия Клементина и дочь наместника провинции Эмилиана (Barnes T. D. Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. P. 136; Rapsaet-Charlier M.-Th. Les femmes senatoriales du IIIe siecle. Etude preliminaire // Prosopographie und Sozialgeschichte. 1993. P. 162).

¹⁸ Т. Барнс прямо называет жизнеописание Александра «историческим романом», отказывая ему в какой бы то ни было достоверности (Barnes T. D. Legislation against the Christians // JRS. 1968. Vol. 58. P. 42 et al.).

но их роль не стоит недооценивать. Как минимум некоторые из них были людьми весьма влиятельными, как, например, наложница императора Коммода Марция, добившаяся помилования для всех христиан, находившихся в сицилийских рудниках и принимавшая участие в заговоре против Коммода (Dio Cass. LXXIII, 4). Она появляется при дворе в конце 180-х гг., и с этого времени нам ничего не известно об антихристианских процессах в Риме¹⁹. Затем, почти тогда же Ириной Лионский упоминает верующих, находящихся при царском дворе, которые пользуются припасами из императорского имущества и доставляют пропитание неимущим (Iren. Adv. haer., IV, 30, 1). За несколько лет до того вместе с Юстином Мучеником был казнен Эвелпист, о котором сказано, что он был рабом цезаря (Act. Iust. 4). С приходом во дворец Северов ситуация не изменилась: нам известно, что кормилицей Каракаллы была христианка. Тертуллиан говорит об Антонине, «воспитанном на молоке христианском». В окружении Каракаллы было, как минимум, еще два христианина: императорский вольноотпущенник, кубикюлярый Марк Аврелий Прозена, известный нам по надписям, и Прокул Торпацион, исцеливший Септимия Севера (Ad Scap., 4). Всего по именам известно около десятка христиан из императорского дворца²⁰.

Эти члены *familia Caesaris* заслуживают особого внимания. Вряд ли они имели возможность в открытую демонстрировать свою веру, но их взгляды были известны, и это в совокупности с влиянием, которым они пользовались, могло определять политику должностных лиц; в первую очередь это касается Рима, в провинциях их влияние, конечно, было меньше. Они могли также оказывать определенное воздействие на религиозные воззрения тех, с кем они общались. Наконец, эти христиане имели доступ к императору и могли ближе познакомиться его со своей религией и показать, что христиане не убийцы, не развратники, не колдуны и не предатели, а, наоборот, вполне добропорядочные и лояльные подданные, молящиеся за здоровье и благополучие и императора, и империи, и даже попытаться обратить его или кого-нибудь из членов его семьи в христианство. Императорские рабы и вольноотпущенники были весьма влиятельной придворной группировкой: начиная со времени

¹⁹ Лебедев А. П. Марция (эпизод из истории христианства времен царствования Коммода, II-го века) // А. П. Лебедев. Эпоха гонений на христиан. М., 1994. С. 366–398.

²⁰ Гарнак А. Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века. СПб., 2007. С. 340–351; Lampe P. From Paul to Valentinus. Minneapolis, 2003. P. 330–339; McKechnie P. Christian Grave-Inscriptions from the Familia Caesaris // JEH. Vol. 50. P. 427–441.

Клавдия они стоят во главе императорской канцелярии, а кроме того, у них были и другие способы влиять на своего патрона-императора.

Однако вряд ли именно они были основным источником распространения христианства в высших кругах римского общества²¹. Как нам кажется, основная роль здесь принадлежала женщинам. Петр и Павел санкционируют брак между христианами и язычниками. Петр советует женщинам, имеющим необращенных мужей, быть покорным им так, чтобы мужья могли быть побеждены верой, «когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие» (1 Пет. 3:1–2). Павел дает подобный совет, отмечая, что «неверующий муж освящается женою верующей» (1 Кор. 7:13–14).

Женщины более восприимчивы к новым религиозным течениям. Так обстоит дело в нашем мире, так было и в античности²². Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать «Сатиры» Ювенала, где он особенно подчеркивает их доверчивое повиновение жрецам Беллоны, Кибелы, Исиды или иудеям (VI, 511 sqq.). То же самое можно сказать и о христианах. Цельс, автор одного из первых антихристианских сочинений, пишет: «Мы видим, что... самые грубые мужланы в присутствии старших и более разумных господ не смеют рот раскрыть; но когда им удастся заполучить к себе отдельно детей и каких-либо глупых женщин, они им рассказывают удивительные вещи, что не надо оказывать почтение отцу и учителям, а слушаться только их самих; те, мол, глупости болтают, у них мысль парализована, они в сущности не знают и не умеют делать ничего прекрасного, находясь в плену пустых предрассудков; зато только они сами знают, как надо жить; если дети их послушаются, они будут счастливы, и дому явится счастье. А если во время таких речей они увидят, что подходит кто-либо из наставников в просвещении, кто-либо из людей разумных или сам отец, то более осторожные из них стушевываются, а более дерзкие подстрекают детей сбросить узду, нашептывая, что в присутствии отца и учителей они не захотят и не сумеют проповедовать детям добро» (Orig. C. Cels., III, 55).

Нам известно, что существовал весьма значительный избыток достигших брачного возраста христианок, и эта проблема осознавалась современниками. Р. Фокс сообщает о беспокойстве среди лидеров церкви,

²¹ В конце XIX в. Ф. Кюмон указал на три пути, по которым новые культы проникали в Рим: купцы, солдаты и рабы, но введение нового культа требовало санкции особой коллегии квиндецимвиров. Подобные новые религии рассматривались как *superstitio*, суеверие, недостойное настоящего римлянина. Для легитимизации культа в общественном мнении требовалось определенное время, и тогда начинали действовать уже новые механизмы их распространения.

²² Stark R. The Rise of Christianity. P. 95–128.

вызванном «подбором пары для избытка христианок при дефиците христиан»²³. В самом деле, около 200 г. римский епископ Каллист разочаровал многих из своих сторонников, когда постановил, что христианки могут «состоять в конкубинате» без вступления в брак. Хотя Ипполит и другие современники осуждали действия папы как разрешение прелюбодеяния, А. Гарнак защищает Каллиста на основании обстоятельств, с которыми он столкнулся: «Каллистова индульгенция особенно ясно свидетельствует, что женский (христианский) элемент в высших сословиях был гораздо многочисленнее, чем мужской»²⁴. В особенности Каллист пытался решить вопрос, стоявший перед женщинами из высшего общества, для которых все брачные связи внутри христианской общины вели к браку с мужчинами, стоявшими по положению ниже их. В случае, если они вступали в законный брак с подобными людьми, знатные женщины утрачивали многие юридические привилегии и контроль над своими богатствами. Если знатым христианкам было настолько сложно найти женихов, что римский епископ позволил им «просто сожительствовать», как он мог осуждать христианок из среднего и низшего класса, которые выходили замуж за язычников, особенно если они поступали так согласно церковным указаниям, касающимся религиозного воспитания детей? Резюмируя объемное изучение источников, Гарнак отмечает, что у нас есть сообщения о многих смешанных браках, и фактически во всех классах случалось так, что «муж был язычником, в то время, как жена – христианкой»²⁵.

Наконец, частота, с которой раннехристианские отцы порицают браки с язычниками, может продемонстрировать, что христиане «запрещали своим сыновьям и дочерям браки с не членами общины» (так, это запрещает Киприан, а определение Эльвирского собора позволяет это лишь в «крайнем случае»)²⁶. Но это может также отражать и обратное, так как люди не заботятся о том, чтобы привлекать внимание к вещам малозначительным. Интересный пример предлагает Тертуллиан. Составляя свое сочинение около 200 г., он яростно осуждает христианок, вышедших замуж за язычников, которых он характеризует как «рабов дьявола» (*Ad uxor.* II, 4; 8). Также ему принадлежат два гневных трактата, порицающих использование христианками косметики, краски для волос, изысканных одежд и украшений («О женском убранстве» и «О девичьих

²³ Fox R. L. *Pagans and Christians*. NY, 1987. P. 309.

²⁴ Гарнак А. Миссионерская проповедь. С. 377.

²⁵ Гарнак А. Миссионерская проповедь. С. 376.

²⁶ MacMullen R. *Christianizing the Roman Empire*. P. 103.

покрывалах»). Гнев Тертуллиана отражает частоту подобных браков. В самом деле, Тертуллиан чувствует необходимость признать, что один из его коллег заявил, что «хотя брак с язычником – это, конечно, проступок, но это очень незначительный проступок». Майкл Вольш соглашается, что такие браки были распространенным явлением²⁷.

Этот взгляд в дальнейшем поддерживается отсутствием в раннехристианских источниках сведений о потере членов общины из-за брака с язычником. Петр и Павел надеялись, что христиане привлекут своих супругов в церковь, но ничто не указывает на беспокойство о том, что христиане могут вернуться к язычеству или обратиться в него. Более того, с этим согласны и языческие источники.

Сколько же было этих смешанных браков и насколько они имели значение при вторичном обращении? То, что нам известно об этом вторичном обращении, так это то, что оно было довольно часто среди высших классов римского общества. Частично это было связано с тем, что многие замужние женщины приняли христианство и затем сумели обратить своих супругов – особенно часто это встречалось в четвертом столетии. Но часто это случалось потому, что многие знатные христианки выходили замуж за язычников, некоторых из них они были способны впоследствии обратить²⁸. П. Браун пишет о христианках как о «воротах» в языческие семьи, где «они были женами, служанками и няньками неверующих»²⁹.

Мы наметили лишь самые общие моменты распространения новой веры среди римской элиты. Важно то, что христианизация римской знати началась не при Константине, а значительно раньше. Конечно, это был еще далеко не конец языческого мира. У христианства оставались весьма серьезные противники – философ-неоплатоник Порфирий, император Юлиан, его учитель ритор Либаний, Симмах и другие. Римский религиозный консерватизм сохранялся, были случаи и обратного «обращения», отпадения от христианства³⁰. Так, епископу Киприану неверно приписывается поэма, адресованная «сенатору, который отвернулся от христианской веры и стал рабом идолов». Но начало обращения римской аристократии в новую веру знаменовало, по сути, новую – христианскую – страницу истории западного мира.

²⁷ *Walsh M.* The Triumph of the Meek: Why Early Christianity Succeeded. San Francisco. 1986. P. 216.

²⁸ *Stark R.* The Rise of Christianity. P. 114.

²⁹ *Brown P.* The Body and Society: Men, Women and Sexual Renunciation in Early Christianity. NY, 1988. P. 154.

³⁰ *Nock A.D.* Conversion: the Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo. Oxford, 1933. P. 159–160.

М. А. Морозов

ВОЕННАЯ ЗНАТЬ ВИЗАНТИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ в X–XI веках

Вопрос о том, что представлял собой византийский нобилитет, до сих пор являет предмет спора. Представляла ли собой Византийская империя общество открытых сословных групп, либо в ней так же, как и в средневековой Европе, происходил процесс складывания замкнутых сословий? В историографии в отношении данной проблемы сложились различные точки зрения. Во многом это связано с тем обстоятельством, что понятие «господствующий класс» применительно к Византии остается довольно рыхлым. Здесь не было юридически оформленных социальных групп, а на протяжении всего периода существовала так называемая «вертикальная динамика». Она предполагала как взлет отдельных императорских фаворитов на вершину социальной лестницы, так и падение византийских вельмож.

В историографии в последнее время прочно утвердилось представление о том, что в X–XI вв. в Византийской империи складывается наследственная знать. Еще Р. Гийян показал, что византийская знать, следуя традиции Позднеримской империи, разделялась на аристократию по происхождению и аристократию по службе, которая не имела знатных предков и в основном проникала в высшее общество благодаря своим собственным амбициям, императорскому протектированию или путем покупки должностей¹. Придерживаясь этой схемы, Р. Дженкинз разделял византийскую знать на управляющий класс, «бюрократию», пополняющуюся выходцами из низов, и военную аристократию провинций, которая гордилась своим происхождением². В отечественной науке данную концепцию принимает Г. Г. Литаврин, противопоставляя столичной чиновной знати землевладельческую знать византийских провинций. Однако и той и другой было свойственно в процессе своего формирования явление «социальной подвижности» – выдвижение на видные гражданские и военные посты представителей низших социальных слоев. В отношении военной знати характерным являлось по-

¹ *Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. Amsterdam; Berlin, 1967. T. I. P. 15. Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. II. P. 523.*

² *Jenkins R. Social Life in the Byzantine Empire // The Cambridge Medieval History. Cambridge, 1967. Vol. IV. Pt. 2. P. 88.*

полнение ее из среды фемного офицерства³. В том же ключе рассматривают византийскую элиту Г. Бек и Г. Вайс, однако они разделяют византийскую константинопольскую знать на так называемое «служилое дворянство» и наследственную сенаторскую аристократию⁴.

Однако тогда же появились исследования, в которых несколько по-иному ставится проблема византийского нобилитета. Г. Острогорский высказал мнение, что византийская знать не оставалась статичной, а меняла свою природу и структуру с течением времени. В X в. аристократия, относительно единая до этого времени, раскалывается на две группы: военно-провинциальную знать, основывавшую свое благосостояние на крупной земельной собственности и имеющую склонность к феодализации, и гражданскую аристократию византийской столицы, связанную с придворной службой. Однако и эти категории византийской аристократии не были неподвижны, а к периоду правления Комнинов в конце XI в. старые фамилии сходят со сцены и дают место семьям более скромного происхождения. Важнейшим рубежом, по мнению исследователя, являлся в этом смысле период правления Василия II, при котором происходит процесс смены элиты⁵. П. Лемерль и Э. Арвейлер со своей стороны обращали внимание, прежде всего, на служилый характер византийского нобилитета, который выдвигал из своей среды административные кадры империи. Отсюда постоянная пополняемость и текучесть византийской элиты⁶.

Одновременно исследователи не оставили без внимания вопрос о сложности структуры провинциальной знати Византийской империи. В 1971 г. на Международном византийском конгрессе в Бухаресте был сделан ряд докладов о социальной структуре византийского пограничья. Вслед за тем византинисты стали более подробно изучать роль пограничной знати в социальной структуре империи и ее инкорпорацию в

³ *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977. С. 264–265. По поводу выдвижения фемного офицерства см.: *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX–X вв. Византийские очерки. М., 1971. С. 86–97.

⁴ *Beck H.-G.* Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972. X. S. 18, 19, 24; *Weiss G.* Ostromische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973.

⁵ *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // DOP. 1971. Vol. 25. P. 3–12.

⁶ *Lemerle P.* Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977. *Ahrweiler H.* Recherches sur la société byzantine au XIe siècle: nouvelles hiérarchies et nouvelles solidarités // TM. T. 6. 1976.

византийский нобилитет. В связи с этим отметим, прежде всего, работы А. П. Каждана об армянской и славянской знати в XI–XII вв.⁷ В дальнейшем он усомнился в правильности трактовки социальной истории Византийской империи как противостояния столичной и провинциальной знати. Последнюю он также не склонен представлять в качестве однородной группы, выделяя в ней несколько пластов, в том числе семьи, тесно связанные с византийским пограничьем⁸. Далее проблема инкорпорации пограничных знатных семейств в византийский нобилитет была также отражена в оксфордском сборнике статей, посвященном византийской аристократии IX–XIII вв., в котором также ряд авторов поставили вопрос об особом мировоззрении этой категории служилой знати⁹.

Таким образом, проблема еще далека от разрешения, и в этой связи вновь требуют уточнения и пересмотра некоторые традиционные суждения, в частности, об антидинатской политике императора Василия II Болгаробойцы и о формировании и структуре «комниновского клана». С этими вопросами перекликается вопрос о месте пограничной знати в византийской элите рассматриваемого периода. Но для изучения этого вопроса необходимо вначале показать, что представляла собой византийская знать данного периода.

Византийский нобилитет к началу правления Комнинов можно представить в следующем виде. Он являл собой высший социальный слой, который, оставаясь мобильным, имел тенденцию к консолидации. Представители этой знати монополизировали военно-административные посты в империи и обладали крупными поместьями. Наряду с ней существовала знать «второго порядка», так называемые синклитики. Изначально так назывались члены константинопольского сената – синклита, однако в X–XI вв. этим термином обозначалась вся совокупность высших константинопольских чиновников. В их руках была сосредоточена высшая гражданская власть в империи, прежде всего судебные и фискальные должности. По преимуществу из этого разряда рекрутировалось и высшая церковная иерархия. Синклитики также давали и зна-

⁷ Каждан А. П. Славяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1972; Он же. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.

⁸ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв. Москва, 1974.

⁹ The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. by M. Angold. Oxford, 1984.

чительную часть византийской «интеллигенции». Вертикальная мобильность в рассматриваемый период как раз была характерна больше для гражданского чиновничества.

Важнейшими признаками принадлежности к византийскому нобилитету были следующие. Прежде всего, в связи с существованием сильной императорской власти это было соучастие в государственном управлении, выполнение определенных административных функций. Поскольку вся власть в Византийской империи концентрировалась при императорском дворе, то лицо, облеченное такой властью, сразу же вводилось в систему придворных чинов и наделялось титулом¹⁰. Титулованное лицо теперь обладало своим строго определенным местом в придворных церемониях. Согласно византийской императорской идеологии, иерархия достоинств и титулов соответствовала иерархии чести¹¹. Каждый титул предоставлял высокопоставленному лицу место в церемониальном порядке. И чем больше он физически приближался к императору, тем больше он увеличивал свой социальный ранг.

В X в. происходит увеличение доли пограничных знатных семей в византийском нобилитете. Это было связано с рядом объективных обстоятельств. Во-первых, это существование особых пограничных областей, где происходили сложные процессы социальной консолидации и формирования особой социокультурной общности. Эти территории играли значительную роль в обороне византийских рубежей от вторжений врагов, поэтому византийские власти всегда уделяли пристальное внимание этим областям. Такие лимитрофные области к X в. сформировались на северной Балканской границе империи, где основной этнической доминантой являлось славянское население, и на восточной византийско-арабской границе, где преобладал армяно-сирийский этнос. Во-вторых, военно-политическая ситуация X – начала XI в., связанная с активной наступательной политикой византийских императоров, привела к включению многих лимитрофных областей непосредственно в состав Византийской империи. В связи с этим представители местных знатных семейств оказались на территории Византии.

Говоря о восточном византийском пограничье, мы имеем в виду так называемые «акритские» и «армянские» фемы, о которых упоминают

¹⁰ *Oikonomides N.* Les listes de preseance Byzantines des IXe – X^e siecles. Paris, 1972.

¹¹ *Dagron G.* L'homme sans honneur ou le saint scandaleux // *Annales ESC.* 45, 4, 1990. P. 929; *Magdalino P.* Honour Among Romaioi: the Framework of Social Values in the World of Digenes Akrites and Kekaumenos // *Tradition and transformation in Medieval Byzantium*, Aldershot, 1991. III. P. 183–184.

византийские источники X в. Эти фемы названы также малыми пограничными, в противовес большим ромейским фемам, традиционно существующим в центральных районах Византийской империи. «Армянские фемы» упомянуты в военном трактате *De velitatione bellica*, описывающем организацию военных сил на восточной границе империи¹², и в новелле Никифора II о пограничных армянских стратиотах¹³. По-видимому, можно говорить о том, что византийское правительство стало организовывать пограничные рубежи, привлекая к несению военной службы местное население. На востоке окончательное становление пограничных опорных пунктов и организация византийской власти в этом регионе напрямую связывается с продвижением византийцев в армянские области на протяжении X в. Переселение армянской знати в пределы империи также происходит вследствие этих завоеваний. Источники позволяют отметить три больших переселения.

1. Первое связано с наступлением византийских войск на Тефрику и разгромом Василием I павликиан, а также с победами над арабами при Романе I Лакапине (вторая половина IX – первая половина X вв.). В. А. Арутюнова-Фиданян отметила взаимозависимость первых удачных военных операций на востоке, таких как захват Тефрики, Запетры, Самосаты, и возрождения Армянского государства при Ашоте I Багратуни¹⁴. Общие цели борьбы Византии и Армении против мусульман обусловили сближение двух государств. В связи с этим некоторые исследователи предпочитают говорить о включении армянских правителей в идеальную семью народов – подданных византийского императора¹⁵.

Именно тогда, по мнению многих исследователей, на востоке Византия начинает создавать цепь зависимых армянских княжеств, правителям которых предоставлялись византийские чины и титулы. Этим империя подготовила дальнейшее включение армянских областей в свой состав и инкорпорирование армянской знати в византийскую элиту. В то же время источники свидетельствуют, что в конце IX – начале X в. византийский император предоставляет некоторым армянским князьям титул магистра, как это произошло с князем Тарона Гри-

¹² *La Traite sur la Guerilla (De velitatione) de l'Empereur Nicephore Phocas (963–969) / Etabli par G. Dagron et H. Mihaescu. Paris, 1986.*

¹³ *Jus*, III. P. 300–301.

¹⁴ *Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): результаты взаимодействия культур. М., 1994. С. 15.*

¹⁵ *Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988.*

горием¹⁶. Константин VII свидетельствует, что этот Григорий, архонт Тарона, склонился и подчинился василевсу Ромеев. Однако в то же время он был вполне самостоятельным правителем и «творил угодное катархонту сарацин». После посещения Григорием Константинополя на рубеже IX и X вв. он был возведен в ранг стратига Тарона, который впоследствии перешел к его сыну Баграту, или Панкратию, по наследству с титулом патрикия¹⁷. В данном случае предпочтительнее рассматривать термин «стратиг» не как определенный ранг в военной иерархии чинов, а как почетный титул, который становится наследственным в доме князей Тарона. Тогда же и Апоганем, брат Григория, был отправлен в Константинополь и пожалован титулом протоспафария¹⁸. При этом Константин Багрянородный создает стройную картину постепенного подчинения армянских и арабских княжеств в данном районе на протяжении первой половины X в. и показывает принцип совместной борьбы армян и Византии с арабами. Согласно этому принципу, армянский царь находился в зависимости от империи, а его вассалы считались вассалами императора. Такими областями, являющимися заслоном на пути врагов, были Хлат, Беркри и ряд других городов¹⁹, а также княжество Тарон. Находясь между Византией и Халифатом, Григорий Таронит и его преемники вынуждены были лавировать между двумя крупными силами вплоть до подчинения княжества империи в конце X в. С этого времени Таронские Багратиды вливаются в состав византийского нобилитета²⁰.

В начальный период византийского проникновения на восток на византийской службе появляются и такие армянские семьи, как Мусиле, Криниты, Лакапины, Куркуасы, Куртикии. По-видимому, типичным являлся случай перехода на службу Византии Куртикиев при Василии I, как о том сообщает Продолжатель Феофана. Некий армянин Куртикий в то время владел городом Локана, пользуясь нестабильностью, совершал нападения на ромейские рубежи. Однако после победы Василия над Тефрикой он подчинился императору, отдал ему город и перешел

¹⁶ См: DAI. II. P. 164.

¹⁷ Каждан А. П. Армяне... С. 18.

¹⁸ DAI. I. 43. 56–60. О процессе постепенного поглощения Тарона Византией в X в. см.: Арутюнова-Фиданян В. А. «Закавказское досье» Константина VII Багрянородного. Информация и информаторы // Византийские очерки. СПб., 2006.

¹⁹ DAI. I. 44. 125–128. Арутюнова-Фиданян В. А. «Закавказское досье» Константина VII Багрянородного... С. 8–9.

²⁰ О Таронитах – представителях византийской аристократии см.: Каждан А. П. Армяне... С. 17–25.

на службу²¹. Один из Куртикиев, участвовавший в мятеже Константина Дуки, происходил из восточных областей империи и прямо назван армянином²². В конце X–XI вв. мы видим Куртикиев в основном на военных постах в империи. Так, Михаил Куртикий в конце X в. был императорским навархом в Атталии, имел титул протоспафария. Согласно Скилице, он участвовал в мятеже Варды Склира против Василия II в 976–979 гг.²³ Известен Василий Куртикий, который, по сообщению Никифора Вриенния, принадлежал в 1077 г. к ближайшему окружению Никифора Вриенния Старшего. Причем историк считает этого Василия македонцем²⁴, а Анна Комнина называет его знатным воином из Адрианополя²⁵. По-видимому, к концу XI в. Куртикии уже долгое время были связаны с балканскими землями Византии. При Алексее I Василий Куртикий является одним из ведущих полководцев империи и скорее всего породнился с домом Комнинов. Анна Комнина сообщает, что перед битвой при Ларисе император назначил командирами тагм своих родственников, а во главе всех войск поставил Никифора Мелисина и Василия Куртикия²⁶. Также известно, что некий Константин Куртикий был женат на дочери Алексея I Комнина Феодоре.

Похожими являются судьбы других знатных армянских фамилий, приобретающих себе земельные владения в Малой Азии. Скилица упоминает владения Василия Нофа, незаконного сына императора Романа I Лакапина, которые располагались в районе Аназарба и Поданда и которые были у него конфискованы после опалы. Следует также вспомнить, что именно тогда в Малой Азии складываются «местные» землевладельческие семейства Аргиров и Фок²⁷. Отметим, что практически все представители пограничной знати, переходившие на службу византийскому императору, в основном делали военную карьеру, становясь фемными стратигами или доместиками столичных гвардейских отрядов. Так, среди представителей известной армянской знатной семьи Куркуасов, поступивших на византийскую службу при императоре Василии I, в X в. находим военачальников, служивших на восточных рубежах империи. Среди них известный византийский полководец, доме-

²¹ *Th. Cont.* P. 289.

²² *Th. Cont.* P. 383; Cedrenus, T. II. P. 434. См.: *Oiconomides N. L'organisation de la frontiere orientale...* P. 301.

²³ *Cedr.* II. 424, 427; *Каждан А. П.* Армяне... С. 15.

²⁴ *Bryenn.* P. 112, 154.

²⁵ *Anna Comnene.* II. P. 26.

²⁶ *Каждан А. П.* Армяне... С. 15.

²⁷ Представители этих семей были как правило военные, проходившие службу на востоке, в «армянских фемах» *Каждан А. П.* Армяне... С. 38–39.

стик схол Иоанн Куркуас, успешно воевавший с арабами в 30-х г. X в. Иоанн, сын Романа Куркуаса, магистр и стратиг при императоре Иоанне I Цимисхии, погиб в войне с русскими²⁸. Однако еще в первой половине XI в. известен византийский аристократ Роман Куркуас, который был женат на дочери болгарского царя Ивана-Владислава. Он был ослеплен за участие в заговоре против императора Константина VIII²⁹.

2. Походы Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия на восток и включение некоторых армянских земель в состав Византийской империи ознаменовали новый этап переселений армян во внутренние фемы. На этот период приходится, по-видимому, и окончательное оформление восточной пограничной полосы, населенной армянской служилой знатью. Об устройстве этой полосы мы узнаем из новеллы Никифора II об армянских стратиотах. Она свидетельствует, что в пограничных районах в качестве стратиотов поселены армянские солдаты, которым давались земельные наделы, передававшиеся по наследству³⁰. Об организации пограничных фем как раз подробно рассказывает военный трактат *De velitatione bellica*. Лев Диакон и Скилица³¹, рассказывая о походах на Восток Иоанна Цимисхия, сообщали, что, выходя из ромейских пределов, он вступал в область «армянских фем».

Переселение восточной пограничной знати происходило по той же самой схеме: передача территорий Византии, а взамен получение высоких придворных титулов, наделение имениями в центральных фемах империи и, как правило, занятие высших постов в византийской администрации, в большинстве своем военных. В этот период, как было сказано, Тарониты окончательно превращаются в византийскую служилую знать. Скилица сообщает, что в 968 г., после смерти Таронского князя Ашота, его сыновья Григорий и Баграт передали Тарон императору, получив от него титулы патрикиев и многочисленные имения в Малой Азии³². Поддержав вначале мятеж Варды Склира, затем они перешли на сторону Василия II. При этом Григорий удостоился чина магистра и впоследствии нес службу и был дукой Фессалоники. На этом посту он сражался против войск болгарского царя Самуила³³. В XI в. Тарониты

²⁸ *Cedr.* II. P. 405.

²⁹ *Скабалланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 2003. С. 98.

³⁰ *Jus*, III, P. 301.

³¹ *Cedr.* T. II. P. 434. См.: *Oiconomides N.* L'organisation de la frontiere orientale... P. 301.

³² *Cedr.* T. II. P. 375.

³³ *Cedr.* T. II. P. 447; *Zonaras*, T. III. P. 557; *Kuhn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1991. S. 210.

тесно сблизилась и даже породнилась с византийскими знатными семьями, в том числе с выходцами из западных провинций. Сын упомянутого Григория Таронита, Ашот, участник обороны Фессалоники от войск Самуила, попал к последнему в плен и женился на его дочери Мирославе. Затем он бежал в Константинополь и получил от Василия II титул магистра, а его супруга – патрикии зоста³⁴. В дальнейшем мы видим представителей этой семьи в качестве полководцев. Михаил Таронит в царствование императора Романа IV Диогена вместе с Мануилом Комнином и Никифором Мелисином неудачно сражаются с турками-сельджуками³⁵. Затем он уже женат на сестре будущего императора Алексея Комнина Марии и в период его правления получил титул паниперсеваста³⁶. Сын Михаила и племянник Алексея Комнина по материнской линии Иоанн Торник имел титул севаста и был известным полководцем. Как свидетельствует Анна Комнина, он участвовал в войне против половцев в 90-х г. XI в., а затем подавлял мятеж своего брата Григория Таронита, являвшегося дукой Трапезунда в 1104 г.³⁷

Также свою военно-административную карьеру начинают родоначальники таких впоследствии известных семей, как Гавры, Вурцы, Вахрамии, Торники. Происходит их вращение в служилую знать Византии, и они тоже получают высокие придворные титулы³⁸. Византийская ветвь армянской знатной семьи Торников происходила от Абу-Ганиба, брата эмира Тарона³⁹. Иоанн Торник, вассал армянского князя Давида Куропалата, выполнял какие-то дипломатические поручения Василия II, а также был полководцем. В частности, он одержал решительную победу над войсками мятежника Варды Склира в 979 г. А. П. Каждан предполагает его грузино-армянское происхождение. В дальнейшем он переселился на Афон и постригся там в монахи. Надо сказать, что Торники и в дальнейшем были тесным образом связаны с афонскими монастырями. В частности, Кондолеонт Торник, катепан Италии в 1017 г. и стратиг Эллады в 1023 г., также затем стал монахом на Афоне и приобрел там монастырь⁴⁰.

³⁴ *Cedr.* Т. II. Р. 451.

³⁵ *Bryenn.* Р. 32.

³⁶ *Anna Comnene.* I. Р. 114; Каждан А. П. Армяне... С. 79.

³⁷ *Anna Comnene.* II. Р. 193; III. Р. 77. *Adontz N. Les Taronites à Byzance // Byzantion.* 1936. Т. 11.

³⁸ Об этом переселении см.: *Charanis P. The Armenians...* Р. 48.; Каждан А. П. Армяне... С. 35.

³⁹ О византийской ветви Торников см.: *Adontz N. Les Taronites à Byzance...* Р. 36; Каждан А. П. Армяне... С. 47–57.

⁴⁰ *Actes de Lavra.* Т. I. № 25.

Известный участник заговора Константина Диогена Варазваче Торник, согласно сообщению Скилицы, являлся «основателем Ивиронского монастыря на Афонской горе». С середины XI в. Торники известны как семейство из Македонии, представители которого, как правило, служили на восточных рубежах империи.

3. Последний и самый крупный наплыв пограничной знати (как армянской, так теперь и славянской) относится к началу XI в., ко времени походов императора Василия II. Именно в этот период на византийской службе оказываются представители военной знати, потомки которой к концу XI века образуют т. н. «комниновский клан». По подсчетам А. П. Каждана, это 33 семьи⁴¹. Традиционное представление о императоре Василии Болгаробойце как о противнике провинциальной знати нуждается в определенной корректировке. Новеллы Василия II позволяют лишь говорить, что в период его правления начинается упадок старой малоазийской знати⁴². Политика императора была направлена на подрыв экономической и политической мощи именно тех провинциальных родов (Фок, Мелисинов, Склиров), которые были замешены в мятежах против василевса. Скилица, рассказывая о походах императора на восток, говорит о его остановке у богатого землевладельца, принадлежащего к фамилии Маленнов, который был замешан в мятеже Варды Фоки, но избежал наказания. Его владения располагались крупными массивами в Каппадокии. Этот династ, по словам византийского историка, мог, вооружив своих рабов и париков, выставить отряд в 3000 человек. Василий пригласил его в столицу и не выпустил оттуда, а его малоазийские владения были конфискованы⁴³.

В то же время историки источники данного периода сообщают о возвышении в начале XI в. «новой» провинциальной знати, которая состояла из армянских семейств, славянских родов и византийской провинциальной знати, выросшей из фемного и тагмного офицерства. Мы склонны предполагать, что Василий противопоставлял эту знать старым фамилиям, поскольку именно представители «новой» знати поддерживали его в борьбе с малоазийскими землевладельцами. В этот период начинают свой исторический путь выходцы из малоазийских и

⁴¹ Каждан А. П. Армяне... С. 67; Он же. Социальный состав... С. 137.

⁴² Новелла Василия II от 996 г. свидетельствует, что один из старейших родов – Мосиле впал в бедность Jus, III, P. 348. В этот же период сходят со сцены Лакапины и Фоки, хотя отдельные их представители еще встречаются на руководящих постах после Василия II Болгаробойцы.

⁴³ Cedr. T. II. P. 403. Новелла 996, как утверждает сам законодатель, была издана под впечатлением этой поездки Jus, III. P. 348.

балканских провинций империи, такие фамилии, как Комнины, Вриеннии, Кавасилы, Вотаниаты и другие. И именно в период правления Василия II (976–1025) отмечено появление на византийской службе большинства известных в XI–XII вв. семейств – выходцев из пограничных областей.

Также переселились в империю и предки Григория Пакуриана⁴⁴, получив военные посты в болгарских землях. Так, Катакалон Кекавмен, рассказывая о своих предках, упоминает о своем деде, топархе Товия в Великой Армении, который также передал свои земли империи и был назначен стратигом Лариссы Фессалийской в 976–980 гг.⁴⁵ Другой его дед – Димитрий Полемарх, служил у болгарского царя Самуила, а в 1018 г. перешел на службу Василию II и получил от последнего высокие титулы. К концу XI в. многие из этих семей вошли в комниновский клан. Причем большинство семей, выходцев с востока, были именно из восточных лимитрофных областей.

Таким образом, рассмотрение нами в докладе семей пограничной военной знати позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего, необходимо отметить, что пограничная знать являлась военной знатью и ее представители в основном делали карьеру на военной службе, достигая высших военных чинов. Это связано со спецификой самого византийского пограничья и проживающего там населения, которое находилось в состоянии перманентных военных действий. Вхождение в византийский нобилитет для этой знати осуществлялось поэтому через обладание высшими командными постами и соответственно через получение высших придворных титулов. Кроме того, можно говорить о сохранении у пограничной знати семейных традиций и семейных ценностей. В связи с данным обстоятельством можно предположить еще один вариант проникновения в имперскую элиту – через систему матримониальных связей. Поэтому в среде пограничной знати в XI в. происходит создание больших семейных коллективов, которые в дальнейшем уже в эпоху Комнинов будут играть важную роль в политике Византийской империи. Именно таким образом, по нашему мнению, происходит оформление «комниновского клана».

⁴⁴ Типик Григория Пакуриана / Под ред. В. А. Арутюновой. Ереван, 1978. С. 19; Советы и рассказы... С. 149.

⁴⁵ Советы и рассказы Катакалона Кекавмена / Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 48; См. также: *Lemerle P. Prolegomenes a une edition critique et commentee des «conseils et recits» de Kekaumenos.* Bruxelles, 1960. P. 23.

М. И. Дмитриева

СИЕНСКИЙ НОБИЛИТЕТ с середины XIII до середины XIV века

Средневековая Сиена – один из крупных экономических и политических центров Тосканы, город банкиров и коммуна, переживающая острые социальные потрясения. В XIII веке развернулась борьба между гвельфами и гибеллинами, нобилиями и пополанами, в которой победили богатые пополаны – гвельфы. После принятия в 1277 г. «народных уставов» торговая верхушка города отстранила от власти нобилей – представителей городской аристократии и сформировала правительство Девяти Синьоров (1287–1355). Тем не менее, нобили продолжали играть важную роль в экономической и политической жизни коммуны.

Сиенский нобилитет исследовался в рамках работ, посвященных социально-политической истории города периода коммуны. Проблемы нобилитета Сиены затрагивались в трудах отечественных исследователей В. И. Рутенбурга¹ и Л. А. Котельниковой², а также представителей западной науки Дж. Луццато³, Дж. Мартини⁴, Э. Сестана⁵, В. М. Боуски⁶, Дж. Керубини⁷, С. Бертелли⁸, С. Москаделли⁹ и других. Представи-

¹ *Рутенбург В. И.* Восстание «обездоленных» в Сиене в 1371 г. и предшествующие ему народные восстания в 50–60-х годов XIV в. // Средние века. 1953. Вып 4. С. 152–180. Он же. Народные движения в городах Италии XIV – нач. XV вв. – М.; Л., 1958. Он же. Сиена восставшая // *Рутенбург В. И.* Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Очерки. Л., 1987. С. 72–102.

² *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII – XV вв. М., 1987.

³ *Luzzato G.* Tramonto e sopravvivenza del feudalesimo nei comuni italiani del Medio evo // *Studi medievali.* 1962 Fasc. II. P. 411–418.

⁴ *Martini G.* Siena da Monteperti alla caduta dei Nove (1260–1355) // *Bulletino Senese di Storia Patria,* 68 (1961). P. 75–128.

⁵ *Sestan E.* L'Italia medievale. Firenze, 1967. P. 110. Idem. Siena avanti Monteperti // *Bulletino Senese di Storia Patria,* 68 (1961). P. 28–74.

⁶ *Bowsky W. M.* The Anatomy of Rebellion in Fourteenth Century Siena. From Commune to Signory. Violence and Civil Disorder in Italian Cities // Ed. L. Martines, Los Angeles, 1972. P. 229–272.

⁷ *Cherubini G.* Signori, contadini, borghesi. Firenze, 1974.

⁸ *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-citta medievale. Firenze, 1978

⁹ *Moscardelli S.* Apparato burocratico sotto i Dodici (1355–1368) // *Bulletino Senese di Storia Patria,* 89(1982). С. 29–118.

тели отечественной науки рассматривали, прежде всего, становление пополанской демократии и «революционизирующую» деятельность коммун. Так, В. И. Рутенбург характеризовал Сиену XIV в. как «город резких социальных потрясений»¹⁰, подчеркивал классовый характер перемен и отводил главную роль в них «мелкому» или «тощему народу» («*popolo minuto*»). Он противопоставлял нобилей и пополанов и рассматривал нобилитет как феодально-реакционную силу. Л. А. Котельникова считала, что специфика господствующих слоев итальянского города определялась тесной связью феодалов с пополанами – землевладельцами и общностью экономических интересов представителей торгово-ремесленных слоев и переселившихся в город феодалов, занятых торговлей и ростовщичеством¹¹. Именно эта общность интересов, по ее мнению, объясняла «нерешительность» народных правительств по отношению к нобилем¹².

Иную позицию занимали представители западной исторической науки этого периода. По их мнению, образование коммун не было революцией, поскольку произошло по инициативе городской верхушки, тесно связанной с землевладением и представителями нобилитета, поэтому и последующая победа пополанов над нобилем была формальностью, а пополанская демократия – фикцией. В классическом виде эта точка зрения отражена в работах американского ученого В. М. Бовски¹³. Подробно исследовав социальный состав, особенности внутренней и внешней политики, причины свержения правительства Девяти Синьоров, он сделал вывод относительно тесного сотрудничества на-

¹⁰ *Рутенбург В. И.* Народные движения в городах Италии...С. 112.

¹¹ *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии ...С. 67.

¹² Там же.

¹³ *Bowsky W. M.* The «Buon Governo» of Siena (1287–1355). A Medieval Italian Oligarchy // *Speculum*, Vol. 37 (1962). P. 368–381; *Idem.* The Impact of the Black Death upon Sienese Government and Society // *Speculum*, Vol. 39 (1964). P. 1–39; *Idem.* The Medieval Commune and the Internal Violence Police Power and Public Safety in Siena, 1287–1355 // *The American Historical Review*, Vol. 73, № 1 (Oct., 1967). P. 1–17; *Idem.* A New Consilium of Cino of Pistoia (1324): Citizenship, Residence, and Taxation // *Speculum*, Vol. 42, № 3 (Jul., 1967). P. 431–441; *Idem.* The Finance of the commune of Siena. Oxford, 1970; *Idem.* The Anatomy of Rebellion in Fourteenth Century Siena. From Commune to Signory // *Violence and Civil Disorder in Italian Cities* / Ed. L. Martines. Los Angeles, 1972. P. 229–272; *Idem.* A Medieval Italian Commune :Siena under the Nine, 1287–1355. London, 1981; *Idem.* Un commune italiano nel medioevo. Siena sotto il regime dei Nove, 1287–1355. Bologna, 1986.

родного правительства с нобилиями, и их значительного представительства в его составе¹⁴.

Исследования последних десятилетий прошлого века, обогатили и сделали более отчетливыми представления о роли и позициях отдельных семей нобилей в Сиене (И. Д. Инглиш¹⁵, А. К. Айсакс¹⁶, В. Вейнрайт¹⁷, П. Анджелуччи¹⁸, О. Редон¹⁹, С. Бертелли²⁰, М. Аскери²¹ и другие). Было признано, что в средневековых итальянских городах общественная роль знати сильно варьировалась, начиная от участия в военных предприятиях (Милан, Рим, Неаполь) до торгово-промышленного предпринимательства (Флоренция, Венеция)²². Тем не менее, вопрос о роли нобилей в сиенской коммуне представляет интерес и сегодня. В данном случае, речь пойдет о сиенском нобилитете в отражении городских хроник, описывающих события XIII–XIV вв.

Главными нарративными источниками по сиенской истории периода ранней коммуны (конец XII – конец XIII в.) и первой половины XIV века являются две анонимные хроники²³, хроника Андреа Деи²⁴, а

¹⁴ *Bowsky W. M.* The Finance of the commune of Siena. P. 6–7; *Idem.* The «Buon Governo» of Siena. P. 378–380.

¹⁵ *English E. D.* La prassi testamentaria delle famiglie nobili s a Siena e nella Toscana del Tre-Quattrocento // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987. P. 463- 473.

¹⁶ *Isaaks A. K.* Magnati, comune e stato a Siena nel Trecento e all'inizio del Quattrocento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 81–96.

¹⁷ *Wainwright V.* Conflict and popular government in fourteenth century Siena il Monte dei Dodici, 1355–1368 // *Ibid.* P. 73–80.

¹⁸ *Angelucci P.* Gli Andengheschi nella dinamica dei rapporti col Comune di Siena (secc. XII–XIII) // I ceti dirigenti nella Toscana dell'« eta comunale nei secoli XII e XIII. Pisa, 1982. P. 119–156.

¹⁹ *Redon O.* Les reseaux de poirvoir sur les compagnes siennoses a la fin du XIII siecle // *Ibid.* P. 347–358.

²⁰ *Bertelli S.* Ceti dirigenti e dinamica del potere nel dibattito contemporaneo // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987. P. 1–47

²¹ *Ascheri M.* Siena nel rinascimento: dal governo di «popolo» al governo nobiliare // *Ibid.* P. 405–430.

²² *Брагуна Л. М.* Итальянские гуманисты о социальной роли городской знати // Феодалы в городе. Запад и Русь. М., 1996. С. 50–59.

²³ *Cronaca senese dall anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV // Rerum Italicarum Scriptorum / Ed. A. Lisini e F. Jacometti.* T. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162; Frammento di cronaca senese di anonimo (1313–1320) // *Rerum Italicarum Scriptorum.* T. XV, 6. Bologna, 1937. P. 163–172.

²⁴ *Cronica Sanese di Andrea Dei, continuata da Agnolo di Tura // Rerum Italicarum Scriptorum / Ed. L. A. Muratori.* T. XV. Mediolani, 1729. P. 11–128.

также Большая хроника²⁵ и хроника Паоло ди Томмазо Монтаури²⁶. Терминология, используемая пополанскими хронистами для обозначения представителей нобилитета, описания ими взаимоотношений между нобилиями и пополанами в целом, между нобилиями и правительством, между кланами нобилей – все это характеризует сиенские хроники XIV–XV вв. в качестве важного источника по изучению социально-политических представлений эпохи.

Социально-политическая история исследуемого периода нашла отражение и в юридических источниках, основными из них являются городские Конституции 1262²⁷ и 1274²⁸ годов. Среди отдельных законов и постановлений, датируемых концом XIII в., выделяется важнейший из «народных уставов» – закон от 28 мая 1277 г., установивший состав первого правительства гвельфов – правительства Тридцати шести Синьоров (1270–1280)²⁹. Положение победившей части народа окончательно утвердила городская Конституция 1309–1310 гг.³⁰ – основной юридический источник по социально-политической истории Сиены первой половины XIV века. Ее статьи характеризуют различные стороны политики Девяти, в особенности, ее социальные и политические аспекты. Анализ данных документов позволяет изучить главные социально-политические перемены в обществе с середины XIII до середины XIV в., закрепленные на уровне законодательства.

Итак, в XIII в. Сиена переживает экономический расцвет, связанный с деятельностью ее торговых и банковских компаний³¹. Главы этих

²⁵ Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore // *Rerum Italicarum Scriptores*. T. XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

²⁶ Cronaca senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri // *Rerum Italicarum Scriptores*. T. XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

²⁷ Il Costituto del Comune di Siena dell'anno 1262 / Ed. L. Zdekauer. Milano, 1897.

²⁸ Francini G. Appunti sulla costituzione guelfa del Comune di Siena secondo il Costituto del 1274 // *Bulletino Senese di Storia Patria*, 46 (1939). P. 11–28.

²⁹ Документ был опубликован Sbaragli L. I mercanti di mezzana gente al potere di Siena // *Bulletino Senese di Storia Patria*, 44 (1937). P. 59–62.

³⁰ Il Costituto del Comune di Siena volgarizzato nel 1309–1310. Vol. 1–2. Siena, 1903.

³¹ Самая известная из них – «Компания Большого стола Буонсиньори» образовалась в начале XIII в., а в 60–70-е годы уже приобрела общеевропейскую известность. Собирая папские подати во многих диоцезах Европы, она достигла пика своего могущества и стала банковским домом общеевропейского масштаба. Первое банкротство этой компании произошло в 1298 г., а 1307 г. – стал годом ее окончательного краха. Рутенбург В. И. Очерк из истории капитализма в Италии: флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951.

компаний – представители нескольких самых богатых и влиятельных городских семей превращают город в крупнейший итальянский и европейский банковский центр. Буонсиньори, Салимбени, Толомеи, Пикколомини, Галлерани, Малавольти, Скварчалуپی – все отличаются «благородным происхождением»: Салимбени и Буонсиньори – потомки иноземных завоевателей, их предки – графы и бароны франкских и германских императоров, Пикколомини известны своими римскими корнями, Малавольти представляют аристократию консульского периода³².

Хронисты именуют их «нобилями» («nobili»), «благородными» («gentilhomini») и «грандами» («grandi»), причем используют все эти термины в качестве синонимов. На страницах городских хроник Сиены чаще всего фигурируют представители пяти главных семей нобилей: Салимбени, Толомеи, Малавольти, Пикколомини и Буонсиньори. Они выступают в хрониках этого периода как главы коммунального управления (консулы)³³ и участники всех крупных предприятий коммуны³⁴. Им принадлежат главные позиции во «внешней» политике республики: нобили выступают как представители ее посольств³⁵, предводители коммунального ополчения³⁶ и лучшая часть сиенского войска – «доблестный народ»³⁷. Довольно часто в хрониках встречаются фамилии нобилей Сарачини, Росси, Скотти, Марескотти, Фортегуерри, Скварчалуپی, Аккариджи, Монтанини, Раниччини, Угуржиери, Черетани, Санседони, Бандинелли, Раньони, Пальязези, Сальвани, Лотторенги, Бернадуччи, Ринальдини, Торначини. Некоторые из них, также как «главные нобили», заняты предпринимательством (Скотти, Марескотти), другие упоминаются в связи со своим участием в военных действиях коммуны и почти все – в связи со своей оппозиционностью властям. Ведь, по свидетельству пополанских хронистов, именно нобили являются основными возмутителями коммунального спокойствия, вадь их семьи находятся в состоянии вражды, периодически обостряющейся и приводящей к социальным конфликтам с участием простых горожан. Так, «красной нитью» через всю средневековую историю Сиены проходит борьба двух семей городской аристократии – Салимбени и Толомеи, которая, по-видимому, носит кровный характер, поскольку идет и

³² Hook J. Siena. Una citta e la sua storia. Siena, 1988. P. 10–11.

³³ Cronica di Paolo di Tommaso Montauri. P. 181, 185–186 etc; Cronica di Andrea Dei. P. 12–20.

³⁴ Cronica di Paolo di Tommaso Montauri. P.200; Cronaca di anonimo. P. 57; Cronica di Andrea Dei. P. 39 etc.

³⁵ Cronica di Paolo di Tommaso Montauri. P. 199.

³⁶ Ibid. P. 186.

³⁷ «...giente valorosa de'chasati di Siena» – Cronaca di anonimo. P. 79.

в XIII, и в XIV вв. при всех правительствах. По сведениям авторов хроник периодически дело доходит до открытого противостояния и тогда «вооружается весь город»³⁸. Вообще, описывая значительные события городской жизни эпохи ранней коммуны и желая подчеркнуть участие в них всего населения, хронисты обычно используют выражения: «коммуна и нобили Сиены», «горожане и нобили», «народ и нобили»³⁹. С их точки зрения, это – две составные части городского общества, которые, с одной стороны противопоставлены друг другу, с другой – составляют единство городского мира.

Бурное экономическое развитие города в XIII в. сопровождается не менее значительными социальными изменениями. В условиях экономики, построенной на торговле и ростовщичестве, крепнут богатые пополаны – «средние горожане», которые, будучи членами торговых корпораций, также участвуют в экономическом подъеме Сиены. Увеличивая свои состояния, они начинают претендовать и на большую политическую роль в коммуне, постепенно «набирая вес» в общественно-политической жизни республики.

Городские хроники Сиены дают возможность проследить ход борьбы за власть между нобилиями и пополанами и свидетельствуют о ее тесной связи с противостоянием гвельфов и гибеллинов в Тоскане. Так, Сиена долгое время придерживалась гибеллинов, потому, что ее соседка и соперница Флоренция принадлежала к гвельфской партии. В социальном же плане, пополаны, в силу своих занятий, чаще принадлежат к партии гвельфов, а нобили, в силу своего происхождения, обычно составляют костяк партии гибеллинов, хотя в городских хрониках Сиены фигурируют также нобили – гвельфы⁴⁰ и пополары – гибеллины⁴¹.

Итак, судя по сообщениям хронистов, уже в 1240 г. подеста, оставаясь главой исполнительной власти, делит свои функции с правительством Двадцати четырех Синьоров (1240–1270), в котором половину членов составляют нобили, и половину – пополаны.⁴² Последующие сообщения

³⁸ См., например: Frammento di anonimo (1313–1320). P. 168–169; Cronaca di anonimo. P. 105–106, 111 etc.

³⁹ Cronaca di autore anonimo. P. 47, 51, 78.

⁴⁰ Cronaca di anonimo. P. 62–63.

⁴¹ Frammento di anonimo (1313–1320). P. 169.

⁴² Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 191. Из сообщений сиенского анонима следует, что в 1240 году Двадцать четыре победили другую партию – Двадцати семи, которая тоже боролась за власть в Сиене, пытаясь склонить на свою сторону подеста. Хронист сообщает о вооруженном характере этой борьбы и о том, что победители назначили «своего» подеста, в то время как большая часть сторонников проигравших бежала. Cronaca di anonimo. P. 52.

посвящены походам⁴³ и кончине (1250)⁴⁴ императора Фридриха II Штауфена. Эти события знаменуют очередной этап становления власти popolo: В 1253 году утверждается пополанская «малая коммуна» во главе с Капитаном народа⁴⁵.

В это время в Тоскане идут военные действия между гвельфами (Орвието, Лукка и Генуя) и гибеллинами (Сиена, Пиза и Пистойя), кульминацией которых становится знаменитая битва у подножия замка Монтеаперти (4 сентября 1260 г.). Сиенские хронисты подробно и с гордостью рассказывают о том, как на поле брани гибеллинское ополчение Сиены громит блестящее и многочисленное гвельфское войско Флоренции и союзных ей городов⁴⁶, после чего Сиена возглавляет гибеллинов Тосканы. Гвельфы продолжают борьбу в «экономических формах»: папа Урбан IV оказывает на Сиену давление в виде санкций в отношении ее купцов-гибеллинов, поэтому в начале 60-х годов в лагерь гвельфов переходят сиенские нобили-магнаты Толомеи, Малавольти и Салимбени, которые стремятся, таким образом, укрепить свои международные банковские и торговые позиции⁴⁷. Впрочем, и политическое торжество сторонников империи оказывается недолгим: после поражения Манфреда при Беневенте (26 февраля 1266 г.)⁴⁸ Флоренция восстанавливает прежние гвельфские и демократические порядки, а в Сиене начинаются «размолвки» между пополанами и нобилиями, выливающиеся в народное восстание⁴⁹. Гибеллины здесь продолжают держать власть в своих руках

⁴³ Cronaca di anonimo. P. 45–46.

⁴⁴ Cronaca di anonimo. P. 54.

⁴⁵ «Вооруженные сообщества» пополанов, организованные поквартально и возглавляемые капитанами-гонфалоньерами, которые, в свою очередь, подчиняются Капитану народа существуют еще с начала XIII в. (1208). *Cagliaritano U. The history of Siena*. P. 34–35.

⁴⁶ Cronica di Paolo di Tommaso Montauri. P. 200–208; Cronaca di anonimo. P. 50–51 etc. Великий Данте увековечил это событие в X песне «Ада», вспоминая страшную резню, окрасившую воды речки Арбии в багровый цвет // *Данте Алигьери. Божественная комедия*. М., 1992. С. 53–54.

⁴⁷ *Bowsky W. M. A Medieval Italian Commune*. P. 35–36.

⁴⁸ Весьма показательно, что победа Карла Анжуйского над Манфредом была оплачена сиенской компанией Буонсиньори, ссудившей ему накануне битвы огромную сумму в 20 тыс. турецких ливров, ведь компания Буонсиньори в 60 – начале 70-х годов выступала как банкир гвельфской партии в Европе.

⁴⁹ В ходе этого восстания была подожжена колокольня собора, где пыталась укрыться комиссия из 70 горожан, призванных реформировать городское управление, и, как сообщает автор хроники, «...погибли многие гвельфы». *Cronica di autore anonimo*. P. 66.

и после поражения и казни в 1268 г. внука Фридриха II – Конрадина, когда все города Тосканы (за исключением ее и Пизы) переходят в лагерь гвельфов. Переломным для Сиены становится следующий, 1269 год, когда флорентийцы разбивают ее войско в битве у Колле ди Вальдельса. После этого Сиена становится одним из звеньев тосканской Лиги, основную роль в которой играет Флоренция. Летом 1270 года гибеллины покидают Сиену, куда возвращаются изгнанные ранее гвельфы⁵⁰, которые формируют новое правительство Тридцати шести Синьоров (1270–1280). Оно становится первым гвельфским правительством в истории коммуны: половину мест в нем занимают нобили – гвельфы, половину – богатые пополаны–гвельфы. Конституция Сиены, принятая в 1274 г., постановляет исключить гибеллинов из всех учреждений коммуны, конфисковать их имущество и разрушить дома⁵¹. Она неоднократно провозглашает в своих статьях верность Карлу Анжуйскому⁵². Ее логическим продолжением становятся законы, принимаемые сиенской коммуной в 1277 г. и известные под названием «народных уставов» («*statuti del popolo*»), которые исключают из городского правительства представителей нобилей – «казати»⁵³ и провозглашают, что правительство должно быть сформировано из купцов и гвельфов Сиены⁵⁴. Сиенские «народные уставы» менее радикальны, чем принятые позже флорентийские «Установления справедливости» (1293). Следует подчеркнуть, что «народные уставы» носят тот же характер, знаменуя собой, прежде всего, политическую победу пополанов над нобилиями⁵⁵.

⁵⁰ *Cronica Sanese di Andrea Dei...* P.36

⁵¹ Отдельная рубрика одной из них посвящена родственникам и потомкам бывшего главы правительства Двадцати четырех, Провенцано Сальвани. В ней декретируется разрушение их семейного дворца. *Francini G. Appunti sulla costituzione guelfa del Comune di Siena secondo il Costituto del 1274 // BSSP, 46 (1939). P. 13.*

⁵² *Ibid.* P. 12, 24.

⁵³ *Consiglio Generale N 21, fols. 91 ff (28 di Marzo 1277).* Цит. по: *Bowsky W. M. The «Buon Governo» of Siena (1287–1355). A Medieval Italian Oligarchy // Speculum, 1962, XXXVII. P. 370.*

⁵⁴ *Doc. 10, 1277 maggio 28 / Sbaragli L. I mercanti di mezzana gente al potere di Siena // BSSP, 34 (1937). P. 59–62.*

⁵⁵ *Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии...С. 112. Флорентийские антимагнатские постановления, принимавшиеся с 1293 по 30-е гг. XV, лишали грандов их важнейших привилегий: они должны были платить налоги, был аннулирован специальный судебный трибунал, ограничивалось право ношения оружия и отнималось право занимать высшие должности в приорате, коллегиях, Совете коммуны и консульате цехов. Краснова И. А. Пополаны и гранды во Флоренции // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. С. 101.*

Описания хронистами политической жизни коммуны следующего десятилетия свидетельствует о нежелании гибеллинов сдавать свои позиции, с одной стороны, и о необратимости перемен – с другой. Как сообщают сиенские хронисты, гибеллины, изгнанные из города, заключают военный союз с графом Альдобрандино ди Санта Фьоре и, захватив в 1280 г. несколько укрепленных поселений в сиенском контадо (Кастильоне ди Вальдорчия, Чивителла ди Маремма), устанавливают «прогибеллинское» правительство Пятнадцати (1280–1287): «В этом году (1280) из-за дурного устройства, которое было в городе и из-за дурного управления грандов-гвельфов была созвана Коллегия Пятнадцати и был заключен мир с гибеллинами и вернулись гибеллины в Сиену...»⁵⁶. Однако, их влияние в коммуне было недолгим: гвельфы взяли реванш уже в 1287 г. (т. е. спустя десятилетие после введения «народных уставов»), когда у власти встали представители пополанов-гвельфов, сформировавшие правительство Девяти Синьоров (1287–1355) – первое народное правительство в истории коммуны⁵⁷.

Закон, принятый Главным советом в 1287 г., установил, что Девять Синьоров «... должны быть купцами из числа купцов города Сиены или из числа «среднего народа» («mezza gente»)⁵⁸. Богатые пополаны, пришедшие к власти в коммуне, поспешили законодательно обеспечить свои политические права: теперь вместе с городской аристократией из правительства исключались рыцари, а также судьи, нотариусы и врачи – члены цехов, активно поддерживавших в 1262–1269 гг. гибеллинов и занявших оппозицию по отношению к купцам – гвельфам⁵⁹.

Таким образом, долгая политическая борьба за власть в сиенской республике между нобилиями и пополанами, тесно связанная в данный период с противостоянием гвельфов и гибеллинов, завершилась победой богатых пополанов-гвельфов и установлением их правления.

Переход Сиены в лагерь гвельфов и прекращение конфликтов с Флоренцией благоприятно сказывается на экономическом развитии

⁵⁶ Cronica di Andrea Dei. P. 37.

⁵⁷ Cronica di autore anonimo. P. 69–70.

⁵⁸ Цит. по *Bowsky W. M. The «Buon Governo» of Siena ...P. 370.* Во Флоренции высшую власть с 1282 г. также осуществлял приорат – Совет шести представителей «старших» цехов, выборы в который происходили каждые два месяца. Подобно Сиене, здесь к власти также пришли представители богатых пополанов – крупной торговли, сукноделия и банковского дела. *Баткин Л. М. Период городских коммун // История Италии. Т. 1. М., 1970. С. 239.*

⁵⁹ *Wainwright V. Conflict and popular government in fourteenth century Siena...P. 62.*

города. Как показывают исследования, посвященные этому периоду, хотя в начале XIV в. прекращается деятельность многих банковских компаний, Сиена и в первой половине XIV столетия остается экономически процветающим городом⁶⁰. Ее торговля утрачивает прежний посреднический характер и концентрируется теперь на экспорте тканей, одежды и другой продукции собственного производства⁶¹. Идет постепенная переориентация экономики от банковско-торговых интересов к развитию промышленного производства и вкладыванию денег в недвижимость⁶². Политика коммуны способствует постоянному притоку в город сельского населения, обеспечивающего дешевой рабочей силой шерстяную промышленность – прибыльную отрасль, развивающуюся с начала XIV века и дающую стабильный доход⁶³.

Общество первой половины XIV в. продолжает изменяться, эти перемены затрагивают в основном пополанов. В хрониках первой половины XIV века пополаны («populo», «popolagi», «populari») выступают, прежде всего, как члены цехов (нотариусов, мясников, плотников, каменщиков, сукноделов, колбасников и др.)⁶⁴. Все цехи имеют свои уставы, согласованные с конституцией коммуны, и через своих членов принимают участие в управлении городом, однако, степень этого участия различна. Руководящие позиции в этот период принадлежат гильдии крупного купечества – Мерканции (Mercanzia) и цеху сукноделов – Лане (L'Arte della Lana)⁶⁵.

⁶⁰ *Cassandro M.* La Banca senese nei secoli XIII e XIV // *Bancieri e mercanti di Siena*. P. 107–160.

⁶¹ *Tangheroni M.* Siena e il commercio internazionale nel Duecento e nel Trecento // *Ibid.* P. 21–106.

⁶² *Pinto G.* I mercanti e la terra // *Ibid.* P. 221–290.

⁶³ *Cipolla C. M.* Per un profile di storia economica senese // *Ibid.* P. 9–20.

⁶⁴ *Cronaca di anonimo*. P. 113; *Frammento di anonimo (1313–1320)*. P. 171–172; *Cronaca Maggiore*. P. 297.

⁶⁵ По мнению исследователей начала XX века, именно богатые и влиятельные пополаны – члены Мерканции и Ланы формировали правительство Девяти. Так, например, Ж. Люшер считал, что у власти во время правления Девяти находился не весь «средний народ» («mezza gente»), не вся политическая партия popolo, а лишь небольшая, влиятельная ее часть, представленная купеческой гильдией (l'Arte della Mercanzia) и цехом шерсти (l'Arte della Lana). *Luchaire G.* *Documenti per la storia dei rivolgimenti politici del comune di Siena dal 1354 al 1369*. Lyon, 1906. P. 18.

Ф. Шевилл также указывал, что первое народное правительство Девяти Синьоров формировали богатые пополаны – представители купеческой гильдии (L'Arte della Mercanzia) и цеха шерсти (L'Arte della Lana), которые «превратили государственные посты в личные монополии». *Schevill F.* *Siena: History of a medieval Commune*. London, 1909. P. 195.

Американский исследователь В. М. Боуски установил, что в правительство Девяти входили «частично средние нобили и частично добрые купцы», ведущие свое происхождение не от «новых людей», но от подлинных граждан, представителей «среднего народа»⁶⁶. По его мнению, жесткие ограничения в отношении участия нобилей в политической жизни коммуны существовали только на уровне законов, «... в каждой группе Девяти Синьоров (которые сменялись каждые 2 месяца) можно найти, по крайней мере, одного представителя категорий, официально исключенных из правительства»⁶⁷. О важной роли семей нобилей Малавольти, Пикколомини, Толомеи и Салимбени в жизни коммуны свидетельствует их постоянное представительство в главном финансовом органе правительства Девяти–Биккерне, ведавшей всеми доходами и расходами коммуны⁶⁸.

Точка зрения В. М. Боуски, основанная на изучении разнообразных источников (в том числе и неопубликованных документов из сиенского архива), довольно убедительна, но, как представляется, он несколько переоценивает значение самого представительства нобилей в правительстве Девяти. Основу правящего слоя, по нашему мнению, составлял «средний народ» («*mezza gente*»): крупнейшие торговые корпорации и тесно связанный с ними цех сукноделов, то есть именно те группы, которые обеспечивали в этот период экономическое развитие Сиены. Именно представители «среднего народа» закрепили в 1309–1310 гг. свое доминирующее положение в новой конституции коммуны, где, во-первых, отмечается, что «...Девять Синьоров могут и должны принадлежать к купцам города Сиены, т. е. среднему народу...»⁶⁹, во-вторых, описываются социальные категории, представители которых не

⁶⁶ *Bowsky W. M.* The «Buon Governo» of Siena (1287–1355). P. 370.

⁶⁷ *Bowsky W. M.* The Finance of the commune of Siena. P. 6–7; *Idem.* The «Buon Governo» of Siena (1287–1355). P. 380.

⁶⁸ Сюда поступали все налоги, штрафы и платежи, здесь получали жалование официальные лица республики. Другая часть обязанностей этого органа касалась охраны правопорядка и обеспечения безопасности города: здесь хранилось оружие, выплачивалось жалование охранникам цепей (протянутым через улицы и препятствовавших кавалерийским атакам) и наемным войскам, услугами которых пользовалась коммуна. Кроме того, Биккерна была вовлечена в административный контроль контадо: получала и регистрировала договоры с сельскими общинами и хранила данные обо всех домах «новых горожан» и их обязательствах перед коммуной, включая уплату налогов. Здесь же находились эталоны мер и весов. *Bowsky W. M.* The Finance of the commune of Siena..., P. 11.

⁶⁹ *Il Costituto del Comune di Siena, volgarizzato... Vol. II.* P. 492.

могут входить в городское правительство: «Также постановлено и приказано, что ни нобиль города Сиены, ни какой-либо рыцарь, ни какой-либо судья, ни ...нотариус, ни... врач города или округи не может быть в числе Девяти Синьоров»⁷⁰. Таким образом, если судить по материалам конституции, то ограниченными в политических правах оказались нобили, гибеллины и члены цехов, «запятнавшие» себя связью с ними. Ведь сам факт участия нобилей в правительстве Девяти еще не доказывает их большой роли в экономической и общественно-политической жизни Сиены. Более важное значение для рассмотрения проблемы взаимоотношений правительства Девяти и исключенных из него нобилей имеет изучение их деловых связей.

По данным самого В. М. Боуски, члены правительства входили в предприятия, организованные нобиллями-магнатами⁷¹, постоянно занимали у них деньги, а также одалживали им⁷². Деловые связи дополнялись родственными: 28 семей Девяти имели родственные связи с 47 «исключенными» нобиллями из более чем 10 домов⁷³. Известно, что власти вынуждены были продавать только что приобретенные поселения (особенно в годы войны или неурожая), и покупателями этих земель опять-таки выступали семьи городских нобилей Буонсиньори, Галлерани, Толмеи, Пикколомини и Салимбени⁷⁴. Наличие подобных связей между правительством и нобиллями подтверждается и материалами городских хроник, в которых рассказывается о том, что правительство покупает и продает окрестные земли и что нобили являются активными участниками этих сделок⁷⁵. О финансовом благополучии этих семей, исключенных из городского правительства, свидетельствуют материалы поземельной описи (*La Tavola delle possessioni*), составленной в

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ По данным В. М. Боуски, восемь членов правительства состояли в торговой компании Буонсиньори, которая разорилась и была ликвидирована в период с 1298 по 1310 годы, трое – были партнерами Толмеи в обществе, сформированном в 1310 году для ведения международной торговли и банковских дел. *Bowsky W. M. The «Buon Governo»... P. 380.*

⁷² Они занимали деньги у Пикколомини, давали займы Сарачини на свадебные подарки и собирали приданое для Толмеи. Ibid.

⁷³ *Bowsky W. M. The «Buon Governo»... P. 380.*

⁷⁴ Теоретически после попадания под власть сиенской коммуны, прежнего владельца земель (обедневшего или побежденного нобилля) должен был бы сменить городской судья, чтобы установить управление сиенской коммуны, но на деле все было иначе. *Isaaks A. K. Magnati, comune e stato P. 84.*

⁷⁵ *Cronaca Maggiore. P. 522, 546, 548 etc.*

1320–1330 гг.⁷⁶. По данным описи, самым значительным в этот период является богатство многочисленной группы Салимбени – 193.000 лир (эквивалентное 6,5% всей частной недвижимости), Толомеи – 177.233 лир (5,9%), Галлерани – 135.000 лир (4,5%), Буонсиньори – 98.277 лир (3,3%)⁷⁷. Члены правительства Девяти также располагают недвижимостью в городе и за его пределами, но их имущественное положение сильно уступает богатству консортерий. По данным В. М. Боуски, из 71 человека, представленного в начале XIV века в правительстве Девяти, большинство имело собственность, оцененную между 1000 и 5000 лир, только 11 человек владели недвижимостью стоимостью менее 1000 лир, а 14 – в диапазоне от 10000 до 37000 лир⁷⁸. Значит, несмотря на свое отстранение от власти, представители семей Толомеи, Малавольти, Буонсиньори, Салимбени, Галлерани, Арзокки, Пикколомини продолжают оставаться самыми богатыми людьми города. Владея недвижимостью в пределах городских стен, многочисленными замками в контадо, и занимаясь международными банковскими и торговыми операциями, нобили продолжают давать коммуне займы большие суммы из собственных средств, а также брать на себя обязательства по ее долгам, что, безусловно, выгодно правительству, финансовые предприятия которого требуют больших средств⁷⁹.

В хрониках этого периода нобили предстают в качестве членов посольств⁸⁰, епископов⁸¹, предводителей и участников всех крупных военных предприятий коммуны⁸², капитанов гвельфской партии⁸³, проводников Биккерны⁸⁴ и руководителей военных сообществ пополанов⁸⁵. Они действительно продолжают играть важную роль в общественной жизни коммуны, несмотря на «исключение» из ее правительства.

⁷⁶ Документы этой описи, хранящейся в городском архиве Сиены, подробно исследованы в монографии Дж. Керубини. Согласно его данным, 5,3% городских собственников принадлежало 42,6% городских земель. *Cherubini G. Signori, contadini, borghesi. Firenze, 1974. P. 247–249.*

⁷⁷ *Cherubini G. Signori, contadini, borghesi. P. 247–249.*

⁷⁸ *Bowsky W. M. The «Buon Governo»... P. 377.*

⁷⁹ *Bowsky W. M. The Finance of the commune of Siena. P. 6–7.*

⁸⁰ *Cronaca di anonimo. P.90; Cronaca Maggiore. P. 356, 485, 562.*

⁸¹ *Cronica Sanese di Andrea Dei. P. 45.*

⁸² *Cronaca Maggiore. P. 406, 494, 528, 530, 543, 545, 551, 561, 562; Cronaca di anonimo, P. 126–127.*

⁸³ *Cronaca Maggiore. P. 410.*

⁸⁴ *Cronaca Maggiore. P. 554.*

⁸⁵ *Cronaca di anonimo. P. 127.*

Вместе с тем, судя по сообщениям хронистов, так же как в предыдущий период, продолжается вражда двух крупнейших семей городской аристократии – Салимбени и Толомеи⁸⁶. Периодически дело доходит до открытых столкновений и тогда, по сведениям хронистов, все население города разделяется на противоборствующие партии⁸⁷. Судя по материалам хроник, трения возникают и между другими семьями нобилитета⁸⁸. Значит, и в этот период существовали противоречия в среде нобилитета, пользовавшегося поддержкой народа. Правительству Девяти удавалось ограничивать вооруженные столкновения между семьями нобилей, например, ставя охрану на башнях домов семей Росси и Бандинелли, как сообщает хронист: «... и это сделали сиенцы для того, чтобы разнять Салимбени и Толомеи, когда они устроили спор и волнение»⁸⁹.

Противоречия существуют не только в среде нобилей, но и между нобилем и правительством Девяти, а также между ним и представителями цехов, не принимавших участия в городском управлении. О замкнутом характере правления Девяти сообщают и хронисты. Так, автор Большой хроники указывает, что правительство состояло из самих Девяти и их родственников и что все перемены во власти совершались ими лишь для видимости⁹⁰. О существовании социальных противоречий говорит тот факт, что Девять взяли в свои руки назначения на должности в военных компаниях народа⁹¹. Именно олигархический характер правления Девяти стал причиной нескольких крупных социальных конфликтов в Сиене в первой половине XIV в.

⁸⁶ Cronaca di anonimo. P. 105, 106, 111–112, 122–123.; Cronaca Maggiore. P. 307, 349, 364, 397, 438, 501, 518.

⁸⁷ Frammento di anonimo (1313–1320). P. 168–169; Cronaca 'i anonimo. P. 82, 87, 106, 122–123; Cronaca Maggiore. P. 307, 349, 364, 397, 438, 501, 518.

⁸⁸ В Большой хронике постоянно описываются подобные эпизоды: например, события 1302 года с участием семей Малавольти, Салимбени, Пикколомини, Скварчалупи и Пеликани. Cronaca Maggiore. P. 266; 1340 года – с участием Толомеи и Пикколомини. Cronaca Maggiore. P. 526; 1341 года – с участием Скотти и Сарачини, а также Малавольти и Пикколомини. Ibid. P. 530. Аноним также описывает вражду, разгоревшуюся в 1302 году между Салимбени и Малавольти, Пикколомини и Скварчалупи; а также события 1306 года, в которых участвовали Толомеи и Малавольти. Cronaca di anonimo. P. 82, 86.

⁸⁹ Cronaca Maggiore. P. 502.

⁹⁰ Cronaca Maggiore. P. 373–374.

⁹¹ Bowsky W. M. The Medieval Commune and the Internal Violence Police Power and Public Safety in Siena, 1287–1355 // The American Historical Review, Vol. 73, № 1 (Oct., 1967). P. 11–12.

Хроники рассказывают о восстаниях против правительства, самыми крупными из которых становятся: мятеж нобилей и ремесленных кругов во главе с представителями знатного семейства Толомеи в 1318 г., восстания 1324 и 1326 гг. и антиправительственный заговор 1346 г. Из их сообщений следует, что почти все эти восстания против правительства спровоцировали Толомеи, диктовавшие свою волю нотариусам и мясникам, находящимся под их покровительством⁹². Выступления решительно и жестко подавлялись, Толомеи наказывались разрушением их домов и ссылкой, а «простые» участники – казнью, однако, продолжали восставать вновь.

Так, в обеих анонимных хрониках и хронике Андреа Деи сообщается о восстании цехов мясников и нотариусов под руководством представителей Толомеи и другого семейства нобилей Фортегуерри в 1318 г.⁹³ Целью восстания, по мнению авторов хроник, было свержение правительства Девяти Синьоров⁹⁴. В хронике Аньоло ди Тура дель Грассо об этом восстании рассказывается подробнее. Хронист сообщает о предистории этого события. В июне 1318 г. Сиена послала свое войско против городка Масса Мариттима, с которым поспорила по поводу прав на замок Джерфалько в Маремме. Войско составили 400 человек кавалерии, 400 арбалетчиков – членов военных народных компаний, а также, цеховое ополчение: «...600 пехотинцев из цеха Лана, 100 – из цеха Огня, 100 мясников и много плотников и лавочников»⁹⁵. Вскоре ополчение было отозвано, однако комбинация военных сил цехов в его составе оказалась «горючей». Недовольные неудачным походом на Массу, «...в пятницу, 21 июля мясники, кузнецы и многие другие мелкие поплары вышли на Кампо, крича и бросая камни...,- захватили все выходы с Кампо ...»⁹⁶. Правительство быстро справилось с недовольными, но 26 октября 1318 г., (спустя 3 месяца после похода на Массу) несколько сотен вооруженных людей вновь появились на Кампо. По сообщению хрониста, они кричали: «Смерть Девяти!» и «Да здравствует народ!» и хотели свергнуть правительство Девяти Синьо-

⁹² Напомним, что представители этих профессий были отстранены от власти сразу после прихода к ней Девяти Синьоров, поскольку они занимали оппозиционную позицию по отношению к правительству.

⁹³ Cronaca di anonimo. P. 114–115; Frammento di anonimo (1313–1320). P. 171–172; Cronica Sanese di Andrea Dei. P. 60.

⁹⁴ Cronaca di anonimo. P. 114–115; Frammento di anonimo (1313–1320). P. 171–172; Cronica di Andrea Dei. P. 60.

⁹⁵ Cronaca Maggiore. P. 371.

⁹⁶ Ibid. P. 371.

ров⁹⁷. Основной военной силой движения выступили судьи, мясники и нотариусы⁹⁸. Восставшие ждали, что к ним подойдут их союзники – Толомеи, но Соццо ди Део Толомеи вместе со своими сторонниками был на площади Сан – Кристофано, рассчитывая вступить в битву только в случае удачного поворота событий. В результате, нобили «...по совету мессера Део Толомеи не пришли на Кампо...»⁹⁹, а правительственные войска быстро подавили восстание. Многие заговорщики были схвачены и казнены, дома Толомеи в городе были разрушены¹⁰⁰.

Несмотря на неудачу 1318 г., Толомеи составили заговор с мясниками и в 1324 г.¹⁰¹ Его целью, по сообщениям хронистов, в частности, анонимного автора середины XIV века, Андреа Деи и автора Большой хроники, снова стал государственный переворот¹⁰². Вновь были казнены простые участники заговора: мясники, Аньоло и Николо Толомеи и их сторонники (всего 40 человек) были высланы из города, а дома Толомеи в городе – снесены¹⁰³. Подобная ситуация с участием Толомеи повторилась спустя два года, в 1326 г.¹⁰⁴

В качестве подстрекателей Толомеи выступили и в восстании 1346 г., когда народное недовольство вспыхнуло из-за голода¹⁰⁵. Как сообщил автор Большой хроники, это восстание устроили «...некоторые из мелкого народа, и главой их был Спинелло, сын мессера Джакомо ди Мео Толомеи»¹⁰⁶. Восставшие ранили и изгнали одного из должностных лиц, отвечавших за поставку продовольствия, крича: «Да здравствует народ, и смерть тем, кто морит нас голодом!»¹⁰⁷ Правительство посулило награду в 1000 флоринов золотом тому, кто схватит заговорщиков, и усилило охрану дворца. Капитан войны начал следствие против восставших, по результатам которого были казнены три «мелких пополана» и высланы из города члены семьи Толомеи, участвовавшие в заговоре, а их дома – разрушены¹⁰⁸.

⁹⁷ Ibid. P. 372.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Ibid. P. 373.

¹⁰¹ Cronaca Maggiore. P. 416–417; Cronaca di anonimo. P. 128; Cronica di Andrea Dei. P. 65.

¹⁰² «...loro volevano amazare e signori Nove e volevano mutare lo Stato». Cronaca di anonimo. P. 128; Cronaca Maggiore. P. 417; Cronica Sanese di Andrea Dei. P. 65.

¹⁰³ Cronaca di anonimo. P. 128.

¹⁰⁴ Cronaca Maggiore. P. 433.

¹⁰⁵ Ibid. P. 548.

¹⁰⁶ Ibid. P. 549.

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Ibid.

Описание этих событий показывает, что, несмотря на относительный мир и социальную стабильность, в Сиене в период правления Девяти существовала оппозиция, представленная семьей Толомеи, а также членами цехов мясников и нотариусов, лишенными политических прав, подобно их покровителям. Ее поддерживал «мелкий народ», фактически также лишенный возможности участвовать в управлении коммуной.

Таким образом, коммуна в этот период своей истории была ареной борьбы и взаимодействия интересов разных социальных слоев и групп. Приход к власти в коммуне пополанов совершался постепенно и поэтапно и был тесно связан с ее внешней политикой: борьбой гвельфов и гибеллинов, соперничеством с соседней Флоренцией. Переход Сиены в конце XIII в. в лагерь гвельфов, отстранение нобилей от власти в коммуне и приход к власти богатых пополанов были взаимосвязаны и означали начало нового этапа коммунальной истории.

В первой половине XIV в. благоприятная экономическая ситуация и длительный внутренний мир способствовали росту промышленной и торговой деятельности, сопровождались расцветом городской культуры. Городское общество первой половины XIV в. было представлено несколькими социальными слоями: небольшой группой грандов или нобилей, продолжавших, несмотря на официальное исключение из правительства, активно участвовать в экономической жизни коммуны, богатой пополанской верхушкой, находящейся у власти, – купцами и банкирами, значительной прослойкой средних пополанов – цеховых мастеров, ремесленников, представителей цехов, не принимавших участие в правительстве Девяти, городскими низами – бедными ремесленниками и наемными рабочими цехов.

Правление Девяти Синьоров, осуществляемое, согласно законам конца XIII в. и Конституции начала XIV в., купеческой верхушкой города, на деле включало и нобилей. Присутствие представителей нобилитета в народном правительстве, их тесные деловые отношения с членами правительства, финансовое положение главных семей нобилей – все это свидетельствует о том, что в целом, политика правительства Девяти Синьоров благоприятствовала их интересам. Данные нарративных источников свидетельствуют о том, что представители семейств городского нобилитета и после своего официального исключения из правительства республики, продолжают играть важную роль в жизни города и представлениях хронистов. Вместе с тем, мнение об эпохе Девяти как «золотом веке» нобилитета (В. М. Боуски) представляется спорным. Его опровергает наличие противоречий между олигархическим правительством Девяти и исключенными из него нобилеями, в частности, семьями

Толомеи и Фортегуерри. В интерпретации пополанских хронистов Сиены, нобили фигурируют, в зависимости от конкретной ситуации, то в качестве друзей коммуны, то – в качестве ее врагов. Ведь, с одной стороны, сама практика городской жизни сближает нобилей и пополанов: как уже отмечалось, вместе они выступают и на войне, и в деловой жизни. С другой стороны, нобили, отстраненные от власти и лишенные своего прежнего политического статуса, и пополаны, «лишившие» их политических прав и формирующие свое правительство, противостоят друг другу политически и психологически, что подтверждают материалы хроник.

М. Б. Бессуднова
(Липецк)

РЫЦАРСТВО СЕВЕРНОЙ ЭСТОНИИ НА ЛИВОНСКИХ ЛАНДТАГАХ (конец XV и начало XVI века)

Если бросить взгляд на весь объем историографии, посвященной средневековой Ливонии, Старой Ливонии (Alt-Livland), то окажется, что количество научных работ с социально-политической и социально-правовой тематикой занимает там одно из первых мест. «Социальное направление» – это, в первую очередь, традиция, созданная в XIX – начале XX века лифляндско-немецкой и эстляндско-немецкой историографическими школами, которые несли в себе отпечаток борьбы за сохранение породившего их социума. Несмотря на мощное воздействие немецкого элемента, этот социум в социально-экономическом, политико-правовом и культурном отношениях обладал известной оригинальностью, такой, что в XVIII–XIX веках давал основание идентифицировать своих представителей как нацию. Он не сумел утвердиться в рамках суверенного государства и постоянно, начиная с 60-х годов XVI века, инкорпорировался в состав иноземных держав, постоянно рискуя утратить свою самобытность. Реальность угрозы придавала ожесточенности в борьбе за самосохранение, которая достигла апогея в то время, когда остзейским провинциям была противопоставлена вся мощь российского самодержавия. Нараставшим стремлениям русификации лидеры прибалтийс-

ких немцев противопоставили защиту своих правовых позиций, из-за чего немецко-прибалтийский взгляд на историю приобрел преимущественно «охранительно-консервативный характер»¹, а «немецкие» сословия, бюргерство и дворянство, которые представлялись как носители культурных и правовых традиций, сразу заняли место основных объектов исследовательского интереса.

Изучению рыцарского сословия Старой Ливонии, включавшего в себя ленников ливонских государей (ландсгерров) – ливонского подразделения Немецкого ордена (Ливонского ордена), Рижского архиепископа, епископов Дорпата (Тарту), Ревеля (Таллинна), Курляндии (Курземе) и эзель-викской (сааре-ляненской) епархии, обладало тогда особым смыслом, поскольку связанные с этим сословием правовые нормы и традиции регламентировали, помимо прочего, еще и отношения, связанные с земельной собственностью. Поэтому наряду с повествовательными источниками в зоне пристального внимания прибалтийских историков XIX–XX веков оказались документальные источники, которые касались рыцарского землевладения и привилегий. Их публикация², а также выход в свет двух фундаментальных серийных изданий документов – по истории Ливонии, Эстонии, Курляндии³ и по ливонским

¹ Гарлефф М. К вопросу о немецко-прибалтийской историографии (1860–1914) // Германия и Прибалтика. Рига, 1983. С. 94

² Профессор Дорпатского университета Фридрих Георг фон Бунге совместно с Р. Толлем издал древнейшие лифляндские и эстляндские мызные документы (*Est- und Livländische Brieflade. Erste Abteilung: Die Dänische und Ordenszeit.* 2 Bd. Reval, 1856–1857). Неутомимым собирателем документов из дворянских архивов был один из основателей Курляндского общества литературы и искусства (1815) Фридрих Клопман. После его смерти они были опубликованы его учениками Т. Кальмеером и Г. Вольдемаром (*Kurländische Güter-Chronik.* 2 Bd. Mitau, 1856–1894). Работа по публикации актового материала была продолжена Л. Арбузовым (*Kurländische Güter-Chronike.* Bd. 1. Mitau, 1895) и Э. Фирксом (*Neue Kurländische Güter-Chroniken.* Mitau, 1900–1905). Сотрудники архива ливонского рыцарства Г. Бруйнинг и Н. Буш выпустили в свет фундаментальное издание документов лифляндских поместий так называемого ливонского периода (*Livländische Güter-Urkunde aus den Jahren 1207–1500.* Riga, 1908).

³ *Liv-, Est- und Kurländische Urkundenbuch nebst Regesten* (далее – LEKUB). Abt. 1. Bd. 1 (1093–1300). Reval, 1853; Bd. 2 (1301–1367). Reval, 1855; Bd. 3 (1368–1393). Reval, 1857; Bd. 4 (1394–1413). Reval, 1859; Bd. 5 (1414–1423). Riga, 1867; Bd. 6 (*Nachträge zu den fünf ersten Bänden des Urkundenbuchs*). Riga, 1873; Bd. 7 (1423, Mai – 1429, Mai). Riga–Moskau, 1881; Bd. 8 (1429, Mai – 1435). Riga–Moskau, 1884; Bd. 9 (1436–1443). Riga–Moskau, 1889; Bd. 10 (144–1449). Riga–Moskau, 1888; Bd. 11 (1450–1459). Riga–Moskau, 1905; Bd. 12 (1460–1472). Riga–Moskau, 1910.

ландагам⁴ – создали прекрасную базу для изучения ливонского рыцарства. Появившиеся в конце XIX – начале XX века работ А. Фаане, А. Гернета, А. Транше-Розенка, Л. Арбузова, А. Швабе⁵ и др. по этой причине стали «классикой жанра», уровня которой современные исследователи темы не достигают.

Думается, что после 20-х годов XX века в исследовании темы наступил кризис, который был вызван постепенным сокращением того социального пространства, которое порождало соответствующий «историографический заказ»; после обретения в 1918 году Латвией и Эстонией независимости и потом, после их вхождения в состав СССР исследовательский интерес к прибалтийской знати немецкого происхождения довольно резко притупляется и лишь время от времени проявляет себя на новой родине немецких эмигрантов из Прибалтики – в Германии⁶.

Между тем следует отметить, что изучение проблем, связанных с рыцарским сословием средневековой Ливонии, далеко не исчерпано. Как уже было сказано, немецко-прибалтийские историки занимались, в основном, социально-правовой проблематикой, а посему созданный ими образ, подобно «вещи в себе», представляет собой особый «организм», который по ходу истории вступал во взаимодействие с другими «организмами», будь то горожане или крестьянство, или же, как писал один из виднейших идеологов остзейской оппозиции второй половины XIX века К. Ширрен, с «властью». Власть – это, прежде всего, государство, но в условиях Старой Ливонии речь шла не просто о государстве, а о «государстве орденском», которое занимало свыше 67% территории страны и, подчиняя себе прочих ландсгерров, постепенно осваивало роль лидера ливонской конфедерации.

⁴ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage (далее – AR). Abt. 3 (1494–1535). Riga, 1910

⁵ В числе наиболее известных исследований необходимо назвать: *Fahne A.* Livland und seine Geschlechter. Köln, 1875–1876; *Gernet A.* Forschungen zur Geschichte des baltischen Adels. Bd. 1: Die harrisch-wierische Ritterschaft. Bd. 2: Die Anfänge der livländischen Ritterschaft. Reval, 1893–1895; *Transehe-Roseneck A.* Zur Geschichte des Lehenwesens in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 18. Riga, 1908; *Švābe A.* Grundriß der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928; *Arbusow L.* Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1921. S. 16–17; *Transehe-Roseneck A.* Die ritterlichen Livländfahrer des 13. Jahrhunderts // Marburg, 1960.

⁶ Из современных работ по теме см.: *Mühlen H. v.* zur. Tiesenhausen, Vassalengeschlecht in Livland // Lexikon des Mittelalters. Bd. 8. 1997; Paravicini W. Zeitenwende. Edelleute aus dem Ordensland Preußen und Livland im Westeuropa des 15. Jahrhunderts // Festshrift Peter Moraw, 2000.

«Орденские государства» (Ordensstaaten), созданные Немецким духовно-рыцарским в Пруссии и Ливонии, представляли собой необычный для средневековой Европы тип государственности, сущность которого, как представляется, раскрыта далеко не полностью. В качестве его формообразующего элемента – и это, пожалуй, в настоящий момент единственная непререкаемая его характеристика⁷ – выступала духовно-рыцарская корпорация (орден), которая уже в первой половине XIV века как в Пруссии, так и в Ливонии, превратилась в замкнутую элитарную (однако, весьма далекую от христианских идеалов эгалитарности!) общность. Обладая структурами, которые более ассоциируются с государствами Нового времени, а не Средневековья – постоянным войском и строго централизованной хозяйственно-административной организацией, Немецкий орден, вместе с тем, сохранял все прерогативы феодального «земского правителя» – ландсгерра (Landsherr, dominus terrae), дающие ему право взамен мира и справедливости, которые он должен был гарантировать своим подданным, рассчитывать на исполнение ими разного рода служб и повинностей. Это сочетание столь разных проявлений этатизма, к тому же усиленное мощной идеологической составляющей, и сообщало «орденскому государству» ту уникальность, которая выделяет «орденское государство» в ряду средневековых государств.

Однако набор типологических особенностей, присущих данному типу государственной организации, на этом не исчерпывается. За последние двадцать лет, например, много сделано в области разработки проблем, касающихся экономической структуры «орденского государства» в Пруссии, благодаря чему мы теперь имеем представление об особом варианте высокоэффективной организации домениального хозяйства⁸,

⁷ Об «орденском государстве» см.: *Maschke E.* Der Deutsche Orden. Hamburg, 1935. S. 17–19; *Hellmann M.* Bemerkungen zur sozialen Erforschung des Deutschen Ordens // *Historisches Jahrbuch.* Bd. 80. 1960. S. 126–142; *Benninghoven F.* Der Orden der Schwertbrüder, Fratres Militie Christi de Livonia. Cologne, 1965. S. 223–224; *Tumler M., Arnold U.* Der Deutsche Orden von seinem Ursprung bis zur Gegenwart. Bonn–Godesberg, 1975. S. 23; *Górski K.* Studia I szkiece z dziejów Państwa Krzyżackiego. Olsztyn, 1986. S. 21–23; *Górski K.* Studia i szkicie z dziejów Państwa Krzyżackiego. Olsztyn, 1986. P. 21–29; *Boockmann H.* Der Deutsche Orden: zwölf Kapitel aus seiner Geschichte. 2. Aufl. München, 1992.

⁸ Высокая производительность поместий и эффективность работы фиска обеспечивали немецкому ордену в Пруссии 0,5 марки дохода с каждого кв. км, в то время как в соседней Польше корона получала по 0,3 марки с кв.км. *Samsonowicz H.* Der Deutsche Orden als Wirtschaftsmacht des Ostseeraum // *Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens im Mittelalter. Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens.* Bd. 38. Marburg, 1989. S. 107.

которая также может быть использована в качестве одной из дефиниций. Круг их дальнейшего поиска надлежит расширять, и здесь как раз уместно вспомнить, что «орденское государство», как, впрочем, любая другая форма государственности, проявляет свою специфику не только в созданных им институтах власти и идеологических установках, но и во всем многообразии социального антуража, который, не в последнюю очередь, определялся характером элитарных образований.

Касаясь вопроса о социальных элитах в пределах «орденского государства», мы сразу же оказываемся перед фактом, который обычно остается не замеченным и который выражается в отсутствии аристократической среды, во всяком случае, в том виде, в каком она существовала в средневековом (и не только средневековом) обществе.

Термином «аристократия» Аристотель обозначил одну из форм государственного устройства, но в настоящее время мы используем его для обозначения древнего социального института, возникшего вместе с первыми примитивными общественными организациями, которым уже было знакомо действие закона господства и подчинения. Для определения идентичности образующего его сообщества в качестве основной квалификационной категории мы используем понятие «аристократизма», которое соотносим, в первую очередь, с особого рода комплексом этико-поведенческих характеристик, на уровне коллективного сознания всегда прочно увязанных с неким абсолютом (Божеством), который являет собой Закон и Творческое начало, вместе образующие понятие «власть». Монополизация «божественных» качеств аристократией вынуждала ее им соответствовать, ибо в противном случае могла обернуться утратой «кредита доверия», потерей власти, а то и физическим устранением. Потребность подобного рода создала в аристократической среде мощное регулятивное начало, пресловутый «кодекс чести», который и в наше время считается атрибутом человека исключительных, – увы! – не государственных, а моральных достоинств.

Аристократизм в докапиталистических обществах всегда рассматривался как своеобразный «мандат на власть», а посему испокон веков механизму его передачи, включавшем биологическое «самовоспроизводство» аристократической среды и особую, «аристократическую» систему воспитания, «*palatina facundia*», как называли его в Средневековье, придавалось особое значение. Но ничего похожего в пределах ливонского «орденского государства» не обнаруживается.

Истоки своеобразной социальной системы, которая сложилась там в XIV веке, следует искать в эпоху военно-колониционного освоения немцами территорий, заселенных ливами, летами, эстами, куршами, в XIII веке, социальное размежевание производилось, в первую очередь,

не по иерархическому (знатный-незнатный), а этноконфессиональному принципу. По этой причине немецкая община в Ливонии долгое время воспринималась современниками как некая гомогенная среда, объединявшая «всех людей христианского имени (allen Menschen christlichen Namen)» или просто «наших (nostros)», что, кстати, чрезвычайно затрудняет обнаружение в общей массе ливонских крестоносцев и колонистов «благородного» элемента⁹. Активное участие рыцарской массы в завоевании Восточной Прибалтики угадывается в прекрасной военной подготовке и техническом оснащении крестоносцев¹⁰, в условиях приема новобранцев в Немецкий орден¹¹, а также в той сноровке, которую духовно-рыцарские ордена, сначала Орден меченосцев (1202–1237), а потом и Ливонский (1237–1561), проявили при обустройстве замков и замковых округов (Gebieten), и в которой отчетливо ощущается административный опыт имперских министералов.

Благодаря работам М. Хельмана, который еще начале 60-х годов XX века при изучении истории ливонской ветви Немецкого ордена обратил внимание на значимость таких социальных факторов, как региональное и социальное происхождение его рыцарей, а также его учеников и последователей, стало очевидно, что подавляющее большинство ливонских рыцарей, равно как и тесно связанные с ними узлами родства или землячества немецкие вассалы ордена, действительно происходило из семей мелкой знати и министералов¹². Будучи представителями низших слоев дворянства, ливонские рыцари не могли похвастаться ни знатностью происхождения, ни титулами, ни богатством, ни образованностью, ни причастностью к куртуазной рыцарской культуре, – словом, всем тем что, вбирало в себя понятие «аристократизм».

Но отсутствие природного аристократического элемента в социальной структуре Старой Ливонии восполнялось за счет других социальных

⁹ Бессуднова М.Б. Рыцарство средневековой Ливонии // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2004. С. 86.

¹⁰ *Mugurevic E.* Die militärische Tätigkeit des Schwertbüderordens (1202–1236) // *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter.* Toruń, 1991. S. 125–132.

¹¹ *Militzer K.* Aufnahme von Ritterbrüder in den Deutschen Orden. Ausbildungsstand und Aufnahmevoraussetzungen // *Das Krigwesen der Ritterorden im Mittelalter.* Toruń, 1991. S. 9.

¹² *Hellmann M.* Bemerkungen zur sozialgeschichtlichen Erforschung des Deutschen Ordens // *Historisches Jahrbuch.* 1960, Bd. 80. S. 126–142; *Neitmann S.* Op. cit. S. 37, 629–630; *Boockmann H.* Herkunftsregion und Einsatzgebiet. Beobachtungen am Beispiel des Deutschen Ordens // *Ritterorden und Region – politische, soziale und wirtschaftliche Verbindungen im Mittelalter.* Toruń, 1995. S. 8.

категорий. Присутствие в стране ордена, который взял на себя роль «коллективного государя», определило характер социального размежевания, при котором главный водораздел прошел не между «благородными» и «неблагородными», а между рыцарями ордена и всеми категориями его подданных, включая его вассалов немецкого происхождения. Представителей этих двух социальных страт объединяла общность социального и регионального происхождения, а также то, что для тех и других отъезд в Ливонию становился «дорогой в один конец»¹³, роли же их в «орденском государстве» были диаметрально противоположны. Все ключевые должности в аппарате центрального и местного государственного управления распределялись среди тех, кто еще на родине вступал в ряды Немецкого ордена. Исключительно высокий статус братьев-рыцарей, которые после обретения должности становились зримым воплощением «ордена-ландсгерра», в XIV веке был акцентирован званием «господа» (*heren, Herren*), которое сменило предписанное Уставом ордена обращение «братья»; в то же время как даже самый богатый и влиятельный вассал из числа немецких рыцарей величался не иначе, чем «любезный верный» (*liebe getreuwe*)¹⁴.

Многофункциональные административные структуры «орденских государств» предлагали широкий спектр возможностей для рыцарей из Германии. Их массовый приток в орден пришелся на XIV и XV века, когда под воздействием социально-экономических факторов стал стремительно набирать темп общий кризис европейского дворянства. В поиске способов выживания немецкое дворянство активно использовало возможности, предлагаемые духовно-рыцарскими орденами. Должность, которую по вступлении в орден, получало большинство рыцарей и которая ранее воспринималась как форма благочестивого служения, теперь стала главным средством обеспечения (*Versorgung*) их материальных и социальных запросов, разновидностью собственности, на которой вскоре замкнулся круг их жизненных интересов (*Versorgungsgedanken*). Возникшая вместе с тем опасность «перенасыщения» орденов рыцарскими кадрами заставила руководство Немецкого ордена в XIV–XV веках ввести жесткую регламентацию приема в орден, в результате чего звание братьев-рыцарей Ливонского ордена было прочно зарезервировано за дворянами из Вестфалии¹⁵. Это обстоятельство еще больше отделило

¹³ *Boockmann H.* Herkunftsregion und Einsatzgebiet. S. 14.

¹⁴ *Бессуднова М. Б.* Рыцарство средневековой Ливонии. С. 84–97.

¹⁵ *Neitmann S.* Westfalen als Rekrutierungsgebiet des Deutschen Ordens in Livland // *Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland.* Lüneburg, 2001. S.113–128.

членов ордена от его немецких вассалов, доступ которых в орден был окончательно перекрыт.

Но и среди вассалов Немецкого ордена в Ливонии присутствовала своя неписанная иерархия; собственно, по этой причине, историков, которые занимались и занимаются изучением сословия вассалов, как правило, привлекает не все оно, а лишь одна его часть, самая экономически значимая и политически активная. Это был еще одно элитарное образование, которое представляли вассалы ордена, владевшие ленами в пределах эстонских областей Гаррия (Харьюмаа) и Вирлянд (Вирумаа), которые на протяжении всего времени существования «орденского государства» в Ливонии находилось на особом положении.

Долгое время эстонское рыцарство преобладало над всеми прочими категориями орденских вассалов даже в численном соотношении, поскольку Ливонский орден, располагавший собственными весьма качественными военными структурами, не нуждался в большом количестве вассалов, а потому вплоть до начала XVI века не практиковал их массового испомещения на своих землях¹⁶. Но гаррийско-вирляндское рыцарство к подобного рода раскладкам отношения не имело хотя бы по той причине, что к его возникновению и предоставлению им статуса сословия орден отношения не имел. Все это оно обрело очень рано, еще в период датского владычества над Эстонией в XIII веке, когда датские короли, заинтересованные в укреплении своего присутствия на столь отдаленной от их владений территории, жаловали своим вассалам наряду с земельными владениями различные привилегии, в том числе и те, что были связаны с местным самоуправлением. Эти привилегии заложили основу местного феодального права и надежно защитили рыцарство, которое с той самой поры обрело черты замкнутого привилегированного сообщества (*communitas sive universitas vassalorum*), от покушений извне; обладание привилегиями стало для эстонского рыцарства самым главным средством самоидентификации, а формула «как это надлежит делать согласно обычаям Гаррии и Вирлянда» поэтому, подобно заклинию, будет воспроизводиться в местных законодательных памятниках и поземельных грамотах вплоть до XVII века.

В 1347 году после кровавого крестьянского восстания, известного ныне как «Юрьевская ночь», Дания была вынуждена уступить Эстонию Немецкому ордену, однако смена государя не привела к изменению статуса местного рыцарства. Во исполнение вассального долга оно должно

¹⁶ Бессуднова М. Б. Вассально-ленная система Ливонского ордена в конце XV – начале XVI вв. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 8. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. С. 149–151.

было нести службу, прежде всего, военную, в пользу верховного магистра Немецкого ордена, чьим полномочным представителем в Эстонии считался ливонский магистр; последний принимал присягу вассалов Гаррии и Вирлянда, а также населения Ревеля, и осуществлял на этих территориях земельные и иные пожалования, оговаривая при этом, что делает это «по поручению его княжеской милости господина верховного магистра Немецкого ордена».

Но ни верховные магистры, ни их «старшие гевитигеры в Ливонии» не покушались на привилегии эстонских вассалов, чтобы не дать возможности датским государям, которые стремились вернуть себе Северную Эстонию, регион как стратегически, так и экономически чрезвычайно значимый, воспользоваться недовольством рыцарей в своих интересах. В результате эстонское рыцарство на протяжении XIV–XV веков смогло не только сохранить, но и преумножить свои прерогативы. Оно сконцентрировало в своих руках значительную часть земельного фонда и стало играть все более заметную роль в поставках на внешние рынки сельскохозяйственной продукции; богатство позволило некоторым его представителям обзавестись собственными военными отрядами и укрепленными замками, подобных которым не было у других категорий вассалов Ливонского ордена¹⁷, а вкупе с правовой обеспеченностью обусловило их весьма заметную роль в местном самоуправлении (сословный суд, съезды-мантаги) и проявлять активность на заседаниях ливонских ландтагах.

Таким образом, «орденское государство» в Ливонии, самое крупное из государств ливонского сообщества, имело, по сути дела, две элитарных образования. Одно из них – орденское братство, возглавляемое краевыми магистрами, обладало прерогативами ландсгерра; второе – гаррийско-вирляндское рыцарство занимало исключительное положение в силу обладания земельной собственностью и привилегиями. Буквально во всех изданиях, где речь идет о взаимоотношениях Ливонского ордена с этой категорией вассалов присутствует слова «конфликт» и «оппозиция»; действительно, и то и другое имело место, но особенно заметными стали XV веке, когда ареной политических баталий в Ливонии станет общеливонский ландтаг.

Собственно говоря, ландтаг (*gemeiner Landtag, generalis congregation prelatorum, praeseptorum ordinis nostri, nobelium et communitatum terrarium Livoniae*) и возник первоначально как объединение всех оп-

¹⁷ *Hellmann M. Der Deutsche Orden im politischen Gefüge Alt-Livland // Zeitschrift für Ostforschung. 1991, Bd. 40, H. 5. S. 493, 497.*

позиционных ордену политических сил¹⁸, но в конечном итоге явил собой пример своеобразного сотрудничества ландсгерров и «сословий», которое зародилось в коконе причудливых сочетаний сословных, «государевых» и государственных интересов «ливонского политического сообщества». Заседания ландтагов, работа которых довольно полно освещены материалами его протокольных записей (рецессов), как в зеркале, отражают суть политических, социальных, экономических и идеологических проблем.

Поведение представителей эстонского рыцарства на ландтагах весьма значимо и показательно настолько, что его вполне можно использовать для выявления природы данного социального образования, которая проявляла себя наиболее отчетливо в нестандартных, конфликтных ситуациях, когда затрагивались наиболее щепетильные вопросы, не предполагающие (или почти не предполагающие) принятие компромиссных решений. Любой компромисс, зафиксированный в документе, всегда так или иначе искажает подлинную суть исходных программ, тогда как в моменты напряженной борьбы интересы сословия, защищаемые на ландтаге его представителями в ходе оживленных дебатов, выступают особенно рельефно. В истории ливонского ландтага такие моменты имели место на рубеже XV и XVI веков в условиях разгорающегося конфликта Ливонии с Московским государством.

В отечественной историографии до сих пор не изжито предвзятое отношение к Ливонскому ордену, которое сформировалось еще в советской историографии и согласно которому орден за весь период своего существования, с XIII века и до секуляризации 1561 года, в силу своего милитаристского характера представлял реальную угрозу для русских земель; на него и его магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535) возлагается ответственность за эскалацию напряженности в восточной части балтийского региона в конце XV века, которая в конечном итоге привела к русско-ливонской войне 1501–1503 годов¹⁹. Здесь не место для опровержения подобных установок; следует лишь заметить, что к началу конфликта с Московией положение ордена, пережившего во вто-

¹⁸ *Misāns I. Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / Hg. v. N. Angermann und I. Misāns. Lüneburg, 2001. S. 55.*

¹⁹ См., например: *Базилевич В. К. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV в. М.: Изд-во МГУ, 1952; Балязин В. Н. Россия и Тевтонский орден (первая четверть XVI в.) // Вопросы истории. 1963. № 6. С. 60–72; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI. Л.: Наука, 1975.*

рой половине столетия серию кризисов, от противостояния партий «вестфальцев» и «рейнцев» в 50–70-х годах²⁰ и до ожесточенной войны с Ригой 1487–1492 годов, было далеко не блестящим. Официальная переписка орденских чинов живописует тяжелое положение, в котором находилось тогда государство Ливонского ордена в конце XV века: замки ордена сильно разрушены и плохо оснащены, его доходы невелики, денег для вербовки солдат у руководства страны нет, в стране свирепствуют неурожай и чума и т. п.²¹ При таких обстоятельствах война с таким сильным противником, каковым, без сомнения, являлось Московское государство, для Ливонии была крайне нежелательной, во всяком случае, для такого умного и осторожного политика, каким был магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг.

Ответственность за обороноспособность государств, входивших в состав Ливонской конфедерации, лежала исключительно на нем, поэтому ухудшение отношений с Московским государством, концентрация русских войск на границах с Ливонией, грабительские набеги русских на ее территорию, а также бездействие представителей великокняжеской администрации магистра беспокоили чрезвычайно. Известие о закрытии в Великом Новгороде 6 ноября 1494 года в Великом Новгороде ганзейской конторы (Немецкого подворья) и аресте ганзейских купцов, после которых в Ливонии стали распространяться слухи о скором начале войны с Россией²², за-

²⁰ *Neitmann S.* Von der Grafschaf Mark nach Livland. Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschorden. Köln, Weimar, Wien, 1993. S. 54–170.

²¹ Из письма Плеттенберга великому магистру фон Тифену от 29 ноября 1494 года: «Прошедшие тяжелые и долгие войны, которые мы вели вплоть до этого времени, совершенно разорили нас и наших гебитигеров (высшие чины Ливонского ордена, составлявшие ближайшее окружение магистра), и поскольку наши оброки и доходы чрезвычайно малы, мы не в состоянии ни к кому платить жалование» // Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2 (далее – LEKUB). Bd. 1. Riga, Moskau, 1900. № 88; Из инструкции великого магистра его посланцу в Ливонию от 19 апреля 1495 года: «...господин великий магистр узнал, что в Ливонии замки всюду, и даже на границе, совсем развалились (*zere verfallenn*)... Его высокопревосходительство просит его милость (магистра Плеттенберга), его гебитигеров и амтманов стараться не допустить полного разрушения замков, особенно на границах...» // LEKUB. Bd. 1. № 181; Чума в Ливонии имела место в 1495-1496 годах // LEKUB. Bd. 1. № 280, 282, 297, 304. Неурожай, по словам магистра, были таковы, что подобных не знали в последние сто лет // LEKUB. Bd. 1. № 848.

²² «Недавно мы получили достоверное известие из Москвы, что великий князь заключил союз с... датским королем...; и этот великий князь потому всерьез запасается пушками, оружием и боеприпасами, чтобы все это использовать не против кого-то другого, а против этой бедной страны (Ливонии)», – писали в ноябре 1494 года жители Дорпата // LEKUB. № 83.

ставляло магистра обратиться с просьбой о предоставлении военной и финансовой помощи к верховному магистру, европейским государям и Ганзе, но все эти обращения в подавляющем большинстве случаев ни к чему не приводили²³.

Проблема подготовки страны к обороне постоянно поднималась и на ландтагах, которые под председательством Плеттенберга и архиепископа Рижского Михаила Гильдебрандта проходили в предвоенные годы (1494–1500) и во время войны с Московским государством 1501–1503 годов. Первый из них был созван магистром в марте 1495 года в Вальке и прошел относительно спокойно. Принятое на нем решение о прекращении вывоза из страны лошадей возражений, по-видимому, ни у кого не вызвало²⁴.

Однако уже следующий ландтаг, который проходил в Вальке 3–6 июля 1498 года, оказался не в пример напряженной. В феврале этого года провалом закончились русско-ливонские переговоры в Нарве, после чего, начиная с апреля, ливонская территория стала подвергаться нападениям с русской стороны²⁵. Война с Московским государством приближалась, а помощи из Европы меж тем не было. Руководство Немецкого ордена после того, как орден потерпел поражение в Валахии, само нуждалось в помощи²⁶; из всех ганзейских городов только Любек и вендские города согласились оказать Ливонии материальную поддержку²⁷; император Максимилиан Габсбург всячески затягивал решение вопроса об отчислениях в пользу Ливонии из имперской казны²⁸, – словом, к концу 90-х годов Плеттенбергу стало ясно, что в предстоящей войне Ливонии надлежит рассчитывать только на себя.

К этому времени в сознании магистра уже сформировалась идея осуществления обороны страны за счет мобилизации ее внутренних ресурсов, к торую он решил вынести на рассмотрение ландтага. 5 июля

²³ *Kentmann R.* Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. 1494–1514. Marburg, 1929. S. 1–20.

²⁴ AR. № 2. § 2. S. 3.

²⁵ 5 июля 1498 года на заседании ландтага магистр «довел до сведения [представителей] страны, что множество нападений, грабежей и насилия чинится во владениях ариепископа Рижского в округе Пернау, его собственных округах Розиттен и Лудзен, а также в землях епископа Дорпатского» // AR. № 10, § 16.

²⁶ LEKUB. № 624, 625, 644,

²⁷ На ганзетаге, который состоялся в мае–июне 1498 года, только вендские города во главе с Любеком дали согласие помогать Ливонии «по возможности», все прочие под разными предлогами отказались от этого // LEKUB. № 680.

²⁸ LEKUB. № 599, 605, 611, 624, 701.

он лично выступил перед представителями сословий с речью, в которой он рассказал о пограничных инцидентах, нападениях русских на ливонские земли, о донесениях лазутчиков, которые передавали сведения о подготовке русской стороны к войне, а также передал содержание оскорбительного письма, полученного им из Пскова²⁹. В качестве заключительного аккорда последовал риторический вопрос, «что же ему (магистру) со всем эти делать, противодействовать или нет?»

Выступая перед собравшимися, магистр сделал особый упор на необходимости не только опосредованного, через выплату определенной денежной квоты, но и личного участия каждого ливонца в обороне страны и даже воспротивился введению денежной компенсации в 20 марок, которые следовало платить землевладельцу вместо рекрута. «Одними лишь деньгами противника отразить нельзя»³⁰, – эти его слова вполне можно считать лейтмотивом его выступления. И хотя обращение магистра было адресовано исключительно ливонским немцам и не касалось представителей коренного населения, «ненемцев» (Undeutsche), это было первым случаем, когда один из государей Ливонии, рассчитывая превратить оборону страны во «всенародное дело», взывал не к долгу вассала в отношении своего ландсгерра, а к гражданскому чувству, к патриотизму представителей «ливонской нации».

Однако, как оказалось, ливонские сословия были не в состоянии воспринять подобную идею. Против принципа всеобщего долевого участия в подготовке обороны никто не возражал, но вот вопрос о размерах квот, как свидетельствует содержание рецесса, вызвал оживленные дебаты. Рыцарство, к примеру, было крайне озабочено неизбежной при рекрутских наборах нехваткой рабочих рук в поместьях, и по этой причине между двумя его фракциями, эстонской и латгальской, начались прения. Латгальцы требовали при определении числа рекрутов, поставляемых помещиками, учитывать большее богатство и большую плотность населения в эстонских поместьях и в конечном итоге добились своего: согласно постановлению ландтага, они должны отдавать в войс-

²⁹ «...он [магистр] стал искать управы в Пскове, но справедливого суда не дождался, а недавно получил насмешливый ответ, который гласит: «Разве он [магистр] не знает, что господин великий князь является самым великим и самым могущественным государем под солнцем, что он покорит заморские города, а мы все в Ливонии сидим как свиньи в свинарнике; страна [Ливония] будет принадлежать ему, а всех [ее] государей он прикажет выгнать из страны плетью» // AR. № 10, § 16.

³⁰ AR. № 10. § 13, S. 13.

ко каждого 20-го из принадлежащих им крестьян, в то время как гаррийцы и вирляндцы отдавали каждого 15-го³¹.

Впрочем, рыцари образовали единый фронт, когда у них зашел спор с представителями городов по поводу долевого участия в выплате военного налога; они настаивали на том, чтобы их доля была меньше, чем доля горожан, на том основании, что война грозит Ливонии «из-за них» (из-за закрытия ганзейской конторы в Новгороде в 1494 году)³². По окончании же прений оказалось, что утвержденная ландтагом сумма военного налога была в 4-6 раз ниже той, на которую рассчитывал магистр, и ее явно не хватало для покрытия предстоящих расходов³³.

В немецко-прибалтийской историографии XIX и начала XX века события, связанные с ландтагом 1498 года, воспринимались с определенной долей патетики и поэтики; так, например, в Плеттенберге историки того времени были склонны видеть «рыцарственного защитника Ливонии», который сумел объединить ливонскую «нацию» на разгром врага³⁴, однако подобные заключения, являясь продуктом политической предвзятости, мало соответствовали действительности. Межсословные и внутрисословные противоречия, которые обозначились на ландтаге 1498 года, оказались слишком сильны, из-за чего магистру Вольтеру фон Плеттенбергу из-за чего в канун русско-ливонской войны так и не удалось вызвать в Ливонии массового патриотического порыва.

На сословном собрании вассалов Эстонии (мантаге), состоявшемся вскоре после окончания работы ландтага, принятые им решения были ратифицированы. Однако собравшиеся там представители гаррийско-вирляндского рыцарства не преминули заметить, что магистру, который руководил обороной страны, следует подумать о как можно более скором возвращении мобилизованных крестьян их владельцам³⁵. Недовольство от потери рабочих рук, которое испытывали рыцари Эстонии, проявило себя в последствии не раз. В 1501 году, например, когда Плеттенберг, заключивший военный союз с великим князем Литовским Александром Ягеллоном, начал готовиться к войне с Московским государством и, пользуясь исконным правом магистров Ливонского ордена, объявил о созыве ополчения, он получил обращение эстонских вассалов со сло-

³¹ AR. № 10. § 18.

³² AR. № 10. §§ 12, 13, 15. S. 12–13.

³³ Плеттенберг полагал, что военный налог должен был составлять 4–6 марок (AR. № 10. § 11), но на ландтаге утвердили сумму в 1 марку.

³⁴ *Rutenberg O.von. Geschichte von Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1860. Bd. 2. S. 281.*

³⁵ AR. № 11. S. 16.

вами, что «сами они пашню не обрабатывают, а значит, не смогут последовать за господином магистром в поход, когда это станет необходимо, поскольку в этом случае они не сэберегут своих крестьян»³⁶. Озабоченность рыцарей нехваткой рабочей силы в поместьях, как видно из приведенного фрагмента, дополнялась их откровенным нежеланием выполнять долг вассала и отправляться на войну.

По мере развития в эстонских округах барщинно-мызного хозяйства, которое на протяжении всего XV века набирало темп, местное рыцарство все больше и больше утрачивает черты военного сословия, окончательно превращаясь в сословие земледельцев, использующих свои земли и принадлежащих им крепостных для развития фольварочного хозяйства и производства на экспорт сельскохозяйственной продукции. Фонд принадлежащих им земель оставался неприкосновенным, но без крестьян, которые своим трудом создавали богатство своим господам, он был им мало полезен. По этой причине именно крестьянский вопрос оказался в эпицентре сословных интересов рыцарства и именно из-за него между гаррийско-вирляндским рыцарством и руководством ордена в лице магистра Плеттенберга наметился разлад.

С началом русско-ливонской войны недовольство стало стремительно нарастать. Поход на Псковщину, предпринятый Плеттенбергом в августе-сентябре 1501 года «*cum tota terra Livonica*», оторвал рыцарей от их поместий и в буквальном смысле их обезлюдил. Так, по сообщению комтура Феллина (Вильяди) Венемара фон Дельвига, исполняющего обязанности штатгальтера во время отсутствия магистра, в конце лета (в период жатвы – М. Б.) в округе Ревеля «было пусто, и в замках совсем никого не было»³⁷. Поход, несмотря на некоторые позитивные результаты, оказался очень тяжелым. В сражении на реке Серице (Сирице) именно конница, в составе которой сражались и вассалы ордена, попав под артиллерийский обстрел противника, понесла основные потери³⁸. Позже многие ливонцы погибли из-за распространившейся в войске эпидемии³⁹.

Детонация возмущения, направленного на магистра, случилась все же несколько позже, после того как в ноябре–декабре того же 1501 года по Ливонии от Мариенбурга (Алуксне) в сторону Ивангорода, разоряя

³⁶ LEKUB. Bd. 1. № 1023a.

³⁷ LEKUB. Bd. 2. № 160.

³⁸ Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren // Archiv fur die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 8. Reval, 1861. S. 145–146.

³⁹ Ibidem. S. 146.

все на своем пути и увозя пленных, рейдом проследовали русские войска. Авторитет Плеттенберга, который на смог предотвратить нашествие, стремительно падал; в те дни ему в глаза говорили, что, мол, пора думать о бегстве «за море»⁴⁰, а представители гаррийско-вирляндского рыцарства, чьи земли также пострадали от вторжения неприятеля, перешли от приглушенного недовольства к актам открытого неповиновения. Они демонстративно отказались принять участие в ландтаге, который магистр созвал в январе 1502 года, чтобы разработать программу по преодолению кризисной ситуации и принять дополнительные меры по укреплению военного потенциала страны.

Обстановка, в которой проходила работа ландтага 1502 года, была крайне серьезной – по словам Р. Кентманн, «ливонское политическое сообщество находилось на грани краха»⁴¹, а поведение гаррийско-вирляндского рыцарство лишь осложняло ее. Его представителей на заседаниях ландтага не было, но это не означало, что они оставались полностью безучастными и не были в курсе событий. Комтур Мемеля, полномочный представитель верховного магистра Немецкого ордена Фридриха Саксонского, которому было поручено присутствовать на ландтаге и составить для главы Немецкого ордена подробный отчет, выполняя это поручение, помимо всего прочего сообщал: «Капеллан архиепископа (Рижского – М. Б.) сказал, что (люди – М. Б.) из Гаррии и Вирлянда на это собрание не придут и причина состоит в том, что они, якобы, не чувствуют себя защищаемыми магистром (Ливонского ордена – М. Б.). Кроме этого они не хотят ему повиноваться. Они не признают над собой никого, кроме верховного магистра Пруссии, которому они присягали и на которого возлагают всякие надежды. И они не хотят вновь отправляться с магистром (Плеттенбергом в поход – М. Б.) на врага, поскольку тогда они будут беззащитны. Защиты же они намерены требовать только от верховного магистра. Если же он не сможет их защитить, они намерены искать себе другого господина, например, короля Датского или Шведского...»⁴².

Драматизм происходящего магистр Плеттенберг осознавал в полной мере; в разговоре тем же комтуром Мемеля он посетовал, что не знает, «как ему поступить с Гаррией и Вирляндом, поскольку они не подчиняются ему ни в чем и, как слышно, намереваются пропустить врага (русских – М. Б.) через свою территорию»⁴³. Посланец верховного ма-

⁴⁰ LEKUB. Bd. 2. № 221.

⁴¹ *Kentmann R.* Op. cit. S. 25.

⁴² LEKUB. Bd. 2. № 230. S. 161.

⁴³ *Ibidem.*

гистра имел случай лично убедиться в обоснованности опасений Плеттенберга. Ему нанес визит «представитель Гаррии и Вирлянда, и не из простых (людей – М. Б.), а из самых важных (von den wegesten)», который просил комтура о посредничестве в общении между ним и верховным магистром. «Кроме того, он сказал, что по дружбе своей может предоставить (великому магистру – М. Б.) 3–4 сотни всадников»⁴⁴. Этот щедрый посул анонимного визитера был сделан в то самое время, когда представители ливонских сословий во главе с магистром Плеттенбергом принимали решение об организации нового похода на русскую территорию, когда в Ливонии продолжал действовать указ магистра о созыве ополчения, а вывоз верховых лошадей был строго запрещен, а посему он может служить прекрасной иллюстрацией той большой степени пренебрежения, с которым рыцарство Гаррии и Вирлянда относилось к Плеттенбергу. Правда, встреча закончилась безрезультатно; комтур Мемеля не стал усугублять положение – «мы все поняли и прекратили дальнейший разговор».

Угроза неповиновения приказам магистра и произвольный отказ от участия в военных действиях, которые исходили в тот момент от гаррийско-вирляндского дворянства, означали, в сущности, открытый фронт на севере страны, угрозу потери Нарвы, а может быть, и Ревеля; переход же в подданство от иноземного государя могло обернуться потерей значительной части территории «орденского государства» вместе с теми же Ревелем и Нарвой и к конфликтом с Данией, что для Ливонии, в лучшем случае, означало потерю надежды на помощь этого государства в войне с Россией, а в худшем – губительную войну на два фронта.

Но эстонских вассалов ордена, не выходящих за рамки сословной обособленности, это волновало мало. Они продолжали мыслить традиционными категориями, присущими средневековым ленно-правовым отношениям, в соответствии с которыми исполнение вассалом своего долга в отношении сеньора напрямую зависело от того, насколько эффективно последний осуществляет защиту его интересов. Плеттенберг в 1501–1502 годах оказался «плохим» ландсгерром, которого можно было поменять на другого, будь то верховный магистр, которому Гаррия и Вирлянд принадлежали юридически, или же другой государь. Попытка одного из лидеров рыцарской оппозиции наладить контакты с верховным магистром свидетельствует о серьезности подобных намерений.

Плеттенбергу оставалось только успокоить их. Судя по размерам войска, с которым он предпринял очередной поход на Псковщину – в

⁴⁴ Ibid.

августе-сентябре 1502 года его войско насчитывало всего 5 тыс. человек вместо 80 тыс., которые были у него в 1501 году⁴⁵, – он отказался от тотальной мобилизации, хотя вербовка наемников и их содержание стоило ему невероятных усилий. Победа, одержанная им над русскими войсками 13 сентября близ Смолинского озера, и начатые вскоре после этого мирные переговоры укрепили его положение. После окончания войны Плеттенберг предпринял массовую раздачу ленов, которую можно было бы объяснить потребностью заполнить бреши, которые война оставила в среде орденских вассалов. Возможно, подобные соображения имели место, однако практика передачи домениальных земель в ленные держания, начавшись в послевоенные годы, продолжалась и далее, сохранив память о себе в названии «Плеттенберговы гаки (Plettenbergische Hacken)», что позволяет говорить об известной стратегическом расчете этого умного политика. Расчете, вызванном разными соображениями⁴⁶, но в том числе – стремлением умиротворить ту взрывоопасную среду, которая образовалась в северной части «орденского государства» вассалы ордена.

Что же касается ландтагов, то уже в 1503 году магистр разработал и применил практику предварительных совещаний, на которые он приглашал тех, в ком видел или ощущал потенциальных союзников, в первую очередь, представителей городов. На этих совещаниях у магистра выработывалась программа действий, рассматривались все сложные моменты, вносились необходимые коррективы. Результат не заставил себя ждать – уже с 1504 года голос Плеттенберга на ландтагах стал определяющим⁴⁷.

Таким образом, мы видим, что на ландтагах, которые проходили в крайне напряженный для «орденского государства», да и всей Ливонии в целом период, гаррийско-вирляндское рыцарство, которое представляло собой одно из самых влиятельных и в экономическом и в полити-

⁴⁵ О пятидесяти тысячном ливонском войске, которое Плеттенберг повел на Псков в августе 1502 года, говорится в письме участника событий, комтура Ливонского ордена, имя которого осталось неизвестным // LEKUB. Bd. 2. № 381. Упоминание о 80-ти тысячах воинов под началом Плеттенберга в походе 1501 года удивляет, но именно она упомянута в памятной записке прусского канцлера Пауля Вагта, который ссылается на сведения, полученные от командира наемников, принимавшего участие в том походе, Дитриха фон Шлибена // LEKUB. Bd. 2. № 191.

⁴⁶ Бессуднова М. Б. Вассально-ленная система Ливонского ордена в конце XV – начале XVI вв. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 8. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. С. 147–164.

⁴⁷ *Misāns I.* Op. cit. S. 60–61.

ческом отношении социальных групп Старой Ливонии, проявило лишь малую заинтересованность в разрешении проблем общегосударственного значения. Причину тому, думается, следует искать не только в развитии барщинно-мызного хозяйства, с которым эстонское рыцарство связывало перспективы собственного благополучия, но и с той особой формой существования, которая сообщалась ему в системе «орденского государства».

При всем своем богатстве и влиянии, родовитости, которая приобреталась в процессе наследования земель и связанных с ними прав в рамках одного семейства, эстонское рыцарство не представляло собой и не могло представлять аристократию в полном смысле этого слова, поскольку, обладая правом широкого участия в местном управлении и работе ландтагов, оно, вместе с тем, не имело возможности утвердиться в сферах высшей администрации. «Орденское государство» предлагало широкий спектр государственных должностей самого разного качества, но те из них, что были непосредственно связаны со сферами государственного управления предназначались для рыцарей Ливонского ордена, доступ в который для вассалов был закрыт.

Еще только предстоит ответить на вопрос, почему Немецкий орден так твердо придерживался принципа комплектования рыцарских кадров за пределами «орденских государств», в империи, но уже ясно одно, что этот принцип привел к возникновению в них своеобразной сегрегации, в результате которой совершенно однотипный социальный материал, который представляли собой выходцы из Германии, оседавшие во владениях Немецкого ордена, распределялся в разных социальных нишах – в одной было место государя, а в другой – подданного. Как феномен, который пока тоже не получил приемлемого объяснения, следует рассматривать и тот факт, что вассалы ордена против такого распределения не возражали. Как бы не была накалена атмосфера на ландтаге, со стороны подданных Ливонского ордена никогда не поступало требования сломать традицию и открыть для них доступ в ряды орденского братства. Видимо, эта норма действовала уже на уровне подсознания человека того времени.

Как бы то ни было, но отсутствие у землевладельческой знати Эстонии перспективы обретения государственных должностей и связанных с ними прерогатив не воспринималось ею как проявление произвола и притеснения. Возможно, остроту момента притупляло то, что многие ее представители имели в ордене своих родственников и через них могли воздействовать на руководящее звено. Однако отсутствие возможности лично занимать высшие государственные должности имело для нее фатальные последствия: 1) превратившись из военного сословия в

землевладельческое, она как бы застыла в своем развитии, сохраняя черты чисто средневекового образования, которое в условиях наступающего Нового времени продолжало воспринимать действительность через призму отживших свой век сеньориально-вассальных отношений; 2) поскольку рыцарство так и не обрело способности мыслить государственными масштабами, оно не смогло преодолеть определенной индифферентности в отношении государственных проблем, главная из которых касалась централизации страны, а посему вплоть до ликвидации ливонского «орденского государства» в 1561 году оставалась самой влиятельной центробежной силой.

Благоприятные условия для наступления центральной власти на фактическую автономию эстонского рыцарства ордена сложились лишь после того, как Плеттенберг в 1524 году выкупил у верховного магистра Альбрехта Бранденбургского (1510–1525) право высшей юрисдикции над Северной Эстонии. Не это ли обстоятельство вызвало в рыцарской среде особую приверженность к протестантизму, которая проявилась в 20-е годы и стала одной из показательных характеристик ливонской Реформации?

Г. Б. Котов

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕЙМ ЗЕМЕЛЬ ЧЕШСКОЙ КОРОНЫ И «ЯЗЫКОВЫЙ ЗАКОН» 1615 г.

Период между 1612 и 1618 г. можно выделить в качестве отдельного этапа в истории противостояния некаатолических сословий Чехии антисословному рекатолизаторскому курсу габсбургских монархов в начале XVII в. После того как в 1609 г. «Маестат» Рудольфа II формально решил вопрос о свободе вероисповедания для некаатоликов, а в 1611 г. некаатолические сословия, одержав верх в столкновении с «пассаусцами», добились некоторых политических уступок от короля Матиаса, оппозиционная активность явно пошла на спад. Ход и итоги сеймов 1614, 1615 и 1617 гг. продемонстрировали явное политическое преобладание продинастической партии и обозначили глубокий кризис политической системы «дуалистического» государства, попыткой выхода из

которого и стало в конечном счете знаменитое антигабсбургское восстание 1618–1620 гг.

Политическая программа оппозиции на этом этапе была сформулирована радикальными сословными лидерами в 1614 г. на проходившем в Чешских Будейовицах земском сейме. Учтя опыт столкновений с династией 1609 и 1611 гг., они требовали: 1) заключения «конфедерации или объединения» с австрийскими и венгерскими сословиями; 2) установления четкого порядка совместной «дефензии», т. е. механизма защиты от внешнего или внутреннего врага, для всех земель Чешской короны; 3) предоставления наивысшим земским чиновникам и уполномоченным сословиями лицам права в случае непреодолимой необходимости созывать крайские съезды без предварительного разрешения короля; 4) обновления, так называемых «наследственных договоров» Чешского королевства с князьями империи¹.

Четыре «будейовицкие» статьи были вынесены императором Маттиасом на обсуждение генерального сейма земель Чешской короны, проходившего в Праге с 15 июля по 15 августа 1615 г. Развернутой информации о его ходе мы не обнаруживаем ни в «Церковной истории» Павла Скалы из Згорже, ни в «Воспоминаниях» Вилема Славаты, являющихся традиционными источниками сведений о чешских сословных собраниях первых двух десятилетий XVII в. П. Скала вкратце сообщает о провале переговоров о заключении конфедерации с сословиями Венгрии и австрийских земель; упоминает о том, что чешские сословия обсуждали с королем вопрос о дефензии и приводит обширную жалобу на притеснения евангелической общины со стороны архиепископа Пражского и других высокопоставленных «папистов»; приводит содержание постановлений сейма о защите чешского языка (называемые также в литературе «языковым законом»)². Напротив, В. Славата акцентировал то, что сейм 1615 г. был созван для обсуждения известных четырех статей, по его убеждению ущемлявших католическую веру и принижавших королевскую власть, как и то, что эти статьи прошли надлежащую процедуру обсуждения и были отклонены сословиями. Автор довольно подробно сообщает только о том, что происходило накануне самого важного заключительного дня работы генерального сейма, приводит выдержки из итоговых постановлений по четырем статьям, но ни словом не упоминает о «языковом законе»³.

¹ *Slavata V. Paměti nejvyššího kancléře království českého Viléma hraběte Slavaty etc. / K vyd. upravil J. Jireček. D.II. Pr., 1868. S.189–191.*

² *Skála ze Zhoře P. Historie česká od r.1602 do r.1623 / K vyd. upravil K. Tieftrunk. D. I. Pr., 1865. S. 350–359.*

³ *Slavata V. Paměti nejvyššího kancléře... S. 192–200.*

По сообщению В. Славаты, в пятницу 12 августа 1615 г. видные лидеры евангелических сословий Генрих Матиас Турн, Вилем-старший из Лобковиц и Карел-старший из Жеротина покинули Прагу и направились в замок Постолопарты (у г. Лоуны, к северо-западу от Праги) «для дружеской встречи и отдыха, охоты и травли зайцев», полагая, что в дни накануне и во время праздника Вознесения Девы Марии на сейме ничего обсуждаться не будет⁴. Узнав об их отъезде, император Матиас отдал указание наивысшему пражскому бургграфу Адаму из Штернберка безотлагательно провести на сейме обсуждение четырех статей и вынести по ним постановление. Когда наивысший бургграф объявил об этом императорском поручении участникам сейма, некоторые из панов-евангелистов, в особенности Л. Колона из Фельса и Вацлав Вилем из Роупова, стали протестовать, «заявляя, что некоторые видные особы панского сословия на сейме отсутствуют, что лучше было бы отложить такое обсуждение на другой день», лучше всего – до будущего вторника, когда эти паны вернутся и можно будет более основательно обсудить эти дела. На это Адам из Штернберка ответил, что сейм «расписан» для всех «панов обывателей» из всех трех сословий королевства, что каждый волен прибыть на него, свободно высказывать свое мнение при обсуждении различных статей, вместе с другими одобрить их или же выступить против. Однако отсутствие по какой-либо причине на сейме одной или нескольких особ не мешает присутствующим все, что требуется и «что им предлагается паном наивысшим бургграфом как директором сейма», обсуждать, принимать постановления и подавать королю «на милостивую ратификацию». С этим, как пишет В. Славата, согласились все три сословия, присутствовавшие в тот день на сейме.

Первой на обсуждение сословий наивысший бургграф вынес статью «об объединении с королевством венгерским и эрцгерцогством австрийским», т. е. о заключении сословной конфедерации. В итоговых постановлениях было сказано, что статья о конфедерации с венгерскими и силезскими сословиями была опущена, поскольку «из венгерского королевства никаких послов не направили и посланные из австрийских эрцгерцогств ничего этого у Е[го] И[мператорской] М[илости] как у чешского короля и сословий этого королевства не просили»⁵. Венгерские сословия действительно не выслали свою делегацию в Прагу, хотя, как подчеркивает В. Славата, им было это предписано императором как венгерским королем. Контакты же с представителями верхне- и нижнеавстрийских сословий уперлись в средневековые представления чешс-

⁴ Ibid. S.194.

⁵ Ibid. S.196.

ких сословий о своем особом статусе. Сословия Чешского королевства считали ниже своего достоинства обращаться к сословиям австрийского эрцгерцогства с предложением о заключении союза. Они полагали, что делегация австрийских сословий должна первой обратиться с подобной просьбой и терпеливо ожидать ответа. Когда же австрийские делегаты явились на сейм, выяснилось, что они прибыли в Прагу по распоряжению императора, своего господина, для того чтобы выслушать предложения сословий Чешского королевства; ни к чему иному полномочий от сословий Верхней и Нижней Австрии они не имели.

Затем сейм вынес постановления по поводу статей о крайских съездах и «наследственных договорах». В первом случае все было оставлено в соответствии с Земским уложением, которое под страхом сурового наказания запрещало созыв сословных собраний, несанкционированных королем. По поводу «наследственных договоров» с князьями империи было принято решение покорно просить императора о том, «чтобы Его Милость как король чешский [...] эти наследственные договоры и соглашения с упомянутыми курфюрстами и князьями Св. Империи милостиво изволил обновить в соответствии со стародавним обычаем без дальнейших отлагательств»⁶. В помощь наивысшим земским чиновниками и советникам земского, надворного и коморного судов для обновления этих договоров сейм избрал десять особ из панского и рыцарского сословий.

Процедурные проблемы возникли и при обсуждении последней статьи о «дефензии», которое требовало участия представителей сословий земель Короны. В приведенной В. Славатой выдержке из итоговых постановлений сейма сказано, что ни моравская, ни силезская, ни лужицкая делегации «не имели никаких полномочий для заключения чего-либо, что было бы предложено на этом генеральном сейме», но то, что обсуждалось между сословиями Чешского королевства и посланцами инкорпорированных земель, они только «приняли для доклада» делегировавшим их сословиям⁷. Тем не менее было решено, что в случае «непреодолимой нужды» чешские сословия окажут помощь сословиям Силезии и Лужиц двухтысячным отрядом кавалерии и шеститысячным отрядом пехоты, предварительно получив на это королевскую санкцию. Для окончательной доработки соглашения и его заключения с представителями сословий этих земель сейм избрал и наделил соответствующими полномочиями комиссию из четырнадцать особ от всех трех со-

⁶ Ibid. S. 198.

⁷ Ibid. S. 199.

словий. При этом оговаривалось, что это решение будет действовать лишь в течение пяти лет, и, если за это время к соглашению не присоединятся моравские сословия, а силезцы или лужичане нарушат взятые на себя обязательства, сословия Чехии не будут обязаны к оказанию этой помощи. И хотя окончательного соглашения с сословиями земель Короны не было достигнуто, сейм постановил, что в случае опасности для короля или для земли «указанное выше количество конного и пешего люда было набрано и нанято» с ведома императора и за его счет. Для этого сословия наделяли наивысших земских чиновников, советников земского, дворского и коморного судов, а также особ, которые будут уполномочены «общинной» для руководства дефензией, правом распоряжаться установленными сеймом «контрибуциями и сборами» для выплаты жалованья наемникам.

В принципе, у оппозиции не должно было возникнуть претензий к процедуре проведения сейма. Четыре статьи действительно были вынесены на рассмотрение сейма, обсуждены и по ним было вынесено постановление. Утверждать, что сословное «большинство» полностью отвергло эти четыре требования, вряд ли возможно. Эта участь постигла только статью о свободном созыве крайских съездов. Статья о конфедерации была снята из-за процедурных затруднений. В случае же обновления «наследственных договоров» и «дефензии», наоборот, и император и сейм констатировали важность этих акций, приняли положительное решение и даже избрали уполномоченных для их реализации. Стоит отметить, что постановление сейма о «дефензии» по содержанию оказалось несколько шире соответствующей оппозиционной статьи: в нем наивысшим земским чиновникам и советникам предоставлялось право вербовать в случае крайней необходимости воинские отряды, что было отдельной статьёй в предкоронационных требованиях 1611 г. Однако в решениях генерального сейма 1615 г. из инициатив оппозиции оказалось исключено их оппозиционное содержание. Военная помощь сословиям инкорпорированных земель и наем войска в экстренной ситуации оказывались направлены в первую очередь на защиту государя и могли быть осуществлены только с его ведома и одобрения.

Итоги генерального сейма 1615 г., на котором распалась радикальная четырехстатейная программа и который вотировал берну на пять лет вперед и дал согласие на уплату части королевских долгов, стали крупным успехом династии и серьезным политическим поражением противников габсбургского курса. Основным и вполне логичным ответом на вопрос, почему сословная оппозиция оказалась неподготовленной к маневрам протинастической партии, является предположение о

ее внутреннем расколе накануне или в ходе сейма⁸. Однако попытки исследователей обосновать предположение о расколе среди оппозиции поведением сословных вождей в день голосования по четырем статьям оказывается малопродуктивными из-за крайне скудной и противоречивой информации источников.

Говоря о сейме 1615 г., нельзя обойти вниманием постановления о защите чешского языка, называемые в литературе также «языковым законом».

В предваряющем статьи «закона» вступлении⁹ его составители апеллировали к опыту предков, которые, «стремясь свой народ чешский выучить, размножить и сохранить и полагая, что с гибелью чешского языка и народ чешский, и имя чехов должно погибнуть», установили, чтобы в судах Чешского королевства тяжбы велись только на чешском языке. Отмечалось, что «многие нынешние жители этого королевства», в отличие от своих достославных предков, «тратятся на введение на родине своей милой различных чужих языков и народов». В документе выражалось беспокойство по поводу наплыва в страну большого количества иноземцев, которые в ней оседают, занимаются своими ремеслами и торговлей, приобретают большие владения, назначаются на различные должности и в советы, особенно в городах, в местечках, многие не зная трех слов по-чешски, не понимая сторон, излагающих по-чешски свои дела, и не имея понятия о законах этого королевства. Тем не менее эти люди выступают в советах и даже ведут тяжбы в судах на чужих языках, что противоречит и «Земскому уложению», и заветам предков.

В двух первых статьях языковой закон требовал, чтобы в будущем «ни один иноземец, который бы не знал чешского языка и не мог бы вразумительно выразить на нем свои нужды», не принимался в Чешском королевстве ни как «обыватель», ни как мещанин в городскую общину, но каждый желающий стать «обывателем» или мещанином «прежде всего был бы обязан научиться чешскому языку». Иноземцы же, которые до этого времени уже получили «инколат»¹⁰ или мещанские

⁸ Такое предположение высказал еще А. Гиндели на основании того, что в работе сейма, по его мнению, не участвовали двое видных лидеров чешских евангелистов – Вилем-ст. из Лобковиц и Я. О. Шлик (*Gindely A. Dějiny českého povstání 1. 1618. D.I. Pr., 1870. S. 87, прим. 8*).

⁹ Текст постановлений чешского земского сейма 1615 г. о защите чешского языка приводится П. Скалой: *Skála P. Historie česká... S. 356–358*.

¹⁰ «Инколат» – «право обитания», предоставлявшее дворянам-иноземцам возможность полноправного участия в политической жизни страны (заседать на земских сеймах, в советах и судах, отправлять различные должности и т. д.).

права в чешских городах, были обязаны отдавать своих детей учиться чешскому языку. Однако ни они, ни их потомки «до третьего колена», согласно 3-й статье «языкового закона», не могли назначаться «ни на какие земские, городские или иные должности, а также ни в какие суды».

Статья 4 закона запрещала на сеймах и в судах всех инстанций слушать дела и выносить приговоры на любом другом языке, кроме чешского. Еще в преамбуле было отмечено, что многие коллаторы (землевладельцы-патроны располагавшихся в их владениях церковных приходов) назначают и содержат в своих приходах, где подданные не знают никакого другого языка, кроме чешского, священников-иноземцев, не владеющих чешским языком. Статья 5-я под угрозой крупного штрафа запрещала коллаторам, как католикам, так и евангелистам, принимать и содержать не знающих по-чешски школьных наставников, священников и проповедников в своих «приходах, церквях и школах, в которых слово Божье перед тем в течение 10 лет проповедовалось на чешском языке и дети этому же языку обучались».

Статья 6 закона грозила изгнанием в течение полугода тем жителям королевства, которые, зная чешский язык, не желают говорить на нем и отговаривают от этого других. Согласно 7-й статьи «закона», в некоторых местах Чешского королевства, в особенности в Пражских городах, люди немецкого происхождения называют себя «немецкой общиной», хотя таковая не была разрешена ни одним правителем Чехии и о ней нет никакого упоминания ни в «Земском уложении», ни в правах чешского королевства. Поэтому впредь любой «новой общине» запрещалось называть себя «немецкой».

Затронутые в этих постановлениях сейма 1615 г. проблемы – иммиграция иностранцев (в первую очередь – немцев) в Чехию, существование компактных анклавов с этнически немецким населением, положение чешского языка в политической и культурной жизни страны и отношение к ним среди чешских сословий – представляются весьма непростыми в исследовательском плане. Временная отдаленность не позволяет исследователям применять для описания этнокультурного облика Чешских земель в предбелогорскую эпоху методы и подходы, традиционные для этнологического изучения современных государств и народов. Любые подсчеты и предположения о том, какая доля населения Чехии и Моравии считала своим родным чешский или немецкий язык и относила себя к той или иной народности, будут весьма приблизительны. Ни просопографические данные, ни разнообразные актовые материалы (делопроизводство земских, домениальных, городских, цеховых управленческих институтов) часто не могут дать определенного ответа на вопрос, к какой народности принадлежали составители доку-

ментов или те люди, о которых в них шла речь. С другой стороны, на рассмотрение этно-языковых проблем истории Чешских земель как никаких других оказывали (и продолжают оказывать) значительное влияние и политические установки эпохи, и этно-культурные предпочтения или стереотипы конкретных исследователей. Вопросы об этническом характере общества в прошлом и конфликтах на этнической или языковой почве нередко актуализировались на фоне социально-политических процессов XIX – первая половина XX в., связанных с формированием чешской нации, борьбой за независимость и создание национального государства¹¹.

В работах исследователей, обращавшихся к различным аспектам этносоциальной истории Чешских земель XVI – начало XVII в. (Й. В. Шимака, Й. Клика, К. Крофты, А. Мики, И. Коваржика, Й. Полишенского и Ф. Снайдера)¹², приводится немало примеров притока «немецкого элемента» в города и сельские общины, существования анклавов с преимущественно немецким населением, онемечивания некоторых старых чешских родов и проникновения иноземцев в среду дворянских сословий. Тем не менее авторы склоняются к тому, что о масштабном процессе вытеснения чешского языка немецким, массовом проникновении дворян-иноземцев в сословную среду и на влиятельные и доходные земские должности говорить по меньшей мере проблематично. В среде сословий предбелогорской Чехии можно обнаружить широкий спектр форм этно-политического самосознания: от так называемого «земского патриотизма», для которого на первый план выходила принадлежность той или иной особы к Чешскому королевству и его сословным корпорациям, независимо от этноязыковой принадлежности, до

¹¹ О влиянии этих факторов на изучение этнического самосознания и национальных отношений в Чехии XV в.: *Мельников Г. П.* Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху (конец XIV века – 1471 год) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 79–81.

¹² *Šimák J. V.* Příspěvek k výkladu zákona o zachování jazyka českého z r. 1615 // Sborník věd právních a státních. Roč.12. (1911–1912). Pr., 1912. S.173–184; *Klik J.* Národnostní poměry v Čechách od válek husitských do bitvy bělohorské. Pr., 1922; *Krofta K.* Nesmrtelný národ. Pr., 1940. S.121–245; *Mika A.* Národnostní poměry v českých zemích před třicetiletou válkou // Československý časopis historický (далее – ČsČH). 1972. № 2. S. 207–233; *Kovařík J. A.* Proměny feudální třídy v Čechách v předbělohorském období // Proměny feudální třídy v pozdním feudalismu. Pr., 1976. S.137–164; *Polišenský J., Snider F.* Změny ve složení české šlechty v 16. a 17. století // ČsČH. 1972. № 4. S. 515–526.

воинствующего патриотизма, близкого к ксенофобии. Отмечено, что трения и конфликты на этнической почве были наиболее ощутимы в городах. Проникновение иноземцев и проблемы языка острее воспринимались образованным слоем чешского мещанства, представителям которого принадлежат все наиболее известные патриотические выступления «в защиту народа и языка» предбелогорской эпохи¹³.

Исследователи отмечают, что «радикализм», жесткость, с которой были сформулированы статьи акта, делала его заведомо неэффективным, особенно применительно к космополитичному аристократическому обществу. Эта заведомая неэффективность была отмечена современниками событий. «На этом сейме – писал в своих записках кутногорский мещанин Микулаш Дачицкий из Геслова, – также принято постановление о прославлении чешского народа и о том, как иноземцы должны приниматься в Чешское королевство и назначаться на должности, а также о прославлении чешского языка. Но это не имело никакого действия: ибо дело уже непоправимо из-за собственного равнодушия и разногласий чешских»¹⁴. Он же упоминает о пренебрежительной реакции тех, против кого по определению был направлен «языковой закон», на его появление: «Сразу же после этого сейма немцы и итальянцы в Праге ночью и днем на своих языках и сами чехи на чужих языках, все для оскорбления этого сейма и народа чешского, пели и ликовали»¹⁵. Разумеется, «языковой закон» не был совершенно мертворожденным актом: в литературе зафиксированы отдельные случаи его применения в непродолжительный период с 1615 по 1620 г.¹⁶ Однако отсутствие в структуре сословной монархии какого-либо механизма или институтов, которые могли бы обеспечить исполнение этих норм, объективно делало их безвредными для большинства иноземцев в Чехии¹⁷.

¹³ Наиболее известными выступлениями против проникновения иноземцев (прежде всего, немцев) в Чехию и в защиту чешского языка в начале XVII в. являются памфлет П. Странского «Окрик на невнимательного чеха» (1619), патриотические стихи М. Дачицкого из Геслова, предисловие П. Ешина из Бездизи к изданию «Хроники т.н. Далимила» (1620).

¹⁴ *Dačický z Heslová M. Pameti / K vyd. upravil A. Rezek. Pr., 1878. S. 354.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ Примеры применения «языкового закона» 1615 г. приводят в своих работах З. Винтер и К. Крофта (*Winter Z. Kulturní obraz českých měst: Život veřejný v XV. a XVI. věku. D.I.I. Pr., 1892. S. 642; Krofta K. Nesmrtelný národ...S. 145–146.*

¹⁷ На это, в частности, указывает М. Пояр (*Pojar M. Jindřich Matyáš Thurn - muž činu. Pr., 1998. S. 77.*

Возникает вопрос: кто был инициатором этого «странного» закона и каков был его роль в конфликте между королевской властью и сословной оппозицией?

А. Гиндели акцентировал, что постановления сейма 1615 г. о защите чешского языка стоят особняком и не имеют прямой связи с конфессионально-политическими контroversиями. Наиболее вероятный импульс к их появлению исследователь видел в недовольстве «старых панов» поведением дворян, хорошо знавших чешский язык, но сознательно отказывавшихся говорить на нем в обществе. Речь шла об особах из числа придворного дворянства, размножившегося в Праге за годы правления Рудольфа, и принадлежность части из них к католическому вероисповеданию только усиливало неприятие¹⁸.

Ряд историков рассматривает принятие этих постановлений о защите чешского языка как весьма важную акцию сословно-евангелической оппозиции, направленную против сторонников прогабсбургской партии. Например, Й. В. Шимак отмечал, что «языковой закон» «не имел своей главной мотивацией опасения за его (языка – Г. К.) существование», что «в свете конфессионально-политическом» закон может быть истолкован намного лучше, чем «в свете национальном»¹⁹. Предвидя неудачный для себя исход сейма, оппозиция посредством этих постановлений хотела хотя в будущем бы ограничить прилив на сеймы сторонников правительства²⁰. К. Крофта считал неправдоподобным предположение о том, что явно неприемлемый для габсбургского двора «языковой закон» был навязан «ничтожным католическим и староутраквистским меньшинством, которое без поддержки королевского двора было почти полностью беспомощно», «большинству» евангелических сословий. Здесь следует отметить, что, по мнению К. Крофты, на сейме 1615 г. «решающее слово» принадлежало именно евангелическому большинству. Автор приводит достаточно веский аргумент в пользу предположения, что «закон» мог исходить от оппозиции: положение об обязательном обучении детей «принятых в страну» иноземцев чешскому языку можно обнаружить в проекте нового Земского уложения, составленном годом ранее специальной комиссией сейма, в которой ведущую роль играли лидеры евангелических сословий²¹.

Предположение А. Гиндели об аполитичных «старых панах» как о наиболее вероятных авторах законопроекта развивает А. Мика. Опи-

¹⁸ *Gindely A. Dějiny českého povstání... S. 101.*

¹⁹ *Šimák J. V. Příspěvek k výkladu zákona... S. 175, 183.*

²⁰ *Ibid. S. 184.*

²¹ *Krofta K. Nesmrtelný národ... S. 149–150.*

раясь на пассаж из текста закона, в котором говорится о преимуществе коренных чехов в получении наград за свою службу стране, исследователь считает авторами «закона» немногочисленную группу «консервативно настроенных» дворян, которые были недовольны усилением влияния как в придворных кругах, так и в лагере сословной оппозиции получивших «инколат» иноземцев и младших отпрысков старых чешских родов, отличавшихся пренебрежительным отношением к чешскому языку, к политическим и культурным традициям страны²². К сожалению, автор не уточняет, кто персонально мог входить в число этих «консервативно настроенных» особ. Трудно судить, чем обосновано и предположение о том, что именно усилиями этих немногочисленных «старых панов», «подстрекаемых двором», удалось похоронить будейовицкие статьи²³. Критикуя Й.В. Шимака за то, что тот «переоценил его (закона – Г. К.) заостренность против придворного дворянства и вообще чрезмерно акцентировал политическую значимость проникновения немцев в страну», А. Мика, по сути, не отвергает оценку «языкового закона» как «значительного политического акта в борьбе чешских сословий против агрессивного иноземного придворного дворянства». На его взгляд, этот акт «должен был быть опорой и в политической борьбе за главные земские и придворные функции»²⁴.

Я. П. Кучера также считает, что «о формулировке закона и его принятии позаботились прежде всего консервативные круги чешского дворянства», с опасением наблюдавшие за нарастанием конфликта между радикальными группировками среди высших сословий и желавшие воспрепятствовать этому. В то же время исследователь вынужден признать, что «конкретно определить эту группу очень трудно, уже принимая во внимание осторожный характер ее выступлений и вообще очень трудно установить, до какой степени она сливалась с «большинством», с «центром», в каком отношении она находилась к проправительственной партии. К этой группировке могли принадлежать «как радикальные деятели, так и политики «центра» вроде Адама-мл. из Вальдштейна».

«Однако – отмечает автор, – в любом случае ее программа [...] уже не отвечала новому ритму эпохи. Тем не менее мы можем представить, сколь малыми симпатиями в кругах, к которым могли принадлежать как

²² Míka A. Národnostní poměry... S. 222–223.

²³ Ibid. S. 222.

²⁴ Ibid. S. 223–224.

радикальные деятели, так и политики «центра» вроде Адама-мл. из Вальдштейна, мог пользоваться, к примеру, Яхим Ондřej Шлик, Колона из Фельса, Генрих Матиас Турн, но, вероятно, и Зденек Войтех из Лобковиц или Франтишек из Дитрихштейна»²⁵.

Интересные предположения о политической роли «языкового закона», на наш взгляд, сделал на основании его содержания Й. Пекарж. Указывая на «темные стороны» «закона», исследователь отмечал, что «он хочет (и кажется, что хочет прежде всего) принудить иноземцев, переселившихся в Чехию, отдавать детей учиться чешскому языку, но ничего не устанавливает в этом отношении о домашних немцах». Примечательно, что в соответствии с этими постановлениями чешский язык должен был быть возвращен только в школы, из которых его вытеснили до 1605 г. В этом исследователь усматривал «результат осторожной любезности» по отношению к вождям оппозиции немецкого происхождения, «которые именно после 1605 г. заложили в Праге бастионы немецкого лютеранства» – церкви Св. Спасителя в Старом Месте и Св. Троицы на Уезде, при которых, разумеется, имелись школы. «Эта нелогичная уступчивость – по мысли Пекаржа, – свидетельствует о том, что радикализм языкового закона в основе был очень компромиссным». Он полагает, что первоначальный вариант постановлений вероятно был гораздо более жестким и подвергся на сейме изменениям под влиянием немецко-лютеранских сословных вождей, авторитет которых в этот период среди не католических сословий Чехии не вызывает сомнения. Й. Пекарж считал ошибочными предположения, что у авторов «закона» политические мотивы преобладали над собственно стремлениями защиты родного языка. Но, по его мнению, большой политический интерес в нем имело «католическое и утраквистское меньшинство». «Большинство» же не отважилось открыто выступить против «национального лозунга», но «вероятно, способствовало тому, чтобы закон остался мертвой буквой»²⁶.

В целом постановления о защите чешского языка 1615 г. и обстоятельства их появления могут свидетельствовать о существовании внутри «сословной общины» Чехии немногочисленных, но влиятельных группировок, интересы которых лежали за рамками сословно-династического столкновения. Инициатива этого законопроекта ско-

²⁵ *Kučera J. P. Stavovská opozice v Čechách a volba Ferdinanda Štýrského českým králem // Studia comeniana et historica. Roč. 14, č. 28. 1984. S. 11.*

²⁶ *Pekař J. Bílá hora. Její příčiny a následky. Pr., 1921. Цит. по изд.: Pekař J. O smyslu českých dějin. Pr., 1990. S. 205.*

рее всего исходила от немногочисленной, но авторитетной группы представителей старой чешской аристократии, которая стремилась обратить внимание сейма на ряд тревожных, по ее мнению, явлений, связанных с проникновением в сословную среду иноземцев и пренебрежительным отношением молодых чешских дворян к родному языку. Постановления, направленные против всех иноземцев без различия конфессионально-политической принадлежности, в принципе могли быть обращены как против сословной оппозиции, так и против прогабсбургской партии, поскольку среди активных деятелей и той и другой было немало немцев. Следует, однако, признать, что имеющаяся в распоряжении исследователей информация, не позволяет видеть в «языковом законе» исключительно акцию сословной оппозиции, направленную на ослабление позиций сторонников Габсбургов на сеймах.

Более обоснованным выглядит предположение о том, что большую выгоду из появления подобного законопроекта могла извлечь правительственная партия. «Языковой закон» не был заявлен в пропозиции генерального сейма, его обсуждение состоялось скорее всего уже после голосования по четырем статьям, когда сословия стали рассматривать земские дела. К этому моменту преобладание сторонников династии на сейме было очевидно. Его обсуждение, с одной стороны, давало выход политической активности сословий, позволяло отвлечь их внимание от более острых политических вопросов, с другой – создавало ситуацию, чреватую расколом в рядах оппозиции.

Однако столь же вероятно, что сами по себе постановления о защите чешского языка не имели политической подоплеки, что трудно-определяемая, но достаточно влиятельная маргинальная группировка консерваторов просто умело использовала возникшую на сейме ситуацию, проведя закон, содержание которого не вызывало возражений ни у сторонников, ни у противников правительственного курса.

А. А. Паламарчук

СОЗДАВАЯ ТРАДИЦИЮ: СТРАТИФИКАЦИЯ ЗНАТНОГО ОБЩЕСТВА У ЛОНДОНСКИХ АНТИКВАРИЕВ начала XVII века

Центральной темой, к которой так или иначе оказываются привязанными исторические и терминологические реконструкции антиквариев, является тема знатного общества, его структуры и места в современной им монархии.

Представляется, что определяемые на страницах антикварных сочинений ценности и приоритеты, проявившиеся, по мнению самих стюартовских историков, в многовековой истории английской знати, в значительной степени отражают систему ценностей и приоритетов, характерных для современной им действительности. Подробная реконструкция истории знатных достоинств – при всей объективной ценности подобных изысканий с точки зрения развития исторической науки – оказывается, таким образом, прежде всего «созиданием» традиции, подтверждающей ситуацию, свойственную современности.

Для подавляющего большинства современников знать виделась наиболее значимой и активной в социальном отношении группой. Если одни авторы (Т. Миллз, М. Картер) вскользь напоминают читателю о том, что английское общество состоит из простонародья и знати (*commonalty and nobility*), впрочем, не претендуя на какую бы то ни было оригинальность и лишь воспроизводя традиционные схемы Т. Смита и Т. Уилсона, то большинство (Дж. Сэлден, У. Сегар, Дж. Гвиллим, Г. Спелман), как правило, полностью ограничивает рамки своих изысканий привилегированной частью общества, подспудно ставя знак равенства между понятиями «общество» и «знатное общество». Те, кто находится в подчиненном положении, не заслуживают внимания и не могут становиться предметом рассуждений или дискуссий, будучи по природе лишены потенциала к созиданию и деятельности. Иерархия – явление естественное, установленное самой природой для поддержания существования общества, которое он уподобляет человеческому организму: «И подобно тому, как в человеческом теле для его поддержания все члены исполняют различные функции, так и в первом человеческом обществе (и во всех остальных также) необходимо различие между людьми»¹.

¹ *Milles Th. Nobilitas Politica vel Civilis. L., 1608. P. 3.*

Ключевым термином, обозначающим привилегированную часть общества в целом, было понятие *nobilitas*, наиболее адекватно переводимое на русский язык как «знать». Используемый в русскоязычной историографической традиции термин «дворянство» не соответствует тем реалиям, которые описывали английские авторы.

Использование слова *nobilitas* для описания знати, разумеется, не было новацией антиквариетов и на момент создания лондонскими эрудитами их сочинений имело богатую традицию, сформировавшуюся в период классического Средневековья.

В стремлении прояснить понятия «знать» и «знатность» антиквариетов пользовались несколькими определениями и классификациями, восходившими в конечном счете к Аристотелю и аристотелевской традиции. Во-первых, знатность, понимаемая как благодать и красота, наблюдалась не только в человеческом обществе, но и во всем мире, что позволяло современникам выделять: 1) *nobilitas theologica seu supernaturalis*, понимавшуюся преимущественно как божественная милость, изливаемая на творение по одному Богу ведомым причинам, не зависящая от заслуг и зачастую незаметная и непостижимая для взгляда со стороны; 2) *nobilitas naturalis* – совершенство форм, в большей или меньшей степени присутствующее всем населяющим землю созданиям: человеку, животным, птицам, растениям и т. д.; 3) *nobilitas politica* – это понятие обозначало в самом широком смысле известность среди людей, видное положение в обществе; кроме того, словосочетанием *nobilitas politica* обозначается привилегированная социальная группа, т. е. знать.

Две составляющие английской знати обозначаются в антикварной традиции следующими парами терминов: *nobilitas major* – *nobilitas minor*; *nobilitas nominata* – *nobilitas innominata* – знать высшая и низшая, титулованная и нетитулованная. При переводе на русский язык не используется термин «дворянство», поскольку это понятие, сформировавшееся для описания исключительно российских реалий, не соответствует положению и истории формирования британской *nobilitas*. Английский термин *gentry* используется редко и, как правило, для именованной нетитулованной знати, хотя возможны незначительные вариации – например, для обозначения людей, носящих джентльменское достоинство. Достаточно распространенный в отечественной историографии термин «джентри» не кажется подходящим для перевода *nobilitas minor*, поскольку в историографии, особенно отечественной, он прочно связан с теорией возвышения так называемого «нового дворянства» – «джентри». В сочинениях антиквариетов такая коннотация полностью отсутствует. Термин «новое дворянство» в сочинениях современников не встречается вовсе, за исключением частных случаев, когда речь идет об отдельных креа-

циях или учреждениях достоинств, но отнюдь не о значимой социальной группе. Термин «аристократия» не используется для обозначения какой бы то ни было страты внутри знати, а применяется в исконно аристотелевском значении – власть, сосредоточенная в руках меньшинства, особая форма правления и, следовательно, подчеркивают исключительно функцию, выполняемую представителями знатного сообщества².

Авторы, создававшие свои сочинения в XVI–XVII столетиях, так же как и современные исследователи, при описании общества прибегали к построению нескольких возможных схем. Однако среди них без труда можно выделить ту модель, которая оказывалась для современников наиболее предпочтительной, с которой они согласовывали все иные возможности определить статус отдельного человека или группы и которая служила организующей основой для построения теоретических трактатов о знати. Речь идет об иерархии знатных достоинств.

Достоинства и титулы знати, в свою очередь, также выстраивались теоретиками в несколько различных иерархий. Отдельно следовало рассматривать достоинства светские и духовные; особый порядок следования определялся среди феодальных достоинств и среди служилых должностей; профессии, должности и ученые степени также имеют неравный статус. Среди достоинств выделялись те, что изначально существовали как феодальные титулы на основе служилых функций, и те, генезис которых был связан с особым статусом территориальных владений. В некоторых случаях представленные иерархии могли существовать параллельно и независимо друг от друга; с другой стороны, падение или продвижение в одной из этих иерархий могло, по убеждению современников, влиять на изменение статуса человека в другой.

Знатный человек обладал набором других характеристик, которые дополнительно подтверждали его статус, то есть знатностью. Традиционно считалось, что «знатность» включала в себя такие компоненты, как родовитость (благородство), высокое место на военной службе или в структурах гражданского управления, наконец, личные дарования (рыцарские и христианские добродетели, образованность).

Однако первое условие – обладание одним из знатных достоинств – оставалось для теоретиков антикварного направления неизменным и обязательным. Иерархия достоинств служила главным стержнем раннеюэртюартовских антикварных трактатов, посвященных нобилитету, глав-

² Подробнее см.: Федоров С. Е. Термин «аристократия» в толковании английских лексикографов конца XVI – начала XVII вв.: британский мир и греко-римская традиция // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 2000. С. 346–349.

ным критерием внутригрупповой стратификации, а рассмотрение и анализ прочих ценностей знатного общества было необходимым основанием формировавшейся в стюартовском обществе специфической традиции восприятия властной элиты. Представления о знатности в XVI столетии, несомненно, претерпевают значительные изменения, которые отражают новую расстановку ценностных приоритетов английской знати.

Нетитулованная знать

Иерархию достоинств открывала самая многочисленная категория английской знати – джентльмены. В связи с этим достоинством в антикварных трактатах активно обсуждалась проблема проницаемости нижней границы знатного сословия и проблема родовитости как составляющей дворянской знатности.

Формально джентльменом мог называться тот, кто «благодаря крови своих предков, или благосклонности государя, или вследствие собственных заслуг, или в силу занимаемой должности, или иных причин, по законам и обычаям той страны, о которой идет речь, аноблирован, то есть сделан знатным, возвышен над остальными: его воистину следует считать принадлежащим к знати»³.

И среди современников, и в современной историографии общепринято утверждение, что нижняя граница английского дворянства была достаточно размытой: фактически право называться джентльменом и претендовать на низшее знатное достоинство мог получить каждый, кто имел возможность вести соответствующий образ жизни и слыть за человека известного и почитаемого⁴. Кроме того, в Англии (в отличие, например, от Франции, где существовало понятие «личное дворянство») наследник того, кто сумел добиться признания собственной знатности, автоматически также претендовал на благородный статус, становясь, таким образом, благородным уже по рождению.

При первом прочтении антикварных трактатов может сложиться впечатление, будто существовавшие в английском королевстве обычаи и установления, в том виде, в каком они излагались авторами, действительно предполагали быстрое и законное продвижение в состав знати. Общим местом являлось для антиквариев утверждение, что стать знат-

³ *Selden J.* Titles of Honor. L., 1672. P. 705.

⁴ Практика, однако, допускала понятие знатности *per se*, но теория подобное состояние отрицала. Об этом см.: *Palmer F.* Peerage Law in England. N.Y.; L., 1978.

ным можно, проявив собственные таланты и снискав королевскую милость на любом перспективном поприще (юридическом, военном или придворном). М. Картер подробнее остальных перечисляет звания и должности, дававшие человеку право причислить себя к нобилиям, прославленным знатным мужам. Статус некоторых чинов, с его точки зрения, так высок, что автор рассуждает о порядке их следования относительно достоинств, стоящих выше «просто» джентльменского. Речь идет о тех, кто получил степень доктора права, богословия и медицины. Картер спрашивает, не следует ли поставить маститых юристов даже выше рыцарей, однако окончательное его решение таково: «Допуская великую пользу и выгоду мира, мы все же должны признать, что этот самый мир, давший начало всем законам, есть результат действия меча; и ни мир сам по себе не способен охранить законы, ни законы – охранить мир без вооруженной силы. И я ни в коей мере не могу умалять достоинство докторов права, поскольку их следует поместить сразу же вслед за рыцарями, то есть перед докторами богословия; следующее место отдается докторам медицины, которая суть вершина натуральной философии. ...Вообще, если кто-либо законным повелением государя получит любую должность, достоинство или чин, будь он церковный, военный или гражданский... его следует причислить к знати»⁵.

Действительно, может сложиться впечатление, что добиться права называть себя знатным, если и не претендуя сразу на должность канцлера или казначея, то, по крайней мере, став судьей или доктором медицины, было нетрудно. Однако после перечисления широких перспектив, якобы открытых перед теми, кто желал *aspire unto honor*, антикварии открывают истинное положение вещей и указывают, кому именно открываются многочисленные должностные возможности. Постепенно пыл исследователя, надеявшегося увидеть в лондонских антиквариях либералов в вопросах определения знатности, заметно ослабевает.

Неопределенность происхождения и сомнительность притязаний *irregular and untriable gentry* заставляла историков антикварной школы доказывать, что основой притязаний на право причислять себя к знати должна считаться родовитость. В большинстве случаев к желающему подтвердить право называть себя знатным по крови предъявлялось требование представить свидетельства о знатном статусе трех предков по мужской линии⁶. Родовитость, в свою очередь, легализовала право претендовать на более высокие ступени в иерархии достоинств.

⁵ Carter M. Honor Redivivus... L., 1673. P. 15–18.

⁶ На практике уже при Карле I даже три поколения знатных предков становятся необязательными.

В стремлении обосновать замыкание границ знати следует усматривать желание закрепить доступ благородных англичан к придворным и административным должностям, а также к распределению королевских милостей исключительно знатным обществом. Вопрос о родовитости оказывается единственным моментом, когда антикварии единогласно указывают на ограниченность власти государя: монарх может возвысить любого, одарить его какими угодно титулами и богатством, сделать человека знатным, но одновременно вознаградить его семью поколениями предков он не в силах. М. Картер, сылаясь в своем трактате на авторитет «Титулов достоинства» Дж. Сэлдена, пишет так: «Однако такое (по воле государя. – А. П.) возведение в знатное достоинство не может сделать человека джентльменом по рождению; как гласит испанская пословица, король не может сотворить идальго; человек может стать знатным (*nobilis*), но не может стать благородным (*generosus*)»⁷.

Эсквайры

Достоинство эсквайра, неразрывно связанное с достоинством рыцарским, обсуждается антиквариями сравнительно кратко. Несмотря на очевидную связь с рыцарством и многие сходные черты этих двух достоинств с ярко выраженным военно-служилым происхождением, нельзя не заметить, что антикварии старались продемонстрировать тяготение эсквайров к более низкому достоинству джентльмена, а не к рыцарству.

У. Сегар пишет, что «Эсквайры не считаются особым разрядом в государстве, но относятся к разряду джентльменов. Они не проходят ни креации, ни посвящения, если только не занимают должность по соизволению государя»⁸.

Сэлден также замечает, что в современном обществе именование эсквайром служило, скорее, отличительным именованием, позволявшим человеку занимать более высокое положение внутри нетитулованной знати. Он пишет: «Сегодня положение [этого достоинства] таково, что если кого, по праву происхождения, положению на службе или другому выдающемуся признаку, считают достойным почтения большего, чем предполагает достоинство джентльмена, и притом этот человек не имеет законного права ни на какой другой титул, обычно именуют эсквайром»⁹.

⁷ Ibid., P. 11.

⁸ Segar, W. Of Honor, military and civil. L., 1603. P. 204.

⁹ Selden J. Titles of Honor. P. 687.

Показательна проведенная антиквариями реконструкция истории достоинства, а именно трансформация слова «эсквайр» от обозначения военной функции оруженосца до именованя знатного достоинства. На это, собственно, указывало и само название: «Эсквайр на латыни именуется оруженосцем, а прежде назывался щитоносцем, так как нес щит при особе рыцаря»¹⁰.

По сведениям Картера, впервые эсквайры-британцы в качестве оруженосцев упомянуты Ордериком Виталием. Далее он пишет, что «это именование превратилось в знатное достоинство лишь в царствование Ричарда II, хотя должность [оруженосца] гораздо древнее»¹¹. Сэлден же указывает, что в документах термин «эсквайр» в качестве знатного достоинства упоминается позднее, со времени правления Генриха V.

Согласно Картеру, эсквайрами следовало считать: аноблированных джентльменов, получивших прибавление к родовому гербу и имевших право передавать достоинство эсквайра по наследству; старших сыновей пэров, если они еще не возведены в рыцарское достоинство; тех, кто занимал должность в королевском хаузхолде (в таком случае, однако, достоинство эсквайра не являлось наследуемым). Этот пункт оговаривается несколько раз. Картер в связи с достоинством эсквайра пишет, что «аноблирование по должности было в употреблении также и у саксов и вошло у них в обычай»¹². Тем самым он вновь повторял мысль, уже сформулированную в рассуждении о джентльменах: на службе при королевском дворе следует находиться преимущественно родовитым персонам.

Рыцарство

Иерархию нетитулованной знати замыкало рыцарство. Традиционно носители рыцарского достоинства в Англии подразделялись на четыре группы: члены двух светских орденов – ордена Подвязки и ордена Бани, рыцари-баннереты и рыцари-бакалавры. Кроме того, в 1611 г. учреждается новое знатное достоинство – достоинство баронета.

В иерархии знатных достоинств рыцарство – первая группа с достаточно замкнутой нижней границей; не оспаривая закрепленную многовековым обычаем принадлежность рыцарства к *nobilitas minor*, авторы трактатов о знати всячески подчеркивают особое положение этой

¹⁰ Carter M. Honor Redivivus... P. 23.

¹¹ Ibid. P. 24.

¹² Ibid. P. 26.

группы, отъединенность рыцарства от остальной части низшей знати. Можно с уверенностью заключить, что первый и ощутимый водораздел внутри *nobilitas* проводился современниками не между титулованной и нетитулованной знатью, а между рыцарством и остальными низшими достоинствами.

Рыцари-бакалавры

Поскольку статус рыцаря напрямую связан с военной функцией знати, современники подразумевали, что рыцарство существовало едва ли не с первых дней существования привилегированного сословия. По мысли Т. Миллза, само разделение общества на знатных и незнатных произошло в результате войн между первыми общинами, и войны эти велись «сильными мужами»¹³. Более серьезная проблема возникала в связи с древнеримским всадническим сословием: следовало ли считать именно его прямым «прародителем» средневекового и современного рыцарства? Однако римское всадничество в изображении антиквариев было представлено как социальная страта, критериями для вхождения в которую служили родовитость и имущественный ценз, и утратить это достоинство по финансовым причинам было легко. Звание всадника не привязывалось к личности носителя: ни о возведениях, ни о феодальных пожалованиях и держаниях речи не идет. Римское всадничество не только утрачивает свои служилые функции: оно изначально существует вне персональных связей с правителем страны, равно в период республики или империи.

Возвести средневековое и современное рыцарство к античному всадничеству антиквариям не позволял прежде всего тонко прочувствованный ими самобытный характер древнегерманских королевств Европы, ведь именно от германских обычаев брали начало основные государственные и социальные институты современного им общества. Рыцарское служение выделялось среди прочих и тем, что являлось служением персональным, связывавшим личными узами военного предводителя, возможно, будущего короля, и его *attendants*, приближенных воинов, впоследствии получавших более высокие достоинства и должное вознаграждение. Связь рыцарства и пэрства восходила к военному социуму, при том что особое служение титулованного дворянства виделось антиквариями в исполнении властных полномочий, общим знаменателем оказывается военное служение. «Отнюдь не малая, но даже бóль-

¹³ *Milles Th. Nobilitas politica vel civilis. L., 1608. P. 3–4.*

шая часть знати обрела знатность благодаря доблести в военном деле», – утверждал Миллз¹⁴.

Антикварию демонстрировали, что в основе формирования и рыцарства и пэрства лежала личная связь с государем, зародившаяся как личное военное служение (критерий, который никоим образом не мог быть применен к джентльменам («просто родовитым») и эсквайрам, служившим тем, кто сам служил королю, т. е. без прямого личного служения).

Личная связь рыцаря и сеньора символически воплощалась в акте посвящения в рыцари. В повествовании о церемонии посвящения в Англии особенно подчеркивался сакральный элемент посвящения, акцентировалось почитание святого Георгия как покровителя английского рыцарства. Во Франции же, как полагали английские эрудиты, посвящение в рыцари оставалось светской церемонией.

Если джентльменам и эсквайрам родословная и/или должность сама по себе позволяла претендовать на знатное достоинство, то стать рыцарем самостоятельно, без участия (прямого или опосредованного) суверена было невозможно. Конечно, заключает Сэлден, «в древности это достоинство могли даровать как суверенные правители, так и их подданные. Однако позднее стало ясно, что в нашей стране рыцарское достоинство дарует только государь, или другой, но по его приказу или поручению»¹⁵. Подобные рассуждения давали антиквариям возможность продемонстрировать важность замкнутости этой группы на государя.

В даровании или подтверждении рыцарского достоинства, которое хотя и не относилось собственно к титулам высшей знати, воля монарха реализовалась явным образом. Начиная с рыцарского достоинства, теоретиками в полной мере раскрывалась деятельность монарха как подателя и распределителя знатных достоинств. Если два низших знатных достоинства (джентльмены и эсквайры) оказывались в определенной мере вне регулирующей воли короля, то возможность контролировать численность и состав рыцарства, о чем открыто говорит У. Сегар¹⁶, и, следовательно, всех более высоких достоинств, требовавших предварительного персонального посвящения в рыцари, была перед ним открыта.

Тем не менее, видимая свобода государя в пожаловании рыцарских достоинств, с точки зрения антиквариев, ограничивалась требованиями традиции. Во-первых, несмотря на то что для получения рыцарского достоинства действительно было необходимо личное посвящение, от-

¹⁴ *Milles Th.* The Catalogue of Honor. P. 16.

¹⁵ *Selden J.* Titles of Honor. P. 637.

¹⁶ *Segar W.* Of Honor, military and civil... P. 73.

прыск семейства, глава коего уже был рыцарем, мог быть уверен в подтверждении собственного права на равное достоинство по смерти отца. Поэтому к потенциальным обладателям рыцарского достоинства в полной мере мог применяться критерий родовитости, используемый в отношении двух низших групп знати.

Таким образом, нижняя граница рыцарства оказывалась замыкаемой по двум параметрам: с одной стороны, действовал фактор родовитости, общий для определения границ всех групп нетитулованной знати, с другой – фактор личного или опосредованного возведения в достоинство государем, распространявшийся на знать титулованную.

Рыцари-баннереты

В изложении особенностей положения этой высшей группы в рамках рыцарства четко прослеживается стремление антиквариев смягчить границу, отделяющую титулованную знать от нетитулованной, и по возможности объединить эти две группы.

О тяготении баннеретского достоинства к высшей знати можно было говорить и «учитывая издревле известную близость баннеретов к баронам (ибо прежде, до того, как король учредил рыцарские ордена, между ними не существовало промежуточного достоинства), а также то, что они имели право помещать свой герб на знамя, которым обладали лишь баннереты, бароны и те, кто стоит выше баронов»¹⁷.

Дж. Гвиллим указывает и на внешние проявления, объединяющие титулованную знать с рыцарством: право использовать в своем гербе шлем и щитодержателей имеют право дворяне с достоинством не ниже рыцарского¹⁸. Он вообще склонен относить баннеретов к высшей знати: «...Люди, обладающие суверенной юрисдикцией, и те, которых мы называем *nobiles majores*, среди которых ранг баннерета или (как некоторые его называют) баронета низший. Это название происходит от слова знамя (*banner*), так как им даровалось в напоминание об их неоспоримых заслугах на военном поприще даровалось право разворачивать квадратное знамя так, как подобает баронам; поэтому их называют рыцарями-баннеретами. ...И полагают, что <это достоинство> находится посередине между *nobiles majores* и *nobiles minores*»¹⁹.

¹⁷ *Selden J. Titles of Honor. P. 454.*

¹⁸ *Guillim J. A Display of Heraldry. L., 1612. P. 256* (опечатка в тексте книги: должна быть указана с. 271).

¹⁹ *Ibid. P. 270.*

Непременное условие получения баннеретского рыцарского ранга было связано с военными функциями знати, несмотря на то, что в раннестюартовскую эпоху по сравнению со Средневековьем шансов оказаться на поле боя (при том по возможности на одном поле боя с государем-рыцарем) представлялось несравнимо меньше. Тем не менее связанные с этим рангом рыцарственные ценности и формы репрезентации, восходящие к Средневековью, представляли собой необходимую традицию, призванную сглаживать противоречия между более и менее родовитыми представителями рыцарства.

Получение рыцарского достоинства служило в глазах антиквариев моментом, объединявшим рыцарство со всеми вышестоящими титулами: в этом смысле вся титулованная знать также принадлежит к рыцарству королевства: «Получающие рыцарское достоинства принадлежат ко всем рангам. Сыновья короля, равно как и его подданные, восходят к знатым достоинствам через него»²⁰.

Сущность рыцарского служения, объединяющего непосредственно рыцарство и титулованную знать, как нельзя выгоднее подчеркивало значимость личных уз верности между подданным и монархом: «Это именование, которое использовалось для обозначения воина, или того, кто исполнял военное служение, стало обозначать также клиента, вассала, или того, чьим долгом было служить другому как своему господину и покровителю»²¹.

Баронеты

Особое положение в иерархии достоинств занимало баронетское достоинство, которое еще более явственно, чем достоинства рыцаря-бакалавра и рыцаря-баннерета, иллюстрировало сближение рыцарства с высшей знатью. Оно характеризовалось как «особый разряд рыцарства», однако происхождение слова «баронет» недвусмысленно указывало на связь с высшей знатью и трактовалось как *lesser baron*, низший ранг баронства. Гвиллим практически смешивал два достоинства в уже цитированном выше пассаже, относя баннеретов и баронетов к высшей знати: «...те, которых мы называем *nobiles majores*, среди которых ранг баннерета или (как некоторые его называют) баронета низший»²². Скорее всего, подобная иллюзия создавалась авторами намеренно. Картер, удостоив баронетов отдельной главы, подчеркивал «рыцарственный»

²⁰ *Selden J. Titles of Honor. P. 457.*

²¹ *Ibid. P. 458.*

²² *Guillim J. A Display of Heraldry. P. 270.*

характер этого достоинства. Из его характеристики можно сделать вывод, что учреждение баронетства преподносилось в некотором роде как возвращение к традиционному рыцарскому служению в самом прямом милитантном смысле слова – баронеты были призваны с оружием в руках защищать королевские владения от варваров-ирландцев. Поэтому, с точки зрения Картера, баронетское достоинство примыкало, скорее, к рыцарству, а не к высшей знати.

Таким образом, иерархия получает дополнительную внутреннюю границу, разделяющую эсквайров и рыцарство. Баронеты, с точки зрения антиквариетов, составляют искусственно сформированную промежуточную группу, замыкающую, в их понимании, границу низшей знати, и сближающую рыцарство, прежде всего рыцарей-баннеретов, с представителями титулованного дворянства.

Титулованная знать

Верхнюю ступень иерархии занимала титулованная знать, *nobilitas major*, или пэрство, которое охватывает пять достоинств: титулы барона, виконта, графа, маркиза и, наконец, герцога.

Авторы антикварной школы неизменно отмечали, что титул – это явление или состояние, характерное только для европейского дворянства, а организация и статус английской титулованной знати (впрочем, как и нетитулованной) должны были служить образцом для других европейских государств. Они изображали титулованную знать как корпорацию внутри корпорации, как особую группу в составе нобилитета. Основной характеристикой пэрства являлось ношение титула, передаваемого по наследству. Сам титул имел безусловную ценность; обладание им было сопряжено с получением земельных владений и высоких должностей.

Nobilitas major выступало замкнутой, исключительной группой внутри знати; здесь все внутригрупповые перемещения совершались согласно воле государя, который являлся одновременно творцом, управителем и частью *nobilitas major*. Когда антиквариетов говорили о короле как «источнике» (*fountain*) достоинств, они имели в виду «источение» преимущественно высших титулов. Титулы современной английской знати представляются очевидным детищем королевской власти, которая если и не «изобрела» те или иные достоинства, то в любом случае не переставала упорядочивать процесс распределения титулов и сопряженных с ними материальных и должностных благ, контролировать их наследование, регулировать привилегии и обязанности носителей знатных достоинств.

Кроме того, королевское достоинство само по себе особым образом принадлежало к иерархии *nobilias major*, хотя в то же время возвышалось над иерархией пэрства. Хотя формула «первый среди равных» являлась далеко не главным и не единственным определением положения короля, она имела полное право на существование в антикварных трактатах.

Антикварию демонстрируют, что каждый титул изначально был связан с отпращиванием установленных военных (герцог, маркиз, барон) или судебных (граф, виконт) полномочий, которые понимались шире – как властные полномочия, делегированные государем. Таким образом, с точки зрения современников, титулованная знать сознательно формировалась монархами как четко определенная стратифицированная группа, призванная быть опорой короля в деле управления страной. Король без знати, по словам Дж. Сэлдена, подобен «генералу без армии, звание которого велико, но ничем не подкреплено»²³.

Этим объясняется и другая особенность восприятия титулованной знати современниками: замкнутость этой группы регулируется решениями короля. Король дарует и распределяет титулы по своему усмотрению (предполагается, что его выбор, разумеется, справедлив и милости заслуживают достойные), для продвижения наверх необходимо снискать его милость. Поэтому титулованная знать представляется как группа, непосредственно связанная с монархом, выделенная им.

Вопрос о внутригрупповом единстве и стратификации освещался антиквариями неоднозначно. Поскольку представление о титулованной знати как о единой корпорации принималось ими как общее место, уместно говорить лишь о том, что авторы по-разному расставляли смысловые акценты. С одной стороны, прослеживается тенденция представлять титулованное дворянство как замкнутую и самодостаточную часть знати (такое мнение характерно, в частности, для Миллза и Сегара). Особо подчеркивалась возможность и право передавать титул по наследству. Томас Миллз, например, утверждает, что возможность наследования титула является одной из трех характеристик подлинной знати. Титул виделся индикатором близости к монарху, и чем выше достоинство дворянина, тем явственнее было расположение государя не только к нему, но и к его наследникам. Наследование титулов и земель в рамках одного рода обеспечивало замкнутость группы; должности и власть распределялись монархом среди тех, чье достойное служение уже было

²³ *Selden J.* The Continuation of the Historical and Political discourse of the Laws and Government of England. L., 1689. P. 8.

подтверждено временем. С другой стороны, для других авторов между *nobilitas major* и *nobilitas minor* существуют не только отличия, но и некоторые сходные черты, и граница между ними выражена менее резко. Так, больший акцент делается на том, что королевская воля является решающей при распределении как высших, так и низших дворянских достоинств; король – источник всех достоинств. Пэрство обладает приоритетом, но не монополией на получение королевских милостей и должностей. Кроме того, подчеркивается важность личных качеств обладателя того или иного достоинства: они становятся не просто обязательной составляющей для поддержания престижа рода, а путем к личному выдвижению, например при дворе.

Бароны

Можно с уверенностью сказать, что на примере английского баронства нагляднее всего можно продемонстрировать все характерные особенности *nobilitas major*. Согласно часто цитируемой антиквариями максиме, именно «из бароний состоит королевство»²⁴. Баронский титул имеет особый статус в глазах антиквариатов прежде всего потому, что барония является отправной точкой для приращения последующих, более высоких титулов и сопряженных с ними владений; причисление к пэрам королевства проводится именно по обладанию баронией первой руки.

Обсуждение истории баронского титула дает прекрасную возможность продемонстрировать прямую связь между такими компонентами представлений о знатном человеке, как служение монарху и получение из его рук осязаемого вознаграждения в виде земельных пожалований. Именно в главах о баронстве антикварии ярче всего акцентируют «традиционность», необходимость, пусть и не первостепенность, землевладельческого компонента знатности. Владение и пожалования земель, как ясно следует из контекста трактатов, играют роль не индикатора «знатности» – славы и известности, успешности на службе или при дворе; обладание старыми барониями должно было приобщить носителя титулов к многовековой истории английской знати. Баронские титулы – явление, возникшее в момент начала современного, с точки зрения антиквариатов, этапа развития британского общества; то, что скрепляет столетия теоретически неразрывной линией наследования, а значит, лояльности правящим монархам.

²⁴ См., напр.: *Selden J. Titles of Honor*. P. 500.

Главный акцент, поставленный Генри Спелманом в истории баронства – провозглашение и закрепление нормандцами права наследования пожалованной государем земли и титула, с этим пожалованием связанного. «Феод, – пишет Спелман, – это право, которое вассал имеет в отношении земли или другого недвижимого имущества своего сеньора; это право пользоваться имуществом и получать с него доход – право наследственное; вассал обязан сеньору теми феодальными обязанностями, которые соответствуют пожалованию за военную службу. Право собственности на землю всегда остается за сеньором»²⁵. И далее он продолжает: «Я использую этот термин, феод, в значении *«jus utendi praedio alieno»*, право пользоваться землями другого человека, однако здесь имеется в виду отнюдь не право собственности...»²⁶ Право наследования Спелман называет «фундаментальным законом королевства», «наиболее абсолютнейший закон, обеспечивающий существование монархии, сохраняющий ее единство, поддерживающий мир и предотвращающий разбой и мятежи»²⁷. Кроме того, отстаиваемая Спелманом привилегия наследования титула в рамках одного семейства имела и политическое измерение, так как представлялась гарантом династической лояльности того или иного знатного семейства короне.

Дж. Сэлден заостряет внимание на характере уз между государем и баронами, обращаясь к эпохе нормандского завоевания, когда, как сообщает и без того осведомленному читателю Сэлден, были лишь один предводитель и равные перед его лицом сподвижники; равенство новоявленных баронов перед лицом новоявленного короля сохранилось и по окончании завоевания. Речь в данном случае шла о равенстве зависимости от подателя милостей, причем для Сэлдена очень важно то, что монарха с *его* знатью связывают прежде всего личные отношения, личные узы; само обязательство участвовать в военных предприятиях или в управленческих делах короля, не говоря уже о праве наследовать баронию, не накладывалось на потомков автоматически, при смене поколений, а нуждалось в личном возобновлении обеими сторонами²⁸. «Бароны, – резюмирует Сэлден в «Титулах достоинства», – получившие титул таким способом, становились держателями от короля *in capite*»²⁹. А в более позднем «Кратком рассуждении о пэрах...» формулирует вы-

²⁵ *Spelman H.* The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures. // The English Works of Sir Henry Spelman... L., 1723. P. 2.

²⁶ *Ibid.* P. 2.

²⁷ *Ibid.* P. 6.

²⁸ *Selden J.* An Historical and Political Discourse... P. 90.

²⁹ *Selden J.* Titles of Honor. P. 574.

шеприведенный тезис еще интереснее: изначально бароны были «непосредственными фригольдерами (*freeholders*) короля, ибо в те времена титул барона ничего более не значил»³⁰.

История английского баронства дает Сэлдену повод показать, что при неизбежной динамике состава группы для знати существует неизменное служение – участвовать в управлении государством. Воинственный образ барона-завоевателя уступает место барону-советнику, мудрому и цивилизованному.

Служение «советом» видится Сэлдену важной привилегией знати; он склонен рассматривать совещательный голос знати – будь то в парламенте, при дворе или в королевских советах любого рода как ее неотъемлемое право. С точки зрения Сэлдена, право быть призванными в парламенты должны иметь все держатели первой руки, независимо от размера их земель и суммы получаемых доходов.

Наиболее значимыми в концепции Сэлдена характеристиками баронии является то, что, во-первых, она является держанием первой руки и воплощенным свидетельством личной благосклонности короля; во-вторых, она становится основой, на которой и по модели которой сформировался современный комплекс отношений монарха и знати. Несмотря на то что с нормандских времен иерархия высшей и низшей знати в Англии несколько усложнилась, «идеальной» моделью Сэлден видит упрощенную двухступенчатую иерархию, в которой присутствует монарх – творец и деятель и его непосредственные сподвижники и приближенные. Именно намерение автора провести параллель между современной знатью и нормандскими баронами должно подводить восприимчивого читателя к пониманию единства высшей знати. Это единство, выражаясь языком антиквариев, «имеет два основания».

Высшая знать едина, поскольку имеет единый источник. Не существует иного пути к получению осязаемых материальных и статусных социальных ценностей, кроме как через получение их из рук короля. Король среди своей знати – первый среди равных. Насколько же ценным видится антиквариям достоинство этих «почти равных» государю владельцев! Вполне логично, что именно обязательства баронов дольше всего не находили выражения в денежном эквиваленте: во фрагменте, реконструирующем краткую историю баронства, красной нитью проходит тема их участия в совете королевства, в судебных разбирательствах, в обсуждении новых «фундаментальных законов королевства». Знать, олицет-

³⁰ *Selden J. A Briefe Discourse concerning the Power of the Peeres and Comons of Parliament, in Point of Judicature. L., 1640. P. 1.*

воряемая в данном случае баронами, призвана разделить со своим творцом бремя власти.

Виконты

Следующий в знатной иерархии за баронским титулом виконта не вызывает у антиквариев никаких принципиальных сомнений. Это достоинство, получаемое исключительно по королевскому патенту, имеет безусловно должностное происхождение, очевидное уже из самого названия: должность помощника или «наместника» графа, изначально не сообщавшая носителю благородного статуса, перерождается в титул.

Графы

История графского (а также герцогского, о котором пойдет речь далее) титула дает антиквариям возможность раскрыть такие актуальные для раннестюартовской эпохи моменты функционирования знатного общества, как взаимосвязь между пожалованиями титулов и должностей, социальная значимость занимаемой должности и фактора родовитости.

«Изначально, – пишет Сэлден, – достоинства герцога и графа могли быть владельческими или чиновными»³¹. (Нужно также отметить, что графский титул – единственный, происхождение которого не носит милитантного оттенка.)

В контексте общеевропейской истории графского титула антикварию справедливо рассматривают раннесредневековых графов как исключительно должностных лиц, чиновников, советников, уполномоченных короля, исполнявших преимущественно судебные функции и лишь со временем превратившихся в феодальных владетелей.

По словам Спелмана, «именование «граф» в значении *comes* первоначально не было одним из достоинств, как то обстоит дело сейчас, а только лишь означало должность и юрисдикцию в городе или определенном регионе страны, совпадавшего с границами диоцеза; поэтому епископ и граф в те времена вершили один суд и слушали вместе дела Церкви и государства, как сейчас делается в Парламенте»³². Он указывает, что у англо-саксов изначально графские достоинства были связаны именно с несением службы, а не с принадлежностью к определенно-

³¹ *Selden J. Titles of Honor*. P. 240.

³² *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures*. P. 13.

му роду и не с земельными владениями. «Таким образом я заключаю, – пишет он – что герцогства и графства у саксов также сначала не были ни наследственными, ни феодальными как либо иначе, кроме как на срок жизни»³³.

Томас Миллз предпочитает процитировать англо-саксонский текст, где король Альфред напоминает, что графы занимают свою должность «не по праву наследования, но по милости Божией и его самого»³⁴.

В связи с англо-саксонским графским титулом антикварию обсуждают еще одну деталь: одна и та же персона могла осуществлять полномочия графа и считаться знатной благодаря занимаемой должности, которая, помимо существенного дохода и престижа, не приобщала носителя к «традиционной», с точки зрения антикварию, ценности – наследуемому земельному владению, и в то же время приобщаться к этой ценности, будучи одновременно обладателем социально менее престижного, однако более «традиционного» тэнского «титула», связанного для антикварию с обладанием наследуемыми землями. «И все же я признаю, что герцоги и графы во времена англо-саксов могли иметь и имели другие земли, которые могли наследовать и передавать по наследству, а именно их тэнства (*thainlands*)»³⁵.

В нормандском государстве графский титул, как и все прочие, обретает современную форму своего существования: проводится различие между титулами, четко связанными с определенными территориями (*earls local*) и титулами персональными (*earls personal*, причем Сэлден упоминает только одну должность, необходимо связанную с титулом: это граф маршал). Титул даровался преимущественно королевской хартией.

Если при описании низшего среди *nobilitas nominata* баронского титула главный акцент с очевидностью делается на приобщении баронства первой традиционной ценности, дающей полноправное вхождение в составе титулованной знати, – землям, получаемым из рук короля с правом передавать их по наследству, то в случае с графами акцент уже иной. Графский титул, каким он предстает на страницах антикварных трактатов, позволяет создать внушающий благоговейное уважение образ вельможи, во-первых, достаточно родовитого, чтобы унаследовать право на *nobilitas nominata* и оказаться в числе тех, на кого может пасть

³³ Ibid. P. 14.

³⁴ *Milles Th. Nobilitas politica vel civilis. L., 1608. P. 13.*

³⁵ *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures. P. 14.*

выбор государя, ищущего достойных кандидатов на должности, связанные, как демонстрируют антиквари, с участием в королевских Советах, исполнением поручений при персоне и дворе монарха (*comes palatii*, *comes thesaurorum*), а также традиционно с судебными полномочиями. Во-вторых, постановка вопроса об аноблировании по придворной должности, причем не на уровне формального причисления к *nobilitas innominata*, которое было связано с принадлежностью к профессиям врача, юриста или с саном священника, а на несравнимо более высоком уровне промоции внутри *nobilitas nominata*, демонстрирует высокий престиж и выгоду занятия придворных должностей. Значение некоторых придворных должностей, пусть даже они формально связаны с ведением придворного хозяйства, столь велико, что нежелательно, чтобы человек, ее занявший, носил сравнительно низкое знатное достоинство. В-третьих, пространные рассуждения о том, что, с одной стороны, родовитость и наследственный титул предполагают присутствие в человеке некоторых благородных личностных качеств *a priori*, с другой – об их действительном присутствии (о чем говорит сделанный монархом выбор), добавляют к образу придворного-магната черты истинного *vir bonus*.

Герцоги

Герцогский титул завершает иерархию титулов высшей знати, уступая лишь титулам короля и принца Уэльского.

Титул с определенной точки зрения исключительный, ибо в отличие от всех нижестоящих достоинств герцог может фигурировать как и как суверенный правитель, обладающий абсолютной, т. е. ни от какого иного авторитета не зависящей, властью, и как вассал короля или императора. «Титул герцога, – отмечает Сэлден, – всегда имел два способа существования. Один из них – абсолютная супрематия»³⁶, и в таком случае титул герцога ничем не отличается от титула короля.

Обращение к античной истории дает ясную картину: «герцог ...изначально был предводителем имперской или королевской армии. Его именовали *dux* от слова *ducendo*, ибо по причине своей силы и величия он считался достойным осуществлять командование. Выбирали его на поле боя, либо по жребию, либо по всеобщему согласию»³⁷. Именование военачальников «дуксами» было доброй общепринятой имперской тра-

³⁶ *Selden J. Titles of Honor. P. 240.*

³⁷ *Segar W. Honor, military and civil. P. 219.*

дицией, которая и спустя столетия не вызвала у лондонских историков желание создавать какую-либо более оригинальную интерпретацию происходившего в Риме. Тем более, что варварские времена не привнесли ничего нового в миссию и служение герцогов: «в немирные времена завоеваний и переселений народов герцогские достоинства имели наивысшую силу»³⁸. Правда, в Британии, во всяком случае, как свидетельствуют подобранные антиквариями источники, существовало некоторое смешение достоинств, что, как кажется, должно было восприниматься читателями как свидетельство близости достоинств высшей знати:

«Сохранилось множество свидетельств тому в древнейших записях: даже в Гептархии при англо-саксонских королях эти знатные мужи, которые были правителями графств Честер, Лейстер и Линкольн, как сказано, равно назывались герцогами (*dukes*) или графами (*counties*) Мерсии. У данов тоже существовали герцоги (*heretoches*). А во время царствования Эдуарда Исповедника все еще обнаруживаются этелинги, клитоны, патриции, консулы, эрлы, палатины, герцоги, сенаторы, тэны, теотэны, министры и князья. И все же наблюдалось огромное непостоянство подобных титулов и именованйй. Поэтому тех, о которых в одном месте читаем, что они названы графами, в другом месте можно найти, что в то же самое время они названы герцогами»³⁹.

Важный момент, выделявший «герцогов» и их англо-саксонский аналог *etheling* на фоне многообразия знатных именованйй, – это их связь с родом короля, причем степень родства могла быть, по мнению антиквариев, от исключительно близкой (наследник, другие дети) до достаточно размытой.

Тем не менее все единодушно признают, что «с того дня, как установилась власть королей и князей, это достоинство стало тем единственным, каковое может быть даровано только императорами, королями и князьями людям, принадлежащим к великим семействам, к тому же обладающим исключительными достоинствами»⁴⁰.

Обладатели герцогского титула в стюартовскую эпоху имели неоспоримое преимущество, и в порядке следования достоинств нельзя говорить о том, что антикварии как-либо акцентируют существование водоразделов между положением герцогов и графов, графов и баронов; наоборот, исторические экскурсы дают возможность подчеркнуть раз-

³⁸ Ibid. P. 219.

³⁹ *Milles Th. A Catalogue of Honor...* P. 25.

⁴⁰ Segar W. Honor, military and civil. P. 219.

личные пути формирования, изначально различавшиеся «функции» носителей чинов, трансформировавшихся позднее в титулы, и при этом подчеркнуть единство корпорации *nobilitas nominata*, прежде всего через единые критерии «титулованной» знатности.

Еще одной иллюстрацией к вопросу об иерархии внутри пэрства и о приоритетах, влияющих на эту иерархию, могут служить приводимые антиквариями порядки следования достоинств. Как уже было сказано выше, иерархия основных дворянских званий служит стержнем трактатов, посвященных знати; однако требовалось определить место не только главы семейства – носителя наиболее высокого титула, но и указать статус его наследников по отношению к обладателям иных достоинств. Сравним два порядка следования, приведенных в трактатах Т. Миллза и М. Картера⁴¹. Миллз ограничивается перечислением исключительно достоинств; Картер же учитывает и влияние высших государственных должностей на положение дворянина. Он перечисляет четыре должности⁴², обладатели которых имеют безусловный приоритет независимо от своих титулов, и шесть⁴³, которые позволяют считаться первым в группе обладателей равного достоинства. Перечисленные должности – высшие административные, военные, придворные посты – объединяет непосредственная близость к персоне государя; Картер далее пишет, что «всем, кто служит при монархе, следует оказывать предпочтение среди носителей одного с ними достоинства»⁴⁴; остальных же следует размещать с учетом того, как давно был учрежден их титул.

* * *

Создается впечатление, что во всех рассуждениях об обществе антикварии, с одной стороны, стремятся следовать традиционным представлениям, а с другой – дополнять и корректировать их в соответствии с новейшими изменениями в жизни социума. Итак, общество – и знать, на которой сосредоточено внимание авторов антикварного направления – это общество, иерархизированное в соответствии со знатными достоинствами и титулами, это общество достоинств. С точки зрения

⁴¹ *Milles, Th. Nobilitas Politica vel Civilis L., 1608; Carter M. Honor Redivius... P. 139–141.*

⁴² А именно: лорд-канцлер, лорд-казначей, лорд-президент Тайного совета, лорд-хранитель Малой государственной печати.

⁴³ Лорд-чемберлен Англии, лорд-констебль, лорд-маршал, лорд-адмирал, лорд-стюард королевской палаты, лорд-чемберлен королевской палаты.

⁴⁴ *Carter M. Honor Redivius... P. 140.*

современников, именно различные дворянские титулы становились основными разграничителями единого пространства дворянского социума. Но такая иерархия, восходившая к средневековым традициям, была не единственной в сознании современников: параллельно с ней, как свидетельствуют рассмотренные нами трактаты, существовали иные факторы, влиявшие на место человека в среде знати: так, подразумевается существование иерархии придворных и административных должностей, обеспечивавших доступ к власти, иерархия, основанная на близости к персоне монарха и т. д.

Присутствие таких иерархий, дополняющих традицию, иллюстрирует появление новых, актуальных для знати приоритетов, иных возможностей для изменения социального статуса, возникающих в Англии XVI столетия. Однако при этом иерархия достоинств остается основной, прочие ее лишь дополняют.

Внутренние границы дворянского сообщества, которые обозначают ступени иерархии достоинств, вероятно, правильнее всего воспринимать не как линии, дробящие единую корпорацию знати, а как средство стабилизации общества и регулирования изменений. В том, что может быть воспринято как стремление антиквариев обосновать замыкание границ между группами обладателей различных достоинств, как кажется, следует видеть их желание упорядочить и привести в соответствие с традицией происходившие в современном им обществе изменения. В глазах современников, по всей видимости, существование и значимость внутригрупповых границ была доказательством преемственности традиций знати.

Сохранение преемственности было важным и в представлениях о дворянской знатности. В антикварных трактатах, создававшихся на рубеже XVI–XVII столетий, это понятие включало в себя те же составляющие, которые оформились еще в Средние века: титул и связанные с ним сеньориальные права, родовитость, военное или гражданское служение королю, личные качества – рыцарские добродетели, воспитание, образованность. По-видимому, в сочинениях антиквариев проявляется тот факт, что для различных групп внутри дворянства варьируется значимость составляющих «знатности» (при том, что приоритет достоинств и титулов неоспорим для знати в целом). То качество, важность которого для представителей той или иной группы особо подчеркивается, становится не только дополнительным подтверждением права дворянина считать себя членом этой страты и сохранять свое положение, но, одновременно, может открыть возможности для выдвижения. Так, для низшего слоя дворянства (джентльмены) право на продвижение по карьер-

ерной лестнице и, в перспективе, на получение более высокого достоинства дает, по мнению современников, родовитость. Для рыцарства акцентируются родовитость (что подчеркивает принадлежность рыцарства к низшей знати) и одновременно зависимость возведения в это достоинство от воли государя (что подчеркивает связь с пэрством). Для пэров же, которые уже обладают родовитостью, титулом и землями, возможность выдвинуться на более высокую ступень связывается с придворными и административными должностями, дающими доступ к власти.

Что же касается «внегрупповых» требований, предъявляемых к личным качествам знатных персон, то здесь следует отметить сохранение традиционной риторики рыцарских добродетелей, в которой рыцарство и пэры отделяются от низшего слоя дворянства, однако реальную значимость имеет акцент на воспитании и образованности (которые могут влиять на продвижение по карьерной или придворной лестнице и, следовательно, по иерархии достоинств).

И. В. Меркулов

СОСЛОВНЫЕ АСПЕКТЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МОРСКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Важным аспектом в изучении офицерского корпуса является социальное происхождение моряков, поскольку оно во многом определяло реалии служебной практики. Проблема влияния названного фактора на некоторые аспекты прохождения службы требует отдельного разговора, поэтому в настоящей работе вопрос о социальных корнях различных групп служащих подвергся лишь общему анализу.

С формально-юридической точки зрения, российский офицерский корпус, как армии, так и флота, являлся социально однородным, поскольку Табелю о рангах 1722 г. окончательно была утверждена формула «все офицеры суть дворяне», в соответствии с которой, с получе-

нием первого обер-офицерского чина прапорщика (XIV класс) служащий обретал и дворянское достоинство, если такового не имел, со всеми с ним сопряженными правами и обязанностями. Однако на практике принципиальное значение имело социальное происхождение офицера, т. е. принадлежность к определенному сословию по рождению, вследствие чего офицерский корпус нельзя рассматривать как монолитную дворянскую корпорацию, причем в данном случае уместно дифференцировать не только выходцев из непривилегированных и привилегированных слоев российского общества, но и учитывать внутреннюю социальную стратификацию в дворянской среде. Степень завершенности процесса консолидации дворянства по-разному оценивается в литературе. Вслед за историографической традицией, обозначившейся еще в XIX столетии¹, М. Т. Белявский, чье мнение поддержал и В. И. Буганов, полагал, что уже в первой половине XVIII столетия господствующий класс представлял единое сословие шляхетства-дворянства². Напротив, С. С. Минц, А. Б. Каменский и американский историк Р. Джонс указывали на низкую степень сословной корпоративности дворянства, возникновению которой, в первую очередь, препятствовало проникновение иносословных элементов³. Основные критерии дифференциации дворянства были выявлены в результате исследования Е. Н. Марасиновой, применившей методику обработки эпистолярного наследия последней трети XVIII в. при помощи контент-анализа. Среди важнейших факторов, обусловивших указанное явление, автором было выделено размывание сословия вследствие получения дворянского достоинства через службу⁴.

¹ См., например: [Яблочков М. Т.] История дворянского сословия в России. Сочинение кандидата права Михаила Яблочкова. СПб., 1876. С. 94.

² Белявский М. С. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник Московского государственного университета: Научный журнал. Серия IX. История. [М.], 1970. № 2. Март-апрель. С. 68, 70–73 и далее; Буганов В. И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 30.

³ Минц С. С. К вопросу об уровне классовой сплоченности российского дворянства в конце XVIII – начале XIX вв. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 142; Каменский А. Б. Российское дворянство в 1767 году (К проблеме консолидации) // История СССР. 1990. № 1. С. 74; [Jones R. E.] The Emancipation of the Russian Nobility. 1762–1785. By Robert E. Jones. Princeton, 1973. Passim.

⁴ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999. С. 7–28. См. также, например: Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 360.

Путь к достижению высших чинов и должностей для неродовитого дворянства был открыт с отменой в 1682 г. местничества; в отношении выходцев из других сословий такая возможность предоставлялась утвердившимся при Петре I порядком чинопроизводства, в соответствии с которым, все служащие, вне зависимости от происхождения, начинали карьеру в низших чинах, и теоретически представители непривилегированных слоев общества имели перспективу карьерного роста «по старшинству и достоинству» наравне с дворянами. Несмотря на то, что дворяне в силу ряда объективных и субъективных причин пользовались в данном случае неоспоримыми преимуществами перед лицами прочих социальных категорий, процесс размывания высшего сословия за счет приобретающих через службу дворянское достоинство чиновников и военных протекал довольно интенсивно. Показательны слова одного из героев незаконченного произведения А. С. Пушкина «Гости съезжались на дачу...», замечавшего между прочим, что «настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. Древние роды их восходят до Петра и Елисаветы. Денщики, певчие, хохлы – вот их родоначальники»⁵. По подсчетам И. В. Фаизовой, за пятьдесят лет действия Табели о рангах, т. е. к началу 70-х гг., состав российского дворянства обновился за счет выходцев из непривилегированных слоев, приблизительно, на 9%. Думается, что этот показатель сильно занижен, поскольку был получен в результате расчетов, произведенных на основании материалов об отставках дворян со службы, но при этом исследовательница не учла того, что, в соответствии с ее же данными, зафиксированное количество отставок «дворян по рождению» почти в десять раз превышает аналогичный показатель для «дворян по службе». На основании произведенных автором этих строк вычислений по морскому офицерскому корпусу можно утверждать, что соотношение выходцев из привилегированных и непривилегированных сословий на тот же период было по флотской команде 1:2,0, по корпусу морской артиллерии – 1:1,83, по солдатской команде – 1:4,5, т. е. в целом по офицерам адмиралтейского подчинения – 1:2,6, тогда как у Фаизовой оно на несколько порядков ниже – 1:10,1, и это при том, что присутствие среди морских линейных офицеров, составивших большую часть в наших подсчетах, потомственных дворян было значительнее, чем по офицерскому корпусу в целом, рассмотренному Фаизовой⁶. По другим данным, к началу XIX столетия лишь вы-

⁵ Пушкин [А. С.] Гости съезжались на дачу... // Пушкин [А. С.] Полное собрание сочинений. [М.], 1938. Т. 8. С. 42.

⁶ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 46–48.

ходцы из купеческой среды и посада составляли до 44% от общего числа дворян империи⁷, а к концу XIX – началу XX в. 90% имевшихся дворянских родов возникли в конце XVIII – начале XIX в. в результате выслуги дворянского достоинства⁸.

Источником для проведения настоящего исследования послужили генеральные совокупности сохранившихся в фонде 406 Российского государственного архива Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ) офицерских послужных списков за 1762, 1772, 1780 и 1792 гг.⁹, за исключением тех формуляров, в которых отсутствовали социальные характеристики офицеров. Общее число привлеченных к работе документов составило репрезентативную выборку в 2 130 единиц.

Обработка сведений, содержащихся в офицерских формулярах по рассматриваемому вопросу, представляет известные сложности. Всего в процессе изучения источников автором было выделено порядка пятидесяти дефиниций социальной самоидентификации офицеров, однако столь дробное деление является неудобным не только при статистической обработке данных, но и для их восприятия. Вследствие этого все они подверглись группировке с учетом особенностей социальной структуры российского общества в рассматриваемый период. Так, были выделены две центральные категории – выходцев из дворянства и непривилегированных сословий, причем последняя подверглась внутренней дифференциации на две основные субкатегории «из детей военнотружущих» и «из податных сословий».

Следует сразу оговориться, что дифференциация дворянства по принципу наличия/отсутствия титула у офицера была допущена нами лишь в дань историографической традиции и, по сути, не имеет никакого смысла. По убеждению автора этих строк, основанному не только на изучении материалов, относящихся к морскому офицерскому корпусу, но и реалий русской жизни XVIII столетия вообще, титул характеризовал дворянина не с социальной точки зрения, повышая его общественный статус, а в большинстве случаев лишь с генеалогической. Совершенно очевидно, что титул был только украшением родового прозвания, если не подкреплялся более весомыми обстоятельствами, а именно: положением при дворе, ступенью на лестнице чиновной иерархии, значительными финансовыми возможностями или, по крайней мере, близким родством либо свойством с обладателями этих га-

⁷ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 247–248.

⁸ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 35.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 2, 4, 17, 36, 37, 38.

рантий социального благополучия. В особенности сказанное относилось к старым княжеским родам, многие из которых измельчали и оскудели, вследствие чего даже иным Рюриковичам в утешение оставались только родовая гордость да забытая Богом деревенька в несколько душ, не открывавшие отнюдь радужных перспектив перед их отпрысками. Комично выглядит в описании А. Д. Галахова его замоскворецкая родственница, хотя и не княгиня, но все-таки столбовая дворянка. «Тетка моя, – вспоминал он, – принадлежала к дворянскому сословию и, гордая этою принадлежностью, несмотря на свою бедность, так как ей по разделе имущества родителей между шестью дочерьми досталась неважная часть – каких-нибудь душ двадцать, нередко говаривала она с гонором: «Я сама родилась в карете», давая знать этими словами, что ее, при воспоминании о прежнем неразделенном имуществе, не удивишь никаким экипажем, хотя при настоящем ее состоянии она вынуждена была трястись на калибере или даже делать визиты пешком»¹⁰. Князь М. М. Щербатов в своем памфлете «О повреждении нравов в России» ссылаясь на пример князя И. В. Одоевского, который «неумеренным своим сластолюбием так разорился, что, продав все деревни, оставил себе некоторое число служителей, которые были музыканты, и сии, ходя в разные места играть и получая плату, тем остальное время жизни его содержали»¹¹. Таким образом, моралист от публицистики указывал на еще одну причину разорения аристократии, проистекавшей из стремления к не соответствовавшей доходам роскоши, ставшей общепринятой нормой в высших кругах общества. Правду сказать, государство, сознавая опасность этой тенденции, пыталось запретительными мерами сдерживать сибаритство, но успеха в том не достигло, да и не могло достичь, поскольку сам императорский двор задавал в этом тон. Аристократия пыталась соответствовать его блеску, а помещики средней руки – подражать аристократии, рождая соответствующие претензии и в совсем несостоятельных дворянах. Уже в XIX столетии иные мелкие владельцы имели несколько душ, а тщились жить как Шереметев. Таким путем и без того мельчавшие имения проматывались во имя удовлетворения аристократических претензий. Положение новоявленных княжеских, графских и баронских фамилий, как это ни странно, было более завидным, поскольку с начала пожалований титулов в России к концу XVIII столетия прошло не так много времени и потомки лиц, возведенных в княжеское,

¹⁰ Галахов А. Д. Записки человека / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой [и Н. О. Лернера]. М., 1999. С. 103–104.

¹¹ Щербатов М. М., князь. О повреждении нравов в России. СПб., 1906. С. 22.

графское или баронское достоинство, т. е. новой аристократии, еще ощущали инерцию «случая» своих отцов и дедов. Разумеется, были и исключения, как, например, попавший в выборку 1772 г. потомок князей Стародубских магнат лейтенант князь И. С. Гагарин¹², однако именно оскудевшие князья хороших фамилий – те же Гагарины, Гундоровы, Мещерские, Ухтомские, Шаховские, Ширинские-Шихматовы и прочие – в основном и служили во флоте. С другой стороны, многие представители нетитулованных фамилий могли с полным основанием оспаривать древность и знатность рода иных князей, не говоря уже о доморощенных графах и баронах, а заодно превосходить их по социальным показателям. Иными словами, едва ли можно всерьез признавать наличие в России «аристократии титула» на манер Западной Европы, а потому бессмысленно выделять при анализе массовых источников титулованных дворян.

Специального уточнения требуют дефиниции выходцев из нетитулованных дворян и офицерских детей. К первой причислялись офицеры, указавшие свое происхождение при помощи определений «из дворян/шляхетства» или «из недорослей», ко второй – «из штаб-офицерских детей», «из обер-офицерских детей» или просто «из офицерских детей». Следует учитывать, что в XVIII столетии термину «из офицерских детей» была свойственна известная юридико-правовая неопределенность. С одной стороны, при помощи него обозначались дети личных дворян, а с другой – рожденные «не в обер-офицерстве» сыновья выслужившихся в офицеры нижних чинов не из дворянства, которым, в соответствии с законодательством, не передавалось дворянское достоинство отца. (Автоматически дворянами становились лишь дети, рожденные «в обер-офицерстве», т. е. после получения их отцом офицерского чина; из родившихся раньше этого события детей дворянское достоинство могло передаваться лишь одному сыну по выбору отца.)¹³ При этом, по нашим наблюдениям, офицеры, указавшие свое происхождение в разных вариациях как «из офицерских детей» по своим социальным качествам не отличались от потомственных дворян. Всего было учтено 135 таких офицеров, из которых двое обучались в Артиллерийском и инженерном *шляхетном* кадетском корпусе с последующим производством в обер-офицеры, один в Сухопутном *шляхетном* кадетском корпусе, а 35 человек были кадетами Морского *шляхетного* кадетского корпуса (из них 31 с последующим производством в линейные обер-офицеры фло-

¹² РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 4. Л. 617 об.–618; 725 об.–726.

¹³ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VI. № 3. С. 890.

та) – т. е. являлись в прошлом воспитанниками закрытых узкословных учебных заведений, доступ в которые недворянам был категорически закрыт. Таким образом, категория офицерских детей включала в себя также людей, получивших дворянское достоинство вследствие выслуги их отцами офицерских чинов на военной (с XIV класса) или статской (с VIII класса) службе. С другой стороны, наблюдения Г. В. Калашникова над материалами второй четверти XVIII столетия показывают, что сыновья получивших первый офицерский чин служащих почти сразу начинали определять свое происхождение формулировками «из недорослей» или реже «из шляхетства», причем делал это не один из рожденных «не в обер-офицерстве», а сразу несколько таковых сыновей¹⁴. Похожие примеры можно выявить и при рассмотрении изученных в ходе данного исследования списков. Так, офицер морских батальонов Л. А. Елецкой в списке 1772 г. причислил себя к офицерским детям (так же поступил за десять лет перед тем его брат, мичман А. А. Елецкой), а в 1780 г. – к дворянам¹⁵. Аналогичным образом поступали и другие офицеры. В противоположность этому, линейный офицер флота П. В. Маленков в списке 1762 г. самоопределился дворянином, а в 1772 и 1780 гг. – штаб-офицерским сыном¹⁶. Не менее странным образом поступил обрусевший голландец капитан-лейтенант И. Е. фон дер Флит, причисливший себя также к штаб-офицерским детям, в отличие от своего брата дворянина, хотя и без примера последнего дворянское происхождение капитан-лейтенанта выдает пышный набор предикатов, если, конечно, они являлись не произвольно присвоенными претензиями на благородство фамилии¹⁷. Указанные выше примеры позволяют усомниться в буквальной точности определения категории офицерских детей: очевидно, что некоторые из них принадлежали к дворянам, а другие собственно к детям офицеров и имевших классные чины чиновников. Не исключено, что дворяне самоопределялись как офицерские дети, подразумевая свое дворянское происхождение, но подчеркивая династический характер своей службы, однако точно установить изначальное социальное происхождение каждого офицера невозможно, и остается доверяться спискам. Появление субкатегории «из дворян/офицерских детей» обусловлено попыт-

¹⁴ Калашников Г. В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 113.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 2. Л. 32 об.–33; Д. 4. Л. 411 об.–415; Д. 17. Л. 1 147 об.–1 149.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 331 об.–332; Д. 4. Л. 363 об.–364; 768 об.–770; Д. 17. Л. 773 об.–774.

¹⁷ Там же. Д. 36. Л. 304 об.–305; Д. 37. Л. 135 об.–136.

кой восполнить отсутствующую в некоторых списках информацию о социальном происхождении. Максимально ограниченная вариативность данных этой строки таблицы достигнута посредством анализа служебных биографий офицеров, в прошлом которых было обучение в Морском кадетском корпусе, – таким образом, они могли принадлежать по рождению либо к дворянам, либо к офицерским детям.

В списке капитана морских батальонов Н. Дмитриева указано, что он происходил «из сибирских дворян»¹⁸. Современный иностранный наблюдатель так характеризовал эту категорию русского населения: «Помимо большого, или так называемого московского, дворянства, записанного в матрикул и получившего дипломы от царя, в Сибирском царстве есть дворянство меньшее, создаваемое тамошними губернаторами. Этого достоинства может достичь и крестьянин, если не покусится на хорошие деньги для губернатора. Собственно, такие дворяне – сборщики коронного налога или другие, ведающие государственными делами, за что получают небольшой участок коронной земли и некоторую сумму денег в оплату»¹⁹. Таким образом, Дмитриев при подсчетах также был причислен к категории дворянства.

К нетитулованным дворянам также был отнесен шкипер I ранга С. Путилов, показавший в списке 1762 г. свое происхождение как «из рейтарских детей», т. е. из детей служилых «по отечеству»²⁰. Последняя категория существовала до 1724 г., когда в связи с Податной реформой, введшей новое социальное деление российского общества, служилые «по прибору» были включены в состав дворянства. Случай Путилова уникален, поскольку, повысив благодаря реформе свой социальный статус, служилые люди «старых служб» предпочитали называться «шляхетством»: анахронизмы все реже встречаются в документах, начиная с 1724 г., и за период с 1725 по 1745 г. Калашникову удалось обнаружить лишь 27 подобных примеров²¹, Путилов же пронес это самоопределение через четыре десятилетия, поступив на службу в 1722 г. и будучи на момент составления списка 69 лет от роду.

Вместе с тем шкипер I ранга К. Соколов был причислен к дефиниции «не из дворян», поскольку в списке его происхождение было определено формулировкой «из служных детей», т. е. он также относился к

¹⁸ Там же. Д. 38. Л. 317об., 320.

¹⁹ Берк К.-Р. Путевые заметки о России // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 150.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 2. Л. 357 об.–359.

²¹ *Калашников Г. В.* Офицерский корпус русской армии... С. 91.

служилым «старых служб», однако, очевидно, «по прибору»²². Поскольку последние были положены в подушный оклад, причислять Соколова к какой-либо определенной категории невозможно. К той же дефиниции были отнесены некоторые другие офицеры, чье социальное происхождение было в целом нетипичным и не укладывалось в рамки определенных категорий (например, сын трубочиста комиссар К. А. Лацкой²³).

Самой неопределенной группой являются разночинцы, поскольку какие именно социальные категории включал в это понятие каждый конкретный составитель списка или офицер неизвестно, ибо на протяжении XVIII в. интерпретация слова «разночинец» была разнообразной и противоречивой²⁴. В инструкции для проведения ревизии в 1743 г. к данной дефиниции были причислены все социальные группы за исключением дворянства, духовенства, а также крестьян и горожан²⁵. Однако в нашем случае, например, однодворцы и татары выделены в списках в самостоятельные субкатегории. Исходя из этого, при анализе и в подобных случаях приходилось следовать указаниям источника.

Наконец, нельзя буквально понимать определение «из купцов», поскольку с середины 20-х гг. XVIII в. и вплоть до реформы 1775 г. оно использовалось как собирательный термин для всего городского населения²⁶, поэтому субкатегории купцов и мещан/посадских следует понимать как близкие по значению и отчасти взаимозаменяемые.

Таблица позволяет проанализировать социальное происхождение офицеров-россиян флотской команды (с дифференциацией по подразделениям) и морских батальонов с учетом вышеизложенной специфики данных.

По имеющимся в распоряжении автора данным видно, что корпус **флотских линейных офицеров** (от мичманов до капитанов генерал-майорского ранга) на протяжении всего рассматриваемого периода был представлен почти исключительно дворянами мантии: на долю потом-

²² РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 2. Л. 357 об.–359.

²³ Там же. Д. 4. Л. 472 об.–474.

²⁴ Подробнее о категории разночинцев в России этого времени см.: *Wirtschaftler E. K. Structures of Society: Imperial Russia's «People of Various Ranks».* DeKalb, 1994.

²⁵ *Ibidem.* P. 24.

²⁶ См.: *Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Изд. 3-е. испр. и доп. СПб., 2003. Т. I. С. 113–114.*

ственного дворянства приходилось от 91,63% на 1780 г. до 95,96% на 1762 г. Некоторое колебание удельного веса потомственного дворянства было обусловлено увеличением или снижением доли офицерских детей (в пределах от 1,59% в 1792 г. до 4,85% в 1780 г.) и дворян/офицерских детей (от 1,01% в 1772 г. до 2,64% в 1780 г.). Имея в виду сказанное выше о социальных особенностях категории обер-офицерских детей, изменение показателей их удельного веса можно проигнорировать, что позволяет охарактеризовать корпус линейных флотских офицеров как в высшей степени элитарный. Абсолютизировать это заключение не позволяет наличие среди данной категории офицеров нескольких выходцев из непривилегированных сословий. Остановимся подробнее на этих прецедентах, в целом нетипичных для данного подразделения. В документах за 1772 г. фигурируют мичман И. Н. Барабанов (из унтер-офицерских детей) и лейтенант Н. У. Суковатый («из подмастерских детей»), а за 1780 г. – уже лейтенант И. Н. Барабанов и капитан-лейтенант П. Б. Слизов («из придворных детей»). Все они попали в состав линейных офицеров в 1770 г. во время нахождения в Архипелаге, где за боевые заслуги, а также, вероятно, по отсутствию резервов для пополнения офицерских вакансий были переименованы из шкиперов поручичьего ранга в мичманы²⁷. С точки зрения классного чина, они не приобрели тем самым ровным счетом ничего, зато перевод из штурманской роты в линейные офицеры открывал перед ними новые карьерные горизонты. Следует отметить, что эти прецеденты носили исключительный характер, и, насколько известно автору, не практиковались более на протяжении всего рассматриваемого периода. Единственным офицером из податных сословий в выборке 1792 г. был мичман Г. Наумов (из духовного звания), который долгое время состоял в статской службе и, возможно, уже имел классный чин, а в 1790 г. поступил волонтером во флот и принимал участие в боевых действиях. Спустя год он был пожалован именованным указом в мичманы²⁸. Все рассмотренные прецеденты являлись единичными и не влияли существенно на социальный состав корпуса флотских линейных офицеров, который был наиболее рафинированным в социальном аспекте по сравнению с чинами других структурных подразделений при абсолютном преобладании дворян мантии, что обуславливалось сословным характером Морского кадетского корпуса, почти исключительно из выпускников которого рекрутировались указанные чины. До образования корпуса, Морская академия хотя

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 4. Л. 385 об.–386; Л. 399 об.–403; Д. 17. Л. 238 об.–247; Л. 513 об.–515; Д. 20. Л. 36 об., 6.

²⁸ Там же. Д. 36. Л. 959 об.–960.

и давала возможность разным сословиям получать специализированное образование, однако и из ее стен лишь дворянские и офицерские дети выпускались в кадровые офицеры, а представители непривилегированных сословий в случае успешного обучения пополняли штурманскую роту. Следует заметить, что комплектование корпуса кадровых офицеров исключительно дворянами было характерно не только для России, но также для других феодальных монархий, например, для Испании и Франции рассматриваемого времени²⁹.

Штурманская рота, напротив, не имела в своих рядах ни одного дворянина, что являлось следствием целенаправленного курса на создание, условно выражаясь, сословной специализации, правилами которой руководствовались при комплектовании двух основных подразделений флотского офицерского корпуса. Так, по поданному из Сената в 1753 г. протесту на предложения Государственной адмиралтейской коллегии (далее – ГАК), право производства в линейные офицеры из штурманов было оставлено только за дворянами³⁰. В ходе реформы Морской академии дворяне, как правило, переименовывались в кадеты, производившиеся в гардемарины, а затем в линейные офицеры, а выходцы из прочих сословий – в штурманские ученики. В гораздо меньших масштабах переименование штурманских учеников из дворян в кадеты, а штурманов – в линейные офицеры практиковалось вплоть до начала 60-х гг., и, таким образом, штурманская рота была совершенно избавлена от присутствия дворян. Среди офицеров этого подразделения заметна доля офицерских детей, имевшая некоторую тенденцию к увеличению (данные за 1762 г. не могут быть признаны репрезентативными), однако абсолютное большинство принадлежало к детям военнослужащих неофицерских чинов.

Подход к комплектованию **шкиперских чинов и комиссариата** не отличался такой социальной обусловленностью, как корпус линейных офицеров и штурманская рота, поскольку должности этих чинов требовали более практических навыков и знания обрядов службы, нежели теоретической подготовки, поэтому они в подавляющем большинстве случаев комплектовались из людей либо не закончивших полного курса профессиональных учебных заведений, либо вовсе в них не обучавшимися. По этой причине в данных подразделениях царило социальное разнообразие, отличающееся от предыдущих случаев значительным

²⁹ *Жюрьен де ла Гравиер*. Воспоминания адмирала. Ч. I: Юность моряка // Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. СПб., 1860. Т. XLVII. № 7. Июль. III. Неофиц. часть. С. 268–269.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 147. Оп 1. Д. 5. Л. 4–4 об.

присутствием офицеров, происходивших из податных сословий, поступавших на службу либо по рекрутскому набору, либо добровольно, но неизменно без специальной подготовки и в нижние чины. Доля дворян и офицерских детей здесь была небольшой, колеблясь от полного отсутствия до 25,81% дворян по комиссариату в 1762 г., и достигалась в основном за счет определенных по разным причинам изначально в нижние чины или нерадивых списанных в матросы и солдаты воспитанников учебных заведений. Постепенно, по мере того как репрессивный пресс государства в отношении дворянства ослабевал, дворяне перестали попадать в эти непрестижные подразделения. Наблюдения над списками шкиперов за 1762 г. (I ранга – Г. Болотникова³¹, А. Дунаева³², С. Путилова³³ и II ранга – П. К. Нечаева³⁴) показывают, что трое из них, чье происхождение указано как дворянское, являлись выпускниками Морской Академии и были произведены в шкиперы из мичманов, т. е. кадровых офицеров/унтер-офицеров. Лишь Путилов, об особенностях происхождения которого шла речь выше, начал службу матросом и последовательно дослужился до чина шкипера I ранга. При этом все четверо были произведены в шкиперы в период Семилетней войны, когда проблема комплектования офицерского корпуса стояла особенно остро, что можно признать мерой исключительной. Из вышесказанного понятно, что дворяне попадали в шкиперы лишь эпизодически, а в целом эти чины рекрутировались из непривилегированных сословий. Единственный дворянин, обнаруженный среди шкиперов в 1780 г., Д. В. Шевцов, был отчислен из Морской академии еще в 1752 г. в матросы II статьи и, судя по послужному списку, пребывая в полном презрении, дослужился до офицерского чина шкипера только через двадцать лет³⁵, а одиноким дворянином в комиссариате в 1792 г. являлся кригс-комиссар премьер-майорского ранга С. И. Веселаго, переведенный из морских батальонов, почему пример его непоказателен³⁶. Вообще представители привилегированного сословия не стремились пополнять шкиперские чины и комиссариат. Это объясняется тем, что во многих случаях чин шкипера I ранга (по Табели о рангах – XII класс) и комиссарская должность (XIV класс) были карьерным тупиком. Шкиперов производить было просто некуда, и только при Екатерине II их в виде исключения награждали чинами вплоть

³¹ Там же. Ф. 406. Оп. 7. Д. 2. Л. 79 об.–80.

³² Там же. Л. 351 об.–352.

³³ Там же. Л. 357 об.–359.

³⁴ Там же. Л. 366 об.–367.

³⁵ Там же. Д. 17. Л. 674 об.–677.

³⁶ Там же. Д. 37. Л. 336 об.–339.

до секунд-майорского (VIII класс), оставляя при той же должности; что же касается комиссаров – по всем выборкам нам известно лишь 47 случаев производств из комиссаров в подпоручики морских батальонов и выше и один – вынужденного переименования в 1770 г. в подконстапеля за неимением офицера морской артиллерии, хотя чин подконстапеля был с 1764 г. даже не предусмотрен штатами³⁷. Правда, с течением времени комиссаров также начали награждать чинами подпоручика и даже поручика, но этого было слишком недостаточно. Кроме того, сопряженная с данной должностью материальная ответственность и частота начетов делала ее также малопривлекательной для дворян. В пропорциональном выражении доля чинов солдатской команды, прошедших должность комиссара, к остальным для дворян была 1:21,3, тогда как для выходцев из других категорий – 1:3,3. Иными словами, недворяне назначались на должность комиссара в семь раз чаще, нежели дворяне.

В *солдатской команде*, имевшей очевидную тенденцию к демократизации, доля дворян была стабильно меньше по сравнению с линейными офицерами флота, несмотря на резкое ее увеличение к 1772 г. Сравнительно большое представительство выходцев из непривилегированных сословий (за исключением офицерских детей) в солдатской команде, варьировавшееся от 7,95% на 1772 г. до 36,23% на 1762 г., объясняется низким образовательным цензом: поэтому значительное количество солдатских офицеров вообще не получили систематического военного образования, вследствие чего шансов выслужить офицерский чин в данном подразделении для недворян, ограниченных в возможности обучаться в специализированных военно-учебных заведениях, было значительно больше. Резкое увеличение удельного веса дворян в морских солдатских батальонах к 1772 г. объясняется массовым переводом дворян из унтер-офицеров гвардии Измайловского полка во флот с производством в офицеры. Поскольку личный состав морских батальонов был значительно более мобильным, нежели флотской команды, т. е. наблюдалась постоянная ротация военнослужащих этого подразделения флота и полевой армии, то, по нашему мнению, полученные результаты можно проецировать на офицерский корпус армейской пехоты. Принимая это допущение, следует сделать вывод, что флотские линейные офицеры представляли собою более социально однородное и более элитарное военное сообщество, нежели армейские, уступая в этом отношении первенство только гвардии.

³⁷ Там же. Д. 4. Л. 596 об.–597.

Мы располагаем репрезентативными данными по *морской артиллерии* только за 1772 г., поэтому, игнорируя списки остальных выборов, имеем возможность проанализировать лишь соответствующие результаты. Доля дворян и офицерских детей в данном случае гораздо превышала долю выходцев из непривилегированных сословий, что также было связано с особенностями комплектации Морской академии и Морского корпуса, однако последняя все-таки являлась значительной (20,59%). Причиной этого было нежелание дворян поступать в корпус морской артиллерии в связи с медлительностью производства по сравнению с кадровыми офицерами флота, вследствие чего ГАК была принуждена рекрутировать обер-офицеров из выслужившихся с нижних чинов унтер-офицеров, причем из семи лишь одно производство в подконстапели офицерского ранга имело место в 1746 г., когда некомплект был катастрофическим, и два – в подконстапели в 1762 г. в результате общего производства по флоту опять-таки с целью наполнения комплекта. Еще четыре унтер-офицера морской артиллерии были пожалованы в офицеры во время военных действий (один – в 1759 г. из подконстапелей унтер-офицерского ранга в прапорщичий ранг и трое – в 1770–1771 гг. в констапели) в условиях обычного в таких обстоятельствах некомплекта, обусловленного большой текучкой кадров. Таким образом, допущение в офицерский корпус морской артиллерии лиц недворянского происхождения было мерой нежелательной в связи с отсутствием у них достаточной теоретической подготовки, однако вынужденной, которая обусловила значительное представительство таких офицеров наряду с выходцами из привилегированных сословий.

Обращает на себя внимание выделенная в ходе исследования субкатегория детей военнослужащих. Кроме корпуса флотских линейных офицеров, солдатской команды и морской артиллерии, в которых, как было показано выше, большинство составляли дворяне, во всех остальных подразделениях она представлена наиболее значительно, и лишь в солдатских батальонах на 1762 г. ее доля уступает совокупной доле субкатегории офицеров, происходивших из податных сословий, в прочих же случаях она неизменно превалирует над последней. Почти исключительно дети военнослужащих, причем в основном, надо полагать, адмиралтейского подчинения, составляли штурманскую роту. Такое положение представляется совершенно естественным, поскольку обязанности штурмана подразумевали серьезную теоретическую подготовку, которую давали специализированные военно-морские заведения. Последние в свою очередь рекрутировали учеников, за исключением дворян и офицерских детей, из той категории, которая впоследствии получила наи-

менованние кантонистов. Единственным исключением на 1762 г. был упоминавшийся П. Б. Слизов, который состоял на 1762 г. штурманом в чине подпоручика, определивший свое социальное происхождение туманной формулировкой «из придворных детей»; еще четыре человека из позднейших выборов принадлежали к категории детей мелких канцелярских служащих, причем не исключено, что морского ведомства, однако все они получили специализированное образование. Таким образом, на примере штурманской роты наиболее отчетливо прослеживается тенденция к преемственности. Менее явственно, но все-таки довольно заметно она давала себя знать и в других подразделениях, тем более что, очевидно, немалая часть дворянских детей также происходила из военных семей. Основываясь на материалах списков, можно попытаться провести более тонкий анализ. Поскольку в формулярах в большинстве случаев отсутствует точное разграничение офицеров и младшего командного состава, чьими детьми являлись попавшие в выборку военнослужащие, на собственно флотских и армейских, то существует возможность дифференцированно, но очень приблизительно, проанализировать только детей солдат, матросов и мастеровых. Как видно из Таблицы, в большинстве подразделений флотской команды совокупная доля выходцев из детей матросов и мастеровых (т. е. служащих адмиралтейского ведомства) превышает долю детей нижних чинов армии (солдат), при том, что среди последних, несомненно, была некоторая часть приписанных к морским батальонам, а следовательно, также находящихся в адмиралтейском подчинении. В морских же батальонах и отчасти среди комиссаров, производившихся из солдатских или флотских унтер-офицеров, это соотношение прямо противоположно. Из вышесказанного очевидна преемственность служащих различных подразделений, в условиях которой отцы в силу обстоятельств или склонности избирали для своих детей удел, который выпал на их долю. При этом нельзя не заметить, что дети военнослужащих, благодаря покровительству и установившимся служебным связям отцов, имели большие перспективы выслужить офицерские чины, нежели матросы и солдаты «от сохи». Явление преемственности можно наблюдать и в отношении линейных офицеров, среди которых также в XVIII столетии начинают складываться профессиональные династии, хотя, вероятно, в меньшей степени, поскольку особенности социального состава офицеров этой категории предоставляли им значительную степень свободы в выборе жизненного определения для своих детей. Так или иначе, но выявленную тенденцию нельзя не рассматривать как безусловно положительную, поскольку она вела к профессионализации личного состава вооруженных сил в целом и офицерского корпуса в частности.

Подводя итог рассмотрению социального происхождения морских офицеров, следует отметить сословно дифференцированный принцип комплектования офицерского корпуса, обусловленный особенностями социальной стратификации общества. Дворянство имело неоспоримые преимущества перед непривилегированными категориями населения при формировании тех подразделений (линейные флотские офицеры, морская артиллерия и солдатская команда), служба в которых обещала несравненно большие перспективы карьерного роста. Такое положение представляется вполне оправданным, поскольку именно дворяне обладали фактически монопольным правом получения образования в специализированных военно-учебных заведениях, открывающих путь к штаб-офицерским и генеральским чинам.

Раздел 2

НОБИЛИТЕТ И АРИСТОКРАТИЯ: МЕХАНИЗМЫ ВНУТРИСОСЛОВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПРОТИВОСТОЯНИЯ

А. Б. Егоров

РИМСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ, ЕЕ СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Тема римского нобилитета имеет большое значение для изучения проблем истории Западной Европы и средневековой аристократии, а также – проблем политических элит Нового времени. Если античную Грецию можно считать первой европейской цивилизацией, в рамках которой происходит зарождение общих принципов аристократического этоса, а греческая знать была первой аристократией в истории Европы, то Римская империя и римская цивилизация заложили основу для будущей европейской государственности, культуры и права, а римский республиканский, а затем и имперский нобилитет стал прообразом, а отчасти и непосредственным предшественником западноевропейского.

Так же как и все римское общество, римская аристократия проходит несколько стадий в своем развитии: родовая и патрицианская аристократия царского Рима и ранней республики, постепенно превращающаяся в служилую знать, концентрирующуюся вокруг формирующегося полисного государства; новая патрицианско-плебейская знать, нобилитет, правившая Римом в эпоху расцвета и кризиса республиканского строя; римско-италийская, а затем и средиземноморская аристократия эпохи принципата и, наконец, бюрократическая элита времени домината, которая в V–VI вв. н. э. постепенно смешивалась с верхушкой варварских племенных союзов, а затем и королевств, на основе которой формируется та правящая элита, ставшая непосредственным предшественником, а отчасти и прямым предком аристократии средневековой Европы.

Разумеется, полная характеристика этого развития возможна лишь в рамках серии больших, возможно, даже коллективных исследований, и в рамках данной статьи мы можем ограничиться лишь рассмотрением первой стадии процесса, периода VIII–I вв. до н. э., приходящегося главным образом на время Римской республики. Вместе с тем уже на начальном этапе исследования мы постараемся сделать акцент на общих

принципах и положениях, даже рискуя допустить несколько декларативный характер некоторых тезисов и минимизировать тот огромный конкретный материал, который, несомненно, стоит за этими общими утверждениями.

Говоря о римской аристократии, необходимо определить, что понимали под этим римляне. Заметим, что само понятие «аристократия» как определенная совокупность людей принадлежит значительно более поздним периодам тогда как греческое *aristokratia*. обычно являлось обозначением формы государственного строя, при которой власть принадлежит элите «лучших» (*aristoi*) людей. Греческие теоретики государства и права (Платон, Аристотель, Полибий и др.), как правило, имеют в виду деловое, нравственное, интеллектуальное, а иногда и образовательное или физическое отличие, однако в реальном обиходе термин часто обозначал господство родовой знати, занимавшей свое положение «по праву рождения». Греки противопоставляли аристократию, с одной стороны, монархии («власти одного») и демократии («власти народа», т. е. всех или большинства), а с другой – олигархии, власти нелегитимной элиты, правящей в силу своего богатства, силы, клиентелы и других «групп поддержки», личных связей и непомерных амбиций.

Уже Аристотель дает весьма сложную картину форм государственного устройства. Каждая из трех форм имела свой «извращенный» аналог. Для монархии (древнего, легитимного правления царя, заботящегося о благе своего народа) таким аналогом была тирания (единоличное правление политического лидера, пришедшего к власти незаконным или квазизаконным путем, правящего, опираясь на грубую силу, и не заботящегося о народных нуждах), а для демократии, под которой понималась власть и преобладание умеренных средних слоев – охлократия, господство толпы, состоящей по преимуществу из люмпенизированных элементов. Хотя конкретное определение зачастую зависело от политической позиции автора, оттенки различий выступают достаточно определенно. Впрочем, древние теоретики считали, что даже «нормальные» формы имеют свои недостатки и не могут считаться оптимальным государственным устройством.

Аристотель выдвинул теорию, что наилучшим государственным строем является некий «смешанный строй», основанный на синтезе трех «нормальных» форм (монархии, аристократии и умеренной демократии, политии). Если для великого Стагирита этот идеал носил характер умозрительной конструкции, то Полибий нашел его в реальном обществе, Римской республике, а Цицерон перевел греческие теории и понятия на язык римского права и практической политики, дав схеме конкретное римское содержание.

Теория «смешанного строя» и возможность ее применения к Риму стали предметом дискуссии. В XIX и второй половине XX в. преобладало мнение о ее искусственном характере, и в данном случае весьма характерны мнения двух выдающихся ученых, занимавшихся различными аспектами этой проблемы, Т. Моммзена и К. фон Фрица. Т. Моммзен считал, что Римская республика управлялась сенатом и представляла собой чистый вариант олигархического (или аристократического) государства при наличии сильного, унаследованного от царской эпохи монархического элемента, выраженного в магистратском империи, однако при этом полностью отрицал какие-либо элементы демократии¹. Что касается К. фон Фрица, одного из крупнейших специалистов в области античных политических теорий, то он подчеркивал искусственность теории Полибия и ее полное несоответствие римским реалиям².

Напротив, современные ученые склонны реабилитировать теорию Полибия³. Римом действительно правила аристократия (или олигархия), основой которой являлся сенат, однако эта олигархия сумела создать национальное и социальное единство общества. Конечно, ни один серьезный исследователь не назовет Рим демократией, однако власть, права и волеизъявления народа не были пустым звуком, а сильная независимая исполнительная власть (консулы, диктаторы или проконсулы) не раз спасала страну в кризисной ситуации. «Идеальное государство» достаточно успешно создало идею социального партнерства, объединило Италию, выстояло в Пунических войнах и создало огромную сверхдержаву. Идеология отразила эти успехи, создав «римский миф» о великом народе, создавшем великую державу под командованием великих полководцев (от Фурия Камилла до Помпея и Цезаря) и коллективного гения сената. Именно сенат был фактическим органом высшей власти аристократии и вместе с тем центром, вокруг которого она концентрировалась.

¹ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 2. С. 73–75, 197–198, 325–333; Т. 3. С. 9–10, 314–315.

² Fritz K. von The Theory of Mixed Constitution in Antiquity. NY, 1954. P. 73–79, 306–310, 345–348.

³ Lintott A. The crisis of the Republic: sources and source problems // CAH. 2-ed. V. 9. Cambridge, 1996. P. 10–11; 2) Political History, 146–95 B. C. // CAH. 2-ed. V. 9. Cambridge, 1996. P. 49–55; Crook J. A., Lintott A., Rawson E. The fall of Roman republic // CAH. 2-ed. Vol. 9 Cambridge, 1996. P. 690–692, 695–700, 725–728, 769–770.

Нобилитет

Римская аристократия была, вероятно, одной из самых «государственных» аристократий в истории человечества и существовала как корпорация, объединенная вокруг государства, государственной службы и государственных органов (сената и магистратур). Сенаторы были высшим сословием (*ordo senatorius*), завершавшим пирамиду, основанием которой были всадники и плебс. Внутренняя иерархия зависела от ранга в сенате, а на ее вершине находились обладатели высших должностей, консуляры и цензории. Состоящий из примерно 300 членов сенат (после Суллы – 400–500)⁴ реально управлялся 25–30 сенаторами высшего ранга⁵. Именно этих представителей консульских семей римляне выделяли в особую правящую элиту, нобилитет (*nobilitas*). Согласно

⁴ Обычно численность сената в период республики оценивается примерно в 300 человек, хотя реально сенаторов, вероятно, было меньше. Это количество возникло уже к началу республиканского периода. Согласно традиции, Ромул составил сенат из 100 человек. По одной версии, удвоение происходит при Тулле Гостилии после завоевания Альбы, по другой – при пятом царе Рима Тарквинии Приске (*Cic. De re p.*, I.20, 35). Новое добавление состоялось, вероятно, сразу после свержения царей (*Liv. II. 1, 9*). После этого радикальных пополнений или сокращений не происходило. Следующее увеличение числа сенаторов связано с Суллой, который добавил 300 новых сенаторов (*App. V. C.*, 1,100; *Cic. de leg.*, III.12, 27), причем одни авторы принимают цифру 600 в качестве общего количества (300 старых сенаторов + 300 новых), а другие полагают, что число старых сенаторов сократилось до 100–150 человек по причине огромных потерь в гражданской войне (*Eutr.*, V. 9; *App. V. C.*, I, 103). Значительное сокращение (на 64 человека) происходит в 70 г. до н. э., и есть все основания считать, что число сенаторов не превышало 450–500 человек. Цезарь увеличил сенат до 900 человек (*Dio*, 43, 47), в 32 г. до н. э. сенат разросся до 1000 членов (*R. g. D. A.*, 25; *Suet. Aug.*, 35; *Plut. Ant.*, 59). Август вернул его к числу 600. Подробнее о составе сената см.: *Белкин М. В.* Римский сенат в эпоху сословной борьбы V–III вв. до н. э. СПб., 1997. С. 113, 122, 131–135.

⁵ Так, в 59 г. до н. э. в сенате было 23 (или 27) консуляров (относительно четырех у нас нет определенной информации). Самым старым был консул 92 г. М. Перперна, однако большинство составляли бывшие консулы 70–60-х гг. В 49 г. до н. э. в сенате было 32 консуляра (плюс 4, судьба которых неясна). Старейшими членами сената были М. Перперна (92 г.), Сервилий Ватия Исаврийский (79 г.) и Гней Помпей (70, 55 и 52 гг.), а большая часть консуляров – это консулы 60–50-х гг. Закон Виллия устанавливал консульский возраст в 34 года, а закон Суллы – в 43 года. Это позволяет предположить (предположение подтверждается имеющимся у нас просопографическим материалом), что активное участие в работе сената, как правило, принимали консуляры, занимавшие должности в два последних десятилетия.

утвердившейся в науке дефиниции М. Гельцера, именно их и принято считать римской аристократией⁶. Помимо особого статуса в сенате, консулы и консуляры получали самые большие армии, самые важные провинции и наиболее значительные экстраординарные полномочия. Только консуляр мог стать цензором или диктатором. Вместе с тем, рассмотрение консульских фаст показывает, что в 509–48 гг. до н. э. львиная доля консульских мест была занята представителями 35–40 семей, а значительная часть нобильских родов выдвигала лишь одного или нескольких консулов.

В отличие от *ordo senatorius nobilitas* не является юридической дефиницией. Это дефиниция фактическая, находящая отражение в социальной, экономической, политической и идеологической областях. Попасть в число *nobiles* было сложно: требовалась служба в армии (как правило, в офицерской должности) и последовательное прохождение минимум трех магистратур, квестуры, эдилитета и претуры. В условиях господства сената, составленного из экс-магистратов, главным критерием положения была государственная служба: экс-магистрат был выше человека, не занимавшего должностей, а консуляр – выше претория. Знатный, богатый и образованный человек, не состоящий на государственной службе, не входил в правящую элиту, и, напротив, человек из низов мог достичь консульского ранга и войти в верхние этажи знати. Эта «римская мечта» реализовывалась не столь часто, но примеры Фабриция Люцина, Курия Дентата, Катона Старшего или Мария были одной из важнейших составляющих «римского мифа». Служилый принцип был выражен в римском обществе больше, чем в каком-либо другом, а каждое новое поколение знати должно было подтверждать свой статус на деле. Формально (а отчасти и реально) это была выборная аристократия.

Сказанное вовсе не значит, что знатность, семейные связи и богатство не играли никакой роли. Римская элита очень ценила происхождение, а многие знатные роды, появившиеся в V–VI вв. до н. э., дожили до конца республики. Кандидат, носящий имя Корнелиев, Валериев или Фабиев, был буквально «обречен» на блестящую карьеру. Более того, в письме к своему брату, знаменитому оратору Марку Туллию Цицерону, баллотировавшемуся в консулы 63 г., Квинт Цицерон пишет, что народ любит громкие имена, а самому Цицерону может повредить то, что он является *homo novus* и не принадлежит к аристократии (*Comm. pet.*, I, 2; IV, 13–14). Народ ценил знатность даже в собственных лидерах, а Грак-

⁶ *Gelzer M. Regimentfähigkeit und Nobilität der römische Republik. München, 1912. S. 21–29; 2) Caesar als Politiker und Staatsmann. Wiesbaden, 1960. 8 Aufl., S. 4; 12–13; Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 257–270.*

хи, Цезарь и Клодий были популярны в народе не только как демократы, но и как носители громких аристократических фамилий. Рим знал и периоды антиаристократических кампаний, когда избиратели отдавали предпочтение «новым людям», но подобные ситуации были достаточно редки.

Как покажет последующий материал, большое значение имели не только древность рода и его происхождение от богов или царей, но и статус и связи семьи в данный момент, что было достаточно переменной величиной. Римляне не делали большой разницы между аристократами, ведущими свою генеалогию от богов, и нобилиями второго поколения. Так, например, на рубеже II–I вв. до н. э. плебейский род Цецилиев Метеллов, появившийся в фастах в середине III в. и уступавший по своей древности не только патрицианским, но и многим плебейским родам, стал фактически центром власти и сенатской партии, а почти все лидеры оптиматов этого времени состояли в родстве с Метеллами.

Личные, фамильные и клиентские связи имели большое значение и для карьер «новых людей». Лишь немногие из них, как Катон или Марий, пробивали себе дорогу личными дарованиями, энергией и военными успехами, зачастую встречая сопротивление сенатской верхушки. Гораздо большее число их собратьев по сословию находили сильного и влиятельного покровителя (Сципион Африканский, Марий, Сулла, Помпей, Цезарь) и следовали в фарватере его политики как члены его «команды». Корпоративность аристократии сочеталась хотя бы с видимостью реализации «римской мечты», а количество новых людей в консульских фастах в зависимости от периода составляла от 18 до 55%. Периоды замкнутости римской знати сочетались с периодами существенного обновления правящей верхушки.

Римская политика была своеобразным «многоборьем», участники которого набирали очки самыми различными способами. Козырной картой были военные заслуги, и можно предположить, что римляне видели в своих магистратах прежде всего военных руководителей. Впрочем, некоторые талантливые военачальники, как, например, Марий или Помпей, чувствовали себя на форуме достаточно неуютно, сильно завися от своих политических помощников. Политик мог использовать знатное происхождение или личные связи, если таковые имелись, а в случае их отсутствия взять на вооружение политический стиль и лозунги популярных и прибегнуть к помощи народа, что требовало умения выступать перед аудиторией. В трактате «Брут», посвященном истории римского красноречия, Цицерон показывает, что практически все деятели II–I вв. до н. э. были хорошими ораторами, а некоторые из них (Л. Лициний Красс, М. Антоний, П. Сульпиций Руф, Квинт Гортензий, сам Цицерон,

Юлий Цезарь) были подлинными мастерами слова. Известное значение имела и идеология: нобилитет следил за тем, чтобы его члены разделяли консервативно-республиканские ценности, а многие из лидеров оптиматов сделали себе имя как идеологи системы (Катул, Катон Младший, Цицерон, Брут).

Римская идеология всячески подчеркивала незначительность материального фактора для успеха государственной карьеры или формирования аристократической элиты. Магистратуры и работа в сенате не оплачивались, и должностное лицо получало деньги только на государственные расходы. Между тем политическая карьера стоила довольно дорого: минимум 4–5 раз римский политик проходил через выборы, а поддержание популярности в народе требовало участия в даче игр и других благотворительных акциях. Вместе с тем сенаторы были фактически исключены из ряда сфер экономической деятельности. Закон Клавдия от 218 г. до н. э. запрещал сенаторам иметь в собственности корабли выше определенного водоизмещения, а ремесло, индустрия и торговля по большому счету считались занятием, недостойным аристократов. Производство по большей части контролировалось людьми «третьего сословия», богатыми плебеями и либертами, они же составляли основную массу торговцев. Банковское дело, откуп налогов и крупный бизнес находились в руках всадников.

Доходы сенаторов в основном шли из двух источников. Сенаторы имели самые крупные поместья и самые большие аграрные капиталы, а некоторые из них использовали весьма прогрессивные методы хозяйствования. Впрочем, гораздо больше давал второй источник – эксплуатация покоренных территорий, названная Кл. Николе «экономикой ограбления»⁷. По мнению французского исследователя, именно здесь возникали прибыли, несравнимые с любой производственной деятельностью. Эта «экономика» была связана с торговлей зерном и рабами⁸ и, наконец, войной, когда полководец и высшие офицеры имели право на часть военной добычи, причем на совершенно законных основаниях. Такие выдающиеся полководцы, как Лукулл, Помпей или Цезарь, были и богатейшими людьми Рима⁹. Наконец, формально неоплачиваемая

⁷ Nicolet Cl. *Economy and society*, 135–43 В. С. // САН. 2-ed. Vol. 9. Cambridge, 1996. P. 637–638.

⁸ Ibid. P. 635–636.

⁹ О богатстве Лукулла см. напр.: Plut. Luc. 39–41; состояние Помпея см.: Miltner F. *Pompeius* (31) // RE. Bd.21 Hbd.42. Sp. 2210–2211. Из достаточно многочисленных упоминаний о собственности Помпея известно, что у него были значительные земельные владения в Пицене, Тускуле, Формиях и Лукании, поместья в Альбе, у Формий, виллы у Кум, в Байях, Таренте и в Этрурии, а также

политическая деятельность в полной мере «окупала» себя в виде взяток, грабежей, действий через подставных лиц и других видов подобной «деятельности», будучи тесно связана с теневым и криминальным бизнесом. Некоторые части политической элиты Рима (например, часть окружения Суллы или круг Катилины) были глубоко криминализированы¹⁰. Каким бы путем ни получали свои доходы нобили, фактом остается то, что они были самой богатой частью римского общества.

Знать играла значительную роль в образовании и культуре. До Цезаря римское образование носило частный характер, а потому было доступно прежде всего нобилиям, которые, вероятно, могут считаться самой образованной частью римского общества. Вместе с тем римская аристократия, как и вообще римляне, не имела монополии на образование. По крайней мере, в III–II вв. до н. э. большая часть педагогов, актеров и музыкантов были греками, а в Рим регулярно приезжали греческие философы, ораторы и ученые. С точки зрения права они были иностранцами и провинциалами, вольноотпущенниками и рабами. Примечательно, что римские аристократы предпочитали быть «образованными дилетантами»¹¹, оставляя профессиональные занятия и преподавание всадникам и грекам-вольноотпущенникам. Определенную дифференциацию можно обнаружить и в области науки и культуры. Римские нобили предпочитали занятия, связанные с политикой (крас-

военная добыча и городские постройки. Состояние Помпея оценивалось в 70 млн сестерциев. Состояние Цезаря в 44 г. до н. э., т. е. после Галльских и гражданских войн, оценивалось в 100 млн сестерциев (см. Моммзен Т. История Рима... Т. 3. С. 344, Несколько иной была структура состояния богатейшего человека Рима М. Лициния Красса, которое оценивается в 170 млн сестерциев (Plut. Crass., 2; Plin. NH., XXXIV, 134). Похоже, что земельные владения играли в нем не столь значительную роль, а большая часть вкладывалась в городскую собственность, особенно в жилые дома, а также в движимое имущество и деловые операции. Деятельность Красса, видимо, достаточно сходная с деятельностью публиканов и всаднического делового мира, вызывала критическое отношение римских консерваторов. Напротив, состояние другого олигарха, Домиция Агенобарба, практически целиком состояла из земельных владений, а во время осады Корфиния в 49 г. он обещал по 4 югера собственной земли 15 тысячам солдат (Caes. B. C., I, 17). Для сравнения доходы римской казны времен республики даже в моменты максимального роста достигали 200–400 млн сестерциев.

¹⁰ Подробнее см.: Егоров А. Б. Римская правящая элита в 80–50-е гг. I века до н. э. (К вопросу о диктатуре Суллы и «принципате» Помпея) // Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 5 // Ростов-н/Д, 2006. С. 31–46.

¹¹ Griffin M. The Intellectual developments of the Ciceronian age // CAH. 2-ed. Vol. 9. Cambridge, 1996. P. 689–692, 726–728.

норечие, право, историография), и проявляли гораздо меньший интерес к театру, поэзии, музыке и изобразительному искусству. Почти все правоведы и ораторы и большая часть историков II–I вв. до н. э. были аристократами, достаточно высоким был статус римских философов, хотя среди них было много греков, имевших статус либертов, провинциалов и иностранцев. Напротив, среди поэтов преобладали представители средних слоев населения, а среди драматургов мы встречаем италийцев, Гнея Невия и Квинта Энния, и вольноотпущенника П. Теренция Афры. Еще ниже был статус актеров, а браки сенаторов с актрисами были фактически запрещены.

Краткая история нобилитета

В современной науке четко установилось деление сенаторского сословия на две группы: нобильские и сенаторские семьи. Поскольку особую роль в квалификации аристократии имело консульство, принципиальное значение для исследователя имеют консульские списки (фасты), сохранившиеся практически в полном виде благодаря надписям и сообщениям античных авторов (можно особо отметить Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского и Евтропия). Даже беглый взгляд на фасты дает достаточно определенную картину: из примерно 800 консульств периода с 509 по 48 г. до н. э. более половины занимали представители 35–40 семей, тогда как вторая половина приходится на примерно две сотни семей, появившихся в фастах однократно или эпизодически и явно представлявших «нижнюю» часть нобилитета, многочисленные ветви Корнелиев (Малугиненсы, Коссы, Руфины, Лентулы, Сципионы, Блазионы, Цетеги и др.) занимали 67 консульств, Валерии – 48, Фабии – 43, Эмилии – 38, Клавдии – 26, Сервилии – 24, Сульпиции – 21, Юлии – 15. Только эти восемь родов занимали половину патрицианских консульств, а среди прочих немалую долю имели другие кланы (Постумии, Кассии, Фурии, Квинкции, Манлии, Папирии и др.). Самое интересное, что аналогичная тенденция прослеживается и среди плебейской знати, где выбор был несравненно больше. Отсчет консулов-плебеев идет с 366 г. до н. э. Род Фульвиев занимал 20 консульских мест, Цецилии Метеллы и Марции – по 18, Юнии – 17, Семпронии – 16, Лицинии – 15, Клавдии Марцеллы – 12, Аврелии – 11. Этим восьми родам принадлежит около трети плебейских консульств.

История римского нобилитета можно разделить на шесть этапов, во многом совпадающих с историей республики и ее периодизацией.

I. Период царской знати (753–509 гг. до н. э.). Образование римской аристократии.

- II. Период аристократического господства (509–451 гг. до н. э.),
- III. Патрицианская знать во главе государства (451–366 гг. до н. э.)
- IV. Формирование патрицианско-плебейского нобилитета (366–241 гг. до н. э.).
- V. Период расцвета республики и господства нобилитета (241–133 гг. до н. э.)
- VI. Период гражданских войн и кризис римской аристократии (133–31 гг. до н. э.).

I. Первым этапом истории римской аристократии можно считать эпоху царей (753–509 гг. до н. э.), время создания основ римского общества и государства. Согласно преданию, Ромул основал город и разделил народ на 3 трибы и 30 курий, создал римское народное собрание (куриатные комиции) и ополчение (легион). Если Ромул считался основателем гражданской организации Рима, то второй царь, Нума Помпилий, создал религиозную организацию. Рима и жреческие коллегии. Согласно преданию, Ромул разделил народ на патрициев и плебеев и создал сенат из 100 человек – владык рода и наиболее знатных и богатых римлян. Точная компетенция сената неясна, и, вероятнее всего, что он играл роль царского совета¹². Естественно, сенат (традиционный совет старейшин) был существующим в любом древнем обществе институтом, а указание на Ромула – это свидетельство древности и исконности этого учреждения. Именно тогда создается и ядро римской знати.

В своем фундаментальном исследовании, посвященном раннему Риму, И. Л. Маяк насчитывает более 30 известных нам знатных родов царской эпохи¹³. Основу этой аристократии составляли латинские и протолатинские (Потиции, Пинарии, Мамилии, Фабии, Гостилии, Горации, Юлии Сервилии, Куриации и др.) и сабинские (Валерии, Помпилии, Ветурии, Гегании, Клавдии) роды, однако некоторые gentes имели греческое и троянское происхождение (Мамилии, Навтии, Эмилии, Фабии). Примечательно, что многие из царских родов имели большое будущее, и почти все роды, имеющие максимальное число консульств (Валерии, Фабии, Эмилии, Клавдии, Сервилии, Юлии), восходят к царской эпохе.

Отношения между царем и знатью явно обострились в период правления царей-этрусков. Рим попал в «этрусскую зону», что вызвало резкий экономический и культурный рост: завершается создание города и

¹² Белкин И. В. Римский сенат... С. 135 слл.

¹³ Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 134–141.

установление римского господства в Лации, а знаменитая реформа Сервия Туллия привела к реорганизации народного собрания и армии и созданию (помимо патрицианских куриатных комиций) новых центуриатных комиций, основанных на цензовом принципе. Из патриархального древнего царя римский рекс превращался в полноправного монарха, а сенат был увеличен за счет сторонников царя. Конфликт между последним римским царем, Тарквинием Гордым, и знатью завершился переворотом 509 г. и свержением царской власти.

II. Переворот ликвидировал царскую власть и поставил во главе управления сенат, возглавляемый консулами и периодически назначаемыми диктаторами, сконцентрировавшими в своих руках исполнительную власть. Первое пятидесятилетие республики (509–451 гг. до н. э.) было, вероятно, одним из самых тяжелых периодов истории Рима. Рим вышел из «этрусской зоны», что означало экономический спад, а 90–50-е гг. V в. были наполнены бесконечными, тяжелыми и бесплодными войнами с соседями (эквами, вольсками и этрусками) и стали, вероятно, самым тяжелым этапом борьбы сословий – патрициев и плебеев.

Этот период был подлинным периодом «аристократического правления», когда патрициат напоминал гомеровскую знать с ее относительной автономией, дружинами клиентов, богатством и родовым могуществом, а отдельные кланы (Фабии, Клавдии, Валерии) даже претендовали на роль самостоятельных политических субъектов.

Список консулов отражает создавшуюся ситуацию. 118 консульств этого периода занимали представители 42 родов, 25 из которых были представителями царской знати. Совершенно отчетливо выделяется группа лидеров: род Валериев занял 10 консульств, Вергинии и Фабии – по 9, Постумии и Сервилии – по 6, Эмилии и Фурии – по 5, Горации, Минуции, Клавдии и Квинкции – по 4. Эти 11 родов (чуть более 25% общего числа) заняли 66 мест (56% общего числа) и практически все (возможно, кроме Постумиев) принадлежали к царской знати. К этой группе примыкают и другие *gentes*, например, Лукреции, Юлии и Навтии (по 3 консульства), также восходящие к эпохе царей.

III. Третий период (451–366 гг.) был этапом серьезных реформ. В 451–450 гг. были приняты Законы XII Таблиц, названные Ливием «источником всего государственного и частного права» (Liv., III, 34, 6). Законы Валерия – Горация (449 г.) признали правомочность плебисцитов, незыблемость права провокации и неприкосновенность трибунов (Ibid. III, 55), в 443 г. появляется должность цензоров, что ограничило консульскую власть (Liv., IV, 8), а с 447 г. бывшие помощниками консулов квесторы стали выборными магистратами (Liv., IV, 43).

В этот период были приняты законы, важные для последующего развития политической элиты. Закон Канулея (445 г.) разрешил браки между патрициями и плебеями, заложив основу их равноправия и последующего создания смешанной элиты, а в 444 г. было разрешено избирать военных трибунов с консулярной властью (числом с 3 до 8), которые могли заменить консулов¹⁴. Теоретически должность была доступна плебеям, хотя реально первый плебей стал военным трибуном в 400 г., а из 239 трибунатов 221 место принадлежало патрициям, и только 18 занимали плебеи. Трибунов выбирали часто: в 438, 433–432, 426–424, 420–414, 408–394, 391–367 гг. до н. э. Вторая часть периода (начиная с 408 г. до н. э.) фактически была временем военного трибуната.

Происходят позитивные перемены во внешней и внутренней политике. К 30-м гг. IV в. римляне перешли в наступление против эквов и вольсков. Самым большим успехом была 3-я Вейентская война (406–396 гг. до н. э.), завершившаяся взятием Вей (396 г.), главного противника Рима на севере, и наступлением в Южной Этрурии, решившим аграрные проблемы римлян.

Состав римской знати остался тем же, что и в предыдущий период. 57 консульств этого периода занимали представители 22 родов. Все они были представлены и в предыдущий период, а 38 консульств (две трети) занимали представители 8 кланов (Квинкции – 6, Валерии, Юлии, Папирии и Корнелии – по 5, Гегании, Фабии и Фурии – по 4). Аналогичная картина заметна с должностями военных трибунов: 221 место занимали представители 32 родов, а примерно половина мест принадлежала семи кланам. Возможно некоторым новшеством был выход на первое место рода Корнелиев (28 трибунатов), остальной список фактически повторялся (Валерии – 22, Квинкции – 15, Фурии – 14, Манлии и Сервилии – по 13, Эмилии – 12). Четыре рода, Фабии, Сергии, Сульпиции и Постумии, имели по 11 трибунатов.

Итак, патрицианская знать благополучно миновала пятое столетие, а внуки и правнуки раннереспубликанской знати сохранили свое положение. И все же перемены носили принципиальный характер: в условиях нового общества с новой комициальной системой и построенным по принципу магистратской иерархии сенатом патрицианская знать переставала быть родовой аристократией и становилась одной из основ служилой знати, концентрировавшейся вокруг государственной функции.

¹⁴ Подробное исследование о военных трибунах с консулярной властью см.: Деметьева В. В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000; 2) Объем полномочий римских консулярных военных трибунов // ВДИ. 2000. № 4. С. 41–58.

Победное наступление Рима на время остановило галльское нашествие 390 г. до н. э. В течение следующего десятилетия римляне восстанавливали свой контроль в Лации и Этрурии, ведя тяжелейшие войны против вольсков и этрусков. В Риме шли непрерывные долговые волнения, а в 376 г. народные трибуны Г. Лициний Столон и Л. Секстий выдвинули свои законопроекты. Один из них предполагал закрепление одного из консульских мест за плебеями. Начался 10-летний политический кризис.

IV. Перелом происходит в четвертый период (366–241 гг. до н. э.). В 367 г. плебеи добились принятия законов Лициния – Секстия, и теперь одно консульское место принадлежало им. Должность военных трибунов была ликвидирована. В последующие 20 лет им стали доступны остальные должности. В 356 г. плебей впервые стал диктатором, в 351 г. – цензором (Liv., VII,17; 22), в 339 г. закон Публилия Филона обеспечил плебеям одно цензорское место, а в 337 г. плебей стал претором (Liv., VII,12; 15). Процесс был завершён законом Огульния (300 г. до н. э.), давшим плебеям половину мест в коллегиях авгуров и понтификов.

К середине IV в. до н. э. были созданы основы республиканского государства: основные магистратуры уже оформились и стали (пусть во многом теоретически) доступны всем гражданам, сенат строился по принципу их иерархии, а народное собрание стало реально действующим органом. Помимо центуриатных комиций возникли новые, трибутные комиции, основой которых стали неформальные сходки плебеев. В 339 г. по закону Публилия Филона они стали полноправным видом народного собрания, а в 287 г. это право было подтверждено законом Гортензия. Оба закона снимали необходимость утверждения решения трибутных комиций со стороны сената¹⁵. Борьба патрициев и плебеев закончилась.

Рим переходит к масштабному наступлению в Италии. В 60–50-е гг. IV в. римляне покончили с сопротивлением на юге Этрурии и своими старыми врагами в Лации (Тибур и Пренесте), в 347–341 гг. состоялась последняя война с вольсками. Новым противником стали галлы, с набегами которых Рим непрерывно боролся в 367–349 гг. до н. э. К 40-м гг. IV в. Рим был сильнейшей державой центральной Италии,

¹⁵ См.: Liv., VIII.14,14–17; Epit., II. Оба закона предполагали отмену утверждения решений трибутных комиций со стороны «отцов» (patres), причем главной проблемой является вопрос о том, кто такие patres. Обычно исследователи предлагают два варианта – сенат и патрицианские куриатные комиции.

утвердившей свое господство в Лации, южной Этрурии и прилегающих к ним районах. После Латинской войны (340–338 гг.) Латинский союз был распущен. Ряд городов Лация получили римское гражданство, в другие выводились колонии. Рим стал унитарным государством, а ценз показывает рост числа граждан со 160 000 в 340 до 250 000 в 332 г. до н. э.¹⁶

Теперь римляне начали масштабное наступление в Италии. В ходе 2-й Самнитской войны (328–304 гг.) они сломали военную мощь самнитов, а в 304–299 гг. их союзниками стали горные племена центральной Италии (пелигны, марруцины, френтаны, марсы, вестины и пицены). Решающей схваткой за Италию стала 3-я Самнитская война (298–290 гг.). Союзниками самнитов были этруски и галлы. В 295 г. при Сентине римляне разбили войска коалиции, а в 290 г. самниты капитулировали. В 80–60-е гг. III в. до н. э. Рим завершил покорение Италии.

256 консульств в 366–264 гг. примерно пополам делятся между патрициями и плебеями. Патрицианская аристократия сужается: из примерно 30 родов прежнего периода остается только 14. Практически все они принадлежали к традиционной элите патрициата (Фабии, Валерии, Корнелии, Эмилии, Сульпиции, Папирии, Манлии, Клавдии, Постумии, Сервилии, Квинкции, Фурии, Навтии, Фолии и Юлии), причем большая часть их имеет большое число консульств. Фабии заняли 16 консульств, Корнелии – 15, Валерии – 14, Эмилии – 12, Сульпиции – 11, Папирии – 8, Клавдии и Манлии – по 6. Вероятно, еще одной характерной чертой времени можно считать появление новых, ранее не встречавшихся ветвей патрицианских родов: Валерии (Корвы и Флакки), Корнелии (Коссы, Лентулы, Руфины, Сципионы, Долабеллы, Блазионы), Сульпиции (Лонги, Саверрионы) и др. Напротив, некоторые *gentes*, игравшие большую роль в предыдущие периоды, теперь сходят со сцены (Горации, Вергинии, Менении и др.).

Наиболее интересен процесс создания плебейской знати. Около 130 плебейских консульств¹⁷ заняли представители 33 родов. Как и в ситуации с патрициями, здесь достаточно быстро формируется собствен-

¹⁶ Подробнее см.: Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 190–192.

¹⁷ После 366 г. до н. э. устанавливается правило, что один консул должен быть плебеем. Относительно второго никаких оговорок не было, но правилом было то, что им был патриций. В 366–241 гг. консульств двух плебеев не было, наоборот, в начале периода патриции довольно часто занимали оба консульских места (355–353, 351, 349, 345, 343–342 гг.).

ная элита. Роды Юниев и Марциев занимали по 8 консульств, Генуции и Плавтии – по 7, Деции – 6, Попилии – 5, Петелии, Публилии и Фульвии – по 4, Атилии и Курии – по 3. Эти 11 родов занимали 59 консульских мест, т. е. немногим менее половины от общего числа. В этот период появились плебейские роды, которые не раз проявят себя в будущем (Лицинии, Элии, Клавдии Марцеллы, Домиции, Минуции, Семпронии, Ливии, Цецилии Метеллы). Плебейская знать демонстрирует преемственность: минимум 6 новых консульских родов (Генуции, Лицинии, Марции, Публилии, Дуиллии, Атилии) происходили от проявивших себя ранее народных трибунов, а имена восьми (Ветурии, Юнии, Волумнии, Марции, Минуции, Семпронии, Мамилии, Клавдии Марцеллы) совпадают с именами патрицианских, что может свидетельствовать либо об общности происхождения, либо о какой-либо иной форме родства.

Обновление элиты в этот период носило беспрецедентный характер, однако, несмотря на противоречия, обе аристократии постепенно сливались. В начале периода плебейская знать еще имела характер аристократии «второго сорта», однако постепенно это различие исчезало, а само разделение на патрициев и плебеев носило все более формальный характер.

V. Следующий, пятый период (264–133 гг. до н. э.) стал «золотым веком» Римской державы и римской республики. Две Пунические войны, Первая (264–241 гг.) и Вторая (218–201 гг.), стали решающей схваткой за мировое господство. Последующее пятидесятилетие стало временем масштабного наступления.

В ходе 2-й Македонской войны (200–197 гг.) Македония перестала быть серьезной политической силой, а Сирийская война (193–188 гг.) покончила с державой Селевкидов как лидером эллинистического мира. После 3-й Македонской войны (171–168 гг.) Рим покончил с Македонией. В 90–70-е гг. II в. римляне установили контроль над большей частью Испании, завоевание которой было закреплено в войнах 50–30-х гг. В это время Рим приступил к окончательной аннексии Средиземноморского мира: после Третьей Пунической войны (149–146 гг.) и разрушения Карфагена появилась провинция Африка, в 148 г. провинцией стала Македония, в 146 г. под власть римлян попала Греция, в 133 г. на месте Пергамского царства появилась провинция Азия. К 30-м гг. II в. до н. э. Рим стал огромной державой, владевшей Испанией, северной Африкой, Сицилией, Сардинией и Корсикой, Грецией, Македонией и частью Малой Азии. Почти весь цивилизованный мир попал под власть римлян, а еще непокоренные страны находились в сфере его влияния.

Эти успехи в значительной степени были обеспечены внутренней стабильностью и сбалансированностью политической системы республики. Отсутствие серьезных кризисов даже в тяжелые периоды Пунических войн показывает, что римские власти сумели создать обстановку национального единства. Авторитет сената значительно вырос в ходе Второй Пунической войны, а стабильность правящей элиты отражает и просопографический материал. Анализ 260 консульств этого периода, которые можно примерно поровну¹⁸ разделить между патрициями и плебеями, также показывает этот новый этап господства нобилитета, который окончательно стал единым целым.

Патрицианская знать предыдущего периода сохранилась полностью, из 14 родов исчез только род Навтиев. Абсолютный рекорд сохраняли многочисленные ветви Корнелиев – 33 консульства, Эмилии занимали 15 консульств, Валерии – 13, Клавдии, Манлии, Сервилии, Фабии и Постумии – по 11, Сульпиции – 7, Фурии и Квинкции – по 4, Папирии и Юлии – по 1.

Плебейская знать представлена 45 родами, занимавшими 130–140 консульств, что показывает достаточно высокую степень доступа «новых людей». Последнему способствовал закон Виллия от 180 г. до н. э., запретивший повторное занятие консульства ранее чем через 10 лет после первого. Впрочем, элита плебейского нобилитета по-прежнему сохранялась; Фульвии занимали 15 консульств, Семпронии – 14, Атилии – 9, Лицинии – 6, Марции, Элии, Юнии и Ливии – по 5, Аврелии, Цецилии, Лутации, Мамилии, Ветурии, Фламинии, Попилии, Кальпурнии и Минуции – по 4, Муции, Ацилии и Гостилии – по 3. Этот 21 род дал большую часть плебейских консульств (104 из 130–140). Сохранилась и преемственность: из 59 родов, 13 патрицианских и 46 плебейских, 34 (т. е. 60%) встречались в предыдущий период, а из

¹⁸ Традиция паритета сохраняется и в этот период (241–133 гг.). Отличием от предыдущего является то, что иногда в фастах появляются два плебейских имени (206, 172–170, 167, 163, 153, 149, 139, 135, 133 гг.). Впрочем, последнее было вызвано не какими-то реформами, а растущим дефицитом патрицианских кандидатов. Примечательно, что даже в эпоху гражданских войн, когда различие имело чисто формальный характер, правило старались соблюдать. Его часто нарушали в период от Гракхов до Суллы (133–79 гг.): два консула-плебея особенно часто были во времена гракханского движения и марианского господства (132, 129–128, 125, 124, 122–120, 118–117, 114–112, 109, 107–101, 98, 96–94, 86–84), но практически не встречаются после сулланской диктатуры (74, 70, 67, 63–62, 60, 55 гг.). Более того, предвыборные альянсы 60–50-х гг., известные нам достаточно хорошо, чаще всего строились именно по этому принципу.

25 gentes, давших 4 или более консульства, к прежней nobilitas не относился только род Ацилиев. Остальные 31 род дали от 1 до 3 консульств.

VI. Последний, шестой период, эпоха гражданских войн (133–48 гг. до н. э.)¹⁹, стал роковым для нобилитета. Разумеется, у нас нет возможности для подробной характеристики этой эпохи, а потому ограничимся лишь самыми общими замечаниями.

Став территориальной державой, Рим столкнулся с двумя группами проблем: первая была связана с управлением; огромной сверхдержавой, вторая – с кризисом в ее центре, в Италии и Риме. Внешнеполитические угрозы и внутривластные кризисы сплелись воедино, а старые проблемы (аграрный вопрос, пополнение армии, проблема италийских союзников) сочетались с новыми (организация управления провинциями, создание новой армии, поддержание существования городского плебса).

Первый этап кризиса начался с гракханских реформ (133–121 гг.) и завершился Союзнической войной (90–88 гг.), гражданской войной 83–82 гг. и диктатурой Суллы. Победивший Сулла стал диктатором и после жесточайшей волны террора провел ряд консервативных реформ. Это была реставрация власти наиболее консервативной части нобилитета, а во главе новой системы стоял значительно усилившийся сенат, контролируемый сулланскими олигархами и подчинивший себе магистратов и комиции.

Впрочем, это была пиррова победа. Разрушительные последствия гражданских войн и сулланской диктатуры проявились во всех областях жизни огромной державы. 70-е и отчасти 60-е гг. I в. отмечены восстаниями в Италии и провинциях, провинциальными и внешними войнами, недовольством городского плебса и ростом пиратства и рабских восстаний. Только после смерти Суллы начался медленный выход из кризиса.

На 70-е гг. приходится несколько тяжелых войн: в 80–72 гг. в Испании продолжалось грандиозное восстание Сертория, в 74 г. началась 3-я Митридатова война, в 74/73–71 гг. Италия была охвачена восстанием Спартака, непрерывные военные действия шли на севере Италии и на Балканах. В 70 г. Рим вышел из внешнего кризиса и отказался от ряда

¹⁹ 48 год, год сражения при Фарсале, можно считать последним годом этого периода. Победа Цезаря и гражданская война 43–31 гг. до н. э. отмечены важными изменениями в персональном и структурном отношении. Кроме того, именно Фарсал можно считать поражением, после которого нобилитет как таковой уже должен был утратить политическую власть.

сулланских реформ. К концу 60-х гг. после походов Помпея (66–62 гг.) Рим завершил 3-ю Митридатovu войну и кампании на востоке. Впрочем, отказавшись от ряда законов Суллы, постсулланское правительство сохранило главное – господство в сенате и контроль над силовыми структурами. 70–60-е гг. были временем выдвижения Помпея, ставшего самым выдающимся полководцем этого периода и символом «мирной революции» 70 г.

С 60-х гг. начинает набирать силу оппозиция популяров во главе с Юлием Цезарем. На рубеже 60–50-х гг. Цезарь сумел консолидировать антисенатские силы и начать программу реформ. В ходе Галльских войн (58–51 гг.) Цезарь создал не только мощнейшую оборону на севере, но и сильную армию, с которой и одержал победу в гражданской войне (49–45 гг.). Начались масштабные реформы, выход из кризиса и превращение Рима во всемирную сверхдержаву, а заморская колонизация, новые законы о провинциальном управлении и муниципальной организации и, наконец, грандиозная «правовая революция», начавшая предоставление гражданства провинциалам, превращали Римскую республику в Средиземноморскую державу с отказом от монопольного положения Рима и римлян. Это означало и конец особого положения римской знати.

Анализ консульских фаст 133–48 гг. до н. э. показывает, что нобилитет все еще оставался у власти. 176 консульских мест этого периода занимали 160 консулов, принадлежащих к 81 семейству, 51 из которых принадлежало к нобилитету, т. е. к семьям, занимавшим консульства в предыдущие периоды, 17 – к сенаторским семьям и 7 – к новым людям (происхождение шести неясно). Представляя около 64% семей, нобилитет имел 129 консульств (более 70%), что вполне сопоставимо с предыдущими периодами. Число «новых людей» также было достаточно велико: из 61 рода 21 ранее не встречается в фастах, а оставшиеся 40 появляются в более ранних перечнях. Самые большие показатели числа консульств опять-таки встречаются у нобильских семей: Корнелии (Долабеллы, Сципионы, Мерулы, Лентулы, Суллы) – 13 консульств + 4 (Цинны), Цецилии Метеллы – 13, Лицинии (Крассы, Лукуллы, Геты) – 8+1 (Мурены), Кальпурнии (Пизоны, Бестии, Бибулы) – 7, Помпеи и Домиции – по 6, Юлии Цезари, Кассии, Марции и Эмилии – по 5, Сервилии – 4.

Хотя нобилитет еще сохранял власть, ситуация принципиально изменилась. Старая аристократия могла управлять Римом IV в. и даже Италией III в. до н. э., она смогла создать империю во II в. до н. э.; но уже не могла управлять огромной сверхдержавой. Впервые за свою историю

она столкнулась с оппозицией со стороны большей части населения, начиная от всадников и заканчивая массами городского и сельского плебса. В отличие от эпохи сословной борьбы, стороны шли на силовой вариант, а выработка конструктивного компромисса оказалась нереальной. Гражданские войны раскололи нобилитет, значительная часть аристократов поддержала Гракхов, марианцев и Цезаря. Итогом гражданских войн стали огромные потери: со сцены сошли 23 нобильских рода, давшие Риму 155 консульств.

В ходе гражданских войн нобилитет лишился политической власти. Впрочем, власти лишилась аристократия, но не аристократы. Тема имперской знати требует самостоятельного изучения, и мы можем ограничиться лишь общими замечаниями. Нобилитет в целом уже не правил, уступив место императорской власти и послушному ей сенату, однако нобили продолжали занимать важное место во всех управленческих структурах.

Во время принципата Августа (31 г. до н. э. – 14 г. н. э.) из 81 ординарного консула 42 (55%) принадлежали к республиканскому нобилитету, 12 (около 15%) – к новой знати, а 27 (30%) были выходцами из сенаторских семей и *homines*. Из 42 семей республиканской знати минимум 13 были в родстве с домом Юлиев Цезарей (Валерии Мессалы, Помпеи, Юнии Силаны, Клавдии Марцеллы, Эмилии Лепиды, Домиции Агенобарбы, Ливии Друзы, Клавдии Нероны, Квинктилии Вары, Антонии, Корнелии Суллы, Сульпиции Гальбы). Политика Августа во многом ориентировалась на эту знать, и отчасти именно этим объясняется италоцентристский курс, консервативная идеология и просенатская политика.

Проаристократический курс продолжал Тиберий, потомок патрициев Клавдиев по отцу и Ливиев Друзов по матери, окруженный друзьями-аристократами. Аристократами считали себя Калигула и Клавдий, бывшие в близком родстве с Тиберием. Клавдий был женат на Валерии Мессалине, а затем на своей племяннице Агриппине. Последним императором-аристократом был потомок патрицианского рода Сервий Сульпиции Гальба.

И все же республиканская знать сходила со сцены. После Тиберия она почти исчезает из фаст. Нобили вымирали, становились жертвами репрессий и растворялись в среде италийской знати. Началась новая эпоха.

К. В. Вержбицкий

КРУЖКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ФОРМА АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ ПРИНЦИПАТУ

Хотя в том, что касается контроля над жизнью своих граждан, различные государства придерживаются неодинаковых стандартов, само стремление к такому контролю составляет, по-видимому, свойство, имманентно присущее любому государству. Представление о том, в какой мере подобный контроль допустим и где та грань, за которой начинается частная жизнь человека, являющаяся его личным делом, не раз менялось в ходе многовековой истории западноевропейской цивилизации, однако в наши дни по сравнению с античной эпохой область частного заметно выросла. В Риме, как и в античности в целом, это пространство личного (*res privata*) было много уже, в подотчетную государству сферу общественного (*res publica*) в те времена попадала, например, религиозная жизнь (в этой связи достаточно вспомнить казнь Сократа за непочитание признанных афинским полисом богов или преследование христиан римскими властями). В Римской республике в ее лучшие дни частная жизнь граждан из высших сословий, всадников и сенаторов находилась под строгим цензорским контролем и можно было запросто лишиться места в рядах сената, поцеловав жену в присутствии дочери или прикупив столового серебра сверх установленного веса (Plut. Cato Major., 17)¹.

Тенденция держать под неусыпным надзором даже личную жизнь римлян в эпоху Империи ничуть не ослабла, хотя и сильно видоизменилась. Охрана добрых нравов, борьба с роскошью и разрушительным влиянием чужеземных, греческих и восточных, обычаев отошли на второй план, уступив место розыску и преследованию неблагонадежных с точки зрения авторитарной власти лиц. Под пристальным вниманием властей оказались *circuli* (букв. кружки), по существу, своего рода клубы по интересам, переживавшие в эпоху раннего принципата подлинный расцвет.

Когда-то в сельском Лации в патриархальные времена Ромула и Нумы *circulus* был группой соседей, которые сошлись на перекрестке

¹ Конечно, цензорская суровость Катона скорее исключение, чем правило. Однако она выражает, хотя и в сильно гиперболизированном виде, обозначенную нами общую тенденцию.

или уселись в кружок под деревом, чтобы пересказать друг другу городские новости. В классическую эпоху этим словом обозначали форму интеллектуального досуга (*circulus*) составляли друзья, более или менее регулярно встречавшиеся для обсуждения философских и литературных проблем. Нередко, а, скорее, даже обыкновенно, эти собрания соединялись с застольем, как это было заведено, например, в доме у Аттика. Отсюда происходит другое название этих клубов – *convivia*. Впрочем, уровень интеллектуальности подобного времяпрепровождения в каждом конкретном случае зависел от участников собрания: одно дело обед у Аттика, образованного человека, друга Цицерона, и совсем другое – пирушка Тримальхиона, столь красочно описанная Петронием. *Convivium* вполне мог быть и самой обыкновенной попойкой.

В беседах и спорах на этих собраниях далеко не последнее место занимали вопросы текущей политики и теории государства, особенно в тех случаях, когда центральной фигурой такого кружка был видный государственный деятель (например, Сципион Эмилиан).

Диалог Цицерона «*De re publica*» сохранил для нас атмосферу этого, пожалуй, самого знаменитого, кружка республиканской эпохи. Мы, конечно же, не утверждаем, что описанная в нем беседа действительно имела место в январе-феврале 129 г. до н. э. и развивалась так, как показано у Цицерона. Однако предположение, что на собраниях кружка, в которых принимали участие известнейшие государственные деятели и юристы того времени, оживленно обсуждались как вопросы теории государства и права, так и текущие политические события, выглядит, на наш взгляд, вполне логично. Поражает свобода, по-видимому, действительно характерная для политических дискуссий кружка Сципиона: царская власть, безусловно одиозная форма правления в глазах римлян II в. до н. э., сравнивается с аристократией и ей даже отдается предпочтение (*Cic. De re publica.*, I, 54. 62). Этот факт примечателен, потому что позднее, в эпоху Империи, в эру расцвета римской культуры и интеллектуальной жизни, мы не увидим уже ничего подобного. В «Диалоге об ораторах» Тацита рассмотрение проблемы упадка политического красноречия сопровождается многочисленными реверансами в сторону системы принципата (*Tac. Dial. de orat.*, 41). Свободное обсуждение животрепещущих политических проблем отошло в прошлое вместе с Республикой: система, основанная на сознательной фальсификации², естественно, не могла его допустить. В этой связи характерно, что новая политико-правовая реальность, созданная Империей, совершенно не

² Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 267.

была осмыслена и проанализирована самими древними римлянами, развитие политической мысли фактически остановилось на уровне, достигнутом во времена Цицерона³.

Таким образом, можно утверждать, что эти неформальные объединения римской образованной публики практически с момента своего появления находились в своеобразных отношениях с формализованной политической структурой государства: на них затрагивались вопросы важные или по крайней мере небезразличные для власти; их членами были люди, уже прославившиеся на государственном поприще или, напротив, пока еще только готовившие себя к служению своему народу; и наконец, некоторым из таких неформальных сообществ покровительствовали признанные лидеры (*principes*) римской общины.

Империя принесла римлянам внешний и внутренний мир, относительную безопасность (относительную, поскольку уже при Тиберии провозглашенная Августом эра всеобщего согласия сменяется эпохой террористического режима⁴) и экономическое процветание, но она же отняла у них политическую свободу. Установление монархической формы правления, не требующей горячего участия каждого гражданина в общественной жизни, с одной стороны, и подъем экономики, прогресс ремесел, искусства вследствие длительного мира – с другой, вызвали небывалый расцвет частной жизни, а вместе с ней и кружков. Представители власти, включая самого императора, покровительствовали литературе и литературным обществам, аристократы и просто богатые люди стремились не отстать от принцепса и его двора и *circuli* при Цезарях множились и процветали.

В то же время императорская власть предпринимает попытки поставить под свой контроль интеллектуальную жизнь общества, и в центре внимания, естественно, оказываются *circuli*, в которых эта жизнь главным образом и сосредоточивалась.

Император Август (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.) в целях обеспечения прочной базы своей власти проводил тонкую и продуманную культурную политику, направленную на реставрацию и защиту традиционных социальных ценностей. При нем формируется идеологическая линия

³ Корнелий Тацит, работавший над «Анналами» более чем полтора столетия спустя после выхода в свет диалога Цицерона «*De re publica*», оперирует фактически теми же формами государственного устройства, что и великий римский оратор (Тас. Анн., IV, 33). Оригинальным здесь является, по существу, лишь тот глубокий скептицизм, который испытывает историк по отношению к возможности установления идеального государственного строя (*ibid.*).

⁴ Ковалёв С. И. История Рима. Изд. 2-е. Л., 1986. С. 504–505.

нового режима, а важнейшим средством ее пропаганды становятся официальное искусство и литература. Меценат, один из ближайших друзей принцепса (*amicus principis*), не занимая никакого официального положения, взял на себя организацию работы в вышеуказанном направлении и достиг значительных успехов. Дело не только в том, что он ввел в придворный круг Вергилия и Горация, из которых первый написал «Энеиду», а второй – «Секулярный гимн»: сложившийся вокруг него кружок выдающихся писателей и поэтов стал центром культурной жизни Рима, задавал ее тон и направление, диктовал литературные вкусы и пристрастия⁵.

Однако конфликт интеллигенции с авторитарной властью явление, по-видимому, столь же неизбежное, сколь и трагическое. Правление Августа не было в этом отношении столь безоблачным, как представляется на первый взгляд: ссылка Овидия, упорное нежелание остро нуждавшегося в деньгах Горация занять место императорского секретаря (*Suet. Horat.*, 3), попытка Вергилия уничтожить «Энеиду» – вот те немногие сохранившиеся в источниках следы пока ещё только зреющего конфликта между властью и образованным обществом Империи.

Уже при Тиберии (14–37 гг.⁶) этот конфликт обострился по ряду причин, из которых хотелось бы выделить две. Во-первых, за годы долгого правления Августа режим принципата окреп, оформились его политическая структура и идеологическая база. Как следствие, исчезла та заинтересованность в сотрудничестве с римской интеллектуальной элитой и обществом в целом, которая отчетливо видна во внутренней политике основателя Империи.

Во-вторых, хотя управление государством из общего дела, каким оно было при Республике, стало прерогативой принцепса и его приближенных, прочие римляне отнюдь не перестали на свой лад «заниматься политикой». Увлечение литературой, историей и философией, каким бы модным оно ни было, не могло захватить умы граждан Вечного города всецело: на первом месте в списке их интересов всегда стояла политика. И чем меньше оставалось у них возможностей реально участвовать в делах государства, тем больше дорожили они своим последним правом – правом обсуждать и критиковать действия власти⁷.

С середины 20-х годов I в. н. э. императорская власть переходит к политике «затыкания ртов», обрушив на оппозиционеров всю мощь реп-

⁵ Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 142–144, 148–149.

⁶ Далее все даты, кроме отмеченных особо, новой эры.

⁷ Буассье Г. Оппозиция при Цезарях// Г. Буассье Собр. соч. СПб., 1993. Т. II. С. 71.

рессивной машины авторитарного режима. Главным орудием политических преследований становится закон об оскорблении величия римского народа (*lex laesae majestatis Populi Romani*)⁸. Поскольку в Империи не существовало государственной тайной полиции, дело политического сыска взяли в свои руки профессиональные обвинители (*accusatores*), превратившиеся таким образом в доносчиков (*delatores*). Уже при Тиберии делаторы стали чем-то вроде могущественной корпорации, и некоторые из них, как Луканий Лациар, Марк Опсий, Публий Суий или знаменитый Котта Мессалин, достигали большого влияния и занимали видное общественное положение⁹.

Поле деятельности для них были всё те же *circuli* и *convivia*, собрания римской образованной публики. Здесь они, по выражению Сенеки Младшего, подхватывали неосторожные речи подвыпивших сотрапезников и слишком смелые шутки светских остряков (*Senec. De benef.*, III, 26). На одном из таких собраний всадник Клуторий Приск имел неосторожность похвастать стихами на смерть заболевшего сына Тиберия, Друза, за которые он надеялся получить хороший гонорар и которые в итоге стоили ему жизни. Куриаций Матерн во время публичного чтения своей трагедии «Катон» так увлекся, что, по словам Тацита, совершенно забыл о себе, помня лишь о Катоне. Автор навлек на себя не-

⁸ Егоров А. Б. Становление и развитие системы принципата. Автореф. дисс. д-ра ист. наук. СПб., 1992. С. 24–25. В западной историографии проблема *lex majestatis* и его применения в эпоху раннего принципата является предметом острых научных споров. Для примера можно привести статьи К. У. Хилтона и Р. С. Роджерса, в которых сформулированы две крайние точки зрения. Практика закона об оскорблении величия рассматривается как яркий пример произвола и деспотизма императоров (Хилтон) или, напротив, доказывается, что политические процессы в эпоху раннего принципата соответствовали нормам римского законодательства и имели дело с реальными и опасными преступлениями против государства и его главы (Роджерс) (*Chilton C. W. The Roman law of treason under early principate*// JRS, 1953. Vol. XLV. P. 73–81; *Rogers R. S. 1) Tacitian pattern in narrating treason treats*// TAPhA, 1952. Vol. LXXXIII. P. 279–311; 2) *Treason under early empire*// JRS, 1959. Vol. XLIX. P. 90–94). Так как представление о том, что по крайней мере большинство осужденных на основании (*lex majestatis*) были тем или иным образом замешаны в различных серьезных преступлениях, основано не столько на показаниях источников, сколько на субъективных впечатлениях сторонников критического подхода к традиции, мы присоединяемся к первой из двух обозначенных выше позиций.

⁹ О *delatores* см.: *Портнягина И. П. Delatores в Римской империи: судебная практика и общественное отношение*// Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. научных статей к 65-летию проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 309–323.

удовольствие власть предержажших, зато на следующий день о нём говорил весь Рим (Тас. Dial. de orat., 2; Ann., III, 49–51). Стремление прославиться во что бы то ни стало, хвастовство и, наконец, банальная неосмотрительность служили тем «крючком», на который, словно рыбу на удочку, ловили свою добычу доносчики. В глазах Тиберия и его преемников именно кружки и пиры были главным рассадником недовольства политикой правительства (Тас. Ann., III, 54).

Выборочный характер сообщений Тацита не позволяет нам сколько-нибудь точно определить общее число жертв репрессий, но, безусловно, впечатление, произведенное террором на римское общество, было чрезвычайно сильным¹⁰. С середины 20-х годов и до конца I в. н. э. одним из факторов, воздействующих на общественную жизнь Империи, стал то ослабевающий, то вновь усиливающийся, но никогда не исчезающий совершенно правительственный нажим, а страх перед политическими преследованиями глубоко проник в сознание общества, вытравив последние республиканские иллюзии.

Переход от Республики к Империи – событие революционного значения для римской истории – вовсе не казался таковым современникам Августа. Те несомненные и ощутимые для каждого блага, которые принес принципат – гражданский мир, личная безопасность, экономическое процветание, – как бы заслонили собой свершившиеся политические перемены.

Веллей Патеркул (II, 89) без тени сомнения пишет о восстановлении Августом старинного государственного строя, то есть Республики. Гораций Флакк, бывший солдат республиканской армии Брута и Кассия (Nodes., II, 7. 1–16), принял режим принципата, принесший мир на

¹⁰ Некоторые исследователи склонны преуменьшать размах политического террора в эпоху ранней империи. Классическим примером здесь может служить историография принципата Тиберия, который является, пожалуй, наиболее противоречивой фигурой среди преемников Августа из династии Юлиев-Клавдиев (Marsh F. B. *The reign of Tiberius*. Oxford, 1931. P. 114–115, 183, 208, 284–294; Smith Ch. E. *Tiberius and the Roman empire*. Baton Rouge, 1942. P. 162–163, 179–181; Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 163–164). Нам кажется, что в основе того, вне всякого сомнения, сильного впечатления, которое произвел на римское общество террор Тиберия и которое чувствуется буквально в каждой строчке «Анналов», лежали события значительного исторического масштаба. Конечно, это всего лишь предположение, но, на наш взгляд, довольно вероятное. Его основное преимущество в том, что подобная точка зрения позволяет избежать злоупотребления критикой Тацита, на свидетельствах которого, хотим мы того или нет, основаны все наши знания об эпохе Юлиев-Клавдиев и Флавиев.

измученную войной италийскую землю. Обращаясь к Августу в своих «Одах», он прославляет его как человека, в руках которого находятся благополучие и процветание Рима. Залог спокойствия и счастья римлян – власть Цезаря; никакая опасность не страшна, пока он жив (*ibid.*, III, 14, 1–16; IV, 5. 14, 1–6. 15). Восхищение, которое вызывал Август у Горация, было, по-видимому, искренним: переживший ужасы гражданской войны поэт испытывал глубокую благодарность к императору-миротворцу¹¹.

Осознание всей глубины переворота пришло далеко не сразу. Понадобились несколько десятков лет августова мира (*Pax Augusti*), в условиях которого ставшая привычной политическая стабильность частично утратила в глазах римлян статус безусловной ценности. Необходимость сохранения власти Цезарей во имя общественной безопасности была куда менее очевидна тому поколению, молодость которого прошла при Августе.

Параллельно изменению отношения римского общества к созданному Августом режиму единоличной власти менялся и сам этот режим, и люди, его представлявшие. По мнению Ж. Гаже, уже преемник Августа Тиберий в период своего правления находился под воздействием новой концепции императорской власти, воспринимая самого себя как живое воплощение величия римского народа (*majestas populi Romani*)¹². Из первого гражданина принцепс превращается в неограниченного повелителя, вознесенного на недостижимую для простых смертных высоту, и с этой высоты самовластно распоряжается судьбами миллионов людей, как провинциалов, так и римских граждан.

Таким образом, авторитарная сущность системы принципата, которую его основателю удалось искусно замаскировать, выступает рельефно в век Юлиев-Клавдиев. В условиях террористического режима республиканизм, за который в силу установившейся политической традиции продолжают цепляться властители Империи, превращается в фикцию, которая никого уже не могла ввести в заблуждение. Те, кто пережил репрессии Тиберия, безумства Калигулы, самодурство Нерона, не могли не понимать, что государственный строй Рима в эпоху Ав-

¹¹ Покровский М. М. История римской литературы. М.; Л., 1942. С. 214; Дуров В. С. 1) Поэт золотой середины // Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. СПб., 1993. С. 7 2) История римской литературы. СПб., 2000. С. 261; Сергеев Д. Д. Представление о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 299–301.

¹² Gage J. Les classes sociales dans l'empire romaine. Paris, 1964. P. 60, 71.

густа и его преемников претерпел коренные изменения и само это время начинает осознаваться как исторический рубеж, отделяющий Республику сената и римского народа (*Senatus Populusque Romanum*) от Империи Цезарей.

Весьма характерно в этой связи, что противопоставление принципата и республиканского строя впервые ясно обозначено у Сенеки Младшего (*De clem.*, I, 9, 1), юность которого прошла при Тиберии.

Представление о том, что государственный строй Рима на рубеже старой и новой эры претерпел коренные изменения, получило затем дальнейшее развитие у историков II в. н. э., Корнелия Тацита и Аппиана (*Tac. Hist.*, I, 1; *Ann.*, I, 1–2; *App. В. С.*, I, 5–6). Для Диона Кассия, Геродиана и других авторов III–V вв. н. э. история Рима уже чётко разделена на периоды Республики и Империи (*Dio.*, LI, 1–2; LII, 13–18; *Amm. Marc.*, I, 6, 4–7; *Herod.*, I, 1; *Zos.*, I, 5, 2–4). В историографии Возрождения и Просвещения эта дефиниция сделалась традиционной¹³ и безраздельно господствовала в исторической литературе вплоть до выхода в свет «Римского государственного права» Т. Моммзена.

Конечно, многие из эксцессов времен Юлиев-Клавдиев и Флавиев объясняются личными качествами тех, кто занимал в те годы императорский престол, влиянием придворного окружения, борьбой за власть внутри правящего дома. Но за всем этим, на наш взгляд, нельзя не усмотреть одну общую тенденцию: родившаяся в пламени гражданских войн I в. до н. э. авторитарная система, переживающая стадию развития и укрепления, стремится поставить общество, в первую очередь социальную элиту, под как можно более полный и жесткий контроль.

Что же могла противопоставить деспотической власти римская интеллигенция, попавшая под пресс политического и идеологического давления? Не имея возможности оказать активное организованное сопротивление, римские диссиденты избрали своим оружием слово: сатира на принципсов и их окружение, политические памфлеты ходили по рукам, несмотря на все усилия властей, и отрывки некоторых из них сохранились в сочинениях Тацита и Светония. Готовые всем рискнуть ради удачной остроты, они высмеивали ту власть, сопротивляться которой не могли¹⁴.

¹³ *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994. С. 413, 418–419, 454, 468; *Монтескье Ш. Л.* Рассуждение о причинах величия и падения римлян // Ш. Л. Монтескье Избранные произведения. М., 1955. С. 75; *Гиббон Эд.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. I. М., 1997. С. 160.

¹⁴ *Буассье Г.* Указ. соч. С. 72.

Может показаться странным и даже нелепым, что люди, чьи отцы и деды смирились с потерей политической свободы, рисковали жизнью в борьбе за это последнее право, может показаться, что их усилия были тщетны, а жертвы – напрасны, но нам кажется, что это не так.

Их смех, их слова, даже их молчание, подобно молчанию Тразеи Пета, были протестом против произвола опьяненных ничем не ограниченной властью людей, будь то Калигула, Нерон или Домициан, протестом, без которого Рим никогда бы не увидел золотого века Нервы и Траяна, когда каждый думал, что хотел, и говорил то, что думал (Тас. Agr., 3)¹⁵.

В том, что императорский режим принял к началу II в. в целом более человечные формы, немалая заслуга этих людей. Имена большинства из них нам не известны, но некоторые, относящиеся в основном ко времени правления двух принцепсов из династии Юлиев-Клавдиев, Тиберия и Нерона (54–68 гг.), мы все же можем назвать.

Среди представителей сенатской оппозиции при Тиберии выделяются Маний Лепид, добившийся смягчения многих несправедливых приговоров, и Кальпурний Пизон, открыто выступавший против злоупотребления культом императора. Кремуций Корд, осужденный в 25 г. за свой исторический труд, и погибший в 32 г. Мамерк Скавр, автор трагедии «Атрей», некоторые стихи которой были восприняты как сатира на Тиберия, по праву входят в число самых известных римских диссидентов I в. н. э. «Образцом добродетели» именует Тацит другого историка, консула 6 г., Луция Аррунция, павшего жертвой ненависти Сутория Макрона, последнего фаворита принцепса. Друг Тиберия сенатор Кокцей Нерва, которому ежедневно приходилось быть свидетелем жестоких расправ над заподозренными в причастности к заговору Сеяна, добровольно ушел из жизни, хотя ему лично ничто не угрожало. Так потрясли его, по словам Тацита, бедственное положение римского государства и творящийся в нем произвол. Рубрий Фабат предпринял попытку эмигрировать в Парфию (окончившуюся, впрочем, неудачей), предпочитая жизнь в варварской стране исполненному страху существованию в Риме, где никто не мог чувствовать себя в безопасности (Тас. Ann., III, 34–35; IV, 20–21; VI, 9. 14. 26. 47–48; Suet. Tib., 61; Dio., LVII, 24).

¹⁵ Там же С. 285–286. Одна брошенная Нероном фраза, сохранившаяся у Светония (Nero., 37), показывает, до какой степени властителей империи, особенно юных (Калигула вступил на престол в 24 года, Нерон – в 17 лет), опьяняло сознание безграничности их власти.

Наиболее известные фигуры для времени Нерона – Тразея Пет и его зять Гельвидий Приск, казненный в 74 г. Веспасианом (Suet. Vesp., 15). Упоминания также заслуживают Минуций Терм, один из клиентов которого осмелился обвинить всемогущего Тигеллина, Барей Соран, обвиненный вместе с Тразеей, Паконий Агриппин и Курций Монтан, высмеивавший Нерона и его окружение в своих стихах (Tac. Ann., XVI, 21–35; Suet. Nero., 37). К оппозиционной интеллигенции могут быть причислены и некоторые участники заговора Пизона, например поэт Анней Лукан, хотя ведущую роль в нем, как и вообще во всех заговорах на жизнь принцепсов, играли военные – офицеры и центурионы преторианской гвардии (Tac. Ann. XV, 49).

Мы привели эти имена не просто из желания почтить память достойных людей. В нашей маленькой подборке представлены, если можно так выразиться, основные характерные типы римских оппозиционеров: сенаторы, позволяющие себе порой нападать на действия императора и его приближенных (Пизон и Лепид); поклонник стоической философии Тразея Пет; оппозиционные историки и писатели (Корд, Скавр, Лукан); светские люди, источником бед для которых стало их язвительное остроумие. Наконец, в лице Рубрия Фабата мы имеем дело с редчайшим для императорской эпохи явлением – политическим беженцем¹⁶.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть наш основной тезис: оппозиция римской интеллигенции по отношению к наиболее одиозным принцепсам, в подавляющем большинстве случаев не выливавшаяся ни в какие активные действия¹⁷, тем не менее может и должна расцениваться как

¹⁶ Подробную классификацию этих типов можно найти, например, в книге Р. Мак-Муллена, отдельные главы которой посвящены, соответственно, философам, культу героев Республики (Катона, Кассия и Брута) и т. д. (*MacMullen R. Enemies of the Roman order. London, 1967*).

¹⁷ По-видимому, следует принять точку зрения о характере римской оппозиции, сформулированную еще Г. Буассье (*Буассье Г. Указ. соч. С. 282, 284*). В подавляющем большинстве ее представители не шли далее устной критики правительства, как правило, мелочной и неконструктивной, в кругу родных и друзей, которым они полностью доверяли. Люди посмелее и менее осмотрительные отваживались высказывать свои мысли публично на светских приемах и в литературных салонах римской знати. Наконец, некоторые брались за перо. Но к каким-либо активным, а тем более насильственным действиям римская интеллигенция, при всей ее оппозиционности, не была способна. Более того, в годы максимального ухудшения политического климата (31–37 гг., 62–68 гг. I в. н. э.) оппозиционные настроения выражались не столько в том, что говорил и делал тот или иной человек, сколько в том, чего он не говорил и чего не делал. Классическим примером в этой связи может служить поведение Тразеи Пета (Tac. Ann., XVI, 21–22). Однако вести себя таким образом при деспотическом режиме и означает – быть в оппозиции.

сопротивление тираническому режиму. Ни в коем случае не следует преуменьшать значение этого сопротивления, как и в целом значение форм борьбы, не связанных с насилием. История, в частности история новейшего времени, показывает, что они могут оказаться той самой каплей, которая, как известно, точит даже неуязвимый для стали камень.

Мы даже рискнем высказать предположение, что молчаливое, но упорное сопротивление Тразеи Пета и ему подобных оказалось в конечном итоге не менее эффективным средством воздействия на власть, чем мечи и кинжалы заговорщиков. В самом деле, Кассий Херея и Корнелий Сабин убили Калигулу (Suet. Calig., 56–58), но стала ли его смерть уроком властителям Империи? Нет. После Калигулы были и Нерон, открыто восхищавшийся Гаем Цезарем (Suet. Nero., 30), и Домициан: абсолютная власть – слишком сильный наркотик, а люди далеко не всегда способны учиться на чужих ошибках.

В сравнении с заговорами и интригами воздействие общественного мнения на первый взгляд не заметно, так как не даёт немедленных результатов. Однако это постоянно действующий политический фактор. Каждый принцепс из династии Юлиев-Клавдиев ощущал некую молчаливую оппозицию, время от времени сменявшуюся ропотом недовольства. Впрочем, некоторым из них не было до нее дела. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!» – было их лозунгом. Эти слова принадлежат Гаю Калигуле (37–41 гг.), недолгое правление которого ознаменовалось острейшим кризисом в отношениях принципата с римским обществом (Suet. Calig., 30). Как известно, кризис разрешился его гибелью и восшествием на престол Клавдия (41–54 гг.). Преемник Калигулы несколько смягчил императорский режим, и годы пребывания Клавдия у власти стали своего рода затишьем перед бурным правлением Нерона.

Одним из мероприятий, с помощью которых Клавдий попытался вернуться во внутренней политике к принципам Августа, было прекращение преследований за оскорбление принцепса словом (на основании *lex maiestatis*)¹⁸, что означало существенное ослабление давления на общество. Правление Веспасиана (68–79 гг.), после кратковременного периода анархии сменившего на престоле Нерона, хотя и не обошлось без эксцессов, но в том, что касается свободы слова и личной безопасности граждан (*libertas*)¹⁹, выгодно отличалось от царствования его артистичного предшественника.

¹⁸ *Портнягина И. П.* Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1983. С. 120.

¹⁹ Об эволюции понятия *libertas* в эпоху империи см.: *Wickert L.* *Principes (civitatis)* // RE, 1954. Bd. XXII. Sp. 2096–2098.

Таким образом, после очередного кризиса в отношениях власти и общества всякий раз наступало потепление. В этом мы усматриваем прежде всего результат действия общественного мнения. Именно оппозиция римлян была той силой, которая подталкивала владык Империи к смягчению политического режима, вынуждая их держать свою власть в неких рамках, конечно, весьма зыбких и неопределенных, но хоть как-то ограничивающих их самовластье²⁰. При иных обстоятельствах принципат I в. н. э. вылился бы в непрерывную череду кровавых тираний.

Производимая общественным мнением работа приносила плоды медленно, но приносила. Не один из наиболее одиозных тиранов (Калигула, Нерон, Домициан) не был обожествлен, то есть практика террора получила официальное осуждение со стороны римского государства. Отказавшись от политических экспериментов в духе восточных деспотий²¹, Нерва и Траян вернули принципат на путь, намеченный ещё Августом: путь компромисса и непрерывного поиска приемлемой формы сосуществования авторитарной власти и гражданского общества.

* * *

Наш обзор отношений принципата с римским обществом в I в. н. э. носит, конечно же, весьма беглый характер, однако он позволяет сделать некоторые выводы и обобщения. Отправной точкой наших рассуждений было представление о том, что каждому государству по самой его природе присуще стремление к тотальному контролю. То, в какой степени конкретному государству удастся реализовать эту тенденцию на практике, зависит от исторических условий, главным из которых является способность общества ей противостоять. В императорском Риме обозначенная выше тенденция, во много раз усиленная авторитарным характером верховной власти, встретила сопротивление со стороны общественной элиты – аристократии, связанной с республиканскими традициями. Это сопротивление было слабым и совершенно не организованным, но тем не менее сыграло определенную историческую роль: к

²⁰ Буассье Г. Указ. соч. С. 286.

²¹ Гай Калигула, например, полагал, что императору позволено все в отношении всех (Suet. Calig., 29). Такой взгляд резко расходился с римскими представлениями о государственной власти, пусть даже монархической и царской (Покровский Н. М. Толкование трактата Цицерона «De re publica». М., 1913. С. 61, 134).

концу рассматриваемого периода политический климат в Империи смягчился. Формы, в которых заявляла о себе оппозиция Юлиам-Клавдиям, определялись характером светской и в целом культурной жизни римского общества. Вот почему ее можно определить как оппозицию образованных людей, античной интеллигенции. Ведущая роль в формировании общественного мнения принадлежала кружкам (*circuli*), в Риме императорской эпохи – своего рода клубам, философским, литературным и политическим.

А. Г. Румянцев

«АРИСТОКРАТИЗАЦИЯ» АНГЛИЙСКОЙ ЗНАТИ во второй половине XV – первой половине XVI века

В литературе давно и прочно утвердилось представление о том, что английская аристократия на рубеже Нового времени пережила серьезную трансформацию. О том, что в ходе Войны роз старая знать была истреблена и ее место заняли выходцы из рядов среднего и мелкого дворянства в XIX в. писали Т. Б. Маколей, У. Стеббс, У. Дентон и др.¹ В XX в. многие историки, рассматривая эволюцию английской знати в общем контексте проблемы генезиса абсолютизма, пытались выяснить, какова причинно-следственная связь между ослаблением политических позиций старой аристократии и усилением роли нового дворянства как опоры формирующейся абсолютной монархии. В вызвавшей в 70–80-е гг. XX в. широкий резонанс дискуссии о «тюдоровской революции в управлении» Д. Элтон доказывал², что становление абсолютистской формы государства началось лишь в эпоху Генриха VIII, тогда как его ученик и оппонент Дж. Старки полагал, что перестройка управления, связанная с постепенным укреплением позиций джентри, началась уже

¹ *Маколей Т.Б.* Англия и Европа. Избранные эссе / Пер. с англ. СПб., 2001. С. 31; *Stubbs W.* The Constitutional History of England. Oxford, 1878. Vol. 3. P. 181–182; *Denton W.* England in the 15th century. L., 1888. P. 120.

² *Elton E.* 1) England under the Tudors. Cambridge, 1953; 2) Reform and Reformation: England 1509–1558. L., 1977 и др.

при Эдуарде IV³. Точка зрения последнего преобладает и в новейшей литературе, о чем свидетельствуют работы Дж. Гая⁴, Дж. Деволда⁵, Э. Така⁶. В целом, несмотря на то что ряд английских исследователей отрицал и отрицает тотальную гибель знати в ходе Войны роз⁷, можно утверждать, что в зарубежной историографии продолжает преобладать тезис о вымирании старых аристократических семей на закате Средневековья.

В отечественной литературе вопроса о судьбах английской знати так или иначе касались многие ученые. Так, согласно Е. А. Косминскому, Эдуард IV, опираясь на буржуазию и новое дворянство, подавлял и истреблял феодальную аристократию, сумев из главы одной из феодальных клик стать основоположником английского абсолютизма, а Тюдоры продолжили политику Йорков, опираясь на те же общественные группы⁸. М. А. Барг датировал начало разгрома старой мятежной аристократии Войной роз, а его завершение – правлением первых двух Тюдоров⁹ и т. д. Концепция, согласно которой старая знать к концу XV в. была истреблена и ее место заняла новая, нашла свое крайнее выражение в работах Е. В. Кузнецова, полагающего, что уже в последней четверти XV в. джентри доминировали в хозяйственной и политической жизни¹⁰.

³ *Starkey D. R. Tudor Government: the Facts // Historical Journal, 1988. Vol. 31. № 4.*

⁴ *Guy J. Tudor England. Oxford, NY, 1989. P. 4–5.*

⁵ *Dewald J. The European Nobility, 1400–1800. L., 1996.*

⁶ *Tuck A. Crown and Nobility. England 1272–1461. 2nd ed. Oxford, 1999.*

⁷ *Oliphant T. L. K. Was the Old English Aristocracy destroyed by the War of the Roses? // Transactions of the Royal Historical Society. 1872. Vol. I. P. 351–356; Rosenthal J. T. Nobles and Noble Life. 1295–1500. L., 1973. P. 26–28; Holmes G. England in the Later Middle Ages. L., 1974. P. 160–161; Lander J. R. The Wars of the Roses. L., 1974. P. 27–28; Gillingham J. The Wars of the Roses. Peace and conflict in the 15th century England. L., 1981. P. 2–4; Guy J. Tudor England. P. 7–8.*

⁸ *Косминский Е. А. Вопросы аграрной истории Англии XV века; Он же. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 174–175.*

⁹ *Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 69–70.*

¹⁰ См., напр.: *Кузнецов Е. В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV века (к проблеме возникновения английского абсолютизма). Автореф. дисс... Горький, 1959.*

Следует отметить, что исследователи, пишущие о гибели большей части знати в Войне Роз, о формировании Эдуардом IV новой аристократии, происходившей из среды среднего и мелкого дворянства, и т. п., чаще всего оперируют отдельными и, как правило, повторяющимися примерами. Встречающиеся в работах цифровые данные бывают довольно разноречивы. Данные о численности знатных семей порой подменяются сведениями о том, сколько лордов заседало в верхней палате парламента, хотя, как известно, заседать там могли и хотели далеко не все носители титулов. Складывается впечатление, что в литературе нет достаточной ясности в вопросе о количественных характеристиках процесса, а без этого любые концептуальные построения остаются не более чем гипотезами.

Практически единственной попыткой детально проследить динамику процесса все еще остается фундаментальный труд К. Макфарлейна, увидевший свет в 1973 г. Ученым было предпринято комплексное исследование с целью выявить характер социальных процессов, наблюдаемых в среде позднесредневековой английской знати. Исследователь исходил из того, что аристократы, заседавшие в палате лордов, являются также главами аристократических семей, а появление новых семей возможно было, по мнению ученого, только за счет проникновения нетитулованных дворян в среду знати¹¹. Подсчеты К. Макфарлейна прочно вошли в научный оборот и не подвергаются сомнениям¹². Но спорным представляется сам принцип, положенный историком в основу подсчетов, поскольку он игнорирует возможность отпочкования семейных единиц от уже существующих знатных семей. Это соображение заставляет говорить о необходимости, уточнив методику подсчетов, проверить выкладки ученого.

В качестве источника исходной информации о динамике в среде титулованной знати в позднесредневековой Англии могут быть положены материалы многотомного «Полного состава пэров», изданного Дж. Кокейном в 1887–1898 гг.¹³ Этот свод охватывает всех английских, шотландских и ирландских носителей титулов с древнейших времен до конца XIX в., сведения о которых систематизированы в алфавитном порядке титулатуры. За исходный пункт наших подсчетов принято воцарение

¹¹ *McFarlane K. B.* The Nobility of later medieval England: The Ford lectures for 1953 and related studies. Oxford, 1973. P. 172.

¹² См., напр.: *Dewald J.* European Nobility... P. 17.

¹³ Complete peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom extant, extinct or dormant / Ed. by G. Cokayne. L., 1887–1898. Vol. I–VIII. (далее – СР).

Йорков в 1461 г. Промежуток 1461–1509 гг. подразделен нами по царствованиям Эдуарда IV (1461–1483 гг.), Ричарда III (1483–1485 гг.) и Генриха VII (1485–1509 гг.). Отдельно рассматриваются этапы правления Генриха VIII.

В вопросе разграничения «старой» и «новой» знати мы опирались на авторитет К. Макфарлейна, предлагавшего ориентироваться на давность креации, полагая, что «новыми» являются семьи, попавшие в состав знати за последние полвека¹⁴. Рассуждение достаточно резонное – за этот срок новые креатуры, очевидно, успевали прочно войти в состав знати и обзавестись нужными связями. Если принять подобный критерий, то при анализе структуры английской аристократии в момент прихода к власти Генриха VIII, к старой знати следует отнести всех тех, кто вошел в состав аристократии при Плантагенетах и Ланкастерах. Таким образом, к «старой» знати следует отнести как старшие ветви, существовавшие к 1461 г., так и обзаведшиеся титулами младшие ветви старых фамилий, которые отпочковались на протяжении XV в. К «новой» аристократии мы причисляем семьи выходцев из нетитулованного дворянства и отделившиеся от них младшие ветви, вошедшие в состав аристократии в 1461–1509 гг. Если же семья уже владела титулом, но теряла его, а затем восстанавливала, то мы считаем, что такие семьи входили в состав знати с момента первой креации – т. е. со времени дарования королем титула.

Исходя из результатов обработки материалов «Полного состава пэров» следует, что за 1461–1509 гг. общее число семей сократилось с 72 до 51, т. е. на 29%, тогда как, по данным К. Макфарлейна, в течение 1450–1500 гг. оно уменьшилось на 17% (с 73 до 61 семей). Правда, следует отметить, что избранные нами хронологические рамки иные, чем у исследователя. В свою очередь, по данным К. Макфарлейна, за 1450–1500 гг. в состав аристократии вошло 32 семьи нетитулованных дворян, из которых до 1500 г. дожило лишь 20 (62%), что практически идентично нашим подсчетам, согласно которым из 11 семей нетитулованных дворян, вошедших в состав знати в период 1461–1509 гг., к началу правления Генриха VIII дожило 7 семей. Однако в целом, по нашим данным, к 1509 г. семьи новой знати составляли лишь 14% от общего числа аристократических семей, тогда как по данным К. Макфарлейна – вдвое больше, 31%, т. е. 19 из 61 знатной семьи.

Как говорилось выше, в литературе утвердилось мнение, что во второй половине XV в. большая часть старой знати вымерла и ее место за-

¹⁴ *McFarlane K. B. The Nobility.. P. 144.*

няли представители «нового дворянства». Предполагается, что нетитулованные дворяне составляли значительную часть креатур уже при Эдуарде IV, формировавшем якобы из них опору своего трона¹⁵.

По данным «Полного состава пэров», Эдуард IV за 22 года своего правления (1461–1483) возвысил 27 человек. Из них лишь 8 были выходцами из среды нетитулованного дворянства¹⁶. Но ровно столько же нетитулованных дворян и за такой же срок вошло в состав знати при первых двух Ланкастерах (1399–1422), при том что тогда общее число креатур было меньше (21 против 27 при Эдуарде IV). При Генрихе VI было 45 креаций, и нетитулованные дворяне составили треть – 16 человек. Правда не следует забывать, что, во-первых, правление последнего Ланкастера длилось почти четыре десятилетия, а во-вторых, при нем придворные группировки сменяли друг друга, и каждая клика, придя к власти, возвышала своих сторонников. Те нетитулованные дворяне, что вошли при Эдуарде IV в состав знати, давно служили дому Йорков или сражались на стороне новой династии¹⁷. Большинство же креаций при Эдуарде IV касалось знатных семейств и, прежде всего, ближайшего окружения короля, главным образом из семей Невиллей и Вудвиллей, а также некоторых бывших сторонников Ланкастеров. Значит, речь скорее может идти о раздаче Эдуардом IV титулов своим родственникам, фаворитам и членам хаусхолда, т. е. о вполне традиционной политике любой династии. В свое время Ланкастеры придерживались подобной же практики: высшие титулы получили, наряду с членами королевского дома, представители семей Бофоров и Тюдоров,

¹⁵ См., напр.: Кузнецов Е. В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV века... С. 26.

¹⁶ При этом двое – Хамфри Стаффорд из Хоука и Джон Уэнлок – вскоре погибли, не оставив потомства.

¹⁷ Трое из них – Уильям Гастингс из Гастингса, Уолтер Блаунт и Уильям Герберт – занимали ключевые посты в хаусхолде Ричарда герцога Йорка (CP, Vol. IV. P. 185–186, Vol. V. P. 398–399, Vol. IV. P. 206–207). Еще четверо (Хамфри Стаффорд из Хоука, Роберт Огль, Уолтер Девере из Боденхема, а также Джон Уэнлок) сражались на стороне Эдуарда IV, помогая ему взойти на трон (CP, Vol. III. P. 3; Vol. III. P. 31; Vol. VII. P. 222; Vol. VIII. P. 89). Этим семи новоиспеченным лордам, к которым впоследствии, в 1470 г., добавился Джон Говард, ставший при Ричарде III герцогом Норфолком, достались конфискованные владения сторонников Ланкастеров и их титулы (Lander J. R. Government and community: England 1450–1509. Cambridge. 1980. P. 227–228).

близких родственников правящей династии¹⁸, а также удачные военачальники времен Столетней войны¹⁹.

Не меньше дискуссий в историографии вызывает вопрос о характере правления Генриха VII и его политике по отношению к знати. Так, Дж. Ландер утверждал, что в своей политике Генрих Тюдор стремился максимально ослабить старую знать²⁰. Схожей позиции придерживался и С. Дэвис, назвавший политику Генриха VII по отношению к знати игрой в «кошки-мышки»²¹. По словам О. В. Дмитриевой, новый король «распустил ливрейные феодалские дружины и сравнял с землей замки непокорных магнатов, решительно подавил несколько мятежей знати... Конфискованные земли и имущества мятежников значительно пополнили королевскую казну, а частично были розданы сторонникам Генриха VII»²². Однако, как показал ряд исследований, подобная политика не была направлена на искоренение дотюдоровской аристократии. Как оказалось, первый Тюдор принимал на службу многих сторонников Йорков, выразивших ему свою лояльность: как отмечает С. Б. Краймс, в Королевском совете Генриха VII из 43 пэров 29 заседали в нем еще при Йорках²³. В целом следует согласиться с мнением К. Макфарлейна, утверждавшего, что нет оснований говорить о значительных репрессиях, обрушившихся на йоркистских баронов при Генрихе Тюдоре²⁴.

¹⁸ Как известно, Джон, Томас и Генрих Бофоры, незаконные сыновья Джона Гонта, отца Генриха IV, стали графом Сомерсетом, герцогом Экзетером и епископом Винчестерским соответственно, а Эдмунд и Джаспер Тюдоры, незаконные сыновья Екатерины Французской, матери Генриха VI, получили титулы графов Ричмондов и Пемброуков соответственно (подробнее см.: *Гриффитс Р. А., Роджер Т.* Становление династии Тюдоров (пер. с англ.) Ростов-н/Д, 1997. С. 64–70.)

¹⁹ Во время завоевания Генрихом V Нормандии в 1415–1420 гг. выдвинулись Уильям Буршье, ставший графом Э, и Джон Грей из Поуиса, получивший титул графа Танкервиля (CP, Vol. II. P. 292; Vol. IV. P. 99). Блестящую карьеру при Ланкастерах сделали Типтофты: Джон, служа в хаусхолде Генриха IV, в 1425 г. стал бароном Типтофтом, а его сын Джон – известный ученый, гуманист и политический деятель – был возведен Генрихом VI в 1449 г. в титул графа Вустера (CP, Vol. VII. P. 401–402).

²⁰ *Lander J. R.* Government and community... P. 352–353.

²¹ *Davies C. S.* Peace, print and Protestantism: 1450–1558. L., 1977. P. 107.

²² *Дмитриева О. В.* Политические структуры и абсолютизм: Англия // История Европы в 8 т. М.: Наука. 1993. Т. 3. С. 163.

²³ *Chrimes S. B.* Henry VII. L., 1999. P. 97–98.

²⁴ *McFarlane K. B.* The Nobility... P. 150–151, 267–268.

Для выяснения характера изменений, произошедших в составе знати при Генрихе VII, следует опять-таки обратиться к материалу «Полного состава пэров». Он позволяет судить о социальном происхождении тех, кто попал в среду знати в конце XV – начала XVI века.

Сравнивая креации Эдуарда IV и Генриха VII, следует отметить, что при первом короле из династии Йорков нетитулованные дворяне составляли 30%, младшие сыновья аристократов – 26% и аристократы, уже имевшие титулы, 44% от общего числа всех креатур. При первом же Тюдоре нетитулованные дворяне составляли 17%, младшие сыновья аристократов 12% от общего числа креатур, а остальные 71% – это аристократы, уже имевшие титулы. Надо сказать, что в этом отношении Генрих VII отличался не только от Эдуарда IV, но и от королей из династии Ланкастеров.

В отличие от королей ланкастерской и йоркской династии Генрих Тюдор являлся в известном смысле «реставратором». Им было восстановлено в правах 11 человек – восемь сторонников Ланкастеров и три сторонника Эдуарда IV, которые были лишены титулов при Ричарде III. Отметим, что наибольшие изменения пришлись на начало царствования. Но впоследствии, укрепляя основу трона, король также даровал титулы как нескольким представителям угасших знатных родов, так и тем сторонникам Ричарда III, которые высказали свою преданность по отношению к новой династии.

Здесь налицо формирование так называемой «знати династии», т. е. награждение титулами тех, кто был готов служить дому Тюдоров. Однако социальное происхождение креатур Генриха VII не позволяет говорить о формировании качественно новой, «тюдоровской аристократии», основу которой составляли бы выходцы из рядов джентри. Наоборот, опору трона при первом Тюдоре составили представители «дотюдоровской», во многом даже ланкастерской знати. Отличительной чертой его политики стало незначительное число новых креатур: в 1485–1509 гг. состав знати пополнился лишь четырьмя новыми членами, близкими друзьями и сподвижниками первого Тюдора²⁵.

В связи с этим спорным представляется утверждение О. В. Дмитриевой о том, что «взамен старой аристократии Генрих VII стал насаждать новую, так называемую «тюдоровскую аристократию», всецело за-

²⁵ В 1486 г. Жилю Добени, близкому другу Генриха VII, был дарован титул барона Добени (CP, Vol. III. P. 31–32), в 1487 г. в число аристократов попали Джон барон Чейни, прославивший себя при Босфорте и Стоуке (умерший без наследников в 1499 г.), и Томас барон Бург (CP, Vol. II. P. 76; Vol. II. P. 238), а в 1506 г. – Уильям барон Коньерс (CP, Vol. II. P. 347).

висящую от короны»²⁶. Правление Генриха VII скорее следует оценивать как обычный династический переворот, в результате которого в состав аристократии были возвращены те, кто был изгнан при Эдуарде IV или Ричарде III и на кого мог опереться новый монарх. Как видно, Генрих VII не стремился раздавать новые титулы аристократическим семьям, тем самым усиливая их. Он пытался сформировать «знать династии», связанную с ним личными узами, не противопоставляя ее, впрочем, «дотюдоровской аристократии».

Мы разделяем мнение Л. Стоуна, доказывавшего, что знать в конце XV – начале XVI века, несмотря на значительные персональные перемены, в той или иной степени аристократия свой средневековый характер и свои аристократические идеалы²⁷. Подобных идеалов, по-видимому, придерживался и сам Генрих VII: так, С. Б. Краймс полагал, что первый Тюдор, являясь хорошим администратором и законодателем, никогда не был новатором и «был пропитан средневековым духом»²⁸. Подобное мнение высказывали еще Дж. Элтон, а позднее – Дж. Гай, утверждая, что Генрих VII, возвеличивая людей за службу и лояльность короне, оставался при этом средневековым монархом²⁹. Такой же характер носили правления Эдуарда IV и Ричарда III: как показывают данные «Полного состава пэров», эти монархи точно так же возвеличивали своих родственников и слуг и поощряли наиболее лояльных аристократов. Думается, прав был К. Макфарлейн, утверждавший, что Генрих VII являлся «средневековым королем», который по методам управления не отличался от своих предшественников, в частности от Эдуарда IV³⁰.

Как видно, и Йорки, и первый король из династии Тюдоров являлись проводниками традиционной династической политики, и – что следует подчеркнуть – никто из них не формировал «знать династии» из рядов джентри. Такого рода качественные изменения в составе самой аристократии произошли позднее, при Генрихе VIII.

Время его правления всегда находилось и находится в центре внимания историографии. Если одни исследователи видят в Генрихе VIII «кровавое пятно английской истории»³¹, то другие утверждают, что мо-

²⁶ Дмитриева О. В. История Европы... Т. 3. С. 164.

²⁷ Stone L. The Crisis of the Aristocracy. Oxford, 1965. P. 24.

²⁸ Chrimes S. B. Henry VII. P. 318.

²⁹ Elton G. England under the Tudors... P. 44; Guy J. Tudor England... P. 78.

³⁰ McFarlane K. B. The Nobility... P. 287.

³¹ См., напр.: Smith L. B. Henry VIII. The mask of Royalty. St. Albans, 1973; Hoskins W. G. The Age of Plunder. The England of Henry VIII, 1500–1547. L., NY., 1976.

наrx был великим государственным деятелем и никогда не имел страсти к излишним убийствам³², или, по крайней мере, «был больше, чем кровавый, похотливый, капризный тиран народной мифологии»³³.

Однако среди огромного количества работ, посвященных царствованию Генриха VIII и судьбам отдельных аристократов³⁴, лишь немногие специально посвящены анализу взаимоотношений монарха со знатью³⁵. В целом же, несмотря на ряд расхождений, в историографии господствует мнение о стремлении Генриха VIII уничтожить родовую знать из-за опасений претензий ее представителей на престол³⁶. Типичным является утверждение Дж. Гая о том, что во время правления Генриха VIII проводилась «систематическая вендетта против старой знати»³⁷.

Для выяснения характера изменений, произошедших в составе знати при Генрихе VIII, мы снова обращаемся к материалу «Полного состава пэров», который позволяет судить о социальном происхождении тех, кто попал в среду знати в первой половине XVI в.

Как показывают наши данные, за 1509–1522 гг. в состав аристократии вошло четыре представителя нетитулованного дворянства³⁸. При

³² *Pollard A. F. Thomas Cranmer and English Reformation. L., 1926.*

³³ *Elton G. England under the Tudors... P. 57–58. См. также: Scarisbrick J. J. Henry VIII. L., 1968.*

³⁴ См., напр.: *Brenan G, Statham R. The House of Howard. L., 1907; Tucker M. J. The life of Thomas Howard, Earl of Surrey and Second Duke of Norfolk, 1443–1524. Hague, 1964; Beckingsale B. W. Thomas Cromwell: Tudor Minister. L., 1978; Harris B. J. Edward Stafford, Third Duke of Buckingham, 1478–1521. Stanford, 1986; Gunn S. J. Charles Brandon, Duke of Suffolk, p.1484–1545. Oxford, 1988; McCulloch D. The Reign of Henry VIII: Politic, Policy and Piety. L., 1995.*

³⁵ См.: *Miller H. Henry VIII and the English Nobility. Oxford, 1986; Starkey D. Court, council and the nobility in Tudor England // Princess, Patronage and the Nobility. The Court and the beginning of the Modern Age, p.1450–1650. Ed. Asch R. G., Birkie A. M. Oxford, 1991; Bernard G. W. The Tudor Nobility. Manchester, 1992.*

³⁶ См., напр.: *Wilson D. In the Lion's Court. Power, ambition and sudden death in the reign of Henry VIII. L., 2002. P. 28–29.*

³⁷ *Guy J. Tudor England. P. 96.*

³⁸ Сразу же после прихода к власти в 1509 г. новый монарх даровал баронский титул первому министру двора своего отца, Томасу Дарси из Дарси (CP, Vol. III. P. 20). В 1513 г. Шарль Брэндон, сын французского знаменосца Уильяма Брэндона, убитого при Босфорте, и фаворит Генриха VIII, стал виконтом Лайлом, а в 1514 г. – герцогом Сэффолком (CP, Vol. VII. P. 308–309). Кроме них, в 1513 г. в состав аристократии вошли Джордж Маннерс, получивший по праву жены титул барона Роуза (CP, Vol. VI. P. 403), и Маргарет Брайан, любовница короля, получившая титул баронессы Брайан в 1515 г. после рождения будущей королевы Марии Тюдор (CP, Vol. II. P. 45).

этом за первый период своего царствования Генрих VIII даровал титулы четырем представителям младших ветвей ряда древних родов, и шести представителям аристократии. Как нам представляется, в это время новый монарх, подобно своему отцу, проводил политику незначительного включения нетитулованного дворянства в состав аристократии. С другой стороны, в большей степени он стремился сформировать свою опору, привлекая на свою сторону ряд сторонников свергнутой династии Йорков, как это ранее, в начале своего царствования, пытался сделать Эдуард IV. Это позволяет предположить, что в отличие от своего отца Генрих VIII стремился достигнуть некоего компромисса во взаимоотношениях со старыми аристократическими фамилиями. Наша точка зрения совпадает с выводом Д. Уилсона о том, что в начале своего правления Генрих VIII приближал ко двору таких аристократов, как Томас Грей, маркиз Грей, который являлся «персоной нон грата» при Генрихе VII³⁹.

Заметные качественные изменения в составе аристократии обнаруживают себя в период с 1523 по 1529 г., когда в состав знати было включено 11 нетитулованных дворян. Так, в 1523 г. титул получили четверо нетитулованных дворян⁴⁰, а в 1525 г. Томас Болейн, отец будущей королевы Анны Болейн, как сонаследник Томаса Батлера, графа Ормонда, получил титул виконта Рошфора, а в 1529 г. – графа Уилтшира и Ормонда⁴¹. Помимо этого, в 1529 г. в число аристократов попало еще шестеро нетитулованных дворян⁴². В то же время Генрих VIII даровал титулы лишь пятерым представителям старой знати.

В отличие от 1509–1522 гг. мы можем наблюдать здесь первую попытку формирования «тюдоровской» знати в узком значении этого сло-

³⁹ *Wilson D.* In the Lion's Court. P. 70.

⁴⁰ Капитан королевской гвардии Генри барон Марни, получивший владения казненного в 1521 г. Эдуарда Стэффорда, герцога Бекингема (CP, Vol. V. P. 259), Уильям барон Сэндис из Уэйна, сражавшийся на стороне Генриха VII, и участник французских экспедиций Генриха VIII (CP, Vol. VII. P. 55–56), Николай барон Во из Плериудена, лейтенант замка Гиш в Пикардии (CP, Vol. VIII. P. 18–19) и Генри Паркер, ставший бароном Морли (CP, Vol. V. P. 372–373).

⁴¹ CP, Vol. VI. P. 143–144, 382–383.

⁴² Эндрю барон Виндзор из Стэнвелла, участвовавший в «битве шпор» 16 августа 1513 г. и сопровождавший сестру короля Марию в ее путешествии к будущему супругу, Людовику XII (CP, Vol. VIII. P. 185), Эдмунд барон Брей, племянник и наследник сэра Реджиналда Брея, первого министра Генриха VII (CP, Vol. II. P. 11), Джон барон Хасси из Слифорда (CP, Vol. IV. P. 302–303), Томас барон Уэнтворт, капитан Кале (CP, Vol. VIII. P. 96–97), Джилберт барон Талбойс (CP, Vol. VII. P. 358–359) и Джон барон Мордаунт (CP, Vol. V. P. 366).

ва. Большинство из тех, кто попал в состав аристократии, являлись прежде всего боевыми соратниками Генриха VIII и членами его хаусхолда. По замыслу монарха именно они должны были составить опору его трона. Возможно, однако, что быстрое формирование «тюдоровской» знати было связано также с возвышением Болейнов как будущих родственников короля⁴³. В частности, всплеск креаций в 1529 г. можно объяснить быстрым усилением влияния Анны Болейн на Генриха VIII.

Новый всплеск пожалований наблюдается в 1536–1538 гг., когда в состав аристократии вошло 7 нетитулованных дворян⁴⁴. Среди же аристократов следует отметить лишь двух лордов, получивших новые титулы⁴⁵. В отличие от 1523–1529 гг., появление значительного количества нетитулованных дворян в составе знати можно объяснить многочислен-

⁴³ CP, Vol. VI. P. 215.

⁴⁴ Так, в 1536 г. получил титул Эдуард Сеймур, брат королевы Джейн Сеймур, ставший виконтом Бошаном из Хэш, затем, в 1537 г., графом Хертфордом, а впоследствии, после воцарения своего племянника Эдуарда VI – бароном Сеймуром и герцогом Сомерсетом (CP, Vol. VII. P. 172–173). В том же году получил титул Томас барон Кромвелл, королевский фаворит, устроивший брак Генриха VIII с Анной Клевской, за что в 1540 г. получил титул графа Эссекса (CP, Vol. II. P. 431–432). В следующем, 1537 г., получил титул графа Саутгемптона и будущий главный обвинитель Томаса Кромвелла, Уильям Фиц-Уильям, казначей хаусхолда Генриха VIII и участник экспедиций во Францию и Шотландию (CP, Vol. VII. P. 192). Наконец, в 1538 г. в состав знати вошло четверо: Джон барон Рассел, (впоследствии граф Бедфорд), участник военных экспедиций во Франции и дипломатических миссий в Германии и Италии, получивший также часть земель от казненного Эдуарда Стэффорда, герцога Бекингема (CP, Vol. I. P. 296), Томас барон Одли из Уолдена, спикер Палаты общин в 1529 г., продвигавший королевские идеи и получивший значительную часть монастырских земель в Уолдене (CP, Vol. I. P. 203), и Уильям Поулет, контролер хаусхолда Генриха VIII, участник комиссии по разводу короля с Екатериной Арагонской и процесса против Анны Болейн, посол во Франции и Риме, получивший земли аббатства Найтли и титул барона Сент-Джона (впоследствии граф Уилтшир и маркиз Уинчестер) (CP, Vol. VIII. P. 171). Наконец, в состав знати попал Уильям барон Парр, брат 6-й жены Генриха VIII Кэтрин Парр, ставший в 1543 г. графом Эссексом, а в 1547 г., по смерти короля – маркизом Нортгемптоном (CP, Vol. VI. P. 69).

⁴⁵ Джона Буршье, барона Фиц-Уоррена, получившего в 1536 г. получил титул графа Бата (CP, Vol. II. P. 263) и Генри барона Добени, получившего в 1538 г. титул графа Бриджуотера (CP, Vol. II. P. 20). Наконец, единственный законный потомок мужского пола, сын короля от Джейн Сеймур, будущий Эдуард VI, после своего рождения в 1537 г. получил титул герцога Корнуолла (CP, Vol. II. P. 370).

ными браками Генриха VIII, что приводило к выдвигению тех или иных придворных группировок. Однако в отличие от Вудвиллей окружавших престол Эдуарда IV, Генрих VIII даровал титул единственному родственнику королевы – Эдуарду Сеймуру. Ситуация также осложнялась противостоянием при дворе сторонников и противников Реформации⁴⁶. Однако следует отметить, что значительную группу креатур составляли члены королевского хаусхолда и сторонники Генриха VIII в борьбе за проведение секуляризации и реформирования государственного аппарата.

Период с 1540 по 1547 г. связан с возрастающей борьбой клана Говардов с кланами Сеймуров и Парров за влияние на дряхлеющего Генриха VIII: подобная ситуация уже имела место в годы правления Генриха VI. Отсутствие креаций в 1540–1542 гг. позволяет предположить, что пришедший к власти клан Говардов, по-видимому, опирался на титулованное дворянство, тогда как после женитьбы Генриха VIII на Кэтрин Парр в 1542–1544 гг. титулы были дарованы еще четырем семьям⁴⁷. Эти креации были, скорее всего, попыткой формирования опоры кланов Сеймуров и Парров в преддверии воцарения малолетнего Эдуарда VI.

При сравнении креаций Генриха VIII с креациями Эдуарда IV и Генриха VII видно, что при втором короле из династии Тюдоров нетитулованные дворяне составляли 53%, младшие сыновья аристократов – 12%, и аристократы, уже имевшие титулы, – 35%. Эти данные серьезно расходятся со сведениями как о креациях времен Йорков, так и о политике первого Тюдора. Следует также отметить, что если в начале своего правления Генрих VIII восстановил в правах ряд семей, лишившихся титулов при его отце, при незначительном числе креаций нетитулованных дворян, то с середины 20-х гг. XVI в. среди креатур преобладают нетитулованные дворяне и аристократы, получившие титулы при Генрихе VII. Видимо, прав Л. Стоун, утверждая, что Генрих VIII «значительно пополнил ряды знати за счет джентри, создавая так называемую «тюдоровскую аристократию»»⁴⁸.

⁴⁶ *Guy J. Tudor England.* P. 142–143.

⁴⁷ В 1543 г. в состав знати попали Уильям барон Эр, капитан Бервика (CP, Vol. III. P. 185) и Томас барон Уортон, (оба – участники экспедиции против шотландцев 1542 г.) (CP, Vol. VIII. P. 124). В 1543 г. Уильям Парр, племянник королевы Кэтрин Парр, стал бароном Парр из Хортонна (CP, Vol. VI. P. 191), а в 1544 г. за участие во взятии Булони – Томас барон Пойнингс, незаконный сын Эдуарда барона Пойнингса (CP, Vol. VI. P. 301).

⁴⁸ *Stone L. The Crisis of the Aristocracy...* P. 48–50.

Как видно, значительное число нетитулованных дворян, включенных в состав знати при Генрихе VIII, связано не только с «аристократизацией» родственников королевских жен и королевских фавориток, как можно было бы предполагать: несмотря на шесть браков, всего лишь четыре представителя нетитулованных семей получили титулы. Речь скорее может идти о раздаче Генрихом VIII титулов прежде всего своим фаворитам и участникам военных кампаний. Многие из тех, кто вошел в состав знати при Генрихе VIII, занимали ключевые посты в аппарате его отца либо были родственниками приближенных первого Тюдора. Впрочем, подобные черты политики Тюдоров, связанные с продвижением членов королевского хаусхолда, были свойственны еще Йоркам, только в меньшем масштабе.

Однако социальное происхождение креатур Генриха VIII позволяет говорить о начале процесса формирования придворной тюдоровской аристократии, основу которой составляли выходцы из нетитулованного дворянства. Другое дело, что первоначально это «служилое дворянство» было связано тесными узами со старой знатью; впрочем, как отмечал Дж. Гай, «персональные и родственные отношения пронизывали все тюдоровское общество»⁴⁹. Но процесс формирования «тюдоровской аристократии» только набирал силу, что убедительно показывают данные о репрессиях времен Генриха VIII: из 26 появившихся семей «новой» знати четыре⁵⁰ лишились титулов именно в связи с обвинениями в измене. В свою очередь, из 44 семей «дотюдоровской» знати было лишено прав, что привело к утрате титула, 8 семей. Как видно, в процентном отношении и семьи старой, и семьи новой аристократии понесли примерно одинаковый урон. Несмотря на то что во времена правления Генриха VIII в состав аристократии влилось значительное число выходцев из нетитулованного дворянства, к 1547 г. из 61 семьи 40 (т. е. две трети) семей составляли представители дотюдоровской знати. Можно полагать, что именно эпоха Генриха VIII является временем генезиса «тюдоровской» аристократии.

Несмотря на то что на протяжении правления Йорков и первых двух Тюдоров достаточно сложно проследить мотивы креаций, а личные пристрастия королей и их придворного окружения порой сложно взаимодействовали с социальной политикой английской монархии, в целом к середине XVI в. можно говорить о начале формирования новой, служи-

⁴⁹ *Guy J. Tudor England*. P. 158.

⁵⁰ Болейны (CP, Vol. VI. P. 143–144, 382–383), Дарси из Дарси (CP, Vol. III. P. 20), Хасси из Слайфорда (CP, Vol. IV. P. 302–303) и Хэнгерфорды из Хейтесбири (CP, Vol. IV. P. 278).

лой аристократии. В это же время, по-видимому, в общественном сознании происходит переход от идеала аристократа-магната к идеалу аристократа-придворного. Подобные процессы указывают на начало серьезной трансформации английского общества, связанной с формированием абсолютной монархии.

В этой связи можно несколько по-иному, чем это традиционно принято, трактовать и проблему «тюдоровской революции». Возможно, прав Дж. Старки, говоря о том, что методы управления государством в Англии времен Йорков не слишком отличались от tudorского времени⁵¹. Однако в области взаимоотношений «монарх–знать» во времена Генриха VIII мы не наблюдаем подобной преемственности, так что в социальном смысле термин «тюдоровская революция» весьма уместен. Все это позволяет говорить о попытке формирования Генрихом VIII качественно новой социальной опоры tudorской монархии.

С. Е. Федоров

ТИТУЛОВАННАЯ ЗНАТЬ И ДИНАСТИЯ В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

Отношения, складывающиеся между представителями той или иной династии и титулованной знатью, – сюжет, который может считаться почти классическим для современной историографии. О них писали историки практически всех известных на сегодняшний момент направлений и школ. При этом на фоне разнообразных по своему характеру схем, описывающих эти отношения, сложилась весьма тривиальная модель, предполагающая по существу схожие умозаключения.

Дело в том, что в истории этих отношений, во всяком случае, до той поры, пока они оказывались значительными для политической и социальной жизни общества и государства, существовали два периода, когда решающая роль в них принадлежала титулованной знати, направляв-

⁵¹ *Starkey D. Which age of Reforms // Revolution Reassessed. Revision in the History of Tudor Government and Administration / Ed. by D. Starkey. Oxford, 1986. P. 26.*

шей действия короны и определявшей ее политику и период, когда взявшая верх монархия сводила счеты с докучавшей в свое время неограниченной вольностью титулованной знатью. Что касается второго периода, то его хронологические рамки, как правило, совпадают с тем, что обычно в сознании современного историка связывается с рождением и дальнейшим развитием абсолютизма. Там, где характерные для этого периода отношения трактуются как осмысленные, то оценки их целенаправленности не отличаются определенной оригинальностью, ибо каждый раз на первый план выступает столь характерный для политики короны реванш. Даже там, где корона жалует без особого разбора титулы, наделяя ими или продавая их безродным соискателям, совокупный результат политики все равно оценивается как разрушительный для самого социального порядка титулованной знати.

Я не стану утверждать, что, отправляя на плаху герцога Норфолка или графа Эссекса, Елизавета Тюдор не использовала открывшиеся к этому времени, а возможно, и существовавшие ранее привилегии суверена вершить судьбу собственной аристократии. Реванш монархии имел место и, очевидно, его последствия были налицо. Тем не менее именно при Тюдорах и, естественно, при первых Стюартах отношения монархии и титулованной знати миновали определенный водораздел и перешли на качественно новую стадию – стадию, которую я бы назвал династической. Думаю, что сначала Тюдоры, а затем и Стюарты воспринимали или стали воспринимать свои действия в отношении титулованной знати не столько как личные (Елизавета пережила глубокую личную трагедию, лишив жизни молодого Эссекса, но оправдывала свои действия, ссылаясь исключительно на интересы монархии, что по представлениям того времени приравнивалось к интересам правящей династии), а, скорее всего, как корпоративные и, следовательно, институционально-династические¹.

Эпоха расцвета английского абсолютизма в том варианте, о котором писала в свое время В. В. Штокмар, была не столько эпохой Елизаветы Тюдор, сколько «золотым веком» Англии, апофеозом династической политики Тюдоров. Думаю, что помимо всеобщего благополучия, каковое испытывали на себе тогда англичане, существовал еще один не менее отчетливо проступающий момент – момент, характеризовавший «блеск» отношения тюдоровской короны и титулованной знати².

¹ Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия. 1603–1629. СПб., 2005.

² Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.

Выработанная Тюдорами модель взаимоотношений с титулованной знатью была унаследована Стюартами. Определенное время она продолжала оказывать влияние на социальные отношения в раннестюартовском обществе до тех пор, пока Яков I не заменил ее той, которая считалась наиболее приемлемой для шотландского королевского дома. Очевидный поворот в отношениях короны и титулованной знати был связан с изменениями, определившими новое состояние сначала тьюдоровского, а затем и раннестюартовского обществ.

Еще в первой половине XVI века наметилась тенденция, определившая формирование на британских островах, особенно в том регионе, который издавна ассоциировался с тем, что принято называть Англией, этаткратической модели общества. Наметившиеся при первых Тюдорах изменения привели к образованию иной системы ценностей, в рамках которой монарх воспринимался в качестве «верховного лица», завершавшего вереницу уже объединенных между собой в единое целое титулов и должностей. Известно, что в рамках отжившей свой век культурно-нормативной системы общества отношения между группами определялись различными уровнями уважения и престижа, возникавшими из сравнения образов жизни и норм поведения, которым следовали человек или группа. Отношение к общественным обязанностям, вкусы и привычки, манеры общения и этикет, особый язык (сословно-профессиональная терминология) – все это лежало в основе социального деления. При этом происходило не только разграничение на «своих» и «чужих», но и ранжирование групп (например, «благородные – неблагородные»).

В рамках новой системы отношения между группами выстраивались в зависимости от их положения во властных иерархиях, от возможностей мобилизации и распределения общественных ресурсов, а также от привилегий, которые эти группы были способны извлекать из своих властных позиций. Степень материального благополучия, стиль жизни социальных групп, как и ощущаемый ими престиж связаны здесь, прежде всего, с формальными рангами, которые эти группы занимают в соответствующих властных иерархиях; все прочие различия – демографические, религиозно-этнические и культурные – играют производную роль.

Примерно тогда же и не без влияния отмеченной тенденции начинается аристократизация судебно-административной системы и в особенности различных по своему назначению придворных учреждений, приведшая к вытеснению из высших эшелонов государственного управления нетитулованных особ. Складывающаяся или обновляющаяся корпорация королевских слуг, заправляющая государственной машиной королевства, постепенно видоизменяет традиционное представление о назначении «военной профессии» как о социопрофессиональной фун-

кции знати. При этом на первый план начинает выдвигаться иная составляющая, определявшая ее «профессиональный портрет». Сначала «меч» и «перо» сосуществуют как два уравненных в основном назначении концепта, но затем ближе к концу XVI века «перо» становится, без сомнения, более престижным и желаемым элементом.

Последствия двух отмеченных закономерностей можно оценивать по-разному, но главной, определяющей дальнейшую судьбу британской государственности и общества в целом, я бы назвал тенденцию сближения монархии и титулованной знати или, во всяком случае, продуцируемой на фоне этого процесса аристократии. Сближение было достаточно сложным и противоречивым. Одновременно с включением знати в процесс государственного управления происходит перенос определенных элементов, определявших прежде сосуществование титулованных особ в рамках военной профессии. Рассчитанные на длительное самовоспроизводство, они, как известно, предполагали некое преемство, обеспечивающее передачу определенного набора навыков и умений от отца к сыну и, как следствие, удерживавших эту функцию в рамках рода и более широко – самой корпорации. До отмеченных для XVI в. тенденций подобное преемство осуществлялось более или менее регулярно, а если учитывать отсутствие в Англии профессиональной армии, то и независимо от желания монарха или династии в целом. Теперь же увлеченная «цивильной» службой титулованная знать более чем когда-либо срачивалась с монархией, причем со всей очевидностью, с учетом длительной перспективы в подобного рода интересах, такая зависимость не ограничивалась годами правления того или иного суверена, а простиралась на более обширный по протяженности период, зависящий от сроков правления той или иной династии. При этом длительность правления напрямую ассоциировалась с гарантией подобного преемства. На этом фоне отношения монархии (или династии) и титулованной знати превращались во взаимно обусловленные. Монархия, ощущавшая изменившуюся ситуацию, должно быть, выстраивая отношения с титулованной знатью, также переключает свое внимание на перспективу, учитывая, прежде всего, свою собственную корпоративно-династическую составляющую. Меняющиеся координаты подобных отношений закладывали основы того, что я бы назвал в качестве одного из важнейших элементов династического строительства.

Можно спорить об удачности этого термина, но, как представляется, именно его использование открывает возможность учитывать наряду с прочим длительную составляющую отношений титулованной знати и монархии в рамках определенной династии. Этот термин предоставляет также определенную возможность инициировать пересмотр некоторых

устоявшихся в историографии понятий, при помощи которых традиционно оценивается состав титулованной знати.

Я имею в виду, прежде всего, традиционное деление знати/ дворянства на «новое» и «старое». Мне представляется принципиальным вопрос о том, кого считать новым дворянством / знатью и с какими социальными силами первой половины XVII в. следует отождествлять этот феномен. Современники, как известно, не злоупотребляли этим термином, называя новой знатью только баронетов, подчеркивая при этом, что такое достоинство было учреждено Яковом I, и, очевидно, что это был титул, предназначенный исключительно для продажи. В остальном, различия между «новым» и «старым» были очень условными. Социальные границы «благородного» были не только достаточно широки: эсквайр или рыцарь-джентльмен, получавшие титул, были уже по определению «своими», но и различия между «старыми» и «новыми» титулами были весьма условными. Номинант, обретший титул, мог оказаться обладателем «старого» достоинства, и в этом смысле в счете колен попросту выделялась новая генерация. При этом личные качества ее представителя становились частью корпоративного достояния. В том же случае, если титул оказывался действительно новым, незначительные различия снимались сразу после осуществленной креации или же могли нивелироваться уже в тексте патента.

Гораздо более продуктивным, на мой взгляд, является другой подход, основанный на критерии династического строительства, дающий возможность ранжировать титулованную знать на династическую и додинастическую. Отстаивая такой подход к титулованной знати, я предвижу возможные замечания коллег о том, что знать династии и есть новое дворянство.

Помимо уже отмеченных, подвижных по своей сути критериев «новизны» такое отождествление не учитывает других важных моментов социальной динамики английского общества раннего Нового времени и определявшей ее политики короны. Манипуляции, которые монархи осуществляли, воздействуя на состав титулованной знати, оказывались значительно сложнее, чем простое создание новых титулов. Если признать факт существования нового дворянства реальностью, то при этом неминуемо возникнут вопросы. Например, к какой категории следует относить ту часть титулованной знати, которую возвышала новая династия, даруя ей очередные, более высокие по статусу титулы? Кем следует считать реституцированных или тех титулованных особ, которым возвращались ранее утраченные части корпоративных достоинств? К какому разряду принадлежат натурализованные ирландцы и шотландцы, уже представлявшие титулованную знать своих регионов? Куда вли-

валась опальная знать? Как следует понимать действия короны, распространявшиеся на отпрысков знатных родов и тем более на совершеннолетних наследников, получавших титулы до смерти их родителя? Что означают досрочные эмансипации и титулы учтивости? Наконец, были ли женские позиции данью традиции или же в их активизации следует видеть определенные интересы короны по сохранению необходимой преемственности?

Подход, при котором состав титулованной знати рассматривается как композиция династических и додинастических креатур, позволяет не только выделить новые элементы социальной динамики конца XVI – первой половины XVII в., но и осмыслить под иным углом зрения одну из важнейших сторон конфликта, определившего ведущий катаклизм середины столетия.

* * *

Рассматривая познетюдоровскую титулованную знать (английский и ирландский порядки) как додинастическую для Стюартов, исследуя присущие ей групповые и внутригрупповые параметры, разделяя реконструированный таким образом материал на две этносоциальные модели – ирландскую и собственно английскую, историк обретает более или менее достаточные основания для характеристики «политического класса», с которым были вынуждены считаться Стюарты в начале своего правления.

Предпринятый таким образом анализ показывает, что английская титулованная знать на момент смерти Елизаветы Тюдор представляла собой достаточно однородное по своей природе образование, отличавшееся рядом структурных особенностей, очевидно, являвших собой результат длительного династического «строительства»³. Елизавета и, должно быть, ее предшественники смогли сформировать и активно поддерживали равновесие внутри титулованной знати, проявлявшееся в сбалансированном сосуществовании тудоровских и дотудоровских креатур; оптимальным было также соотношение титулов, при котором бароны значительно превосходили графов, а виконтские титулы были малочисленными.

Внутренняя структура английской титулованной знати зеркально отображала распределение властных полномочий среди елизаветинской (познетюдоровской) аристократии. Очевидное соответствие ука-

³ Федоров С. Е. Английская титулованная знать и аристократия накануне смены династий. СПб., 2003.

занных пропорций среди общей массы титулованных англичан и той их частью, которая была вовлечена в систему центрального и местного управления свидетельствует о целенаправленном характере отношений, которые складывались между короной и поддерживавшей ее аристократией.

Таблица 1

**Должности, занимаемые английской титулованной знатью
(1558–1603 гг.).**

Тайный совет	Высшие придворные должности	Придворные должности	Высшие должности (центральный аппарат)	Высшие должности (местный аппарат)	Высшие военные чины
Т. Вест Т. Саквилл Д. Кэри Э. Зуч Э.М. Браун У. Стенли Г. Клинтон Г. Перси Э. де Вер У. Герберт Г. Тэлбот Р. Рэдклифф Э. Сомерсет У. Полет Ч. Говард	Д. Кэри Г. Перси Э. де Вер Р. Рэдклифф Э. Сомерсет Ч. Говард Д. Ламли О. Сент-Джон	Э. М. Браун У. Герберт У. Полет Д. Ламли Т. Говард Р. Маннерз	Т. Саквилл Д. Кэри Э. Зуч Г. Перси Г. Тэлбот Р. Рэдклифф Э. Сомерсет Ч. Говард Ф. Гревилл Ч. Уиллогби Э. Стаффорд Э. Сеймур Г. Брук Ч. Блаунт	Д. Кэри Э. Зуч У. Стенли Г. Перси Э. Сомерсет Р. Маннерз Ч. Уиллогби Э. Сеймур Г. Брук Ч. Блаунт Э. Паркер Т. Скруп Э. Шеффилд Т. Сесил	Т. Вест У. Стенли Г. Клинтон Г. Перси Р. Рэдклифф Ч. Говард Т. Говард Э. Кромвелл Т. Грей Д. Клиффорд

Обобщенные в таблице данные показывают, что из 62 владельцев титулов 32 особы (51,6%) были в той или иной степени задействованы в государственном управлении Англии в рассматриваемый период и, следовательно, отвечали характеристикам, которые современники приписывали аристократии⁴. Из них 9 особ (Т. Саквилл, Д. Кэри, Э. Зуч, Г. Пэрси, Э. де Вер, Г. Тэлбот, Р. Рэдклифф, Э. Сомерсет и Ч. Говард) одновременно были членами Тайного совета и занимали высшие должности в центральной и придворной администрации. Кроме Гилберта Тэлбота, графа Шрусбери, лишь в 1602–1603 гг. совмещавшего членство в совете и подобную должность, указанная связь для этой общности была устойчивой, что позволяет выделять эту когорту в качестве группового ядра или доминировавшей на протяжении рассматриваемого периода структуры. Примечательно, что титулованных особ, занимавших высшие должности в центральном или придворном аппарате, сроки исполнения которых не совпадали бы по времени с членством в Тайном совете, не обнаруживается. При этом в качестве самостоятельной фигурирует группа вельмож, причастных к руководящим постам в центральной администрации, но не отмеченных деятельностью в качестве тайных советников. Джон Ламли, Оливер Сент-Джон занимали высшие придворные должности, а Генри Брук, Фалк Гревилл, Чарльз Уиллогби, Эдвард Стаффорд, Эдвард Сеймур и Чарльз Блаунт – высшие государственные должности, но при жизни Елизаветы так и никогда не стали членами ее Совета. Среди них Ч. Уиллогби, Э. Сеймур, Г. Брук и Ч. Блаунт занимали высшие государственные посты, совмещая деятельность в центральной администрации с руководящими позициями в локальных властных учреждениях. Особняком стоят фигуры трех елизаветинских советников – виконта Монтагю, графов Дерби и Линколна, каждый из которых фокусировал в своей деятельности неповторяющиеся связи. Браун помимо членства в совете занимал второстепенную придворную должность, Дерби – пост в локальном аппарате и был при этом профессиональным военным, а Линколн совмещал членство в Совете с военной должностью. Своеобразную нишу оккупирует граф Ратленд, занимавший пост в локальной администрации и второстепенную придворную должность.

Замыкают властную вертикаль особы, которые либо занимали посты в местной администрации (Э. Паркер, Т. Скруп, Э. Шеффилд, Т. Сесил), либо были профессиональными военными (Э. Кромвелл, Т. Грей,

⁴ Федоров С. Е. «Aristocratia» в лексическом дискурсе конца XVI–XVII веков: семантика значения // *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики* – Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 218–239.

Д. Клиффорд). Титулованных особ, занимавших исключительно второстепенные придворные должности, в этот период не наблюдалось.

При этом ирландский порядок представлял собой достаточно специфическое явление, структура которого сознательно уподоблялась Тюдорами английскому образцу⁵. Еще со времен классического Средневековья среди титулованных ирландцев, имевших подчас английское или смешанное англо-ирландское происхождение, число фактических титулов всегда превышало легитимные, признаваемые английской короной. Только при последних Тюдорах формируется подобие устойчивой общности, собственно формализованный порядок, образованный на принципах лояльности к официальным властям. В ряде случаев Генрих VIII и Елизавета подтверждали прежние, инициированные самой ирландской знатью титулы, но чаще всего прибегали к созданию новых. В структуре легализованных титулов преобладали баронские достоинства, значительная часть из которых, должно быть, воспринималась короной в качестве противовеса более авторитетным графским достоинствам. Титулы виконтов, столь же малочисленные, как и английские, значительной роли не играли. При этом английский вариант внутригруппового равновесия между тюдоровскими и дотюдоровскими креатурами, очевидно, воспринимался Елизаветой и ее предшественниками в качестве желательного соотношения и для ирландского порядка.

Ирландский порядок титулованной знати был лишен тех возможностей, которые открывались перед титулованными англичанами. Тюдоры стремились к изоляции глав могущественных ирландских кланов, лишая их участия в активно формирующихся во второй половине XVI века органах регионального (композитного) управления⁶. В этом смысле ирландская аристократия могла лишь использовать те преимущества, которые предоставляли типично средневековые формы господства. При этом сфера территориального владычества ирландской титулованной знати уже при последних Тюдорах испытывала серьезные потрясения в результате вмешательства английской короны в юрисдикцию местных танистов. «Территориальная» политика Тюдоров определяла во многом характерную для конца XVI века структуру региональных владений ирландской титулованной знати, служивших основой для их чисто средневекового политического могущества.

⁵ Федоров С. Е. Ирландская аристократия в конце XVI – первой четверти XVII в. СПб., 2006.

⁶ Федоров С. Е. Графы Килдары, Ормонды, Дезмонды и ирландская политика первых Стюартов // Искусство власти. СПб., 2007. С. 352–373.

Таблица 2

Региональное распределение ирландской знати⁷

Графство	Резиденты
ОЛЬСТЕР	
Ардис	
Армаг	
Атрим	Эдмонд Бурк
Даун	
Каван	
Колрейн	
Лоут	Оливер Планкетт
Монаген	
Опеленд	
Рут	Кристофер Планкетт
Тирконелл	
Тирон (Верхний)	Хьюго О'Нейл
Тирон (Нижний)	
Ферманаг	Флоренц Фитц-Патрик

КОННОТ	
Галуэй	
Лейтрим	
Лоннфорд	
Майо	
Роскомон	
Слиго	

Графство	Резиденты
ЛЕНСТЕР	
Дублин	
Катерлог	
Килдар	
Килькени	Уильям Флеминг
Квинз	
Куинз	Дермот О'Брайен
Лоннфорд	
Мит (Восточный)	Джеймс Батлер
Мит (Западный)	Женико Престон
Оффали	Роберт Барниуолл
Уэксфорд	Ричард Хагенг Ричард Батлер

МАНСТЕР	
Батеванг	Дэвид Барри
Дезмонд	
Керри	Томас Фитц-Морис
Кинсейл	Джон Курси Ричард Бурк
Клэр	Донох О'Брайен Кристофер Планкетт (Киллин)
Корк	Эдмонд Бирмингем Николае Сент-Лоуренс
Лимерик	Джералд Фитц-Джералд
Ормонд	Томас Батлер (Ормонд)
Типперари	Дэвид Роч Томас Батлер (Каир)
Уотерфорд	Ричард Пауэр

Распределение ирландской титулованной знати по четырем провинциям (Ольстер, Коннот, Ленстер и Манстер), а также по входящим в них графствам дает следующую картину. Наиболее «представительными» и в этом смысле интегрированными оказываются территории, входящие в зону английского влияния. Несомненно, лидирует Манстер (13 человек); далее следует Ленстер (7 человек). Ольстер, оставшийся к концу XVI в. в значительной степени сферой ирландского влияния, был представлен 5 титулованными особами; Коннот, несмотря на

⁷ Точная география земельных владений была восстановлена в целом по изданиям: *Speed John. Theatrum Imperii Magnae Britanniae*. London, 1616; *The Counties of Britain. A Tudor Atlas by John Speed / Ed. by N. Nicolson & A. Hawkyard*. London, 1988. *Joyce P. Irish Names of Places*. Dublin, 1913; *Kneen J. The Place Names of the Isle of Man*. Douglas, 1925.

то, что во второй половине 1570-х годов 67 местных вождей признали верховенство английской королевы⁸, оставался по-прежнему территорией, лишенной «легитимных» лордов.

Среди титулованной знати Манстера преобладали потомки известных англо-ирландских кланов. До земельных конфискаций, осуществленных Тюдорами, территория провинции была поделена между представителями различных ветвей знаменитого рода Фитц-Джералдов, самой известной из которых была ветвь графов Дезмондов.

До начала 1580-х годов Дезмонды безраздельно господствовали в графствах Керри, Корке, Лимерике и Уотерфорде. После неудачного восстания 1569–1583 гг.⁹, поднятого главой рода Джералдом Фитц-Джеймсом Фитц-Джералдом, влияние Дезмондов значительно ослабевает. Напротив, политический вес их давних противников Ормондов (из многочисленного рода Батлеров) заметно повышается. Томас Батлер, граф Ормонд (1532–1614) становится формально признанным лидером провинциального сообщества. Ормонды, по существу, субординируют всю владельческую структуру провинции и, согласно порядку следования, предстоят более родовитым Килдарам (графский титул), Курси и Кэрри (оба – баронские титулы).

Показательна владельческая «архитектоника» провинции. «Внешние» пограничные графства (Уотерфорд, Кинсейл, Клэр, Ормонд и Типперари), за исключением конфискованного Дезмонда¹⁰, контролируются активными сторонниками тюдоровской политики (Ричардом Пауэром; Джоном Курси и Ричардом Бурком; Донохом О'Брайеном и Кристофером Планкетом; Томасом Батлером; Дэвидом Рочем и Томасом Батлером, бароном Каиром). Они как бы блокируют владения (внутренние графства) менее последовательных лордов – Баттевант (Дэвид

⁸ CSP. Ireland. 1574–1588. P. 405–406.

⁹ Более подробно об этом восстании: *Осипова Т. С.* Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI – начало XVII в.) М., 1962.

¹⁰ Джералд Фитц-Джеймс Фитц-Джералд, 14-й граф Дезмонд (1530–1583), был обвинен в государственной измене 15.11.1582, а его земли и титул были конфискованы. Его сын и наследник от второго брака Джеймс Фитц-Джералд (ум. 1601) был восстановлен в титуле как 15-й граф (1.10.1600), но при этом значительная часть земель Дезмондов продолжала считаться конфискованными. Поскольку сэр Джеймс умер бездетным, а его племянник Джеймс Фитц-Томас Фитц-Джералд был, как и его дед, обвинен в государственной измене в марте 1601 г., а затем заточен в Тауэр, где и скончался 28.04.1608, титул Дезмондов оставался не востребованным, а земли по-прежнему считались конфискованными.

Барри), Лимерик (Джералд Фитц-Джералд) и Корк (Эдмонд Бирмингем и Николас Сент-Лоуренс). «Стратегический» аспект тюдоровских земельных перераспределений в Манстере, таким образом, более чем очевиден.

Ленстер еще в середине XVI в. был сферой безраздельного влияния танистов из двух могущественных кланов О'Муров и О'Конноров. Английское присутствие в этой провинции первоначально было ограничено территориями Дублина и Западного Мита, с незапамятных времен входивших в состав Пэйла. В 1550-е годы часть земель, принадлежавших ирландским танистам, была конфискована. Владения в графстве Оффали, изъятые у О'Муров¹¹, достались баронскому роду Тримлстонов, издавна проявлявшему лояльность к английской короне, а на территории, принадлежавшей некогда О'Коннора, были образованы два новых графства, названные в честь Марии и Филиппа – Куинз и Кингз. Уже Елизавета подтвердила земельные права ленстерских О'Брайенов, и Марруг Мак Дермот О'Брайен стал первым, полновластным владельцем значительной территории в Куинзе. Уэксфорд, длительное время находившийся под влиянием ленстерского рода Нагентов, был впоследствии поделен между представителями этого клана и потомками перемещенной туда еще при Эдуарде VI боковой ветви манстерского рода Батлеров, получивших виконтский титул Маунтгарретов. Те же Батлеры (баронский титул Данбойнов) станут безраздельными хозяевами Восточного Мита. Западная часть этого графства будет закреплена за виконтами Горманстонами (из рода Престонов); только Килкени сохранит старых владельцев – баронов Слейнов (род Флемингов), некогда перебравшихся туда из Шотландии. Судьба трех графств – Лонгфорда, Катерлога и Килдара – останется нерешенной вплоть до второй трети XVII века. Принадлежавшие в свое время графам Килдарам, они после смерти Уильяма Фитц-Джералда, 13-го графа Килдара, последовавшей в апреле 1599 г., перейдут в распоряжение короны¹². Патент на возобновление графского титула Килдаров, выданный Джералду Фитц-Дже-

¹¹ Последний признанный английской короной представитель рода О' Муров Доналд Маккарти, произведенный Елизаветой в графское достоинство Кланкара 24.06.1565, скончается в феврале 1597 года. Поскольку граф Кланкар не оставил законных наследников, прямая линия ленстерских О Муров прервется, а земли и титул будут объявлены выморочными. A Repertory of Inrolments on the Patent Rolls of Chancery in Ireland Commencing with the Reign of James I / Ed. by J. Erck. Dublin, 1861–1863. P. 56.

¹² Федоров С. Е. Земельный комплекс графов Килдаров в первой половине XVII века // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 2. Вып. 1–2. 2004. С. 61–68.

ралду, приходившемуся предыдущему, так и никогда не женившемуся графу дальним кузеном, дарует ему родовые земли в Лимерике, но лишит прав на владения Фитц-Джералдов в соседней провинции.

Стратиграфия Ленстера дает почти аналогичную, хотя и менее выраженную картину, которая наблюдалась при реализации земельной политики Тюдоров в Манстере. «Внешние» графства Уэксфорд и оба Мита, включая Дублин – официальную резиденцию наместника, были под контролем наиболее лояльных лордов, владения которых блокировали подходы к внутренним территориям провинции; значительная часть из них при содействии короны стала заселяться выходцами из северной Англии, а позднее, уже при Стюартах, и шотландцами¹³.

Ольстер в конце XVI в. оставался по-прежнему одной из самых независимых от английской короны территорий. Издревле бывший ареной беспрецедентного соперничества танистов из двух ирландских кланов О'Конноров и О'Нейлов, он и при последних Тюдорах был раздираем владельческими спорами и распрями. Если Манстер и Ленстер были преимущественно обжитыми территориями, где соседствовали потомки именитых ирландцев и англичан-завоевателей, то Ольстер, считавшийся «дикой» провинцией, был местом скопления многочисленных выходцев из Шотландии (Армаг и Атрим), Северной Англии (Лоут), Уэльса (Ониленд и Рут) и, естественно, самих ирландцев.

До начала массовых конфискаций 1580-х годов территория провинции была поделена между враждовавшими друг с другом сторонниками О'Нейлов и О'Конноров. На стороне первых выступали О'Релли (Каван) и О'Доннеллы (Тирконелл). Жившие в Колрейне многочисленные представители кланов Мак Генниксов, Мак Доннеллов и О'Кахенов, а также ферманагские Мак Гиры поддерживали О'Конноров. Из местных кланов только О'Догерти и О'Кэрролы придерживались более или менее независимой позиции.

Владельческая структура провинции, характерная для 1603 г., складывается лишь к концу 1590-х годов и во многом остается далекой от завершенности.

Территория графства Лоут, традиционно входившая в состав английского Пэйла, была сферой земельных интересов баронов Лоутов из рода Планкетов. Рут также принадлежал одной из ветвей этого рода – баронам Дансени. Бурки из Коннела, имевшие шотландские корни, владели Атримом. Род Фитц-Патриков (бароны Аппер Оссори) властвовал в Ферманаге.

¹³ *Beckett J. M. The Making of Modern Ireland. 1603–1923. London, 1966. P. 37.*

Признанным главой провинциального сообщества Ольстера был Хьюго (Гуг) О'Нейл, 3-й граф Тирон (1550–1616) – елизаветинский ставленник, младший брат одиозного Брайана О'Нейла, 2-го графа Тирона (ум.1562), владевший Верхним Тироном¹⁴.

Елизаветинская ирландская знать, жившая на территории Ольстера, с трудом отстаивала свои земельные владения, и Тюдоры, продолжая считать колонизацию этой провинции незавершенной, поддерживали, в свою очередь, шотландских эмигрантов, стремившихся освоить освободившиеся после конфискаций земли: англичане переселялись в Ольстер неохотно и предпочитали ему более спокойные Манстер и Ленстер¹⁵.

Перспектива освоения Коннота будет оставаться неопределенной даже при Якове I Стюарте и лишь при его сыне Карле I станет более ясной.

Акцентируя территориальный (почти сеньориальный) характер публичной власти ирландской титулованной знати, я вовсе не стремился к архаизации существовавшего порядка. Напротив, усердствуя в поиске какой-либо дополнительной информации об иных, более привычных для англичан сферах деятельности, я добился лишь отрицательных результатов.

Набиравшее популярность по другую сторону Ирландского моря стремление титулованной знати получить образование или более конкретно – профессию оказалось чуждым местным лордам. Многие из них, видимо, продолжали испытывать типичные для Средневековья проблемы, когда необходимость поставить подпись под составленным или прочитанным документом превращалась в непреодолимое препятствие и требовала вмешательства клерков. Общая культура титулованных ирландцев к концу правления Елизаветы по прежнему оставляла желать большего, хотя исключения, подобно высокообразованному Дэвиду Рочу, виконту Фермою, все-таки встречались, но не более.

Можно найти весьма традиционные объяснения сложившемуся порядку вещей и в этом смысле последовать изрядно истрепавшим себя историографическим стереотипам. Хотелось бы, однако, отметить одно достаточно важное обстоятельство. Разраставшаяся в Англии судебно-административная система открывала перед знатью новые возможнос-

¹⁴ Carew MS. 1515–1574. P. 308, 331; 1575–1588. P. 435–438.

¹⁵ Об этом подробнее: *Roebuck P.* The Making of an Ulster Great Estate, The Chichesters, barons of Belfast and viscounts of Carrickfergus, 1599–1648 // *Proceedings of the Royal Irish Academy.* V. 79. 1979; *Perceval-Maxwell M.* The Scottish Migration to Ulster in the Reign of James I. London, 1973.

ти и в целом способствовала росту образованности в среде титулованных особ. При этом управление Ирландией и вся поддерживавшая его система была, во-первых, чрезвычайно мала и неразвита, а во-вторых, полностью была оккупирована англичанами. Даже для самых последовательных в своей лояльности ирландцев доступ во властные структуры был практически заблокирован.

Возглавлял местную администрацию лорд-наместник¹⁶, назначавшийся монархом с формального согласия тайных советников; поскольку, начиная с 1560-х годов, эта должность давала право на членство, пусть экстраординарное, в Тайном совете, то естественно предположить, что предназначалась она исключительно англичанам. Лишь Томас Батлер, 10-й граф Ормонд, бывший в конце XVI века главнокомандующим королевскими войсками в Ирландии, в период с октября по ноябрь 1597 г. ассистировал лорду-наместнику сэру Томасу Норризу.

¹⁶ Для большей полноты приведу сведения о наместниках Ирландии, назначенных Елизаветой. Отмечу, что для второй половины XVI века почти равнозначным было употребление эквивалентов *lord justice* (лорд-юстициарий); *lord deputy* (собственно лорд-наместник) и *lord lieutenant* (буквально лорд-лейтенант); небольшое отличие состояло в том, что должность лорда-лейтенанта была, несомненно, по английским стандартам более высокой по рангу. 1558–1559 – лорд-юстициарий Генри Сидни (назначен сразу же после смерти Марии Тюдор); 1559–1565 – лорд-наместник Томас Ратклифф, граф Сассекс (ему ассистировали с 1559 по 1564 лорды-юстициарии Уильям Фитц-Уильямс, а с 1564 по 1565 – Николас Арнолд); 1565–1571 – лорд-наместник Генри Сидни (ему ассистировали два лорда-юстициария Уильям Фитц-Уильямс и Роберт Уэстон); далее с 1571 по 1575 годы – Уильям Фитц-Уильямс, который сначала именовался лордом-юстициарием, а затем лордом-наместником; 1575–1578 – лорд-наместник Генри Сидни; 1578–1579 – лорд-юстициарий Уильям Драри; 1579–1580 – лорд-юстициарий Уильям Пелем; 1580–1582 – лорд-наместник Артур Грей, барон Грей из Уилтона; 1582–1584 – лорды-юстициарии Эдам Лофтас, архиепископ Дублинский (1567–1607) и Генри Уоллоп; 1584–1588 – лорд-наместник Джон Перрот; 1588–1594 – лорд-наместник Уильям Фитц-Уильямс; 1594–1597 – лорд-наместник Уильям Расселл; 1597 (май – начало октября) – лорд-наместник Томас Бург, барон Бург; 1597 (конец октября – середина ноября) – лорд-юстициарий Томас Норриз (ему ассистировал упоминавшийся граф Ормонд); 1597–1599 (начало марта) – лорды-юстициарии преп. Эдам Лофтас и Ричард Гардинер; 1599 (конец марта – середина сентября) – лорд-лейтенант Роберт Деверо, граф Эссекс; 1599 (конец сентября) – 1600 (середина января) – лорды-юстициарии преп. Эдам Лофтас и Джордж Кэри; 1600 (конец января) – 1603 – лорд-наместник Чарлз Блаунт, барон Маунтджой. Cal. Carew MSS. 1515–1574; 1575–1588; 1589–1600, *passim*.

Учитывая сложившуюся в Ирландии ситуацию, Тюдоры, должно быть, следовали этим же правилам и при назначении лиц на должность лорда-казначей и соответственно председателя суда Казначейства, которые, как правило, исполнялись тем же наместником или одним из его помощников (*assistant*) вплоть до вступления на английский трон первых Стюартов.

Пост главного секретаря Ирландии, подобно трем предшествовавшим ему должностям, также оказывался недоступным для местной знати¹⁷.

Суд Королевской скамьи и учрежденный в начале 1580-х годов суд Замковой палаты, оперировавшие в своей деятельности формулами общего права, видимо, также оставались чисто английскими по своему составу¹⁸.

Действовавший при наместнике Тайный совет находился под его жестким контролем и состоял из сановников перечисленных выше ведомств.

Начиная с 1570-х годов в гражданском и военном управлении провинций Манстера и Коннота произошли изменения: были учреждены должности президентов, и хотя первые назначения на эти посты были закреплены за англичанами, позднее ситуация стала изменяться. Среди президентов к концу XVI в. начинает фигурировать местная знать. В 1583 г. упоминавшийся граф Ормонд был назначен президентом Ман-

¹⁷ Считается, что эта должность была учреждена Елизаветой не ранее января 1566 г. Формально главный государственный секретарь по Ирландии находился в подчинении у главного государственного секретаря Англии и считался одним из его заместителей. С момента учреждения в январе 1566 г. и по октябрь 1567 г. эту должность занимал сэр Эдвард Уотерхауз; он был повторно назначен в октябре 1568 г. и пробыл на этом посту до конца марта 1571 г. (судя по всему, в период с ноября 1567 по октябрь 1568 г. должность оставалась вакантной); далее следовали Филип Уильямс (1571–1575); сэр Эдвард Уотерхауз (1575–1578); далее около двух лет должность была вакантной; затем Эдмунд Спенсер (1580–1582); следующая вакансия вплоть до июня 1584 г.; далее – Филип Уильямс (1584–1594); сэр Ричард Кук (1594– май 1597); Филип Уильямс (июнь–октябрь 1597); далее – вакансия вплоть до апреля 1599 г.; затем – сэр Генри Уоттон (1599 – сентябрь 1600) после его смерти до февраля 1600 – сэр Френсис Митчелл; с марта 1600 до ноября того же года – Джордж Кранмер, а после его смерти – до конца 1603 г. – Файнз Морайзон. *Cal. Carew MSS. 1515–1574; 1575–1588; 1589–1600, passim.*

¹⁸ *Irish Historical Documents, 1172–1922 / Ed. by E. Curtis & R. McDowell. London, 1943. P. 98–100.*

стера, а Ричард Бурк, граф Кланрикард двумя годами позднее возглавил этот же пост в Конноте¹⁹.

Ограничения, налагавшиеся Тюдорами на всю властную вертикаль в Ирландии, таким образом, способствовали тому, что процесс формирования аристократии в пределах зеленого острова ограничивался традиционно средневековой моделью. Местные вожди и их ближайшее окружение ориентировались на возможности, которые предоставляла военная «профессия», и были достаточно далеки от перспектив, открывавшихся перед английской титулованной знатью. Власть и военная сила были еще пока слиты воедино, а управленческая функция, ставшая к этому времени привычной для англичан, оставалась неизменно далекой для титулованных ирландцев.

Ирландской и собственно английской титулованной знати противостоял шотландский (доуниатский) порядок. В отличие от Тюдоров королевский род Стюартов, правивший с конца XIV в., имел большие возможности для формирования знати династии. Она значительно превышала по численности додинастические креатуры, и, следовательно, шотландский порядок демонстрировал иной вариант внутригруппового соотношения между титулованными особами, на поддержку которых монархия могла потенциально рассчитывать, и теми, кто мог ей реально противостоять²⁰.

Соотношение, установившееся для додинастических и династических креатур в составе шотландского доуниатского порядка титулованной знати, находило соответствующее подтверждение в структуре аристократии этого северного британского региона.

В общей сложности из 59 титулованных шотландцев 29 человек (48,3%) были вовлечены в той или иной степени в систему государственного управления Шотландии. Среди них 11 человек (Д. Гамилтон, Д. Гордон, Р. Керр, А. Левингстон, А. Линдси, Р. Семпилл, Л. Стюарт, Э. Стюарт, Ф. Хэй, А. Элфистоун и Д. Эрскэйн) одновременно совмещали членство в Тайном совете и высшие посты в придворном и центральном управлении. Р. Семпилл, Э. Стюарт и Д. Эрскэйн входят в эту когорту условно, поскольку для каждого из них указанное совпадение наблюдалось лишь кратковременно в 1597, 1591–1592 и 1603 гг. соответственно. Джон Гамилтон, маркиз Гамилтон, Джордж Гордон, маркиз Хантли и

¹⁹ Первым президентом Манстера (должность учреждена в 1569 г.) был Джон Перрот, а Коннота (1570) – Эдвард Фиттон. Подробнее об этом: *Davies John. Historical Tracts. London, 1612. P. 188–192.*

²⁰ *Федоров С.Е. Шотландская аристократия 1587–1629 гг. СПб., 2005.*

Таблица 3

Состав шотландской аристократии

Тайный Совет	Высшие придворные должности	Придворные должности	Высшие государственные должности (центр.ап.)	Государственные должности (местн. ап.)
Э. Брюс Д. Гамилтон К. Гамилтон Д. Гордон Д. Грехам Д. Кейт Р. Керр А. Левингстон А. Линдси Д. Линдси У. Макссуэлл Р. Семпилл Л. Стюарт Э. Стюарт Д. Форбс С. Фрейзер Ф. Хэй Д. Эбернети А. Элфистоун Д. Эрскайн	Д. Гордон Д. Грехам А. Левингстон А. Линдси Л. Стюарт Д. Эрскайн Д. Флеминг Э. Каткарт	Р. Керр А. Линдси У. Макссуэлл М. Керр	Э. Брюс Д. Гамилтон Д. Грехам Д. Кейт А. Линдси Д. Линдси У. Макссуэлл Р. Семпилл Л. Стюарт Э. Стюарт Ф. Хэй А. Элфистоун Д. Эрскайн Д. Кеннеди Д. Синклер Ф. Стюарт (1593)	Д. Гамилтон Д. Гордон Д. Кейт Д. Линдси У. Макссуэлл Л. Стюарт Э. Стюарт Д. Эрскайн У. Дуглас (М.) У. Дуглас (Э.)

Лодовик Стюарт, герцог Леннокс образуют самую устойчивую в функциональном отношении общность: совпадение наблюдалось не только на протяжении достаточно длительного периода, но и неоднократно обновлялось за счет новых должностей и тем самым усиливалось.

Следующая группа титулованных особ (Э. Брюс, Д. Грехам, Д. Кейт, Д. Линдси и У. Макссуэлл), занимая должности в центральном управлении, входила в состав Тайного совета, но при этом сроки исполняемых должностей не совпадали по времени с членством в совете.

С одной стороны, Д. Флеминг и Э. Каткарт, Д. Кеннеди, Д. Синклер и Ф. Стюарт (вплоть до обвинения в государственной измене), – с другой, будучи высокопоставленными придворными и государственными сановниками, так и не удостоились назначения в качестве тайных советников. Наконец, У. Дуглас (Энгас) и У. Дуглас (Мортон), а также

М. Керр, исполняя должности в локальной и придворной администрации, очевидно, в той же степени были лишены возможности войти или стать членом ближайшего королевского окружения. Любопытен также факт, что Клод Гамилтон, лорд Пайсли, Джон Форбс, лорд Форбс, Саймон Фрейзер, лорд Ловат и Джон Эбернети, лорд Салтаун – члены Тайного совета вплоть до конца рассматриваемого периода – так и не получили назначений на какие-либо государственные посты.

* * *

Все три порядка после восшествия Якова VI (I) на английский трон влились в состав раннестюартовской титулованной знати и во многом определили ее первоначальную конфигурацию. При этом после неудавшейся попытки провести в английском парламенте первоначальный вариант Унии планы Якова уравновесить статус титулованных англичан и шотландцев отошли на второй план. Очевидной становится концентрация усилий монархии на изменениях в составе английского порядка. Шотландия постепенно превращается в периферию британской государственности, а статус шотландской титулованной знати чем-то уравнивается с ирландской.

Акцент на структурных изменениях в составе английской титулованной знати в 1603–1628/29 гг. был, таким образом, определен особенностями внутривполитического развития композитарной монархии начала XVII в. Форсируя темпы династического строительства, корона путем креаций, продвижений, кооптаций/натурализаций, а также акселераций старых достоинств добилась весьма значительных результатов. На момент первой сессии III парламента Стюартов численный состав династических креатур уже превышал достюартовскую знать, правда, всего на одного человека. К январю 1622 г. прежнее равновесие между знатью династии и додинастическими креатурами окончательно исчезает. Создается предпосылка типичного для последующих парламентам Стюартов преобладания династических креатур над додинастическими. В марте 1629 г. «реальные» сторонники короны более чем в шесть раз превышают численный состав ее потенциальных противников.

Динамика в составе английского порядка титулованной знати оказывает непосредственное влияние на состав раннестюартовской аристократии, окончательно разрушая поддерживавшийся Тюдорами внутригрупповой баланс между династическими и додинастическими креатурами.

За период с 1616 по 1629 гг. 52 особы в той или иной степени были причастны к различным звеньям властной вертикали раннестюартовского государства. Как и в предшествующий период, наблюдается известная флуктуация сроков, в течение которых данные особы занимали те или иные государственные посты, но постоянство их присутствия в системе властных институтов Англии различного уровня очевидно и, как представляется, свидетельствует о наличии устойчивой закономерности.

На общем фоне возрастающей численности титулодержателей (132 человека) этот показатель свидетельствует об известном сокращении потенциальных возможностей титулованной знати, открывающих доступ к публично-правовым институтам английского общества и, следовательно, указывает на рост конкуренции, очевидно, сопровождавшейся усилением напряженности и противоречий в составе раннестюартовской элиты. Если в конце тюдоровского и начале стюартовского правления соотношение аристократии и титулованной знати было близким к 50% отметке, то к исходу 1628 г. оно едва превышало 25% рубеж. При этом отмечавшийся для 1603–1615 гг. известный дисбаланс сил между представителями династических и додинастических креатур²¹, сохраняя значение решающего, усложняется из-за намечающейся тенденции к росту аналогичных диспропорций в составе знати династии, часть которой наряду с елизаветинцами вытесняется за пределы властной вертикали. Так или иначе, но в условиях надвигающегося беспарламентского правления Карла I соотношение сил внутри раннестюартовской титулованной знати оказывается не в пользу монархии.

Внутренняя структура раннестюартовской аристократии сохраняет известные очертания, отмеченные для ее яковитского аналога. Под влиянием факторов естественно-биологического порядка, а также перской стратегии первых Стюартов происходит заметное сокращение представителей елизаветинской администрации. Отмечаемая для 1603–1615 гг. цифра, определявшая численность сохранивших свои посты додинастических креатур, резко сокращается до 7 человек.

Помимо Д. Вилльерса, имевшего по тем временам исключительное влияние во всех звеньях властных структур, выделяется группа особ, сохранявших за собой, должно быть, наиболее устойчивый и деятельный вариант политического доминирования. Речь идет о том же внутригрупповом ядре, формировавшемся за счет персонажей, сочетавших членство в Тайном совете с обладанием высшими придворным и государственным постами. Если в предыдущий период такую подгруппу составляли 8 человек, то теперь их численность сокращается до 7. При

²¹ Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия... С. 191–151.

этом Э. Сомерсет (додинастическая креатура), Т. Говард и Л. Стюарт, сохранившие за собой прежний статус, соседствуют с такими «новичками», как Д. Хэй, Ф. Герберт, Э. Стюарт и Э. Сеймур (додинастическая креатура). Любопытно, но находившийся прежде в составе этой подгруппы Г. Перси (додинастическая креатура) окончательно теряет не только свою прежнюю позицию, но и становится вообще непричастным к каким-либо придворным и государственным должностям.

Отмечаются количественные изменения в составе двух следующих подгрупп, для которых характерным оставалось сочетание членства в Тайном совете и верховных должностей. Если в предшествующий период группа, объединявшая советников короля, занимавших высшие государственные должности, состояла из 9 человек, то теперь их становится 12. При этом Э. Зуч и У. Стенли (додинастические креатуры) сохраняют прежний статус, а оставшаяся часть группы полностью обновляется за счет Ф. Маннерза, Д. Карлтона, Г. Монтагю, Л. Кранфилда, Д. Лэя, Э. Конви, Р. Уэстона, Д. Сэвила и Ф. Бэкона.

Члены Совета, занимавшие высшие придворные должности, были немногочисленной группой в 1603–1615 гг. Напомню, что тогда в нее входили Ч. Говард (додинастическая креатура), Д. Кэрю и Д. Стэнхоуп. Теперь ее состав, оставаясь количественно прежним, полностью меняется за счет Р. Берти, Д. Гамилтона и Г. Рича. Численность советников, не имевших никаких должностей, похоже, несколько увеличивается. Вместо прежних трех их места занимают Ф. Гревилл-мл., Д. Стэнхоуп, Д. Кэрю, Д. Дигби и в определенной степени Р. Карр.

Группы, состоявшие из титулованных особ, занимавших высшие придворные или государственные должности, но не состоявших при этом в Совете, также образуют известную преемственность между обоими периодами. При этом среди чистых «бюрократов» Р. Рэдклифф (додинастическая креатура) и У. Комптон, а среди придворных – Р. Сидни сохраняют свой прежний статус. В остальном состав обеих подгрупп полностью меняется, сохраняя тенденцию к количественному росту. Так, четырех оставшихся «бюрократов» в составе яковитской аристократии заменяют Х. Вер, У. Крэвейн, Д. Мохэм, Б. Хикс, Э. Сесил, Т. Уэнтворт, Д. Холлиз, М. Блаунт и У. Кавендиш, а трех оставшихся за вычетом Р. Сидни придворных – Г. Уоттон, Д. Горинг, У. Филдинг и Р. Кэри. Особы, занимавшие высшие придворные и государственные должности одновременно, в рассматриваемый период в отличие от предыдущего отсутствовали.

Э. Ноэл и Г. Бриджес (додинастическая креатура) продолжают традицию, свидетельствующую об интересе титулованной знати исключительно к незначительным придворным должностям. Исчезают титуло-

ванные особы, занимавшие исключительно локальные должности, но при этом, несмотря на падение интереса к военной профессии, появляются «профессионалы» вроде Д. Полета, У. Сесила и Р. Деверо.

Структура ирландской титулованной знати также претерпевает в исследуемый период значительные изменения. Креации англичан и шотландцев, превышавшие количественно возводимых ирландцев, усиливали династический компонент в составе титулованной знати зеленого острова. Реализуя поставленные цели, Стюарты отчасти следовали начинаниям Тюдоров, но при этом, встречаясь с противодействием со стороны додинастических креатур, значительно настойчивее подавляли сопротивление крупнейших ирландских магнатов. Помимо более активных шагов по созданию знати династии, они ограничивали полномочия додинастических креатур, лишая их прежних свобод и привилегий, проводили политику инфильтрации англичан и шотландцев в состав ирландского порядка.

Англичане и шотландцы получали возможность скупать земельные участки в составе колоний-плантаций и присоединять их к своим собственным. Создававшиеся таким образом земельные комплексы служили «крепостью» для новых титулов. Ирландские достоинства, активировавшиеся после подобных земельных кумуляций, были не только важнейшим фактором укрепления политических интересов английской короны, но и средством пополнения казны.

К началу 1629 г. состав ирландской аристократии претерпевает значительные изменения, главным показателем которых становится расширение ее состава за счет креатур не только ирландского, но и английского и шотландского происхождения. Очевидно, ранние Стюарты, ориентируясь на политическую консолидацию лучшей части местного сообщества, рассчитывали облегчить его интеграцию в систему композитарной монархии, превратив администрацию Ирландии в один из составных элементов объединенного государственного механизма. Естественно, что в первой четверти XVII в. такие действия могли восприниматься как подготовительные, но вырисовывающаяся перспектива все-таки выглядела вполне ободряющей.

Начну с того, что двое из четырех стюартовских наместников, приходящихся на этот период, были ирландскими лордами, имевшими за плечами опыт «управленческой» работы²². Упомянувшийся неоднократно

²² Здесь и далее использованы сведения, почерпнутые из: *Patentee Officers in Ireland, 1173–1826, Including High Sheriffs, 1661–1684, 1761–1816* / Ed. by J. L. Hughes, Dublin, 1960; *Wood H. Castle Chamber Clerks, 1532–1672* // *Proceedings of the Royal Irish Academy Vol.10. 1914. P. 41–81.* *Ball F. The Judges in Ireland, 1221–1921. 2 Vols. Dublin, 1926.*

но Артур Чичестер, прежде чем приступить к исполнению наместнических обязанностей, весьма успешно служил королю в качестве начальника гарнизона Каррикфергуса (1.11.1603–9.05.1605). Возглавив властную вертикаль зеленого острова, он с небольшими перерывами с 1606 по 1613 г. был соисполнителем должности начальника (главного судьи в английском варианте) ирландского представительства суда по Опеке. После того как ему пришлось оставить наместнический пост, он вплоть до марта 1615 г. опять с небольшими перерывами возглавлял главное ведомство по королевской опеке, а с июля 1616 по июль 1625 г. был лордом-казначеем Ирландии.

Известно, что Яков неоднократно, но каждый раз безрезультатно, пытался посетить Ирландию. Для организации его первого (1609), так и несостоявшегося визита, на территории острова были отобраны резиденции, которые могли стать местом для пребывания монарха. Одной из таких резиденций был Калморский замок, констеблем которого был назначен Чичестер (патент датирован 24.10.1609). Среди множества других резиденций, внесенных в официальный список, фигурировали Гринкасл и Инисхоуэн, где основные службы с февраля 1611 г. были также подотчетны наместнику.

Сэр Оливер Сент-Джон, сменивший на посту наместника Чичестера, имел в своем послужном списке должность вице-президента Коннота (22.06.1604), начальника артиллерийской службы Дублинского замка (4.03.1605) и те же полномочия в суде по Опеке, что и Чичестер (патенты датированы 2.03.1606; 26.06.1610, 5.08.1613 и 3.04.1615). Любопытно, но, так же как и его предшественник, он был констеблем Килморского замка (4.09.1616), а после отставки с поста наместника, т. е. уже при Фолкленде, был назначен лордом-казначеем Ирландии (13.08.1625).

Из оставшихся титулованных ирландцев часть занимала различные позиции в провинциальных советах, организационная структура которых была упорядочена в конце XVI – начале XVII в. Как известно, ее законченный вариант представлял собой композицию из восьми должностей, включавших в себя лорда-президента, вице-президента, клерка совета, двух судей, генерального атторнея, провоста-маршала и судебного пристава.

Среди раннестюартовских номинантов выделяется группа персонажей, которые почти одновременно занимали руководящую вертикаль в совете Коннота. Ричард Бойл был его лордом-президентом (1.10.1604), Фрэнсис Аннесли – провостом-маршалом (11.11.1604) и позднее клерком того же совета (22.05.1607), Теобальд Диллон – судебным приставом (12.12.1603), а Роджер Джонс – одним из двух судей (12.09.1604). Он же, но уже в 1626 г. займет должность его вице-президента.

Не так представительно, но тем не менее показательно участие раннестюартовских креатур в администрации Манстера. Генри Пауэр возглавлял этот провинциальный совет с 1603 г., при этом Доминик Сарзфилд был его генеральным атторнеем (4.09.1600 и 30.03.1604). Лоренс Эсмонд значительно позднее (19.06.1624 и 21.05.1621) будет совмещать вместе с Донохом О'Брайеном, четвертым графом Томондом должность лорда-президента того же совета.

Значительная часть титулованной знати была вовлечена в деятельность различных судов, внедрение которых в Ирландии началось еще при Тюдорах, но достигло завершающей фазы именно при первых Стюартах. Представляя собой первоначально «филиалы» аналогичных судебных инстанций английской столицы, они превратились в начале XVII в. в самостоятельные учреждения.

Ирландская титулованная знать осваивала далеко не все ветви развивающейся судебной системы зеленого острова. В сферу ее деятельности, должно быть, не без соответствующей поддержки из Лондона попадали принципиальные с точки зрения развивавшейся судебной практики институты. Знать, очевидно, активным образом способствовала их дальнейшему развитию, «популяризуя» тем самым в своей среде связанные с их деятельностью преимущества. Судя по всему, определенное влияние на выбор сфер активности оказывала английская практика и характерная для нее система приоритетов.

Вполне очевидным в этой связи видится отмечаемый для раннестюартовских номинантов уклон в сторону судов общего права. Их значение уже достигло решающего веса в системе английского правосудия, и Ирландия, ориентируясь на своего «старшего соседа», судя по всему, должна была достичь аналогичного состояния.

Наиболее «укомплектованными» в этой связи оказались две инстанции: суд Общих тяжб и суд по Опеке. Первый почти с самого начала правления Якова I и до конца рассматриваемого периода находился под контролем раннестюартовских номинантов. Должность лорда главного судьи последовательно занимали: Доминик Сарзфилд (15.11.1604) Френсис Аннесли (3.07.1609), Доминик Сарзфилд (28.10.1610), Френсис Аннесли (01.11.1614), Ричард Уингфилд (5.06.1617), Адам Лофтус (2.05.1622), Доминик Сарзфилд (13.04.1625) и Ричард Бойл (26.10.1628).

Суд по Опеке был наиболее эффективно работающим в рассматриваемый период, поскольку в сферу его деятельности входил контроль над исполнением всех повинностей и платежей в пользу короля, организация опеки над малолетними наследниками, определенные матримониальные компетенции. Ответственность, лежавшая на этом суде и, должно быть, доходность мест в его руководящей вертикали определи-

ли форму назначений на пост главы этого ведомства как коллегиальную или комиссионную. На должности начальника суда по Опеке могли находиться 2–3 человека одновременно. Помимо упоминавшихся Чичестера и Сент-Джона эту должность делили последовательно: Томас Риджуэй (2.03.1606, 10.04.1609, 26.06.1610, 5.08.1613 и 3.04.1615), Джеймс Гамилтон (5.08.1613, 3.04.1615), Ричард Бойл (3.04.1615), Оливер Ламберт (3.04.1615), Френсис Онгиер (26.6.1610, 5.8.1613, 3.04.1615, 20.07.1616, 5.02.1617, 23.09.1617, 8.01.1619 и 4.05.1619), Ричард Уингфилд (4.03.1613, 2.05.1622), Френсис Аннесли (8.01.1619, 4.05.1619) и Доминик Сарзфилд (5.02.1616, 23.09.1617, 8.01.1619 и 4.05.1619).

Суд Королевской скамьи заседал под председательством того же Сарзфилда в период с 11.02.1607 по 12.07.1609 и затем с 13.06.1615 по 08.7.1619. При этом Томас Роупер был вторым судьей в период с 10.01.1607 по 10.03.1619. Канцлерский и Маршалльский суды некоторое время (12.12.1603 и 15.09.1607) находились под управлением Адама Лофтуса. Любопытно, что суд Замковой палаты, ведавший бунтовщиками, внимания наших персонажей не привлекал.

Должность лорда-канцлера Ирландии попадает в ведение титулованной знати только в 1618 г., когда на этот пост был назначен Адам Лофтус, патент которого возобновлялся затем дважды (13.05.1619 и 11.04.1625 соответственно).

Известно, что обязанности государственного секретаря Ирландии, упраздненные Елизаветой в 1566 г., были восстановлены Стюартами. До этого всем официальным делопроизводством руководил главный государственный секретарь, имевший в своем распоряжении штат клерков. Появление должности государственного секретаря совпало с назначением сэра Генри Холкрофта главным государственным секретарем при ведомстве Оливера Сент-Джона (30.08.1616). Тогда же на восстановленную должность был утвержден Френсис Аннесли (8.09.1616), которого в 1618 г. сменил Дадли Нортон, занимавший этот пост вплоть до конца 1634 г.

Стремление уподобить ирландскую систему делопроизводства английской привело к тому, что Стюарты попытались упорядочить практику использования государственных печатей. Большая королевская печать (точнее, копия английской) очень редко и эпизодично использовалась в Ирландии и, должно быть, поэтому она долгое время находилась в ведении наместников, которые, как правило, не желая возлагать на себя ответственность за особо важные решения, предпочитали отправлять или лично отвозили бумаги в Лондон. Достаточно сложно установить, когда в Ирландии восстанавливается должность лорда-хранителя Большой печати: в литературе называются различные даты – 1623 и

1625 гг.²³ Так или иначе, неоднократно упоминавшийся Адам Лофтус по меньшей мере дважды получает ее в свое ведение: 30.05.1627 и 26.05.1638.

В отличие от Большой вторая по значимости Малая государственная печать использовалась в Ирландии регулярно. Оставаясь весьма продолжительное время в ведении главного государственного секретаря, она не требовала учреждения должности хранителя. В начале XVII века в официальных документах появляются регулярные указания на должность, именуемую как «*custos sigilli*», очевидно, соответствующую английскому варианту лорда-хранителя Малой печати. Приступивший к работе главного государственного секретаря Генри Пирс (3.02.1605 – 10.02.1616), должно быть, еще хранил Малую печать, поскольку в некоторых документах его по-прежнему именуют «*s. s.*» наряду с привычным «*p. s.*» (*principal secretary*), что означает «хранитель печати», но с весны 1618 г. его приемник Генри Холкрофт, видимо, теряет эти полномочия. В качестве хранителя фигурируют Френсис Онгиер (10.04.1619), а затем Генри Докра (30.05.1627).

Следует добавить, что практически все из упоминавшихся особ делили полномочия в «центральных» ведомствах зеленого острова с обязанностями в различных по характеру локальных структурах власти. При этом ни один из раннестюартовских номинантов не был назначен на должность шерифов или высоких шерифов графств – постов, деятельности которых Стюарты придавали особое значение в первой половине XVII в.²⁴

Изменения в составе шотландской титулованной знати в 1603–1628/29 гг. демонстрируют те же принципы предпочтения, которые удалось выявить при анализе английского и ирландского материалов. Но при этом ситуация, сложившаяся в начале XVII в., осложнялась отъездом короля в английскую столицу. Сторонники Якова в Эдинбурге нуждались в более существенной поддержке. В отличие от первых шагов, предпринятых Яковом VI по расширению состава шотландского пэрства в конце XVI в., в которых просматривалось явное предпочтение по конфессиональному признаку (все они без исключения были протестантами), последующие креации и продвижения были неоднородны в конфессиональном отношении. Стюарты по-прежнему выдвигали лэрдов, но основными критериями, которыми они руководствовались, была

²³ *Lennon C. The Lords of Dublin in the Age of Reformation. Dublin, 1989. P. 93, 95.*

²⁴ Об этом более подробно: *Fletcher A. Reform in the Provinces. New Haven, 1988.*

лояльность и «деловые» качества кандидатов. Яков I по-прежнему благоволил к своим теперь уже бывшим придворным, по тем или иным причинам оставшимся в Шотландии, лидерам локальных сообществ, коммендаторам, сторонникам Марии Шотландской или их потомкам (так называемым «марианцам»), но в меньшей степени – родственникам.

Структура раннестюартовских преобразований шотландской титулованной знати повторяла контуры аналогичных действий короны в отношении английского пэрства. Преобладали креации, инициировавшие новые титулы, причем по преимуществу баронские. Продвижения осуществлялись как в отношении представителей родовитых кланов и семейств, так и в отношении тех, кто обрел первые титулы в годы правления Якова в качестве короля Шотландии. Так или иначе, наблюдаемые за 1603–1628/29 гг. изменения в составе шотландской титулованной знати свидетельствуют о наличии определенной стратегии у первых Стюартов, предпочитавших не только выдвигать лэрдов, но и продвигать их к получению новых титулов и достоинств. Наряду с доминировавшей политикой, увязывавшей креацию и продвижение в единый мотивированный интересами короны процесс, в рассматриваемый период имели место также акции, укрепляющие основные титулы равнозначными достоинствами. Традиционная знать, лишь только изредка попадая в поле зрения Стюартов, оставалась в этом отношении в меньшинстве.

Очевидно, процессы, инициированные перемещением части титулованных шотландцев в Лондон, способствовали формированию весьма ограниченной по своему составу подгруппы, которая, несмотря на свое отсутствие в Эдинбурге, продолжала играть заметную роль в политической жизни Шотландии. Речь идет в первую очередь о Лодовике и Эсме Стюартах, натурализованных, как известно, в качестве английских пэров, но сохранивших при этом свои исконные титулы. Кузены короля пользовались не только правом на членство в Тайном совете Шотландии, но и занимали ряд ведущих государственных постов.

Известно, что переезд королевского двора в Лондон повлиял на количественный состав аналогичных институтов шотландской столицы, сократив придворный штат до минимальных размеров. На плечи Лодовика и Эсме Стюартов были возложены обязанности по сохранению готовности эдинбургского хаузхолда на случай экстренного приезда короля. Герцог Леннокс сохранял за собой пост придворного чемберлена вплоть до своей смерти. Эсме Стюарт, выполнявший до этого момента функции вице-чемберлена, вступил в эту должность на непродолжительное время, завещав ее после своей смерти преемнику герцогского титула. Напомню, что чемберленский пост сохранялся за этим

кланом вплоть до 12.12.1672, после чего корона предпочла его упразднить.

К кузенам короля примыкают еще несколько титулованных особ, также «на расстоянии» руководивших своими шотландскими ведомствами. Томас Эрскайн, граф Келли – капитан королевских гвардейцев, отвечавший за личную охрану короля, сохранял те же полномочия и для всех шотландских резиденций. Сюда же следует отнести Джеймса Хэя, графа Карлайла и не менее известного маркиза Гамилтона, на плечах которых лежали заботы по руководству Малым королевским гардеробом²⁵ и граф-маршальские (церемониймейстерские) обязанности соответственно. Очевидно, сюда же следует причислить и Роберта Кара, графа Сомерсета, который в 1613–1616 гг. возглавлял Казначейство. Каждый из них сохранял формальное членство в Тайном совете Шотландии, но практически никогда не присутствовал на его заседаниях. Голоса «английских» шотландцев по доверенности получали лояльные члены совета²⁶.

Джордж Юм, граф Данбар был среди яковитских ставленников пограничной фигурой; его позиция соотносима как с теми шотландцами, которые перекочевали в Лондон и составили компактную группу королевских советников, так и с теми, кто предпочел Эдинбург английской столице. Вплоть до своей смерти (20.01.1611) он оставался одним из самых влиятельных шотландских чиновников, занимая с 1601 по 1611 гг. сразу же две ведущие позиции в Казначействе.

В собственном смысле шотландская аристократия 1603–1628 гг., властные полномочия которой не выходили за пределы исторически известной территории, представляла собой группу, уступавшую количественно своей предшественнице. Александер Сетон, граф Данфермлин²⁷ и Джордж Хэй, сначала барон Хэй из Кинфаунза, а затем граф Кинноул (25.03.1633) – канцлеры Шотландии в 1604–1622 и 1622–1634 гг. соответственно; Джон Эрскайн, граф Мар – казначей (1616–1630); Дэвид Мюррей, виконт Стормонт – контролер-инспектор (1599–1608); Джеймс Элфистоун, лорд Балмерино²⁸ и Томас Гамилтон, граф Бакклеух²⁹ – секретари по делам Шотландии в 1598–1612 и 1612–1626 гг. со-

²⁵ Теперь шотландская ветвь Большого королевского гардероба.

²⁶ Brown K. *Courtiers and Cavaliers ...* P. 180–193.

²⁷ Александер Сетон с 1593 по 1605 г. был лордом-президентом Сессионного суда.

²⁸ Джеймс Элфистоун с 1605 по 1609 г. был лордом президентом Сессионного суда.

ответственно, судя по всему, составляли наиболее влиятельную часть титулованных шотландцев, авторитет которых не ограничивался членством в составе Тайного совета. К ним примыкала группа титулованных особ, деятельность которых была сосредоточена на этом основном судебном-административном совете Шотландии.

Среди них выделяется подгруппа бывших лэрдов, включавшая в себя Александера Линдси, лорда Спайни (ум. 1607), Марка Керра, графа Лотиана (ум. 1609), Эдварда Брюса, лорда Кинлоса (ум. 1611), Уолтера Скотта, лорда Скотта из Бакклеуха (ум. 1611), Джеймса Гамилтона, лорда Пайсли (ум. 1617), добившихся членства в Тайном совете начиная с лета 1603 г. и сохранявших свои позиции вплоть до своей смерти. Патрик Лайон, граф Кингхорн (ум. 1615) был единственным наряду с ними потомком традиционной знати, продвинутым к новому титулу в самом начале правления Якова I Стюарта.

Уолтер Стюарт, лорд Блантир (ум. 1617), Майкл Бэлфур, лорд Бэлфур (ум. 1621), Джон Рамзи, виконт Хаддингтон (ум. 1626), Джон Мейтленд, граф Лодердейл, Роберт Керр, граф Роксбург (ум. 1650), связанные в той или иной степени с лэрдством, также входили в состав Совета, но их деятельность достаточно часто и надолго прерывалась многочисленными европейскими турами. Только Джон Мюррей, граф Эннандейл (ум. 1640) сохранял членство в совете на протяжении 1615–1630 гг.

Джордж Синклер, граф Кейтнесс (ум. 1643) лишь эпизодически (1611–1613, 1615, 1622–1623, 1625, 1628) использовал право на членство в совете. Уильям Грехам, граф Ментейт (ум. 1661) вошел в состав совета в 1627 г., а уже в конце рассматриваемого периода стал его лордом-президентом (1628–1633, 1639–1661). Только Уильям Дуглас, граф Энгас (ум. 1611) сохранял членство в совете вплоть до своей смерти.

Знать династии, таким образом, не только доминировала во властных структурах Шотландии в рамках рассматриваемого периода, но и составляла абсолютное большинство. За исключением Патрика Лайона, графа Кингхорна речь, очевидно, должна идти исключительно о представителях лэрдства.

²⁹ Томас Гамилтон с 1609 по 1626 г. был лордом-президентом Сессионного суда.

А. Ю. Прокопьев

ДИНАСТИИ И ДВОРЯНСТВО В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ГЕРМАНИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭЛИТ

Давно уже XVII в. считается «золотым веком» дворянства Империи, веком торжества сословной элиты, сумевшей преодолеть тяжелейшие кризисы Реформации и Тридцатилетней войны, вернуть утраченные в век бюргерской экспансии общественные позиции. Давно уже стараниями историков-ревизионистов имперскую знать раннего Нового времени привыкли видеть бесспорным общественным лидером. В ее прочных позициях усматривают особенность немецкого пути в европейской истории, своего рода здоровый консерватизм, позволивший сохранить имперские структуры до наполеоновских войн и наложить глубокую печать на последующее развитие немецкого общества¹.

Несомненно, многое зависело от организации власти, от институтов, способов и форм интеграции в структуры отдельных территорий, от позиционирования высших эшелонов, наконец, от расклада сил между короной и территориальными лидерами. Справедливо то внимание, которое уделяется власти, ее социальному содержанию и правовой оболочке. Но можно поставить вопрос и иначе: насколько выраженными были параллели между княжеской элитой и низшим дворянством в процессе долгой истории. В какой мере можно говорить о типологическом родстве правящего княжеского Дома и сообщества его ленников, имея в виду общность духовной культуры, мировоззрения и общественного быта? В какой мере устойчивость сословной верхушки определялась социокультурным единством отдельных групп? Можно ли говорить об идентичности элит, подразумевая многоплановое родство различных уровней иерархии?

¹ Укажем на главные работы последних десятилетий: *Press V.* 1) *Adel im Reich um 1600. Zur Einführung // Beispiele und Methodenfragen zur Geschichte der frühen Neuzeit* / Hrsg. von H. Lutz, G. Klingenstein. Wien, 1981. S. 15–47 2) *Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715*. München, 1991 3) *Soziale Folgen des Dreissigjährigen Krieges // Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze* / Hrsg. von J. Kunisch. Berlin, 1998. S. 622–655; *Endres R.* 1) *Die deutschen Führungsschichten um 1600 // Hofmann H.H., Franz G. Deutsche Führungsschichten in der Neuzeit. Eine Zwischenbilanz*. Boppard am Rhein, 1980. S. 79–109. 2) *Adel in der frühen Neuzeit*. München, 1993 (здесь же обзор литературы).

В так называемой политической сфере династия и дворянство выступали частями единой имперской системы. Именно «политическая жизнь» элиты подверглась всесторонним изысканиям «ревизионистов»². Но до сих пор в стороне аспект параллелей, синхронного развития. Были ли расхождения и насколько они определяли будущее? Поразительно, но здесь приходится сталкиваться с вопиющими пустотами. Например, первый опыт описания социальной модели династии состоялся лишь десять лет назад под пером Вольфганга Вебера³. При том, казалось бы, написано все о роли и отдельных домов, и отдельных лидеров в драматичных потрясениях раннего нового времени.

Знакомый нам саксонский материал дает весьма богатую пищу для размышлений над проблемой. Исходной точкой мы бы все же выставили критерий давности лет, или иначе давнего свойства саксонских Веттинов и их дворянства. Давно уже в ходу у историков выражение «долговременная структура» или «фактор длительного времени». Применимо к курфюршеской семье и дворянству майссенской марки термин оправдан вдвойне. Немногие имперские дома могли похвастаться столь долгой историей и столь глубокими корнями, связанными с определенным регионом. С XI в. Веттины обладатели маркграфских регалий, с XV в. они становятся курфюрстами Империи. Смуты позднего Средневековья, особенно острые в начале XIV в., не смогли оторвать этот род от насиженных земель⁴.

Вопрос династической гегемонии не стоял и в век Реформации: перемена владельцев курфюршеской шапки в 1547 г. и возвышение млад-

² Подробней см.: Прокопьев А. Ю. Открытие социального? Княжеская элита конфессиональной эпохи в современной немецкой историографии // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 6. СПб., 2006. С. 250–270.

³ Weber W. E. J. Dynastiesicherung und Staatsbildung. Die Entfaltung des frühmodernen Fürstenstaates // Der Fürst. Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 91–136.

⁴ Из общих работ по истории Веттинов и Саксонии в Средние века отметим: Groß R. Geschichte Sachsens. Leipzig, 2001; Blaschke K. 1) Gesellschaft und Persönlichkeit in der Geschichte des Hauses Wettin // Gesellschaftsgeschichte. Festschrift für Karl Bosl zum 80. Geburtstag. Bd. 2. München, 1988. S. 415–440; 2) Geschichte Sachsens im Mittelalter. Berlin, 1990 3) Der Fürstenzug zu Dresden. Denkmal und Geschichte des Hauses Wettin. Leipzig, Jena, Berlin, 1991. Специально по вопросам формирования дворянской клиентелы на службе у Веттинов: Helbig H. 1) Der wettinische Ständestaat. Köln, Wien, 1955 2) Der Adel in Kursachsen // Deutscher Adel 1555–1740 /Hrsg. von H. Rössler. Darmstadt, 1965. S. 216–258.

шей альбертинской ветви ничего не меняли в лидерстве Веттинов в среднем течении Эльбы. Земли исторической Майссенской Марки с городами Дрезден, Майссен, Торгау и Виттенберг, бассейн Пляйссы с Лейпцигом, наконец, владения в Тюрингии, сосредоточенные вокруг Веймара, Йены, Кобурга, формировали старые, столетиями насиженные гнезда. Признак сращивания династии и территории бесспорен. И его очень хорошо воспринимали придворные историографы. Нет Веттинов без Саксонии и немыслима Саксония без Веттинов – такова направляющая мысль во множестве генеалогических трактатов, писавшихся в канун и в век Реформации. Вильгельм Липперт уже описал уникальный рукописный экземпляр «Родословной» саксонских князей, разысканный им в Королевской библиотеке ещё в начале минувшего века. Гравированный ряд портретов открывался совершенно мифическими персонажами дохристианской, языческой истории, от которых выводилось племя Видукинда Великого, властителей Саксонии⁵. Но настоящим «преобразователем» выступал придворный историограф курфюрста Фридриха Мудрого Георг Спалатин. В его генеалогических экскурсах потомки Видукинда выступали непосредственными предками будущих маркграфов Майссенских и позже – курфюрстов Саксонии. Две Саксонии – одна большая, историческая, позже названная Нижней, и другая, никогда изначально Саксонией не бывшая, включенная в границы немецкого королевства лишь в правление Оттона Великого и его наследников – срастались в историческом сознании в единое целое. И более того, именно тогда с позднего Средневековья под Саксонией все чаще стали понимать именно земли по берегам средней Эльбы, а не вокруг далекого Гамбурга. Спалатин прекрасно ощущал дух времени и преемство в династических притязаниях своих патронов. Он довел до логичной точки старую концепцию генеалогического мифа. Но он лишь отражал общий настрой. Его же главный преемник в вопросах династической истории, знаменитый Георг Агрикола, напишет в годы религиозных смут короткий трактат о происхождении «Саксонского Дома», под которым, вполне понятно, подразумевался Дом Веттинов⁶. Версия Спалати-

⁵ *Lippert W.* Das «sächsische Stammbuch», eine Sammlung sächsischer Fürstenbildnisse // *Neues Archiv für sächsische Geschichte und Alterthumskunde* (далее: NASGA). Bd.12, 1891. S. 64–85.

⁶ Подробней см.: *Прокопьев А. Ю.* Волшебное древо: князь в историко-генеалогической традиции Веттинов конфессиональной эпохи (середина XVI – середина XVII в.) // *Историческая мысль в Византии и на средневековом западе. Межвузовский сборник научных трудов* / Под ред. И. В. Кривушина. Ивано-ново, 1998. С. 160–180.

на найдет в нем законченное воплощение. Примерно схожие размышления вокруг древности рода и исторических прав на фамильные аллоды мы встречаем в придворных кругах баварских и пфальцских Виттельсбахов, австрийских Габсбургов – всех тех династов, которые формировали узкий круг «своих людей» на вершине имперской пирамиды.

Противоположный полюс – мир ленников курфюрстов Саксонии. Подстать династии он складывался столетиями в землях Майссенской Марки, во владениях местных епископов, на чешско-франконском пограничье. Давность связей и «свойство» имперской княжеской семьи и их подданных становились важнейшей основой компромисса и доверия в двусторонних отношениях. Крупные коллизии, как, например, «война братьев» в середине XV в., были вызваны внутрдинастическими, региональными распрями, отражали конфликт между отдельными ветвями Дома, но не выступали формой противостояния династии и местного дворянства. Быть может, Веттины являли образец самого умеренного пути. В землях, где к власти приходили новые династии, как, например, Гогенцоллерны в Бранденбурге или ещё раньше Габсбурги в Австрии, частыми становились конфликты, подчас ожесточенное противостояние местных дворянских семейств новоявленным лидерам. Требовалось время и усилия, дабы новые сюзерены создали себе репутацию «своих» в глазах собственных ленников. Восприятие дворянством правящей семьи частью привычного мира было важнейшим средством легитимации имперских княжеских Домов. Для Веттинов проблемы подобного рода были уже разрешены в позднее Средневековье.

Разумеется, Реформация стала серьезным испытанием на прочность. Переход в лоно евангелического вероисповедания сперва эрнестинской ветви, а затем и Альбертинов в лице Генриха Благочестивого (1539–1541) ещё не означал автоматическую рецепцию лютеранства местной знатью. Но примечательно и другое: симпатии по адресу нового вероучения вспыхнули в рядах провинциального дворянства примерно в те же годы, когда проповедь Лютера и его сторонников была услышана при курфюршеском дворе⁷. Здесь возникает прекрасный повод говорить о конфессионализации как о мощном потоке, относительно равномерно проникавшем во все поры сословного общества. Курфюрст Фридрих Мудрый сошел в могилу вероятно ещё сыном Старой Церкви,

⁷ *Junghans H.* Die Ausbreitung der Reformation von 1517 bis 1539 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Im Auftrag der Arbeitsgemeinschaft für Sächsische Kirchengeschichte anlässlich ihres 125-jährigen Bestehens / Hrsg. von H. Junghans. Leipzig, 2005. S. 61–67; *Wartenberg G.* Die Ausbreitung der sächsischen Landeskirche von 1539 bis 1539 // Ibid. S. 69–77.

но уже в последние годы жизни его племянник Иоганн становится пламенным защитником Евангелия, а с ним – и многочисленные рыцарские семьи наследственных земель. Конфессионализация не стала разрушителем веками слагавшихся связей. Конечно, княжеская власть могла прибегать к открытым репрессиям. Герцог Георг Бородатый попытается очистить страну от сторонников «мартинианской» ереси даже и в дворянской среде. Но результаты были ничтожны. Георг, очевидно, хотел во чтобы то ни стало закрепить наследство за католическим преемником в обход законных прав его младшего брата Генриха, давно уже исповедовавшего лютеранство, и даже готовил завещание на этот счет, но сословия тотчас же после кончины его в 1539 г. аннулировали высочайшую волю. Престол перешел к Генриху, открывшему двери Реформации в альбертинских владениях⁸. Евангелическое в массе дворянство осталось верным евангелическому же наследнику своей династии. Схожую картину мы наблюдаем в той же Баварии: укрепление католицизма здесь почти с равными колебаниями следовало и на уровне династии, и на уровне дворянства. Вертикаль «династия – придворная и провинциальная знать» не была поколеблена пусть слабым, но все же ощутимым протестантским влиянием в середине века. Нажим Альбрехта V на сравнительно небольшую группу склонявшихся к протестантизму семейств не вызвал острых потрясений и был поддержан подавляющим большинством чинов. Репрессии против графов Ортенбург в 1564 г. не разорвали узы лояльности сословий⁹.

⁸ Борьба герцога Георга с Реформацией, отношения с сословиями и проблема завещания отображены в целом ряде работ: *Welck H. Frhrr von. Herzog Georg von Bärtige, Herzog von Sachsen. Braunschweig, 1900; Ludolphy I. Der Kampf Herzogs Georg von Sachsen gegen der Einführung der Reformation // Das Hochstift Meissen. Aufsätze zur sächsischen Kirchengeschichte / Hrsg. von F. Lau. Berlin, 1971. S.171 сл.; Junghans H. Die Ausbreitung der Reformation... S. 67. Прокопьев А. Ю. Конфессия и политика в ранней Реформации: Фридрих Мудрый и Георг Бородатый // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 1996. С. 74–89.*

⁹ *Roepke C.-J. Die evangelische Bewegung in Bayern im 16. Jahrhundert // Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I. Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573–1651 / Hrsg. Von H. Glaser. München, Zürich, 1980. S. 105–110; Kraus A. Geschichte Bayerns. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1988. S. 216–219; Ziegeler W. Bayern // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Bd. 1. Munster, 1989. S. 62–65. На ландтагах, последовавших после репрессий против графов Ортенбург и участников т. н. «дворянского заговора» в 1566 г. в Мюнхене и в 1572 г. в Ландсгуте, сословия согласились на все финансовые обяза-*

Стремительный поток религиозных нововведений помогал созидать сословные сообщества в пределах исторических территорий, порождал иллюзию религиозного единства в лоне одной и истинной Церкви. Но тем самым возникала и ясно видимая связь по признаку религиозной идентификации между династией и дворянством. Как никогда столетие раскола обостряло чувство конфессиональной идентичности. Для альбертинской Саксонии процесс воцерковления дворянства и династии следовал без серьезных сбоев вплоть до конца столетия, образуя все время восходящую линию. Лишь только в годы короткого правления Христиана I (1586–1591) наблюдался своеобразный поворот навстречу кальвинизму¹⁰. Но именно этот эпизод лишней раз подтверждал незыблемость уже сложившейся лютеранской модели. Прокальвинистские мероприятия курфюршеской администрации встретили дружный отпор сословной элиты, и вслед за кончиной самого курфюрста в сентябре 1591 г. последовала стремительная реставрация лютеранской ортодоксии при самой активной поддержке ведущих дворянских семейств и вдовы покойного Софии Бранденбургской. Укрепление лютеранства осуществлялось стараниями и духовных наставников, и регента герцога веймарского Фридриха Вильгельма, и подавляющего большинства горожан и селян Саксонии. Казнь несчастного канцлера Крелля на Еврейском подворье Дрездена в 1601 г., человека, ставшего личным врагом вдовы и заложником всех издержек религиозной политики покойного патрона, кровавыми брызгами отметила единство сословной элиты и династии в религиозном вопросе¹¹. Религиозная идентичность курфюршеского Дома и местного дворянства не вызывала сомнения. Характерны обвинения, предъявленные сословиями Креллю: канцлер-де совращал по-

тельства перед престолом, ничего не требуя взамен в области религиозных свобод. В этом смысле баварский пример может рассматриваться образцовым с точки зрения последовательного укрепления княжеской власти на почве единства с местной элитой.

¹⁰ *Klein Th.* Der Kampf um die «zweite Reformation» in Kursachsen, 1586–1591. Graz; Köln, 1962; *Hoyer S.* Staat und Stände unter Christian I // Sachsen und die Wettiner. Chancen und Realitäten. Internationale wissenschaftliche Konferenz, Dresden 27.–29.6. 1989 / Hrsg. von R. Gross. Dresden, 1990. S. 14–21; *Blaschke K.* Religion und Politik in Kursachsen 1586–1591 // Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland – Das Problem der «Zweiten Reformation» / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, 1986. S. 79–97; *Koch E.* 1) Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. S. 207–210 2) Das konfessionelle Zeitalter – Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig, 2000. S. 269–271.

¹¹ *Koch E.* Ausbau, Gefährdung und Festigung... S. 210–211.

койного курфюрста, склонял его чистую душу к богомерзким деяниям, желая сгубить защитника св. Евангелия ядом кальвинизма¹². Сословные чины не желали даже и думать о кальвинистских симпатиях самого Христиана.

Стерильно чистое евангелическое самосознание, лютеранская этика в своих законченных чертах характеризовали поведенческую модель всех последующих поколений курфюрстов Саксонии вплоть до конверсии 1697 г. Но отточенные формы сложились именно на рубеже столетий. Потому мы полагаем и регентство Фридриха Вильгельма Веймарского (1591–1601) и короткое правление Христиана II (1601–1611) принципиально важными для объяснения феномена устойчивости той модели организации власти, которая сложилась в век Реформации.

Посмотрим на историческое самосознание Веттинов этого периода. В историко-генеалогической фабуле происходят любопытные сдвиги. В прошлое уходит античная, греко-тройская геноцентрика. Придворные историографы усиленно ищут предков курфюрстов уже не среди ахейцев и героев Гомера. Ими становятся германские вожди, саксы, напрямую восходившие к библейским патриархам. Подчеркивался даже дохристианский период, но на родной саксонской почве. Настоящий прорыв художественного преломления династических идей наступает в эпоху Христиана I и его наследников. Тогда завершилось строительство нового комплекса зданий, примыкавшего к дрезденской резиденции. В длинной галерее, связывавшей княжеские конюшни с замком, курфюрст повелел разместить портреты, написанные Генрихом Гедингом, представлявшие всех его предков в полный рост, – от древних языческих времен и до его отца курфюрста Августа. Полвека спустя сын Христиана Иоганн Георг повелел сделать миниатюры с указанных портретов. Перед нами пробегает вереница символов власти: вверху изображены наследственные гербы, в центре и ниже – сами портреты, а внизу – фрагменты саксонского ландшафта, то города, удостоившиеся привилегий, то горнорудные прииски, то профили главных резиденций. Вновь, пусть и в распыленном виде, но все тот же акцентированный сгусток территориальной и династической легитимации¹³.

¹² *Richard A. K.* Der kurfürstlich sächsische Kantzler Dr. Nicolaus Krell. Ein Beitrag zur sächsischen Geschichte des 16. Jahrhunderts. Bd.1 Dresden, 1859. S. 97.

¹³ *Münzberg E.* Repräsentationsräume und Sammlungstypologien. Die kurfürstlichen Gemächer im Stallbau // Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof / Hrsg. von B.Marx. München, Berlin, 2005. S. 133–134; *Marx H.* Bildnisse der Wettiner // Der silberne Boden. Kunst und Bergbau in Sachsen / Hrsg. von M. Bachmann, H. Marx, E. Wachtler. Leipzig, 1990. S. 69–82

Позже, уже в правление его сына, появляется один из уникальнейших памятников генеалогического самосознания: живописная доска, датированная после 1611 г., изображающая генеалогию Саксонского Дома. В центре на фоне равнинного пейзажа вздымается вверх мощное родовое древо. Под сенью его слева изображен со своей дружиной легендарный прародитель Веттинов «король» саксов Арсарик, якобы живший «в 80 г. до рождества Христова», справа – сцена крещения знаменитого Видукин-да Великого: император Карл становится восприемником от купели от-важного сакса и дарует тому герцогские регалии. А вверху буйной ли-ствицей громоздятся портреты усопших и ныне здравствовавших властителей Марки и курфюршества Саксонии – от мифического Виду-кин-да II, сына первого герцога Саксонии, и до Иоганна Георга I. Здесь словно спрессованы две идеи – мысль непосредственного преемства от достохвальных, ещё полулегендарных и даже дохристианских времен, преемство в восходящей вертикали поколений, и извечные права на зем-ли, на родовые аллоды и лены, завоеванные и заслуженные трудами и кровью означенных поколений. Вертикаль поколений скрещивается с горизонталью владений, «родной Саксонией». Один и тот же пейзаж и за спиной Видукин-да, и его потомков тысячу лет спустя¹⁴.

Пожалуй, при Иоганне Георге I наблюдается зрелый художествен-ный триумф давно привычных идей. В добавление к миниатюрным спис-кам с полотен Гединга появляется восхитительная роспись парадного помещения дрезденского замка, т. н. «зала риз». Вдоль стен – панорамы городов подвластных земель с геральдической символикой, вверху под потолком – гербы саксонского дворянства, а между окнами - фигуры античных воинов¹⁵.

Лютеранско-национальный фактор явственно теснит старую сред-невековую традицию и все сильнее привязывает Веттинов к старому саксонскому племени и к самой Саксонии.

Тексты вторили художественной версии. Мы уже упоминали книгу Агриколы. Она была переведена на латынь и позже вплетена в известное сочинение местного историка Георга Фабриция, изложившего первым среди ученых мужей дрезденского двора общую историю «Происхож-

¹⁴ *Marx H.* «Der Christliche Stamm Sachsens» Kunst und Geschichte in Bildnissen der Wettiner // Sachsen und die Wettiner... S. 50. Прекрасная репро-дукция содержится в уже цитированном издании: *Der silberne Boden...* S. 78–79.

¹⁵ *Oelsner N.* Der Riesensaal // Das Dresdner Schloss. Monument sächsischer Geschichte und Kultur. Dresden, 1989. S. 62–65; *Syndram D.* Das Schloß zu Dresden. Von der Residenz zum Museum. München, Berlin, 2001. S. 38–39.

дения саксонского племени». Книга в конце XVI в. выдержала несколько изданий и, подобно полотнам Гединга, подтверждала права Веттинов на Саксонию. Одновременно и чуть позже появятся сочинения пастора Лаврентия Фауста и Иоганна Агриколы, излагавшие в прозе и в рифме родословицу предков Веттинов с гравированными портретами. Своеобразным итогом публицистического взрыва становится, впрочем, сочинение Петра Альбина 1601 г., проникнутое триумфальными мотивами и собиравшее воедино всех мифических и исторических предков Веттинов¹⁶.

Разумеется, мы не оспариваем общую тенденцию роста генеалогических спекуляций, заметных повсюду при европейских дворах позднего Средневековья. И в самой Саксонии интерес был засвидетельствован в книге и в гравюре. Упомянутое описание Вольдемара Липперта 1902 г. подтверждает тенденцию. Но мы хотели бы отметить тесную связь историко-генеалогического жанра с духовными изломами времени. Конфессионализация во многом подхлестнула интерес к собственному прошлому, причем под углом зрения религиозного позиционирования династии. Провиденциалистский и, видимо, апокалипсический настрой второй половины реформационного века были причастны к историко-генеалогическому творчеству.

Мир благородных ленников не был освещен столь впечатляющим множеством публицистических трактатов. К тому же нетитулованная знать давно уже привыкла указывать на турнирную книгу короля Генриха Птицелова, в которой якобы обретались имена первых саксонских рыцарских родов. Сам угол зрения не противоречил лютеранской версии с её национальной почвенностью. Первые же объемистые сочинения появляются на исходе XVI в., одновременно с княжескими родословицами. Как и генеалогии Веттинов они излагают, так сказать, законченную историю местного дворянства. В 1594 г. пастор Цириак Шпангенберг публикует свое «Дворянское зеркало», первый том которого посвящен регионам и сообщает нам «исторические» версии истоков. Шпангенберг, несомненно, ещё нежится в лучах гуманистической традиции, он использует античных авторов и блистает – при случае – соответствующей эрудицией. И все же направленность мысли выдает библицизм, положенный в основу «исторических» версий. Автор ещё вспоминает троянских героев и малоазийские просторы, в которых будто бы начиналась история саксонского племени и дворянства. Но они

¹⁶ Подробней обзор генеалогической традиции см.: *Прокопьев А. Ю.* Волшебное древо: князь в историко-генеалогической традиции Веттинов конфессиональной эпохи С. 160–180.

преподана лишь одной из версий. Другой выступают исторические скифы и саки, иранские и тюркские племена, участвовавшие в миграциях первого тысячелетия, идут ссылки на древних авторов. Но в конце – обретение родины, родство с ашкеназовым племенем германцев. Германский тон властно подавляет античные мотивы. Причем, как и в прошлом династии, здесь не ощущается различия самих Саксоний – Верхней и Нижней. Шпангенберг молчит о «завоевании» Поэльбья. Для него и его дворянских родов Саксония – лишь то, что связана с Веттинами¹⁷.

В 1607 г. в Лейпциге выходит объемистый труд Лаврентия Пеккенштайна. Озаглавлен он «саксонским театром», но говорится в нем лишь о владетельных землях Веттинов. Впрочем, помимо жесткой территориальной идентификации мы впервые встречаем литературный опыт описания отдельных дворянских родов, своего рода дворянскую энциклопедию, обнимающую всю вторую половину сочинения. Нас интересует не сам выбор – автор пользовался присланными ему материалами и был ограничен в своих замыслах, хотя в основу и положен правильный административно-окружной принцип: описание идет по округами. Любопытна генеалогическая фабула отдельных семейств. Лишь для узкой группы тюрингских и фогтландских аллодистов Пеккенштайн указывает античные корни. Выделяется роковой рубеж: разгром Рима вандалами 455 г., якобы изгнавший из стен Вечного города предков господ Ройсс, графов Барби, Гляйхенов и Шварцбургов. Скитаясь в заальпийских землях, все они, в конце концов, осели в Саксонии причем, именно в Верхней. Зато для Мансфельдов сделано вопиющее исключение: предки графов – и здесь автор, видимо, повторяет, семейную традицию самих Мансфельдов, выводились непосредственно от Туискона, сына Ашкеназа! Для всех остальных представителей – лидеров нетитулованной знати строго очерчена сугубо немецкая, саксонская картина первоистоков – при всей «научообразной» спорности корней. Опять же нас не интересует научная лаборатория господина Пеккенштайна. Для нас он – непосредственный продукт династической пропаганды. Показательна фабула истоков у лидеров дворянского собрания – четырех столпов – Шляйницей, Пфлугов, Шенбергов и Бюнау. Среди «четырех» лишь у одной семьи Бюнау Пеккенштайн находит негерманские, итало-римские истоки: первые Бюнау якобы вели свое происхождение от князей Региомонтана, но прибыли в Германию уже после времен Карла Великого¹⁸. Для Пфлугов также фиксируется основательная древность и го-

¹⁷ *Spangenberg C.* Adels-Spiegel. T. I–II. Schmalkalden, 1591–1594 (экземпляр Библиотеки Российской академии наук, далее: БРАН).

¹⁸ *Peccenstein L.* Theatrum Saxonicum. Leipzig, 1609 (экземпляр БРАН) S. 49.

ворится о Богемии как об их прародине. Для остальных двух немецко-саксонское прошлое не вызывает сомнения¹⁹.

Ещё заметнее саксонский крен в фабулах менее именитых: Пеккенштайн очерчивает более или менее четко столетия их появления в Саксонии – время Штауфенов и XIV в. Причем титулованные рыцари Карловиц и семейство Энде обретают предков в турнирной книге Генриха Птицелова. Несколько позже, но вновь в Саксонии выступали наследные маршалы Лезер, Вольфрамсдорфы и Вольфферсдоры²⁰. Несомненно, мы видим авторское желание сделать эти роды «своими» для Веттинов. Но вопрос даже не в территориальном единстве: очевидны служебные истоки. Местные роды заявляют о себе только на службе у Веттинов, в столетия складывания территориального могущества ведущей династии. Миф турнирной книги короля Генриха старательно воспроизводится под пером Пеккенштайна. Нет доказательства более надежного, чем видеть основателя Саксонской династии, короля Генриха «видукиндова рода», стало быть, предком курфюрстов и соответственно «прародителем» саксонского дворянства. Фабула исхода, оседлость в регионе и служба династии образуют главные составляющие знатности.

Мы не знаем подобного рода литературных опытов до Реформации, как и не можем отрицать молчание на большом отрезке XVII в. Лишь в конце его появится краткая энциклопедия Генриха Кнаута и ещё позже – размышления собственно одного из отпрысков ведущего семейства Шенбергов о саксонском нобилитете²¹. Но вспышка интереса на рубеже веков впечатляет. И вновь в отблеске религиозных мотивов мы наблюдаем параллели между правящим Домом и его подданными.

Пожалуй, еще более показательными мы бы выставили перемены в биографических разделах надгробных проповедей. Известно возникновение самой биографической части во второй половине XVI в.²² Но вплоть до начала следующего столетия мы почти не встречаем мало-мальски развернутых экскурсов в область генеалогии усопших. Религиозная дидактика оставляла очень мало места светско-сословной легитимации. Проповеди глав надворного духовенства и консистории

¹⁹ Ibid. S. 54, 59 .

²⁰ Ibid. S. 102–104, 108, 176.

²¹ *Knauth H. Missniae illustrandae prodromus. Leipzig, 1692* (экземпляр БРАН).

²² Общий обзор развития надгробных проповедей как литературного жанра см.: *Lenz R. De mortuis nil nisi bene? Leichenpredigten als multidisziplinäre Quelle unter besonderer Berücksichtigung der historischen Familienforschung, der Bildungsgeschichte und der Literaturgeschichte. Sigmaringen, 1990. S. 53.*

Поликарпа Лейзера, Мартина Мира, читанные на гробах первых придворных, исполненные скорби и невеселых предчувствий, кажется, вообще бежали от изысков родовитости. Поминались, и то накоротке, родители покойных, и пара общих слов, скорее из приличия, даровалась достойным истокам самого рода. Зато ощутимы сдвиги последующих десятилетий. Биографические очерки расширяются не только показом портрета и описанием изломов тяжкого пути, но и все более торжественной генеалогической преамбулой. Речь уже не идет о кратком поминовении родительской четы: перед нами медленно, но верно разворачивается великое древо славной фамилии. Упоминание четырех колен по отцовской и материнской линии становится обычным для середины XVII в. На примере саксонских Таубе, подвизавшихся на придворных должностях в начале века, мы видим показательный рост генеалогических ступеней. Если в биографии камер-юнкера Людвига (1624) названы лишь имена родителей, то в 1636 г. в проповеди на смерть сына обер-кэммерера Генриха фон Таубе читаем о его предках в четырех коленах. Столько же указано в 1646 г. в биографии второго сына его Каспара Генриха. Зато собственная биография Генриха содержала имена пяти предков с обеих сторон! В 1647 г. пастор Кениг сообщал о пяти коленах по линии отца и шести – матери усопшего Иоганна Дитриха фон Таубе, сына первого гофмаршала из этого рода. Но особенно торопились заявить о своих предках знатные саксонки: в биографических очерках у них – настоящий скачок – вплоть до восьмого колена! К главным текстам следует добавить многочисленные эпиграммы, «сонеты» и реплики поэтического характера, приплетенные к траурным проповедям, но подчас с особой силой выпячивавшие именитость усопших. Так, например, на смерть одного из Шляйницей в 1658 г. явился «сонет» с изображением настоящего родословного древа из 17 лепестков роз – геральдического символа – с пояснительными виршами вокруг. Они символизировали каталог добродетелей всех предшествующих поколений²³.

В 1657 г. сословия с небывалой торжественностью проводили в последний путь Иоганна Георга I. Великолепное описание похорон вкупе с циклом надгробных проповедей впервые содержали портрет, подробное изображение погребальной процессии и описание гроба в одном

²³ *Schattkowsky M.* «...und wollte ich mit ihnen in frieden und ruhe leben». Hintergründe zum Herrschaftsverständnis adliger Rittergutsbesitzer in Kursachsen um 1600 // *Konflikt und Kontrolle in Gutsherrschaftsgesellschaften. Über Resistenz- und Herrschaftsverhalten in ländlichen Sozialgebilden der Frühen Neuzeit* /Hrsg. von J. Peters. Göttingen, 1995. S. 375.

переплете²⁴. Семь лет спустя двор прощался с бароном Иоганном Георгом фон Рехенбергом, обергофмаршалом курфюрста: та же структура funerальных текстов и тот же цикл изображений²⁵. Позже мы встречаем и другие «подражания» династическим funerалиям, например, на смерть бывшего гофмаршала Генриха фон Таубе или Кристиана Эрнста фон Канне²⁶. Несомненно регламентированные, прошедшие надежную редакцию курфюршеской канцелярии, становившиеся частью традиции, они и формами и структурой выдавали близость престола и элиты.

Линия художественного воплощения кажется скорее пунктирной в начале века Реформации. Но со всей очевидностью она обретает ясность на стыке веков и позже – в глубинах XVII в. Мода на фамильные портретные галереи обозначилась не ранее начала XVI столетия, хотя и можно спорить об источниках влияния: мы бы не стали небрежно отмахиваться в сторону Италии и средиземноморского юга. Были, несомненно, и собственные корни. Но вопрос в динамике: с середины века явно растет число фамильных портретов, все отчетливее манера завешивать ими стены над парадной лестницей или т. н. «рыцарские залы», в архитектурных узлах резиденций. Подобного рода галереи встречаются у состоятельных дворян. Мы знаем, что по распоряжению Рудольфа фон Бюнау в Тетшене в первой половине XVI в. стены большого зала были расписаны настоящей генеалогической лентой: фигуры 23 предков и современников создавали иллюзию единства клана. Спустя столет в 1658 г. в описи имущества другой родовой цитадели Бюнау, замке Веезенштайн, мы встречаем множество портретов родственников, изображенных «в половину или в полный рост», развешенных в личных апартаментах и в парадных помещениях, и даже живописное изображение всей «родословной Бюнау»²⁷. Подобные же собрания увековеченных на

²⁴ (*Gleichmann M.*) Gründliche Beschreibung derer weiland Durchleuchtigsten, Hochgebornen Fürsten und Herrn Herrn Johann Georgen dem Ersten, Hertzogen zu Sachsen... Leichbegengnüß. Dresden, 1657 (экземпляр БРАН).

²⁵ (*Gleichmann M.*) Kurtze Beschreibung der Hochansehnlichen Leich-Prozession... Johann Georgens von Rechenberg. Dresden, 1664 (экземпляр БРАН).

²⁶ Речь идет о надгробных проповедях и приплетенных к ним многочисленных траурных посвящений как своеобразных уменьшенных аналогов на погребении князей: *Schneider D.* Helleuchtete Spiegel († Heinrich von Taube). Dresden, 1666 (экземпляр Саксонской Земской Библиотеки, Sächsische Landesbibliothek Dresden, далее: SLB); *Geier M.* Himmlische Zusammenkunft († Christian Ernst, Freyherr von Kanne). Dresden, 1677 (экземпляр БРАН).

²⁷ *Dietrich A., Finger B., Henning L.* Adel ohne Grenzen. Die Herren von Büнау in Sachsen und Böhmen / Hrsg. von Schloss Weesenstein. Döbel, 2006. S. 40–50.

холсте или во фреске родственников встречались в резиденциях и Шенбергов, и Пфлугов, и Шляйницей.

Под стать живописной версии складывалась и монументальная, в виде геральдических эмблем, все навязчивее возвещавших о владельцах со стен и порталов. Так, мы встречаем вереницу наследственных гербов в перестроенном в 1575 г. портале замка Веезенштайн. Новый владелец распорядился в центре над воротами поместить дедовский герб Рудольфа фон Бюнау и его супруги из рода Штаршеделей. Сбоку отцовский, Генриха и его жены Маргарет фон Мильтиц. И наконец, в сводах красовался герб самого наследника Рудольфа и супруги его Христины фон Шляйниц²⁸. Преемственность поколений и прав на Веезенштайн, запечатленная в камне, словно перекликалась с генеалогической лентой в Тетшене, воскрешавшей лики предков.

Наконец, воистину семейно-родовым торжеством начинают дышать фамильные надгробия и склепы. Если Веттины в 1595 г. в основных чертах закончили возведение собственной усыпальнице во Фрайберге с ясно очерченной, почти геометрически выверенной композиций надгробий – от Морица Стратотерпца, через Августа I к его сыну, а позже – и внукам, то спустя всего несколько лет в 1602 г. собственно в Дрездене откроется храм Св. Софии, быстро ставший мавзолеем придворной знати. Под сводами некогда францисканской обители отныне обретали последний приют останки первых придворных чинов попеременно с княжескими родственниками курфюрстов. Сколь сознательно вдова курфюрста Христиана I, хлопотавшая о храме, торопилась воздвигнуть аналог фамильной капеллы для знати? Изначально предполагалась передача храма городской общине по причине нехватки кладбищенских площадей. Но, судя по всему, София и наследник престола желали получить его в свою собственность, причем строго для поминальных нужд, без повседневного богослужения – что-то вроде собственной усыпальницы при замке²⁹. В свою очередь списки упокоившихся под вновь восстановленными сводами убеждают в решительном преобладании знатного элемента³⁰. Если речь и не шла о прямом подражании, то, во всяком случае, об осознанном желании иметь усыпальницу для самых заслуженных дворян. Мы сомневаемся, конечно, в нарочитых параллелях

²⁸ Ibid. S. 34.

²⁹ *Bruck R.* Die Sophienkirche in Dresden, ihre Geschichte und ihre Kunstschatze. Dresden, 1912. S. 14 сл.

³⁰ См.: *Oettrich G.* Richtiges Verzeichniß derer Verstorbenen nebst ihren Monumenten und Epitaphien welche bey hießiger Kirchen zu St. Sophien ihre ruhe gefunden. Dresden, 1709.

лях со Фрайбергом, возможно, имевшихся в уме Софии и Христиана II, но сама модель явно напрашивается на типологическую схожесть: не сыскать в Саксонии с тех времен ни одного другого примера столь возвышенно-подчеркнутой мемории группе первых придворных дворян.

Но впечатляет не только «синхронность» Фрайберга и Софийского храма. Бросается в глаза резко обозначившаяся в первой половине XVII в. генеалогическая легитимация, отраженная в самих надгробиях. Надгробные плиты стремительно заполнялись целыми обрамлениями из гербовников предков в нескольких коленах, словно на свой лад повторяя версию поминальных текстов. Надгробие гофмаршала Остерхаузена (1627) несло четыре герба. Столь же скромной выглядела генеалогия на плите полковника Евстахия фон Лёзера, отпрыска знаменитой семьи, умершего в 1634 г. Генеалогический орнамент Агнесс фон Швальбах, дочери гессенца и генерала саксонской службы, скончавшейся двумя годами раньше, отмечен был пятью гербами. Но с 1643 г. появляются надгробия, воистину загроможденные геральдическими знаками. Фольрад фон Ватцдорф смотрел на живых из окружения десяти гербовых щитов. Столько же красовалось на плите Рудольфа фон Бюнау³¹.

В поместных церквах мы наблюдаем, пожалуй, более зримую преэминентность. В Пилльнице, родовом гнезде фон Лосс, на ранних надгробиях конца XVI в. гербов не так и много. Первый хозяин Пилльница из рода Лос – Кристоф – покоился в скромном обрамлении четырех гербовых знаков. Но дочь его Урсула, почившая в 1632 г., удостоилась пышного обрамления из 12 гербов. Другая представительница той же семьи – Марта – погребена была в 1645 г., и на плите значилось уже 16 геральдических щитов!³²

Ещё раз подчеркнем: мы не хотим приписывать рождение тенденции только XVI в. Но она без всякого сомнения обрела мощь, складываясь в параллель династических притязаний самих Веттинов.

Этапы жизненного пути, начинаемые с социализации, в силу обилия источников, особенно по правящей семье, когда мы можем едва ли не по дням восстановить юность и воспитания детей Христиана I, позволяют выявить весьма характерные черты в повседневной истории

³¹ Beschreibende Darstellung der älteren Bau-und Kunstdenkmäler des Königreichs Sachsen / Bearb. von R. Steche und C. Gurlitt, Heft 21. S. 108–112.

³² Ibid., 26. S. 159–166.

династии и знати³³. Интеллектуальный профиль в резиденции формировался и отражался, хотя, безусловно, не полностью, библиотеками. До нас дошли описи библиотек наставников юных принцев, их отца – причем с учетом перемен, уже исследованных Т. Клейном³⁴, и жен Иоганна Георга I.

Впечатляет обилие религиозной дидактики, причем стерильно чистой в своей лютеранской ипостаси. Нет и в помине кальвинистских и тем более «папистских» вкраплений, что опять - таки понятно после чисток 1574 г., и особенно после грандиозных антикальвинистских мероприятий 90-х гг. Легко отметить и невеликий языковой выбор: в библиотеке магистра Райнхарда, воспитывавшего детей покойного Христиана, нет ни одной книги, помимо латино- и немецкоязычных. И нет бинарных словарей, кроме классических. Зато в структуре можно заметить, правда, не слишком обильное, но заметное ядро династической историографии, сложенной из надгробных проповедей на ближайших и дальних родственников (например, бранденбургских властителей, родни по матери), родословиц, приправленных пространными авторскими текстами. Встречаются книги саксонских историографов той поры, как, например, Фабриция и Альбина³⁵. Наконец, надо полагать, экземпляры династических трактатов в обязательном порядке поступали в книгохранилище, особенно с посвящениями семье и юным наследникам. Попадалась, конечно, и «классика» эпохи – труды по космографии и географии, атласы, например Ортелия и Меркатора, античные авторитеты, пригодные, впрочем, именно для школьной подготовки, как, например, Теренций или Ливий. Но мы, как бы ни хотелось вслед за восторженными почитателями новых направлений литературной жизни тех времен, никак не можем выделить «интернациональную» широту, если хотите, необычность библиотек для эпохи. Здесь, скорее всего, стандарт, с жестко определенными (прежде всего в религиозном аспек-

³³ Подробней о воспитании и образовании в семье дрезденских курфюрстов см.: *Reimann E.* Prinzenerziehung in Sachsen am Ausgange des 16. und im Anfange des 17. Jahrhunderts. Dresden, 1904; *Richter J.* Das Erziehungswesen am Hofe der Wettiner albertinischer (Haupt-) Linie. Berlin, 1913; *Прокопьев А. Ю.* Детская комната – основа государства? // *Albo dies notanda lapillo.* Коллеги и ученики – Г. Е. Лебедевой / Под ред. В. А. Якубского. СПб., 2005. С. 239–263.

³⁴ *Klein T.* Der Kampf um die «zweite Reformation»... S. 150–155.

³⁵ Описание библиотеки магистра Райнхардта, воспитывавшего детей курфюрста Христиана I: Дрезденский государственный архив – Hauptstaatsarchiv Dresden (далее – HSTAD). Loc. 8017 / 14 Schrifften belangende des gewesenen Praeceptoris M. Elias Reinhardts unziemliche Reden auch scharffe Disciplin gegen die junge Herrschafft und sein darauf erfolgte Abschaffung Anno 1596. Bl. 98–123.

те) колебаниями. Усваивая, например, собрание того же Райнхарда, ученики – гипотетично, конечно, – насыщались привычным духовным мировоззрением, аурой «позднего гуманизма» – термином весьма туманным, под которым лично мы понимаем, пожалуй, что увлеченность литературой на классических языках, и не более. Кругозор книжной культуры повторял династическую линию в литературных и изобразительных сферах, иными словами, содержал заметный «саксонский» акцент – наследники, конечно же, лучше знали историю собственных Домов и своих родственников, нежели детали европейского прошлого. А в пределах этой истории лучше знакомились с религиозным подвигом предшественников, родных и близких в смысле верности Евангелию и учению великого доктора Лютера³⁶.

Нам трудно судить о множестве библиотек поместного и придворного дворянства: описи редки и до сих пор плохо изучены. Попадают каталоги библиотек поместных пастырей, что, разумеется, не одно и то же, хотя мы бы не стали сбрасывать со счетов тесное общение и, возможно, книжный обмен между теми, кому принадлежало церковный патронат, и наставниками в евангельском слове. Богословие и религиозная дидактика все же, как представляется, выступали главными приоритетами. В 1671 г. шел процесс о разделе имущества между Иоганном Георгом фон Лютцельбургом, его мачехой и сестрой в поместье Чеквиц. В описи имущества книги упоминаются лишь два раза: брат получал «конволют» проповедей, оцененный в 5 талеров, сестра – 14 надгробных проповедей, видимо, также в одном переплете³⁷.

³⁶ Здесь нет места подробно осветить процесс формирования собственно княжеской библиотеки: он достоин отдельного исследования. Жесткая богословская узость собрания времен Августа I в определенной мере преодолевалась пополнениями времен Христиана I и его детей. Известный путешественник Филипп Хайнхофер в 1629 г. оставил краткое описание курфюршеского книжного собрания как рубрикованного по отдельным направлениям: с его слов, там были иноязычные книги, включая Коран, литовско- и русскоязычные тексты. Все это, несомненно, говорило о систематизации и расширении собрания. Но не было ли здесь прежде всего моды на книжное собирательство, пока ещё расходившейся с прикладной функцией книги: она покупалась, но не для чтения, а для престижа? Приведенные наблюдения скорее подтверждают актуальность этого вопроса. Краткий обзор истории формирования курфюршеской библиотеки см.: *Tiller E. Räume, Raumordnungen und Repräsentation: Dresden und sein Kunstkammer als Exempel frühneuzeitlicher Fürstensammlungen (1560–1630) // Kunst und Repräsentation ... S. 45–46.*

³⁷ HSTAD. Lehnhof Dresden. Zschekwitz. Confirmationen et Casualia № 5. Vol. I 1569–1726.

Рядом с духовной назидательностью соседствовала треба жизни – увлеченность разного рода пособиями по медицине. По смерти генерал-фельдцейгмейстера курфюршеских войск Швальбаха в 1639 г. вдова и дети делили, вероятно, одну из самых крупных частных библиотек, состоявшую в том числе из «описаний различных городов, крепостей и прочих мест», – покойный и по долгу службы и по увлечениям занимался артиллерийским и инженерным делом. Но из нее вдова оставляла себе «несколько духовных книг», дочь же получала 4 «духовные книги» и 10 книг по врачеванию³⁸. Не знаем, можно ли полагать критерием отсутствия книги во время путешествий или в служебных разъездах, но местное дворянство едва ли обременяло ими дорожные сундуки. Когда в 1632 г. в Праге почил главком саксонских войск в Богемии граф Зольмс, в реестре его походного имущества значилось лишь два молитвенника³⁹.

Разумеется, собрания в резиденции не могли равняться с крохами книжной мудрости в поместьях. Но предпочтение соответствовало общему настрою. Мы, например, подробно информированы о чтении супруги Иоганна Георга Магдалены Сибиллы: её личное собрание почти целиком состояло из религиозной литературы и трактатов по врачеванию за малым исключением в виде античных классиков и историко-географических сочинений⁴⁰. То же относилось к свекрови: мать Иоганна Георга любила коротать время за чтением медицинских справочников, часто граничивших с оккультной сферой, и экзегезы в переложении многочисленных представителей ортодоксии, что вполне отражало глубоко задушевный религиозный настрой, вероятно, самой пламенной последовательницы евангелической конфессии в истории Дома Веттинов.

Знаем мы и о практическом применении оккультно-медицинских познаний. Перед нами уникальный пример своеобразного единства методов и интересов вдовствующей курфюрстины и её подданных: в 1598 г., когда в Берлине слег отец Софии, старый курфюрст Иоганн Георг, дочь без колебаний ищет советов старой приятельницы Барбары фон Шенберг, представительницы знатнейшей дворянской семьи, хозяйки поместья Пуршенштайна. Та отсылает в Дрезден некий чудодейственный камень, исцеляющий болезни сердца с подробными разъяснениями.

³⁸ Ibid. Genealogica Schwalbach. Bl. 62.

³⁹ Ibid. Loc. 9243. Vol.1. Schreiben und Berichte aus Bohmen von Herrn Grafen Solms, Obristen Hoffkirchen, Obresten Schwalbach, Obristen Taube und anderen Befehlshabern Anno 1632. Bl. 118.

⁴⁰ Müller K. A. Johann Georg der Erste, seine Familie und sein Hof. Dresden, 1838. S. 52–53.

София, полагаясь на силу камня и компетенцию дворянки, немедленно переправляет его с нарочным в Берлин⁴¹.

Разумеется, собрания правителей пополнялись новинками разных жанров, однако, следует задаться вопросом о грани между модой и повседневым чтением. Собирать книги, несомненно, было модным, особенно в век Реформации, регулярные поступления следовали с Лейпцигских и Франкфуртских ярмарок, но что читалось и, тем более, подробно изучалось из приобретенного, особенно, если иметь в виду дарственную форму поступления немалого числа книг? Во всяком случае, у нас нет решительных доказательств многочасовых бдений над новинками взрослых Веттинов. То же, что читалось в учебных комнатах, вопрос, прекрасно изученный, не пересекало пределы принятого религиозно-сословного стандарта. Не вдаваясь в пространные рассуждения, отметим бесспорный признак внимательного чтения: наличие маргиналий на полях, между строк, в конце или в начале книги. Библиотека Российской академии наук в Петербурге содержит изрядное число книг «саксонского происхождения», издававшихся в Дрездене, Лейпциге, Виттенберге во второй половине XVI в. и первой половине следующего столетия и, судя по экслибрисам и фамильной геральдике, принадлежавших поместному дворянству. В общей массе книги с пометами, записями и рукописными казуалиями принадлежат духовно-дидактическому и историко-генеалогическому жанру: издания Библии, надгробные проповеди, описание истории Дома Веттинов. В то же время они почти не попадают в ученых латиноязычных трактатах, сочинениях античных классиков, в трудах по географии и даже в больших исторических хрониках. Разумеется, наличие маргиналий может выступать лишь одним из признаков серьезного чтения, но все же он выглядит весьма показательным.

Так же как и Веттины, поместное дворянство было во второй половине XVI в. ощущало определенную изоляцию от южных католических регионов. Саксонские искусствоведы в последние годы настойчиво проводят мысль о растущей интеграции Дрездена в мир искусств и высокой моды католической Италии второй половины XVI в.⁴² Контакты, и

⁴¹ Aberglauben der Kurfürstin Sophia, der Wittwe Christians I // Archiv für sächsische Geschichte. Bd. 4. Dresden, 1866. S. 333.

⁴² Marx B. 1) Künstermigration und Kulturkonsum. Die Florientiner Kulturpolitik im 16. Jahrhundert und die formierung Dresdens als Elbflorenz // Deutschland und Italien in ihrer wechselseitigen Beziehungen während der Renaissance /Hrsg. von B. Guthmüller. Wiesbaden, 2000. S. 211–297; 2) Kunst und Repräsentation an den kursächsischen Höfen //Kunst und Repräsentation... S. 9– 39.

весьма динамичные, с той же Флоренцией приносили свои плоды, обогащавшие Кунсткамеру дрезденской резиденции. Но все же следует различать отдельные сферы. Например, путешествия на католический юг и за пределы Империи, и тем более с чисто образовательным уклоном, не прослеживаются у Веттинов на исходе века. Последний вояж на Апеннины в 1548–1549 гг. совершил новоиспеченный курфюрст Мориц, основатель альбертинской курфюршеской ветви. Протестантский государь явился в католических землях скорее в антураже своего имперского статуса, присматриваясь в незнакомому духовному и культурному пейзажу. Следствием стало появление в Дрездене первых итальянских мастеров (братья Тола) и относительно насыщенные дипломатические контакты с Медичи, пользуясь которыми в Дрездене позже осели творческие знаменитости, такие как инженер граф Рохус фон Линар и скульптор Джованни Мария Носсени⁴³. Мы не спорим: элементы итальянского Ренессанса (или позднего Ренессанса) потихоньку впитывались придворной культурой лютеранской резиденции, но жестко подавлялись конфессиональной оболочкой. К самой Италии относились с любопытством, но и со страхом одновременно, как к рассаднику в конечном счете антихристового соблазна. Потому о регулярных, чисто образовательных турах не могло идти и речи, важнее было подтвердить сословный статус – завязать дружеские, равноправные связи с местной элитой и научиться противостоять соблазнам католицизма. Преследуя именно эти задачи, в 1601 г. младший брат курфюрста Христиана II Иоганн Георг отважился заглянуть в прибежище Католической церкви – в его туре, обремененным всевозможными приключениями, судя по дошедшим описаниям, страх перемешался с любопытством, а конкретные прикладные знания составляли ничтожную долю в полученном религиозно-жизненном опыте⁴⁴.

Следующее поколение – дети Иоганна Георга – прикоснется к зарубежному миру в лице лишь младших отпрысков герцогов Христиана и Морица, и побывают они отнюдь не в Италии, а только в Нидерландах, хотя, видимо, планировался последующий визит во Францию⁴⁵. В сущности лишь первый король Польши из Дома Веттинов купно с братом совершит первый большой тур по Италии, дабы быть ослепленным венецианским карнавалом, как раз накануне обращения в католицизм.

⁴³ *Tiller E. Räume, Raumordnungen und Repräsentation... S. 42–43.*

⁴⁴ Подробней см.: *Прокопьев А. Ю. «Mobiliore, nobiliore!»: путешествие в конфессиональную эпоху // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 4. СПб., 2003. С. 60–82.*

Показательно различие даже с ближайшими родственниками, Эрнестинами из Тюрингии – и опекун будущего курфюрста Иоганна Георга Фридрих Вильгельм Веймарский, и его племянники успеют побывать и в Италии, и во Франции и в Нидерландах.

Но столь же редкими были заграничные туры дворян, тем более с образовательными целями. Из 6 гофмаршалов, возглавлявших придворные штаты в первой половине XVII в., в Италии побывал лишь один Кристоф фон Лосс в 1594 г., очевидно, в завершение своей образовательной стези⁴⁶. Среди директоров Тайного совета за тот же период мы достоверно знаем об итальянском туре лишь одного – Каспара фон Шенберга⁴⁷. Среди собственно членов Тайного совета за 1637 г. (Генрих фон Фризен, Абрахам фон Зеботтендорф, Габриэль Тунтцель, Иоганн Георг Опель) не было ни одного, побывавшего в Италии, хотя тот же Опель и путешествовал в молодые годы по Голландии, Англии, Франции и Швейцарии. Единственным, знакомым с католическим югом, оказался лишь Фридрих фон Меч, назначенный тайным советником в 1638 г.: мы знаем о его итальянском путешествии в 1607 г.⁴⁸

Из трех канцлеров курфюрста Иоганна Георга I (Пелльниц, Люттихау, Фризен) лишь Бернгард фон Пелльниц в годы молодости посетил католические страны. Юного саксонского герцога, отправлявшегося в 1601 г. в Италию, сопровождал Георг фон Ниссмиц, имевший опыт подобного тура в молодые годы, но само путешествие, как и число дворян, видевших прибежище антихристового гнезда, выступало уникальным явлением⁴⁹.

Ещё меньше надежд встретить путешественников по югу среди провинциальных управленцев. Отток за рубеж чаще всего следовал в форме военной службы, впрочем, преимущественно в рядах единоверцев. Представители кланов Бербисдорфов, Гюнтероде и Шенбергов были

⁴⁵ Там же. С. 74

⁴⁶ См. биографию в надгробной проповеди: *Strauch Aeg.* Christliche Leichpredigt († Christoph von Loss). Dresden, 1620 (экземпляр БРАН).

⁴⁷ *Noë von Noënnegg M.* Christliche Leichpredigt († Caspar von Schonberg). Dresden, 1629 (экземпляр Российской Национальной Библиотеки).

⁴⁸ Биографические справки на членов Тайного совета содержатся в публикации Ю. Опеля: *Eine politische Denkschrift des kurfürstlich sächsischen Geheimen Rathes Abraham von Sebottendorf für Johann Georg I. vom Jahre 1639 / Bearb. von J. O. Oppel // NASGA, 8, 1887. S. 177–242.*

⁴⁹ Бернгард фон Пелльниц и Ниссмиц вместе путешествовали по Италии в 1594–1595 гг. См. биографию Ниссмица в его надгробной проповеди: *Dauderstadt S.* Geistliche Abmessung des menschlichen Lebens († Georg von Nißnitz) (Экземпляр SLB).

неоднократными участниками французских религиозных смут и войн в Нидерландах. На чужбине строилась их военная карьера. Но образовательный кругозор подавляющего большинства складывался и питался научным миром родного саксонского ареала. Потолок желаемого – столичные университеты Лейпцига и Виттенберга, за его пределами в лучшем случае – Альтдорф. Туда, в главную кузницу лютеранских кадров центральной Германии, сумел пристроить своего единственного сына гофмаршал Дитрих фон Таубе, сын же его двоюродного брата Генриха воспитывался в Лейпциге и в Виттенберге, и отец сумел устроить ему приличный заграничный тур, но все же это исключение из правил, подкрепленное высочайшими ходатайствами и звонкой наличностью⁵⁰. Война, конечно же, не содействовала тяге к интеллектуальному росту, и кроме военных карьер, мы не видим с 1620-х и по середину столетия любознательных питомцев с саксонскими фамилиями в стенах зарубежных «альма матер».

Посмертные биографии с нескрываемым удивлением в подробностях сообщают о многолетних приключениях будущего президента тайного надворного совета Каспара фон Шенберга, несколько лет скитавшегося по средиземноморским странам, отмечают туры по католическим землям у будущего курфюршеского чиновника Георга фон Ниссмица и тех немногих, кто отважился из любопытства заглянуть во владения антихристовой церкви. Мир далекий, католический виделся полным всевозможных соблазнов, способных сгубить непорочные души ещё неопытных защитников чистой евангелической веры, и на него смотрели все ещё исподлобья, с тревогой, опасаясь удара в спину, злодейских замыслов. Потому, если и отправлялись на иноверческую чужбину, то скорее ввиду сословных ориентиров, с желанием приобрести «добрую аффекцию», как о том говорилось в описании путешествия Иоганна Эрнста Веймарского в 1614 г., или же из стремления прочнее закалить собственную веру созерцанием антихристовых гнезд, как мечтала в 1601 г. вдовствующая курфюрстина София, отправляя в далекую Италию, в самый Рим собственного сына, и который, судя по рассказу о путешествии, оказался достоин столь больших ожиданий⁵¹.

⁵⁰ См. биографические данные в текстах надгробных проповедей: *Scharff Chr. Lamentationes davidicae* († Caspar Heinrich von Taube). Dresden, 1646 (экземпляр HSTAD. Genealogica. Taube); *König G. Sermon bei der hochansehnlichste sehr kläglichen und Hertzbetrübten Leich-Begängnuss* († Johann Dietrich von Taube). Altdorff, 1647 (экземпляр SLB).

⁵¹ Прокопьев А. Ю. «Mobiliore, nobiliore!» С. 66–67, 74.

Детские комнаты наследников престола наполнялись педагогами-уроженцами наследственных земель или же выходцами из владений ближайших родственников Эрнестинов или Гогенцоллернов. Здесь были свои саксонцы, силезцы, подданные Бранденбурга с родственными связями в курфюршеских землях. Среди наставников двух старших братьев Христиана и Иоганна Георга не было ни одного залетного издалека, пусть даже из лютеранских владений. Любопытно, с каким трепетом и тщанием сословия и регент хлопотали над составлением новых «институций» для наследников и поиском педагогов, причем в привычном саксонском кругу. В 1596 г. комиссия сословий, собравшаяся в Торгау, с облегчением констатировал, что саксонская земля, слава Богу, ещё не обеднела сведущими мужами, коих можно определить к подрастающим наследникам. Но он же соответствовал привычным интеллектуальным канонам местной элиты – свой, «домашний», герметичный от иноверческих влияний с безусловным религиозным акцентом, намного глубокий, но схожий во всех основных элементах. Важно и другое: постоянное желание сословий держать при особе принцев лучших выучеников из дворянства. Требования подобного рода неоднократно озвучивались в период регентства 1591–1601 гг.⁵²

Поражает своеобразный «центризм» дрезденского придворного общества в кругу северонемецких династий. Он скорее принимал и обтачивал то, что можно было бы назвать цементом протестантского общества, выступал кузницей социокультурных кадров для родственников-династов и не разменивался на периферии: обилие династических браков альбертинских Веттинов, связавших Дрезден с Данией, Померанией, Голштинией, Гессеном и Вюртембергом, не содействовало массовой миграции дворянских родов с целью обустройства на чужбине. Здесь, пожалуй, мы можем констатировать очень характерную для Саксонии самодостаточность дворянской элиты. Она вполне уверенно чувствовала себя в наследственных поместьях, удовлетворялась контролем над провинциальными структурами управления и не искала счастья на стороне. Кроме участия отпрысков семейств Шенбергов, Бербисдорфов, Гюнтероде во второй половине XVI в. в религиозных смутах за рубежом (Франция, Нидерланды), мы не фиксируем тенденцию «ухода» по служебной или материальной надобности в рядах, по крайней мере, титулованного рыцарства и семейств т. н. «золотого квадрата» (Шенберги, Пфлуги, Шляйницы, Бюнау). Разумеется, династические браки «выпроваживали» из Саксонии вместе с кортежем невесты её придворные штаты, но в их числе мы не видим известных фамилий. Дрезденский

⁵² Прокопьев Ф. Ю. Детская комната... С. 250, 256.

двор, как пространство семейного, «отеческого единения» курфюрста и его подданных выступал, безусловно, более авторитетной и, видимо, более надежной пристанью: расходы на содержание штатов со времен кончины курфюрста Августа I (1586), как показывает недавнее исследование Уве Ширмера, лишь круто шли вверх⁵³. Обретаться под крылом государя-отца в родной Саксонии и тем более в числе придворных считалось более надежным, нежели поиск сомнительного счастья на чужбине. Уверенность князей – патриархов, курфюрстов Саксонии, в стиле жизни и правления, воплощавшим на деле лучшие лютеранские заветы, соседствовала с уверенностью местной знати, быть может, даже со своеобразной региональной гордостью за славное прошлое и неизменно светлое будущее: историко-династический оптимизм, как мы видим, синхронно связывал правящую семью и сообщество подданных.

Веттины ощущали себя лидерами в созвездии ведущих княжеских семейств. Но подобно тому, как территориальный тыл самой династии оставался неизменным, не были готовы отрываться от насиженных гнезд и их благородные ленники. Разница между динамикой созидания брачных уз и нежеланием искать счастья на чужбине, собственно, и показывает близость правящего Дома дворянскому собранию. Саксонский Дом роднился с имперскими, но оставался саксонским, таким же, как и его вассалы. Напротив, если можно вести речь о миграции, то гораздо охотнее искали службы в самой Саксонии. Здесь осели во второй половине бранденбуржцы Хольтцендорфы и Шуленбурги, силезцы Боки и Зеботтендорфы, прибалты Таубе, но все они не нарушали привычный баланс сил внутри дворянской ассамблеи. Они не покушались на сложившиеся веками расклад сил, не претендовали на бесспорное лидерство, довольствуясь большей частью высокими и престижными придворными постами, но без ущерба для областных, провинциальных структур, где лидерами оставались старинные кланы⁵⁴.

Сближал ли с династией мир веры и повседневного быта? Одновременно с конфессиональной адаптацией Веттинов мы постоянно сталкиваемся с различными выражениями верности лютеранству дворянс-

⁵³ *Schirmer U.* Kursächsische Staatsfinanzen (1456–1656). Strukturen–Verfassung–Funktionseliten. Stuttgart, 2006. S. 725–788.

⁵⁴ Подробней о межрегиональной миграции и соотношении местных и иноземных фракций при дрезденском дворе см.: Прокопьев А. Ю. 1) Дитрих фон Таубе: судьба фаворита // Клио. Журнал для ученых, 1997, 3. С. 188–195; 2) Немечкая аристократия и дворянство ко времени Тридцатилетней войны: опыт регионального исследования // Клио, 3, 1998. С. 84–94 3) Саксонское дворянство в Тридцатилетнюю войну // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3, 2001. С. 14–26.

ких семейств. В истории правящей династии лишь короткое правление курфюрста Христиана в 1586–1591 гг. стало неприятным разрывом с прежней строго лютеранской традицией. Официальная пропаганда после кончины курфюрста старалась всячески стереть свидетельства его склонности и дружбы с носителями «кальвинианской ереси» – здесь прежде всего чувствовалась рука вдовствующей государыни Софии, искренне мечтавшей очистить двор и провинции от последних следов кальвинистской заразы. Но при том престол весьма показательно подчеркивал идентичность религиозной ревности династии и дворянства. В 1595 г. свет увидит анонимный трактат, написанный, несомненно, в пропагандистских целях и повествовавший о благочестивой жизни и блаженной кончине Христиана I. Полемически он резко заострен против кальвинистов, старавшихся представить покойного государя верным сыном своей Церкви. Текст блестяще отражает лучшие черты лютеранского «искусства смерти». Но когда речь заходила о доказательствах верности покойного св. Евангелию, в свидетели неизменно принимались дворяне, «высокие персоны», двор, видевший последние часы его жизни. Дворяне и «высокие персоны» могут засвидетельствовать благочестивую натуру Христиана, дворяне и «высокие персоны» были свидетелями его преданности Лютеру до последнего вздоха. Ясной нитью проходит мысль о бесспорном религиозном единстве государя и его благородных ленников⁵⁵.

Напомним, не один из обладателей придворных чинов, кроме новоиспеченных духовников и канцлера Крелля, так и не был уличен в склонности к кальвинизму. Собственно сам перелом наметился именно после отставки в 1589 г. канцлера Ганса фон Бернштейна и замены его купеческим сыном Николаем Креллем, не скрывавшим своих симпатий к реформатам. Давно накопившаяся и резко прорвавшаяся ненависть к Креллю со стороны Софии и надворного духовенства, особенно после 1591 г. очень хорошо освещала разрыв между показательной верностью Евангелию династии и изменой, состоявшейся в душе ничтожного бюргера. Сословия, как полагают Т. Клейн и З. Хойер, действовали вполне единодушно с Софией, хотя, быть может, не столь решительно, как хотелось бы вдове⁵⁶. София скорее «выдавливала» из сословных комитетов и регента приемлемое для нее решение относительно несчас-

⁵⁵ Kurtzer /aber wahrhaffter gründlicher Bericht /von dem Christlichen Leben und seeligen Abschied der Durlauchtigsten... Fürsten Herrn Christiani I, Dresden, 1595 (экземпляр БРАН).

⁵⁶ Hoyer S. Staat und Stande unter Christian I S. 77–78; Klein Th. Der Kampf um die «zweite Reformation». S. 68–69, 53–54.

тного Крелля. Но неспешность сословий весьма примечательна: очевидно, она диктовалась и требованиями поддержания репутации. Арест Крелля и процесс над ним бросал слишком густую тень на порядки в высших сферах «соблазненного» кальвинистами Христиана I. Доказательство мы находим в тактике защиты, избранной самим Креллем: он постоянно твердил вплоть до эшафота, что все делал только с согласия и одобрения своего покойного патрона. Но едва ли среди чинов были даже скрытые сторонники арестованного канцлера. Более того, список дворян, поддерживавших обвинение, рассеивает иллюзии относительно некоего раскола элиты по вопросу о Крелле. Обвинения поддерживали представители семейств Бюнау, Шенбергов, Лосс и Шляйницев, считавшихся верхушкой нетитулованной знати⁵⁷.

Дворянское собрание ни тогда, ни позже не явило ни одного «перекрестца» в лоно реформатской веры. До середины XVII в. мы не знаем ни одного процесса по обвинению в вероотступничестве, не было свидетельств и каких-либо тайных, скрытых симпатий. Во всяком случае, внешне дворянский мир вполне гармонировал с религиозным бытом династии. Случаи поступления на службу «из вне» дворян-кальвинистов были крайне редки. Они регистрируются только с началом Тридцатилетней войны и без всяких шансов зацепиться иноверным чужакам за саксонскую почву. Индигинация через жалование поместьем запрещалась, и даже такие крупные военные чины, как, например, генерал-фельдцейхмейстер Иоганн Мельхиор фон Швальбах могли рассчитывать лишь на военное жалование и на временное пристанище в Дрездене. Гессенец-кальвинист, большой знаток военного дела, спасал военную репутацию курфюрста в тяжелые месяцы 1632–1634 гг., но так и не удостоился вознаграждения недвижимостью⁵⁸.

Мерило религиозной верности во всей строгости представало на страницах надгробных проповедей. При всем символизме биографических текстов для всех 4 курфюрстов от Августа I до Иоганна Георга I,

⁵⁷ Перечень обвинявших дворян: *Richard A. K. Der kurfürstlich sächsische Kantzler Dr. Nicolaus Krell. Bd.1 S. 88–97.* Из 11 значившихся в списке трое Шенбергов, по одному из семейств Шляйницев, Лос, Мильтицей, Бюнау, Люттихау, Шенфельдов и Поленцов. Обвинение в преднамеренной изоляции покойного курфюрста от высших сановных лиц, т. е. именно от дворян, значилось на первом месте.

⁵⁸ *Прокопьев А. Ю. Гессенец на саксонской службе: Иоганн Мельхиор фон Швальбах // Человек, природа, общество. Актуальные проблемы. Материалы 12-й международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2001. СПб., 2001. С. 440–444.*

пожалуй, самым знаковой стороной духовной жизни выступало преданность Евангелию и отторжение инаковерия, причем, главным образом реформатской доктрины. Современники старались дословно воспроизвести последнее материнское слово умиравшей в 1622 г. Софии, обращенное к сыновьям с призывом всеми силами сторониться дьявола во образе врагов лютеровой веры, прежде всего «кальвиниан», тем самым обретая залог блаженной жизни⁵⁹. И надворный духовник Якоб Веллер, прощаясь в 1656 г. с её старшим сыном, решительно выставлял стойкость в вере ключевой добродетелью покойного государя⁶⁰. Но столь же последовательно устрашенность Всевышним и нетерпимость к кальвинизму, сектам, папистам выставлялась главным достоинством дворянского воспитания в первых, пока ещё сжатых очерках жизни надворных чинов. Со слов духовников пламенной ненавистью к «кальвинианам» пылал скончавшейся в 1603 г. Файт Дитрих фон Оберниц, искренне не терпел кальвинистской ереси бывший гофмаршала Христиана II Кристоф фон Лосс и столь же беспощадно готов был бороться с «сектами» и теми же реформатами молодой камерюнкер Людвиг фон Таубе, ушедший в мир иной в 1624 г.⁶¹

Сами наставники выступали посредниками между духовной аурой правящей семьи и дворянством. В этом смысле они выполняли роль скрепляющего звена: Поликарп Лейзер, будучи старшим надворным проповедником, поддерживал чистоту Евангелия и в княжеских покоях, и среди придворных штатов. На смену ему пришло поколение Гоэ фон Гоэннегга и Якоба Веллера, наставлявшее в божьем слове и Иоганна Георга I, и его двор в годы Тридцатилетней войны. На низовом уровне те же функции выполняли суперинтенданты, столичные и провинциальные, такие как Эгидий Штраух, суперинтендант Дрездена, по долгу службы провожавший в последний путь и вдову Софию, и экс-гофмаршала Кристофа фон Лосс, или один из его преемников Даниэль Шнайдер, читавший историю благочестивой жизни ещё одного гофмаршала Генриха фон Таубе на его похоронах в 1666 г. И наконец, малозаметные

⁵⁹ Слова Софии опубликованы в позднейшей проповеди И. Олеария: *Olearius J. Augusta haereditas* († Augustus, postulierter Administrator von Magdeburg). Weissenfels, 1680 (экземпляр БРАН) J3.

⁶⁰ *Weller J. Chur-Sachsische Ehren-Crone* († Johann Georg I). Dresden, 1657 (экземпляр БРАН).

⁶¹ См. вышеуказанную биографию Лосс. «Духовные» портреты Оберница и Таубе содержатся в надгробных проповедях: *Leyser P. Eine christliche Predigt* († Veit Dittrich von Obernitz). Wittenberg, 1602 (экземпляр БРАН); *Strauch Aeg. Christliche Leichpredigt* († Ludowig von Taube). Dresden, 1624 (экземпляр БРАН).

приходские пасторы, типа Кристофа Шарфа, вещавшего о благочестивой жизни сына того же Таубе в надгробной проповеди 1643 г. Институты лютеранской Церкви, окончательно сложившиеся в годы правления Августа I, спустя полвека могли эффективно влиять на процесс религиозной унификации сословий. Пасторат не выглядел пассивной массой, он внешне, быть может, незаметно но надежно спланировал два полюса общественной элиты.

Но, несомненно, самым знаковым свидетельством единства становилась традиция заупокойной «мемории» – в лучших чертах лютеранского благочестия. Дрезденские курфюрсты на исходе реформационного века озаботились грандиозной перестройкой последнего приюта предков во Фрайберге. Был закреплен разрыв с прежней староцерковной традицией погребения в Майссенском соборе. Начиная с герцога Генриха Благочестивого, отца альбертинской Реформации, евангелические властители избрали своим последним приютом именно фрайбергскую кафедральную церковь. В ней хлопотами Августа I был сооружено первое большое надгробие для его погибшего под Зиверсгаузенем брата Морица. Покойный герой предстал в образе «вечно молящегося» перед Распятием – мотив покаяния как пролога обретения веры впервые предстал столь возвышенно и ярко в ритуальной символике наследственных земель Веттинов⁶². Но настоящий перелом свершится позже, когда при Христиане I начнется возведение новой усыпальницы на хорах собора за кенотафом курфюрста Морица. За дело тогда взялся лучший мастер своего дела в Саксонии: итальянец Джованни Мария Носсени, автор скульптур и алтарной композиции капеллы. С выверенной точностью все детали, особенно алтаря, возглашали основополагающие постулаты лютеранства: христоцентризм и неизбежное Воскресение⁶³. Главные работы были завершены к середине 90-х гг.: в ряду надгробных пьедесталов оставалось место для последующих поколений. Но уже спустя несколько лет тот же Носсени приступает к оформлению софийской церкви бывшего францисканского монастыря в Дрездене, напо-

⁶² *Magirus H.* Das Moritzmonument im Freiburger Dom – ein Gemeinschaftswerk italienischer, niederländischer und deutscher Künstler zum Andenken an eine hervorragende Fürstenpersönlichkeit // *Kurfürst Moritz und die Renaissance* / Hrsg. von Dresdner Geschichtsverein. Dresdner Hefte, N. 52, 1997. S. 87–92.

⁶³ *Mackowsky W.* Giovanni Maria Nosseni und die Renaissance in Sachsen. Berlin, 1904. S. 39–41; *Dombrowski D.* Die Grablege der sächsischen Kurfürsten zu Freiberg: Ideelle Dimensionen eines internationalen Monuments // *Zeitschrift für Kunstgeschichte*, 64, 2001. S. 234–272.

ним, выступавшего в качестве своеобразного мавзолея придворного дворянства.

Нас волнует, впрочем, не повторение традиционных мотивов веры в архитектурном убранстве алтаря, а зримое единство династии и дворянства в общем месте последнего пристанища: здесь надгробия членов правящей семьи соседствовали с могильными плитами титулованной и нетитулованной знати, глав надворных ведомств и духовников. Здесь были упокоены сестры и кузины курфюрста Иоганна Георга I, и здесь, же рядом с ними лежали останки гофмаршала Остерхаузена, духовника Гоэ фон Гоэнегга, канцлера Фризена, отпрыски многочисленного клана фон Таубе и многих других чинов придворного общества⁶⁴.

Одновременно на рубеже веков возникают своеобразные копии династического поминального искусства в провинции, в поместных церквях провинциальной знати. Шенберги в правление Августа I торопились воздвигнуть свой надгробный «предел» у стен Фрайбергского собора: там мы видим гораздо более скромную, но все же вереницу намогильных плит и эпитафий нескольких поколений евангелической семьи⁶⁵. Нельзя достичь высот княжеского триумфа, но можно пытаться пространственно стать ближе своим усопшим патронам. Шенберги, бесспорно, могли рассматривать Фрайберг своеобразным символом собственных наследственных ленов – они окружали со всех сторон горную столицу Саксонии, но датировка надгробий убеждает далеко не только в верности родному краю, она показывает стремление стать побратимами династии в вере. Впрочем, не было недостачи и в отдельных поместных шедеврах. Те же Шенберги на исходе века преображают домовую церковь в Пуршенштайне на границах с Богемией: композиция эпитафий с её подчеркнутым семейно-родовым акцентом, с триумфальными мотивами скорого Судного дня и Воскресения в сжатом виде вторила великолепию княжеского алтаря во Фрайберге. Общие черты искусства эпитафий заметны и в поминальной традиции других семейств. Если Веттины превращают Фрайберг в свою наследную усыпальницу в монумент верности Евангелию, то подобным же образом Бюнау поступают с церковью Св. Лаврентия в Лауэнштайне. Здесь и свой громадный резной семейный алтарь, и отдельная семейная эпитафия Гюнтера фон Бюнау. В алтарной композиции мы видим все то же хрестоматийное повторение евангельской версии: от сцен Тайной

⁶⁴ *Bruck R.* Die Sophienkirche in Dresden. S. 15 сл.

⁶⁵ *Rieß G.* Der Dom zu Freiberg. Freiberg, 1931. S. 149; *Magirius H.* Der Freiburger Dom. Forschungen und Denkmalpflege. Weimar, 1972.

вечери в основании до распятия и Воскресения вверху, а в эпитафии – настоящий акт веры, возглашенной многочисленными ликами родственников⁶⁶.

Заметен и общий эсхатологический настрой, столь пламенно прорывавшийся во второй половине реформационного века устами ортодоксов, в назидательных текстах хроник и надгробных проповедей. Общее религиозное чувство объединяло и внушалось как альбертинским властителям в дышавших неподдельной строгостью и даже гневом трактатах надворных духовников типа Поликарпа Лейзера («Зерцало правителя», 1605), так и в поминальных проповедях для придворной и провинциальной знати. Здесь не было никаких различий, и правящий Дом, и его вассалы мерились одной мерой. Кончина благочестивого государя есть дурной знак скорой развязки, как и смерть всего лишь мелкого, но добропорядочного придворного. Структура религиозного мироощущения была одинакова и для верхушки и для низов. Ощущение конца времен, близости судного дня, увековеченное в камне резцом Носсени во фрайбергской капелле Веттинов, повторяется в чертах семейного алтаря Бюнау в Лауэнштайне, в живописном алтаре первой трети XVII в. тех же Бюнау в Веезенштайне и в Пилльнице. Алтарные створки храма семьи фон Айнзидель в Присснице могут выступать хрестоматийным примером размаха эсхатологических ожиданий⁶⁷.

Авторами алтарных изображений и камнерезами повсюду выступают мастера, известные и при имакдворе и в провинции, причем в основном – уроженцы Саксонии, как, например, Михаил Швенеке и Лоренц Хорнунг, создавшие великолепные шедевры в том же Лауэнштайне. В Дрездене над эпитафиями и надгробиями трудилось несколько поколений знаменитой семьи камнерезов Вальтер, работавших в стиле раннего барокко, привнесенном Носсени. Стараниями Носсени четвертое поколение Вальтер приобщилось к традициям итальянской пластики. Себастьян Вальтер отличился в исполнении скульптур и алтарных композиций в Софийской церкви, предок же его Кристоф трудился в Вит-

⁶⁶ *May H.* Der Einfluß der Reformation auf Kirchenbau und Kirchliche Kunst // *Das Jahrhundert der Reformation...* S. 166; *Dietrich A., Finger B., Henning L.* Adel ohne Grenzen. S. 66–67, 69.

⁶⁷ Подробнее см.: *Прокопьев А. Ю.* Эсхатология лютеранства после Лютера: влияние догмы на общественное сознание // *Власть и культура. Сборник конференции памяти основателя Центра исторической психологии к. и. н. В. П. Денисенко (25 ноября 2006, Исторический факультет СПбГУ) / Под ред. А. Ю. Дворниченко.* СПб., 2007. С. 162–206.

тенберге над надгробием знаменитого Кранаха⁶⁸. Он же в Пирне и в Вальдбурге воздвиг эпитафии для Иоганна Карраса фон Максен (1532) и Хуго фон Шенбурга (1567), вполне созвучные позднейшей иконографии фрайбергской усыпальницы⁶⁹. Если слово веры звучало из одних и тех же уст и для дворянства, и для курфюршеской семьи, то её символы, воплощенные в камне и живописи, также создавались одними и теми же мастерами в одинаковом стиле, равно модным и при дворе, и в провинциальных поместьях.

Светская ипостась быта, отраженная в архитектуре резиденций, позволяет говорить о параллелях на уровне провинции. Как известно, первые заметные шаги по реконструкции, перепланировке и даже строительству целиком новых комплексов последовали со стороны Веттинов ещё в 1547 г., когда Мориц решил расширить старую резиденцию на берегах Эльбы. Работы в Дрездене были в основном закончены в 1558 г. уже при Августе, а в 1568 г. завершилось строительство совершенно нового замкового корпуса на горе Шнееберг близ Фрайберга, получившего названия Аугустусбург. Согласно регистру Шобан-Хензель, и тогда и позже шли работы по перестройки ещё 21 резиденции⁷⁰. Масштабы вроде бы должны впечатлять: действительно, впервые в истории Саксонии была предпринята попытка столь массового строительства. Но вопрос в том, сколь резким был разрыв с предшествовавшей архитектурной традицией и вкусами. Между тем крайне редким было возведение резиденций «с фундамента», на новых площадях, вне связи с предшествовавшей основой. К число совершенно в этом смысле новых следует отнести, пожалуй, лишь один Аугустусбург: квадратичная громада действительно в самой законченной форме подражала ренессансным архетипам. Но даже дрезденский замок совмещал старину, унаследованную от прадедов: добрая его половина, весь восточный корпус, остался от времен Георга Бородатого⁷¹. И во всех остальных примерах мы видим лишь наложение на позднесредневековую основу. Впрочем, черты нового, все же

⁶⁸ *Raumschüssel M.* Nosseni und die dritte Generation der Bilderfamilie Walther // *Der silberne Boden.* S. 151–152; *Hentschel W.* Dresdner Bildhauer des 16. und 17. Jahrhunderts. Weimar, 1966.

⁶⁹ *Dombrowski D.* Die Grablege der sächsischen Kurfürsten... S. 240.

⁷⁰ *Coban-Hensel M.* Kurfürst August von Sachsen als *spiritus rector* der bildnerischen Schlossausstattungen // *Kunst und Repräsentation am Dresdner Hof.* S. 109.

⁷¹ О строительстве и планировке дрезденской резиденции во второй половине XVI в.: *Delang S.* Das Schloß im Zeitalter der Renaissance // *Das Dresdner Schloß.* S. 70–72; *Syndram D.* Das Dresdner Schloß. S. 21–31.

заметные в некоторых резиденциях курфюрста Августа, указывали на явное заимствование в области архитектуры у католических соседей, у Габсбургов и Италии. Здесь и первый опыт правильных кубических композиций (Аугустусбург), и выравнивание архитектурных линий, и четкое деление на ярусы, наконец, явно ренессансное подражание во внутренней отделке лестниц и помещений.

Перемены затронули провинциальные ландшафты местной знати, но они почти в точности повторяли соотношение «старого» и «нового» у Веттинов. Мы не встречаем, в сущности, ни одного нового замка, архитектурно и пространственно оторванного от старых жилищ. Венцом перемен можно считать перестройки средневековых комплексов у верхушки местной знати. Во всяком случае, самые состоятельные дворянские семьи Саксонии оказались готовы отчасти повторить архитектурные опыты своего курфюрста. Пфлуги предприняли перестройку главной своей цитадели к северу от Дрездена во Фрауэнхайме, Бюнау развернули строительство в Лауэнштайне, Либштадте и Веезенштайне, Шенберги взялись за переделку фамильных гнезд во Фрауэнштайне и Пуршенштайне. Ни одна из построек не была изначально новым проектом, потребовавшим сноса позднесредневековых предшественников. Новые корпуса лишь встраивались в старые, потому мы все же вынуждены говорить только об элементах ренессанса в поместной архитектуре тех лет. Здесь на крупных примерах видно, пожалуй, стремление хозяев подражать своим могущественным патронам, особенно во внутренней и внешней отделки. Более того, как и в церковном зодчестве, ощущается мода на придворных мастеров. Например, Ганс Ирмиш, руководивший работами по возведению конюшенного подворья в Дрездене, проектировал резиденция для Шенбергов во Фрауэнштайне⁷².

Перед нами – обмен опытом и модой в исключительно сословном понимании, как приобщение к тайнам высокого искусства, дозволенное властью, поскольку для власти сами приобщающиеся неизбежно становились своими в кругу элиты. Барбара Маркс прекрасно показала идейную анатомию подобного обмена в отношении между двором Медичи и Дрезденом примерно в те же годы: сословная аффекция Веттинов, состоявшаяся в глазах их итальянских контрагентов, узаконивала посылки из Флоренции произведений искусства и мастеров как носителей великой «арканы» совершенства, принадлежавшей Медичи⁷³.

⁷² *Fraustadt A.* Geschichte des Geschlechts von Schonberg meissnischen Stammes. Bd.1 A–B: Die urkundliche Geschichte bis zur Mitte des 17. Jahrhunderts. 2. Aufl. Leipzig, 1878.

⁷³ *Marx B.* Künstlermigration und Kulturkonsum. S. 236–237.

Аффекция местной саксонской знати не требовала дополнительной легитимации: структуры дворянской ассамблеи и позиционирование в отношении их Веттинов хранили вековую прочность и были малоподвижны, лишь укреплялись в процессе конфессионализации. Потому заимствование высокой придворной моды заключало в себе привычное выражение почтения, солидарности и сословной исключительности. Ганс Ирмиш и местные камнерезы выступали кладезем сокровенных тайн ремесла, раскрытие их с разрешения государя «своим» людям воплощало единение династии и подданных.

И все же отметим не столько стремление быть вровень со вкусами правящей семьи, сколько неспешное обновление, столь же размеренное и неторопливое, как и у дрезденских курфюрстов, не столько ломавшее традицию, сколько украшавшее её нарядами Ренессанса при сохранении архетипов многовековой давности. Эпоха отца Августа сообщила толчок, он был подхвачен элитой, но не преодолел границ былого уклада как в главных резиденциях Веттинов, так и в усадьбах рыцарства.

Перестройки, при всей броскости, не влекли глобальных подвижек на всем провинциальном ландшафте, были единицами, хотя и яркими. Основная масса провинциальной знати могла лишь поддерживать старые очертания своих родовых гнезд: не было ни средств и, видимо, большого желания прощаться с прошлым. Но не было большой охоты и на престоле: по смерти Христиана I, последнего крупного строителя реформационного века, ни в Дрездене, ни в провинции не появилось ни одной жемчужины, сопоставимой с Аугустусбургом. Иоганн Георг I подбирал лишь крохи: достроил «Люстгауз» – «Дом увеселений» на эльбском бастионе, Охотничье подворье в Новом Дрездене и подарил небольшую летнюю резиденцию супруге в Хоффлеснице уже после окончания войны – к слову говоря, лучше всего иллюстрирующую верность местному фахверку и привычному кубу – милый сельский дом, лишь изнутри покрытый росписями модного тогда анималистического жанра⁷⁴. Волна строительного бума, охватившая и династию и знать в конце XVI вв., столь же синхронно и плавно сошла на нет в первой половине XVII в. Потребуется перемены на престоле и накопление ресурсов для нового скачка – уже в преддверии зрелого барокко в правление Иоганна Георга II (1656–1680).

Бесспорно, ощущалось определенное влияние Италии на язык, на придворную моду на сцену и музыку, на собирательство. Влияние, опосредованное габсбургскими землями, католическим югом. Но как и в се-

⁷⁴ *Löffler F.* Das Alte Dresden. Leipzig, 1982. S. 78–79.

мейном кругу Веттинов, эта мода не влекла принципиальные сдвиги в поведенческой модели, в бытовом укладе, так же и в провинции знать отнюдь не выступала носителями некой принципиальной новой культурно-бытовой программы. Были лишь отдельные явления, бесспорно сближавшие курфюршескую семью и их благородных ленников с католическим югом, но не означавшие радикальных сдвигов.

Мы видим мир устойчивых параллелей, типологического родства двух полюсов – правящей династии и местного дворянства. Не ощущалось разнобоя в долгом историческом пути. Черты общего преобладали над особенностями. В том нам видится разгадка прочности самой элиты. Достаточно сослаться на пример Пфальца, где как раз расхождения были очевидны. Кальвинистские нововведения разрушали там доверие лютеранского дворянства к своей династии, целых анклавов (Верхний Пфальц) к Гейдельбергу. Французская мода при дворе, подкреплённая многолетним пребыванием будущего Фридриха V в седанской резиденции герцогов Бульонских, выступала непривычной для традиционного мира региональной знати, весьма пестрой самой по себе, с давними областными связями. Ощущение собственной европейской значимости побуждало сторониться «ущербности» собственного наследства и, возможно, было не последним аргументом, побуждавшим пфальцкого курфюрста тянуться за чешской короной, что – весьма симптоматично! – не вызывало восторга среди собственной пфальцской клиентелы. Конец известен: катастрофа в Тридцатилетней войне и смерть курфюрста-мытаря Фридриха на чужбине – без шансов вернуть доверие подданных, без ареола героя, в спорах и дразгах с нидерландскими покровителями.

Перед нами феномен социокультурного единства элиты в Саксонии. Быть может, он выглядит консервативным на фоне привычных штампов о революционном скачке в государственном развитии раннего Нового времени, о выдающей роли денежного капитала и бюрократии. Консервативным в глазах либеральных историков позапрошлого века, видевших Саксонию только страной «дворян и попов». Но в устойчивых связях заключалась панацея от тяжких потрясений: имперские земли оказались в состоянии преодолеть системный кризис Тридцатилетней войны. В какой степени идентичность элит влияла на ход истории других регионов Центральной Европы – вопрос, нуждающийся в дальнейших изысканиях. Но очевидны и признаки, позволяющее все ещё с доверием относиться к типологии Отто Хинтце: доминирование влиятельных групп поместного дворянства, знати в центральных и восточноевропейских регионах обрекало на теснейшую связь с правящими династиями, формировало единый социокультурный тип власти. Элита сохраняла внутреннюю прочность, господствуя в обширных, компак-

тных владениях, во многом диктуя свои интересы представительным учреждениям и городской среде, чем дальше на восток – тем менее развитой и влиятельной, особенно во внутренних областях. Институты власти здесь выступали в условиях общей культурно-духовной ауры лишь придатками внутренне однородных звеньев сословной лестницы, были средством репрезентации сословных интересов и не влекли «государственную» модернизацию, перестройку и переделку общественно-го быта, столь усердно отыскиваемую историками-политологами старших поколений, для которых «централизованные» монархии Запада с влиянием банковского капитала и городской культуры выступали образцом общественного прогресса.

В. А. Ковалев

ОБРАЗЫ АРИСТОКРАТИИ В АНГЛИЙСКОМ ПРИДВОРНОМ ТЕАТРЕ В ПРАВЛЕНИЕ ЯКОВА I СТЮАРТА (1603–1625 гг.)

Придворные маски, как особая форма выражения придворной культуры, составляли важную часть жизни аристократии. С приходом Стюартов к власти в Англии маски начинают активно использоваться новой династией для создания династической мифологии, пропаганды политики новой династии, идеализации образа монарха.

В первую очередь придворный театр, разумеется, обращается к фигуре монарха. Он был центром театра (это подчеркивалось применением эффекта перспективы), а следовательно, двора и Вселенной. Он был связующим звеном между миром двора и миром божественных идей, то есть находился в особых отношениях с Богом (эта идея утверждалась в тексте представлений и в выборе персонажей). Его присутствие гармонизировало мир, его воля управляла движением во всей Вселенной (это достигалось применением сложных сценических машин). Придворный театр пропагандировал различные аспекты его политики (например, объединение Англии и Шотландии или проект испанского брака принца Карла). Маски, наконец, были магическим ритуалом, который дол-

жен был преобразовать мир, гармонизировать его, победить пороки, тьму, хаос окружающего мира.

Особенно важным создание мифов династии, аллегорического имиджа правителя становится в 1603 г., когда в Англии произошла смена династий. Яков I Стюарт, новый правитель Англии, объединил под своим скипетром весь остров Британию впервые со времен легендарных королей. Однако приход к власти представителя нового королевского дома неизбежно порождал ряд трудностей. С одной стороны, было необходимо подчеркнуть легитимность нового монарха и его связь с прежней династией. С другой стороны, важно было обратить внимание подданных на преимущества нового властителя. Наконец, новая династия более остро, чем прежняя, нуждалась в наглядной пропаганде идей своего правления и установлении прочных церемониальных связей короля и подданных. Эти отношения лишь условно могут быть названы неформальными, поскольку установление связи монарха и страны через церемониальное общение и демонстрацию священной персоны короля, воплощавшего в себе государство, на протяжении всей истории было одним из важнейших аспектов королевской деятельности. Особенно острой была необходимость пропаганды этих династических мифов и установления церемониальных связей с ближайшим окружением короля – аристократическим сообществом.

Поскольку в ритуале масок представлялся не только монарх – активная преобразующая сила, но и объект действия этой силы – окружающий мир, то, разумеется, свое отражение в придворных представлениях нашел и королевский двор, и все благородное сообщество Британии. Как в пропаганде королевской власти, так и в отношении аристократического сообщества придворный театр действовал в трех направлениях. В данном случае маски могли обратиться к пропаганде различных аспектов аристократической политики Стюартов, определить место знати в структуре идеального гармоничного иерархичного мира или формировать образ идеального аристократа. Точнее сказать, преобразовать реальных придворных в соответствующих идеальном образцу. Именно эти три функции придворного театра будут рассмотрены мной в данном тексте. Не имея возможности приводить сюжеты всех масок (всего при Якове I было поставлено более тридцати масок и порядка десяти *entertainment* – близкого к ним по форме развлечения), я ограничусь несколькими примерами в каждом случае.

Следует оговорить еще одну важную деталь. Король, смотрящий представление и косвенно принимавший в них участие, воплощал в себе одновременно три персоны. Во-первых, он воплощал верховного бога того ритуала, который был представлен в масках. Во-вторых, идеаль-

ную королевскую власть, к которой обращались участники масок. И наконец, он – реальный король Яков I. Так же и маски имели три ипостаси. Первая – персонажи драматического действия: рыцари Аполлона, принцы Доблести, достоинства Времени и т. д. Вторая – идеальные придворные, окружающие идеального короля, действия улучшают природу благородных зрителей в зале. И наконец, это те, кто скрывался под масками: принц Карл, герцог Бэкингом, маркиз Гамильтон, граф Монтгомери, лорд Хей, братья Чарльз и Генри Говарды и т. д.¹

Это утверждение, впрочем, оспаривается некоторыми исследователями. Так, например, Ежи Лимон утверждает, что маски «часть метафорического мира, представляющие добродетели двора. Иногда после танцев они возвращаются в божественные сферы и исчезают. Они являются порождением божественной мудрости... Если они не исчезают, то снимают маски и тогда становятся реальными придворными»². В данном случае Е. Лимон развивает тезис Э. Николла о том, что «аудитория в Уайтхолле... видела в масках не что иное, как серию живых эмблем»³. Более верной и обоснованной представляется точка зрения, поддерживаемая сэром Роем Стронгом⁴, Стефаном Оргелом⁵ и Тоддом Ферниссом⁶. Безусловно, зрители знали, кто скрывается под масками. Более того, авторы, и прежде всего Бен Джонсон, активно использовали это знание.

Весьма показательным примером являются маски «Метаморфозы цыган», поставленные 3 августа 1621 г. в Берли-он-Хилл, поместье маркиза Бекингема, Джонсоном. Тот факт, что придворные, и прежде всего Бекингем, изображали «вороватых цыган», был воспринят современниками однозначно – как сатира на особенности ведения дел новым королевским фаворитом. По ходу представления Вожак цыган (Бекингем) гадает зрителям, в том числе, своей супруге, и при этом прозрачно намекает на то, кто скрыт под его маской:

*Миледи, или я совсем профан,
Иль это правда и ваш муж – цыган,*

¹ Three studies in Renaissance. Sidney, Jonson, Milton. New-Haven, 1958. P. 113.

² Limon J. The Masque of the Stuart culture// The Mental World of the Stuart Court / Ed. by Linda Levy Peck. Cambridge, 1991. P. 212.

³ Nicoll A. Stuart Masque and the Renaissance Stage. New York, 1963. P. 155.

⁴ Orgel S. & Strong R. Inigo Jones. Theatre of the Stuart Court. 2 vols. Los-Angeles, 1973. Vol. I. P. 53.

⁵ Orgel S. The illusion of power. Political theatre in renaissance England. Berkley; Los-Angeles; London, 1975. P. 20.

⁶ Three studies in Renaissance... P. 113.

*Но нет нужды стыдиться этого, мадам,
Ведь он прекрасен, словно сам Адам⁷.*

Сначала Вожак не узнает короля:

*Вот холм Меркурия – да, человек ты мудрый,
Издатель книг ты и оратор чудный;
Но стой! – Юпитера столь ясный знак!
О чудо! Это наш король! Монарх⁸!*

Но потом говорит, что всем обязан Его Величеству, что также ясный намек на то, чье лицо под маской Вожака цыган:

*Я здесь – славнейший из цыган
Всем этим, сир, обязан вам⁹.*

В масках «Удовольствие, примиренное с Доблестью», которые были первыми масками принца Карла после инаугурации в качестве принца Уэльского (поставлены 9 января 1619 г.), после заявленного в названии примирения появляются 12 воспитанников Доблести:

*... и вот его указ:
Пусть Доблесть с Удовольствием сейчас
Примирятся, и с этой горной кручи
Двенадцать принцев спустятся могучих,
Взращенных Доблестью; а первенствует тот,
В чьих жилах светлого Геспера кровь течет.
Он станет сам, со временем, звездой,
Сегодня – по достоинству второй¹⁰.*

До этого Геспер, то есть король Яков, повелел примириться Доблести и Удовольствию. Таким образом, всем зрителям становилось ясно, что если Геспер – Яков, то принц с его кровью – его сын Карл. Более того, такая трактовка была понятна даже иностранцам, что следует из письма Орацио Бузонио, капеллана венецианского посольства: «Наконец появились шесть¹¹ рыцарей в масках. Шесть из них в белых костюмах, бриджи и чулки из белого шелка, расшитые золотом и серебром.

⁷ *Nichols J.* The progresses, processions and magnificent festives of King James I. 4 vols. London, 1828. Vol. III. P. 682. Стихотворный перевод здесь и далее мой.

⁸ *Ibid.* Vol. III. P. 681.

⁹ *Ibid.* Vol. III. P. 682.

¹⁰ *Orgel S. & Strong R.* Inigo Jones... Vol. I. 290.

¹¹ Скорее всего – случайная ошибка посла, масок было 12, что, впрочем, подтверждается и дальнейшим текстом письма.

Другие шесть в бриджах ниже колен и чулках алого цвета и белой обуви. Дублеты были в древнеримском стиле, длинные волосы, венки. Костюмы были украшены очень большими белыми перьями. На лицах были черные маски. Они спустились со сцены, образовав пирамиду, принц находился в апексе»¹².

В своеобразном римейке этих масок – представлении «За честь Уэльса» четыре валлийца – Эван, Дженкин, Хауэлл и Рис – обсуждают имена участников представления и делают вывод, что все они – валлийцы. При этом для усиления комического эффекта Джонсон пародирует валлийский акцент¹³:

Э в а н. ...А Принтса Уэльса мы снаем очень хоросо, во всем Уэльсе.
Д ж е н к и н. И милорта маркиса.

Э в а н. Оба милорта маркиса известны как добрые, знатные, истинные приттанцы, лутсе них не бывало в Уэльсе.

Д ж е н к и н. И о милорде Монгиммери во всем Уэльсе говорят, что он валлиетс, по плоти и крови.

Х о у э л л. И Ховарты, Пог помоги, чистой воды валлийтсы.

Э в а н. А Хофтон – это такой город, раньше назывался Пепидиок.

Х о у э л л. И Эрвин – он валлиец, его свали Уин, но холлантцы приесжали в Уэльс и насывали его герр Уин.

Р и с. Тогда Карр это толина в Уэльсе: Каэрлеон, Каэрмардин, Кардифф.

Д ж е н к и н. А Палмера родители свали Пенмаур.

Р и с. А Ашмонти – это Ап-маут-уэй в Лланмоутуэй.

Д ж е н к и н. И Аберкромби один из валлийцев, как Абер Марлейс.

Э в а н. Или Абертау

Х о у э л л. Или Абердогледдау

Р и с. Или Аберходни

Д ж е н к и н. Или Абергавенни

Х о у э л л. Или Аберконуэй.

Э в а н. Аберконуэй очень похоже на Аберкромби¹⁴.

¹² *Orgel S. & Strong R. Inigo Jones... Vol. I. 284.*

¹³ Под валлийским акцентом понимается, в данном случае понимается преднамеренное смягчение согласных звуков и, в особенности, их определенных сочетаний.

¹⁴ *Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 514.* Под масками скрывались 6 англичан (Джордж Вильерс, маркиз Бекингем, Филипп Герберт, граф Монтгомери, сэр Гилбрт Хофтон и 3 брата из знаменитого семейства Говардов) и 6 шотландцев (Джеймс Гамильтон, маркиз Гамильтон, сэр Уильям Ирвин, джентльмен-привратник принца Карла, Роберт Карр, джентльмен Спальни Принца, Роджер Палмер, виночерпий принца, сын сэра Томаса Палмера, Джон

Таким образом, еще до начала масок зрители знали имена участников и точно не могли воспринимать их в качестве «живых эмблем».

С точки зрения архитектуры придворного театра образу короля соответствовала сцена, построенная с созданием эффекта перспективы, когда все линии сходятся в одной точке. Символический смысл этого – король находится в центре мира, его власть уникальна, он выделяется из всего придворного сообщества. Само же по себе общество благородных обитателей двора мыслилось как нечто единое, без ярко выраженного центра. Это, кстати, ярко проявлялось в архитектуре частных аристократических театров, где зрительный зал был построен в форме полуэллипса по пяти радиусам которого проводились пять линий перспективы. Таким образом, каждый зритель видел одну (и только одну) совершенную перспективу.

В придворном театре это единство подчеркивалось тем, что в определенный момент представления маски спускались со сцены в зал и танцевали сначала сами, а потом со зрителями. Площадка между сценой и королевским местом, на которой разворачивалось это действие, по меткому замечанию Эллардайса Никола, также была особым видом сцены – «распространенной сценой»¹⁵. На этой сцене, лишенной эффекта перспективы и соответствующей образу двора как мира равных благородных людей, проходила заключительная часть представления – собственно маски, то есть костюмированные танцы, сопровождавшиеся музыкой и пением. Именно в этой части действия авторы наиболее часто обращаются к образам идеальной знати, поскольку драматическая часть все же была обращена почти только к центру придворной Вселенной – монарху. Однако и драматическая часть действия также может иметь большое значение для понимания создания образа аристократии, особенно в сфере, которую можно условно обозначить как «политическая пропаганда».

Ашмонти и Абрахам Аберкромби). Подобный состав участников подчеркивал единство Британии, причем не только Уэльса и Англии, но и Шотландии. 13-й (или, скорее, 1-й) участник, принц Карл, был нейтральной фигурой, объединявшей англичан и шотландцев. В символическом смысле таким объединяющим фактором был Уэльс и Британия в целом (что неоднократно подчеркивалось автором, который называет участников масок «истинными британцами»). (*Butler M. The invention of the Britain and the early Stuart masque// The Stuart Court and Europe: essays in politics and political culture/ Ed. by Malcolm Smuts. Cambridge, 1996. P. 67*).

¹⁵ *Nicoll A. Stuart Masque.... P. 54.*

Здесь основные усилия авторов представлений лежали в двух направлениях. Первое – преодоление сложностей в отношениях придворной и провинциальной знати. Второе – слияние английской и шотландской аристократии в единое сообщество благородных Великой Британии.

Взаимоотношение центральной и провинциальной знати наиболее ярко показано в двух представлениях. Первое – прием королевы Анны 28 апреля 1612 г. в Кавершэм-Хаус, который сопровождался масками, поставленными доктором богословия Томасом Кэмпбином. Сюжет масок: противопоставление взглядов Киника (одетый в кожаный плащ, задрапированный листьями, с черными спутанными волосами, беспорядочно утыканными цветами, он представляет гротескную карикатуру на сельского пуританина) и Путешественника (который, одетый в шелк, в итальянской шляпе с перьями, с длинным копьем, представляет придворную культуру). Между ними происходит диалог:

К и н и к. Стойте! Будь вы люди или божества – прохода нет! Это место тишины, здесь королевство, где я наслаждаюсь одиночеством, сам командую, сам подчиняюсь... моя кожа – моя одежда, шалаш – мой дом, земля – моя постель, растения – моя еда, вода – мое питье. Я никому не завидую, никто не завидует мне, я никого не боюсь, не надеюсь, не грущу и не радуюсь. Если это счастье, то оно есть у меня. Хотите счастья? Будьте сами по себе.

Далее следует спор, в ходе которого Путешественник доказывает Кинику, что для того чтобы он мог жить, хотя бы два человека – его отец и мать – должны были жить в обществе друг друга. Завершает доказательство он весьма важным для нас тезисом:

П у т е ш е с т в е н н и к. Твое рождение и речь, несмотря на твои уныние, делают тебя способным жить в обществе (*sociable*) Посмотри на небеса. Солнце и Луна дают и принимают свет, миллионы звезд протянули свои славные лучи, разве они – элементы сами по себе? И можешь ли ты быть один? Действие есть цель жизни, добродетель венчает действие, общество подчиняется добродетели. Дружба связывает общество, одиночество его разрушает. Ты достаточно молод и хорош, ты не варвар. Твое одиночество, несчастный, нарушает мелодию. Стань музыкальным, давай, пойдем со мной, и научись жить¹⁶.

Мысль о нарушении гармоничной музыки перекликается с учением Пифагора о всеобщей музыке Вселенной, где каждая планета издает определенный звук. Киник признает свое поражение, появля-

¹⁶ Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 631–633.

ются «люди Робина Гуда» в зеленых одеждах и 2 привратника с пикой и протазаном, один из привратников читает короткую речь, потом все поют на 5 голосов.

Итак, в данном случае сельская жизнь благородного человека преподносится нам как асоциальное поведение, «нарушающее гармонию и музыку сфер». Сельский джентльмен, избравший одиночество, очевидно неправ, и единственный путь для него – согласиться с придворным аристократом и избрать его стиль жизни. Кроме того, хотелось бы выделить тезис, который неоднократно будет встречаться в яковитских масках и имеет огромное значение для создания образа аристократии и определения ее места в мире. Проводится аналогия с устройством Вселенной. Только Солнце, находящееся в центре мира (то есть монарх), дает свет. Придворные – Луна и другие планеты, которые сияют только отраженным светом, не имея собственного, вращаются вокруг него, каждый на своей строго определенной орбите.

Еще один пример встречи на сцене придворного аристократа и сельского джентльмена дают нам маски «Любовь восстановленная». В этом представлении, которое было поставлено при королевском дворе в ходе рождественских праздников 1612 г., Бен Джонсон несколько по-иному расставил акценты. Представление начинается с того, что выходит участник масок (*Masquerado*), воплощающий придворного аристократа и сообщает, что масок не будет.

М а с к а. ...Хотя я и не осмеливаюсь показать мое лицо, но я говорю правду из-под маски. Господи, это не понравится Вашему Величеству, но мы словно в тупике. Я не думаю, что Ваше Величество увидит маски сегодня. Еще два часа назад мы были готовы, мы выучили танцы, наши костюмы были готовы и украшены. Мы получили от поэта прекрасные стихи, а что ему никогда за них не заплатят – так не в этом дело. В конце концов, его остроумие ничего ему не стоит... У нас нет музыкантов, а скверный мальчишка, который должен был играть Купидона, так охрип, что Ваше Величество не услышит его, даже если его кресло придвинут к сцене¹⁷.

Далее появляется Плутон, переодетый Купидоном, и сельский джентльмен (точнее – сельский дух) Робин Гудфеллоу. Эти два персонажа воплощают в себе добродетели и пороки сельской знати. Робин пытается выяснить, будут маски или нет, перечисляет все трудности, которые он преодолел перед тем, как пробраться ко двору (это он смог сделать,

¹⁷ *Court Masques. Jacobean and Caroline Entertainments. 1604–1640* / Ed. by David Lindley. Oxford; New York. 1995. P. 66–67.

только притворившись посыльным, который нес бочонок с пивом). Он очень расстроен тем, что масок не будет.

Р о б и н. Вот досада, хороший оборот! Это же просто повторение «Радости Англии»! Это и есть ваши придворные развлечения? Да я лучше вернусь к своим сельским играм¹⁸.

Плутон пытается прогнать и Робина и Маску, а вместо танцев и театра устроить «более бережливые развлечения»: карты, триктрак. Дамы вместо танцев должны стать домохозяйками: «12 будут поддерживать огонь в камине, а 20 (чем больше, тем веселее) считать расходы. По ночам они будут спать в своих старых ночных рубашках, а не бодрствовать в ярких нарядах, купленных в кредит»¹⁹. Маска замечает, что «этот Купидон – точно реформат», а Робин, наконец, раскрывает обман Плутона.

Р о б и н. Мы, духи, я вижу, внимательнее и лучше проникаем в суть вещей. Это не Купидон и не его брат Анти-Купидон. Это – обманщик Плутон, он украл эмблемы Любви, и теперь его пузатая фигура царит над миром... Он захватил все должности в этот век золота, и даже те, что занимала Любовь в эпоху Золотого века... Теперь Любовь живет в изгнании, в холодной земле, вся в мехах, как Московит и почти до смерти замерзла²⁰.

В итоге Робин призывает «Его Величество своими могучими лучами, которые несут свет и тепло» растопить лед, сковавший Купидона, и рассеять тьму. Плутон побежден, появляется настоящий Купидон в сопровождении 10 масок.

В этом тексте Бена Джонсона присутствует достаточно мягкая сатира на придворных – жизнь в кредит, отсутствие денег, внимание к внешности, а не к сути. Также ироничен образ сельского джентльмена, который, очевидно, сам неплохо знаком с Плутоном, если смог его узнать, а кроме того, отчаянно стремится попробовать сладком придворной жизни. Однако главная идея представления призывает их преодолеть разногласия, найти что-то хорошее друг в друге. Ведь только объединившись, сельский и придворный джентльмены способны противостоять Плутону и вернуть ко двору, а следовательно, и в Британию, истинную Любовь.

Не менее важна идея объединения знати английской и шотландской в единую аристократию Великой Британии. Наиболее наглядный пример подобного объединения дают нам маски, поставленные 6 янва-

¹⁸ Ibid. P. 67.

¹⁹ Ibid. P. 69.

²⁰ Ibid. P. 70.

ря 1607 г. на свадьбу лорда Хэя с дочерью лорда Денни Анной. По ходу действия открывается сцена, на которой стоят серебряные деревья. Эти деревья – рыцари Аполлона (то есть Якова, который часто представлял в придворных представлениях в виде Аполлона), которые были превращены в деревья за то, что добивались руки Синтии. Богиня Луны, в данном случае – королева Елизавета, образ которой в придворной поэзии часто совмещался с образом девственной богини. В конце представления появляется Геспер, который объявляет, что Синтия примирилась с Фебом, и девять рыцарей могут вернуться в человеческий облик при условии, что окажут девственной богине должное уважение. Таким образом, союз династий, стран и новобрачных был завершен. Рыцари Аполлона могут, оказав должное уважение, свататься к нимфам Дианы. Интересно, что, несмотря на примирительную идею масок, все же отстаивается превосходство стюартовской знати, которая выступает в активной, мужской роли, в то время как елизаветинская знать воплощается в образе нимф, то есть объекта сватовства рыцарей.

Другой пример – упоминавшиеся выше маски «За честь Уэльса». Джонсону было важно подчеркнуть имена участников представления. Дело в том, что, как справедливо отмечает английский исследователь Мартин Батлер, Джонсон объединил не две, а три нации, находившиеся под скипетром Якова I. Если англичане Бекингем, Монтгомери, Хофтон и Говарды легко становились валлийцами во время представления, то включение в это единство 6 шотландцев – Гамильтона, Карра, Палмера, Ирвина, Эшмонти и Аберкомбри – важный шаг. Таким образом, Уэльс, давно входивший в состав королевства, объединил два аристократических сообщества. Подобная комедия, где главными действующими лицами были ирландцы, была поставлена при дворе 29 декабря 1613 г. В этом случае также комично имитируется акцент подданных короля, и под масками также скрываются 5 англичан и 5 шотландцев.

Элементом елизаветинской пропаганды, ключевую роль в которой занимал образ Дианы, была трактовка королевы как защитницы слабых и бедных от могущественных и знатных. В античной мифологии Диана воспринимается как покровительница простых людей, в римской традиции – даже рабов. Знаменитая золотая ветвь из рожи Дианы гарантировала свободу и жреческую должность беглому рабу. Диана в Риме почиталась в качестве покровительницы оленей, но оленями в переносном смысле называли беглых рабов. Поскольку в яковитской пропаганде Диану сменил ее брат, солнцеликий Аполлон, то восприятие монарха как защитника простых людей от притеснений со стороны

аристократов был временно ослаблен. Аполлон как аристократический бог мыслился скорее гарантом неизблемости положения знати и всей социальной структуры. Однако критика социального поведения аристократов все же постепенно возобновляется. Это происходит в представлениях, посвященных Золотому веку или в пасторальных идиллиях. Поскольку Золотой век это идеал сельской жизни благородных пастухов, социума равных, без какой-либо иерархии, то любой, кто пытался нарушить подобное положение вещей, становился врагом господина Золотого века. Богом Золотого века был Пан, Сатурн или Юпитер, и своим могуществом он сокрушал Железный век и всех его сторонников²¹. В начале представления «Восстановленный Золотой век» Паллада поет песню, в которой достаточно резко критикуются те знатные, которые угнетают слабых и бедных:

*Смотри, дивись и помни,
Как смертными был оскорблен,
Безумными в грехе своем,
Властитель ярких молний.
Не терпит он обычай,
Чтоб сильный слабого подмял,
Иль бедный (хоть виновен) стал
Для сильного добычей.
И вот пора настала
Астреи власть восстановить
И на златой цепи спустить
Век лучшего металла,
Без промедленья тени.
Увидит Зависть, наконец,
Для Времени златой венец
Сам по себе неценен.
Своим неверным слугам
Восстановив век Золотой,
Он только долг исполнил свой
Воздав не по заслугам²².*

Как видно из текста, тот аристократ, который подавляет бедных, оскорбляет самого Юпитера (то есть Якова I). Кроме того, образ виновного слабого, вину которого сильный использует в своих интере-

²¹ Three studies in Renaissance... P. 126.

²² Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 232.

сах, а самому слабому несет гибель, однозначно понимался современниками. Маски были поставлены в январе 1616 г., когда набирал ход скандал вокруг отравления сэра Томаса Овербери. Овербери – виновный слабый, а хищный сильный, использующий своего слугу, а потом уничтожающий его – граф Сомерсет, обвиненный в его убийстве. Юпитер не должен терпеть этот обычай и обязан, хотя это впрямую и не сказано, покарать аристократа, поправшего закон и порядок. Но не только Сомерсет, но и все остальные «безумные смертные» оскорбляют Юпитера своим поведением. Таким образом, идеальный аристократ – это тот, кто принимает власть Юпитера и не угнетает слабых и бедных, знатность налагает большую ответственность, а не дает большие привилегии. Тот, кто не следует этому – сторонник Железного века и его спутников: Жадности, Гордыни, Грубой Силы, Измены, Коррупции и других подобных. Все они побеждаются щитом Паллады, обращаются в камень и изгоняются из Золотого века, образа идеального королевского двора. Кроме того, в тексте подчеркивается пассивная роль аристократии в установлении Золотого века. Юпитер, устанавливая на земле идеальную эпоху, исполняет свой долг перед небесами, но не перед подданными, которые не имеют достаточных заслуг для того, чтобы получить эту награду²³. Разумеется, что это представление не могло решить реальных социальных проблем британского общества начала XVII в., и бедные и незнатные по-прежнему подвергались давлению аристократов, но с точки зрения неоплатонического театра представление было магическим действием, формирующим реальность, а не воспроизводящим ее.

Кроме пропаганды политических инициатив Якова и ответов на проблемы, возникающие в аристократическом сообществе, на придворные маски возлагалась еще одна важная функция – формирование образа идеального аристократа. Следует заметить, что особо оригинальными авторами текстов представлений не были – основной добродетелью в поведении провозглашалась умеренность, необходимость избегать как аскетизма, так и невоздержанности, прежде всего – пьянства и распутства. Уже упоминавшиеся маски «Удовольствие, примиренное с Доблестью» дают удачный пример формирования такого образа. Представление начинается с появления бога пьянства и обжорства Комуса, ему противостоит слуга и символ Доблести – Геркулес. Он изгоняет Комуса, клеймит его пороки, однако в итоге по велению Геспера (его

²³ Three studies in Renaissance... P. 121.

приказ передает Меркурий) Доблесть не изгоняет Удовольствие, но примиряется с ним:

*Покинет сердце доблестное страх,
Что обратят услады силу в прах.
Нет больше поводов для ссоры и обид:
Довольство служит, Доблесть сторожит²⁴.*

В знак примирения Доблесть должна прислать 12 Принцев Доблести – идеальных аристократов:

*...И вот его указ:
Пусть Доблесть с Удовольствием сейчас
Примирятся, и с этой горной кручи
Двенадцать принцев спустятся могучих,
Взращенных доблестью; а первенствует тот
В чьих жилах светлого Геспера кровь течет²⁵.*

Лидер принцев – сын Геспера, то есть короля Якова I, принц Карл (это были первые маски для него после инаугурации в качестве принца Уэльского). Несмотря на примирение Доблести и Удовольствия, конфликт все же присутствует и сохраняется необходимость выбора между этими двумя вариантами аристократической жизни:

*У юноши есть два пути,
Решает он, куда пойти,
Избрать Довольство или Честь,
С которой дружен Геркулес²⁶.*

Хотя юноша и должен сделать выбор между этими двумя путями, но один не исключает второго – главное, не впадать в крайности. Автор не отрицает употребление аристократами вина и вкусных кушаний, но:

*Зачем же прирастать нам животом?
Менять фигуру? Есть услада в том?
Возможно ли так брюхо набивать
Чтоб боль, не наслажденье причинять²⁷?*

²⁴ Orgel S. & Strong R. Inigo Jones... Vol. I. 292.

²⁵ Ibid. Vol. I. P. 291.

²⁶ Ibid. Vol. I. P. 294.

²⁷ Ibid. Vol. I. P. 286.

Также и в любви – она является, утверждает Джонсон устами певца Дедала, «основой всем вещам», но не должна переходить определенных рамок:

*Теперь покажете вы нам
Любовь – основу всем вещам,
Не ждите долго, нет!
Ведь это зрителю во вред.
Диктует выбор не каприз
А нежность, словно легкий бриз,
Ласкающий цветы.
И проложите в танце путь
С улыбкой, чтобы обмануть
Не леди, а часы.
Веселье, разум, стройный стан
И искреннее чувство
За это ценим мы дворян,
Отвергнувших распутство²⁸.*

Любовь должна быть умеренной, приятной, ни в коем случае не базироваться на обмане, а главная ее цель – приятное проведение времени. В целом в этих масках многократно повторяется идеал аристократии – гармоничное сочетание служения и наслаждения. Что же позволяет сделать выбор между Удовольствием и Доблестью и сохранить гармонию, не впадая в крайности? Ответ дается в тексте масок неоднократно – мудрость:

*Все то, что человек создал,
Соединилось в лабиринт
И пусть закружит танец зал,
Но людям разум не затмит
Рассудком усмири свой пыл,
Чтоб каждый шаг понятен был,
И зритель изумиться мог,
Увидев мудрость твоих ног.
Был создан танец для людей
Не только ловкость показать,
Но сделать зрителя мудрей,
Коль сможет это осознать²⁹.*

²⁸ Ibid. Vol. I. P. 295.

²⁹ Ibid. Vol. I. P. 294.

В данном случае мудрость это не абстрактное качество и не некая отстраненная созерцательность, но разум и то, что делает человека приятным в обществе. Танец – форма мудрости, поскольку способствует наставлению в добродетели. Последняя мысль вполне согласуется с мнением Аристотеля, что цель искусства – катарсис через изумление. В масках Тауншенда «Триумф Альбиона» Меркурий, обращаясь к зрителям, говорит, что они могут «удивляться, но не выносить суждение»³⁰. Также следует помнить, что в культуре XVII в. остроумие (*wit*) ценилось намного выше мудрости (*wisdom*), поскольку первое качество в большей степени способствовало тому, чтобы аристократ был приятен в обществе.

Другим примером активного создания образа идеального аристократа является заключительная часть представления «Время, спасшее себя и свою честь», поставленного 6 января 1623 г. После изгнания антимасок Курьезов и Бичевателя Времени (*Chronomastix*), Слава представляет участников масок, которые воплощают достоинства Времени, похищенные Гекатой и освобожденные Сатурном (то есть Яковом):

*Борьбе конец и все собранье ждет,
Краса и Юность к нам придут в сей год.
Светило каждое пусть ведает свой круг
И заливают светом все вокруг
Словно ярчайшая Планета; все они
В зенице Времени кружат, в глазах Любви*³¹.

Итак, снова повторяется образ аристократии как планет, сияющих отраженным светом «короля-солнца». Каждый из них должен кружить по строго определенной орбите, что подчеркивает иерархичность структуры благородного сообщества. Но после представления Слава забирает своих юных воспитанников:

*Я забираю юношей могучих
И тем являю Времени почтенье,
Чтоб каждый был служению обучен,
Усердию и тем искусствам древним,
Что лучше всех готовит юношу к войне
И много звезд явило в горней вышине:*

³⁰ Orgel S. The illusion of power... P. 16.

³¹ Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 143.

*Таких как Кастор, Поллукс и Персей.
Охотник – вот славнейший из людей³².*

Эта речь содержит вполне ясное послание: молодой аристократ должен не задерживаться на танцах до утра (хотя и не должен полностью их отвергать), но должен сохранять силы для более полезной активности, в первую очередь – охоты. Охота ценна не сама по себе, а тем, что готовит юношу к войне и дает возможность сравняться с античными героями. Кроме того, охота понимается в неоплатоническом смысле. Звери – это хаотические существа, пороки, и охотник – это человек, который уничтожает пороки, совершенствует себя и мир³³:

*Пусть будет сам
Примером вам
Тот, кто жестокость презирал и кровь,
И кто учил, что путь его – Любовь.
И будет мир навек,
Ведь людям враг не человек,
Охоться на врагов людей,
Срази порок рукой своей,
Страшней любых зверей порок
Коль поразишь его, возрадуется Бог³⁴.*

Идеальный аристократ, таким образом, это человек, сражающийся с пороками. Это, и особенно косвенное упоминание Христа (явление чрезвычайно редкое в придворных масках), сближают образ знатного юноши, моделируемого в придворном представлении с традиционным восприятием рыцаря как воина Бога.

Подводя итог, хотелось бы заметить, что стюартовские маски, являясь элементом династической пропаганды, обращались к актуальным проблемам аристократической политики Якова I. В первую очередь это отношение сельской и придворной знати, а также конфликт между англичанами и шотландцами. Призывы к примирению, как в прямой, так и в завуалированной форме, содержатся в текстах драматической части масок. Также в некоторых случаях придворный театр обращается к социальным проблемам, призывая всех, аристократов и простолюдинов, объединиться под властью повелителя Золотого века, то есть монарха. Являясь магическим ритуалом, маски формируют идеального аристок-

³² Ibid. Vol. III. P. 144.

³³ Three studies in Renaissance... P. 112.

³⁴ Nichols J. The progresses... Vol. III. P. 144.

рата – человека умеренного, не аскета и не распутника, участника как придворных развлечений, так и военных упражнений и службы и, кроме того, воина Бога. Главные качества аристократа – согласие с верховной властью, чувство ответственности, готовность жить в обществе, приятность для окружающих, остроумие и рассудительность. Наконец, наиболее частой моделью благородного сообщества является образ Вселенной, в центре которой расположен «король-солнце», а аристократы – его планеты. Эти планеты не имеют собственного света, но сияют отраженным светом монарха, вокруг которого и вращаются – каждый на своей орбите.

Раздел 3
НОБИЛИТЕТ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА

Р. А. Соколов

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ВЫСШИЕ ИЕРАРХИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ*

Личность одного из наиболее знаменитых деятелей русского Средневековья – Александра Невского – традиционно привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей. И это вполне объяснимо, ведь его деятельность стала важнейшей вехой в отечественной истории того периода. В настоящей статье мы остановимся на вопросе взаимодействия Ярослава в течение всей его жизни с высшими иерархами Русской Церкви – теме, до сих пор недостаточно освещенной в историографии.

Александр родился в 1220 или 1221 г. в Переяславле Залесском¹. Этот город относился к недавно созданной Владимирской епархии². Правил ею первый Владимирский архиерей Симон – один из образованнейших людей своего времени, вошедший в историю прежде всего как один из авторов Киево-Печерского патерика. Хиротония Симона была связана с драматическим противостоянием сыновей Всеволода Большое Гнездо, глубинной причиной которого являлся конфликт Ростова и усилившегося Владимира за первенство в Северо-Восточной Руси. Именно этим и было в действительности вызвано разделение некогда единой Ростовской епархии в 1214 г. и ухода на покой ее прежнего владыки Иоанна³.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по теме «Государство, общество и церковь в средневековой Руси» (проект МК-1091.2010.6).

¹ Подробно о дате рождения Александра Невского см.: *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 12.

² *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 2. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 298 (Карта епархий Русской православной Церкви XII первой половины XIII в.), 499, прим. 49.

³ См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 438.

⁴ Там же. Стб. 439.

После поражения Юрия и его союзников 21 апреля 1216 г. на Липицком поле Симон должен был покинуть Владимир и отправиться в Городец Радилон, хотя едва ли его фигура была совершенно неприемлема для победителя битвы Константина Всеволодовича. Во всяком случае, еще до решающего столкновения Симон посещал Ростов; в частности, он принимал участие в похоронах епископа Ростовского Пахомия⁴, который, как и Симон, некоторое время был монахом Киево-Печерской обители⁵. Возможно, что при этом Владимирский епископ выполнял и какое-то дипломатическое поручение Юрия, стремясь примирить враждовавших Всеволодовичей.

Однако уже вскоре после Липицкой «сечи» братья сумели достигнуть соглашения: Юрий вернулся с берегов Волги, получил в управление Суздаль и стал наследником великого княжения Владимирского. И вновь Симон сопровождал князя⁶. Конечно, в этот период не была закрыта и вновь образованная Владимирская епархия: это принадлежало сугубо к юрисдикция митрополита, к тому же едва ли такой оборот дела мог прийти по душе владимирцам (а Константин княжил именно во Владимире). Возможно, желание жителей великокняжеской области вернуть своего архиерея стало дополнительным побудительным мотивом для примирения братьев. Симон, таким образом, получил возможность вновь вступить на практике в управление собственной епархией, вероятно, тогда же он разделил ее в административном отношении на две части – Владимирскую и Суздальскую⁷. В 1218 г. Константин умирает, Юрий становится великим князем и уже через год после смерти старшего Всеволодовича во Владимирском Рождественском монастыре была освящена новая церковь⁸. (Напомним, что именно из этой обители вышел Симон.) При этом знаменательном событии присутствовал не только великий князь, но и его брат Ярослав. Был здесь и игумен монастыря Митрофан.

⁵ «...черньчъсвтовавъ преже добре исправлено лет 5 в Печерском манастыре...» (Там же).

⁶ «Того же лета посла Костянтин Всеволодичь по брата своего Георгия на Городецъ, зова его к собе во Володимерь; он же прииде к нему с епископом своим Симоном и с боляры своими. Костянтин же урядися с на том: “По моем животе Володимерь тебе, а ныне поиди в Суздаль”» (ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 115).

⁷ О делении Владимирской епархии см.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или Домонгольский. Первая половина тома. М., 1997. С. 386.

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 444.

Надо признать справедливым предположение, согласно которому именно Симон должен был совершить над вторым сыном Переяславского князя Ярослава Всеволодовича обряд пострига⁹. Прямых данных об этом нет, однако на правильность такого рода догадки указывает то, что подобный обряд выполняли, как правило, именно архиереи¹⁰.

В 1226 г. Симон Владимирский умер. Вместо него поставлен был опять же выходец из Рождественского монастыря Митрофан. Этому человеку будет суждено управлять епархией до монгольского нашествия, в ходе которого Владимир подвергнется разорению, а епископ вместе с семьей великого князя погибнет в огне и дыму пылавшего Успенского собора. После этой трагедии особенного архиерея в великокняжеской столице не будет до 1274 г.

Очевидно, что не имеет смысла вести речь о влиянии молодого Александра Ярославича на деятельность Симона и Митрофана, так как княжич был в период их правления еще достаточно юн. А вот обратное воздействие, без сомнения, имело место. Прежде всего, нужно обратить внимание на то, что Ярославич будет похоронен в Рождественском монастыре. Его предшественники – Андрей Боголюбский, Михаил и Всеволод Юрьевичи, Константин и Юрий Всеволодовичи, Михаил Храбрый – были погребены в Успенском соборе¹¹. Значение великокняжеской столицы в силу разного рода причин постепенно умахалось, и нет ничего удивительного, что приемники Александра были погребены в своих «вотчинных» городах¹². Своего рода «переходными» стали похороны Александра Невского, который, как представляется, сам завещал предать свое тело земле в Рождественском монастыре, особенное почтение к которому у него могло возникнуть еще в годы детства и юности благодаря рассказам владимирских епископов. Дополнительным стимулом к принятию решения быть похороненным в монастыре мог стать предсмертный постриг князя. Но при этом едва ли выбор места для похорон означал переход значения духовного центра Северо-Восточной Руси от Влади-

⁹ *Пашуто В. Т.* Александр Невский. М., 1975. С. 10.

¹⁰ Например, Иоанн Ростовский участвовал в 1192 г. в постриге, совершенном над Юрием Всеволодовичем, его имя упомянуто и в связи с постригом Ярослава (1194 г.) (ПСРЛ. Т. I. Стб. 409, 411).

¹¹ Там же. Стб. 370, 379, 437, 444; ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновой летописью. (Продолжение.) М., 2000. С. 114.

¹² Ярослав Ярославич – в Твери, Василий Ярославич – в Костроме, Дмитрий Александрович – в Переяславле, Андрей Александрович – в Городце (ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000. С. 89, 321; 323, 328; 92, 332).

мирского Успенского собора к Рождественскому монастырю, ведь культ Успения Богородицы в последующие века по-прежнему останется на очень высоком уровне¹³.

В 1223 г., т. е. уже в младенческом возрасте Александр впервые оказался в Новгороде¹⁴. Здесь он столкнулся с не совсем привычными для себя порядками: ведь хотя местные вечевые традиции и не были для Руси чем-то необычным, Новгород все же выделялся среди прочих земель княжений уже тем, что жители его области не были твердо ориентированы на какую-то одну княжескую ветвь. Несколько отличался и порядок церковного управления: архиепископа митрополит поставлял из кандидатов, присланных к нему самой Волховской столицей. В 1210–1220-х гг. такая практика привела даже к драматическим коллизиям, связанным с борьбой за архиепископскую кафедру: несколько архиереев по очереди занимали владычный двор и вновь покидали его после «отставки». События эти были тесно связаны с политической борьбой в Новгороде вообще, а для ученых-историков они не раз становились предметом исследования¹⁵.

Однако необходимо обратить внимание на то, каким образом могли повлиять новгородские архиереи того периода на формирование личности Александра Ярославича. Ю. К. Бегунов указывал на то, что архиепископ Антоний, в миру Добрыня Ядрейкович, посетивший Константинополь около 1200 г. и описавший его святыни в книге «Паломник», а затем рассказавший и о разорении в 1204 г. города крестоносцами и, конечно, настроенный антикатолически, сумел своими рассказами заронить семена недоверия к Западу и в душу юного Ярославича. Впоследствии это могло сыграть определенную роль в выборе Александр-

¹³ Не случайно даже в конце XV в. «Аристотель Фиораванти следовал установившемуся на Руси облику храмов при строительстве московского храма Успения» (Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. Материалы и исследования. М., 1985. С. 22).

¹⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 61, 263.

¹⁵ О политической борьбе в Новгороде того времени см. напр.: Фроянов И. Я. 1) Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 263–280; 2) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 398–471; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 183–200; Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского веча. СПб., 2003. С. 173–209; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской республики. М., 1980. С. 41–47.

ром собственного внешнеполитического курса¹⁶, хотя, разумеется, искать корни последующих событий только лишь в наставлениях Антония-Добрыни, которого к тому же, видимо, считал собственным политическим противником Ярослав Всеволодович, было бы неправильно.

В самом конце 20-х гг. XIII в. «чехарда» на новгородском владычном престоле закончилась. В 1229 г. по инициативе Михаила Черниговского на архиепископскую кафедру был избран иеродьякон Юрьева монастыря Спиридон. Обращает на себя внимание то, что выбор владыки был определен посредством жребия. Его ближайшие предшественники получали архиерейское достоинство другим путем: Митрофан был назначен по совету князя и посадника, Антония «волею Божиею възлюбил и князь Мьстиславъ и вси новгородци», Арсений также избежал процедуры со жребием¹⁷, и впоследствии даже ходили слухи, что свой сан он получил благодаря данной князю «мзде». Скорее всего, Михаил хотел не допустить каких-то толков относительно поставления нового владыки, а потому постарался, чтобы дело решил слепой случай. И это ему действительно удалось сделать: положение Спиридона было более твердым.

В научной литературе справедливо обращалось внимание на связь стихийных бедствий и голода, терзавших Новгородскую землю, с «отставками» архиереев. Историки вполне обоснованно подчеркивали также связь этих событий с языческими пережитками в сознании народа¹⁸. Однако интересно и то, что когда в более позднее время бедствия не прекратились, а, напротив, еще более усилились¹⁹, архиепископ не вызывал неудовольствие народа. Видимо, причиной тому была очевидная законность его поставления. Сознание прочности собственного положения позволило Спиридону найти общий язык и со сменившим Михаила на княжеском столе Ярославом: архиепископ даже не стал противиться переводу бывшего владыки Арсения, которого горожане еще совсем недавно обвиняли в даче взятки Всеволодовичу, на престижное место настоятеля Юрьева монастыря²⁰. В более позднее время, в период правления в Новгороде Александра, отношения архиепископ – князь также всегда были вполне конструктивными. Спиридон благословил

¹⁶ *Бегунов Ю. К.* Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. С. 37.

¹⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 44, 238; 52, 250; 61, 263.

¹⁸ *Фроянов И. Я.* Мятный Новгород. С. 263-278; *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. С. 192–204.

¹⁹ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 69–71; 277–280.

²⁰ Там же. С. 70, 278.

Ярославича на Невскую битву, он же входил в состав посольства 1241 г., которое сумело добиться возвращения в город Невского героя. Спиридон занимал Новгородскую кафедру в течение двадцати лет (до 1251 г.).

Правление его приемника Далмата, поставленного лично митрополитом Кириллом и епископом Ростовским, носившим также имя Кирилл, оказалось особенно трудным, так как именно в это время внутригородская сословная борьба стала приобретать черты сословных конфликтов²¹. К тому же положение осложнило вмешательство татарской власти, поставившей вводить Новгород в орбиту даннической зависимости. И в этой запутанной ситуации Далмат сумел сориентироваться: его фигура, по-видимому, устраивала всех. Во время противостояния 1255 г. архиепископ выступал посредником между новгородцами и Александром Ярославичем, он же встречал князя после примирения «со всемъ иереискымъ чиномъ, съ кресты»²². А в 1257–1259 гг. Новгородская Первая летопись вообще не упоминает о владыке, а ведь страсти в городе тогда пылали нешуточные²³! Разумеется, совсем в стороне оставаться Далмат не мог, но позиция, которую он занял, не вызывала возмущения ни у одной из конфликтующих сторон. В то же время архиерей не давал и забыть о себе: в 1261 г. «поби владыка Новгородьскыи Далмать святуую Софью всю свинцемъ»²⁴.

Впрочем, Александра Ярославича в 1261 г. в большей степени беспокоил уже не Новгород, а Северо-Восточная Русь, где к тому времени назревал взрыв народного возмущения произволом сборщиков татарской дани. Но прежде чем перейти к анализу проблем, связанных с восстаниями против ханских откупщиков 1262 г., остановимся на некоторых моментах истории Владимирской и Ростовской епархий того периода.

После смерти Митрофана в 1238 г. Владимирская кафедра долгое время не имела собственного архиерея и находилась под непосредственным управлением митрополита Кирилла, с некоторой помощью епископа Ростовского Кирилла. Ярославич к тому времени возмужал, закончилось становление его как личности, а одержанные военные победы укрепили авторитет князя. Для Новгорода, несмотря на случившиеся

²¹ См. подробно: *Петров А. В.* 1) О борьбе «старейших» с «меньшими» и о выступлениях «крамольников» в Новгороде второй половины XIII в. // Вестник ЛГУ. Серия 2. 1991. Вып. 1; 2) От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. С. 210–224.

²² ПСРЛ. Т. III. С. 81, 308.

²³ См.: Там же. С. 82–83, 309–311 (под 6765–6767 г.).

²⁴ Там же. С. 83, 311.

конфликты, он уже давно стал «своим», и, наверное, не будет сильным преувеличением сказать, что князь был «вскормлен» новгородцами, подобно тому как на полтора столетия раньше так же воспитывался на берегах Волхова сын Владимира Мономаха Мстислав²⁵. Теперь же, после смерти отца и поездки в Орду, откуда Ярославич вернулся с титулом великого князя Киевского и Новгородского, он должен был стать одним из главных действующих лиц и на политической сцене Северо-Восточной Руси, а это предопределяло и необходимость правильного выстраивания взаимоотношений с Церковью. А потому необходимо перейти к подробному рассмотрению контактов Александра Ярославича с митрополичьей властью. При этом, конечно, нельзя забывать и о том, что важнейшим политическим фактором того времени стала зависимость от татарских ханов, не считаться с которой было невозможно.

Общеизвестна политика непротивления силой Орде, которой долгое время придерживались русские князья. Ее основы были заложены еще Ярославом Всеволодовичем. Этот внешнеполитический курс в сочетании с противодействием католической экспансии был принят и его сыном Александром. Именно Невский герой в полной мере воплотил в жизнь принцип: «Меч – Западу, мир – Востоку»²⁶. Эту единственно верную в тот момент политику поддержала и Русская православная Церковь. Произошло ли это само по себе или влияние Александра Ярославича сказалось и здесь?

Большинство ученых считают, что митрополит-грек Иосиф, прибывший на Русь незадолго до нашествия татар²⁷, спасся из Киева, которому угрожало разорение, бегством²⁸. Южнорусские князья пытались

²⁵ См. подробнее: *Соколов Р. А.* Александр Невский: панорама новейших мнений // *Клепинин Н. А.* Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. С. 254. О «вскармливание» князей как об особенной политической стратегии Великого Новгорода см. подробно: *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. С. 183–184.

²⁶ *Бегунов Ю. К.* Выбор Александра Невского и значение выбора для судеб русской государственности и цивилизации // *Святой Александр Невский. Сб. статей к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 г.* Усть-Ижора, 1999. С. 9. См. также: *Вернадский Г. В.* Два подвига св. Александра Невского // *Наш современник.* 1992. № 3.

²⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 74, 285.

²⁸ См. напр.: *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1997. С. 15. Ср.: *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 153; *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 18.

возвести на митрополию своих ставленников. Михаил Черниговский сделал это без санкции Nikei. (Его протеже «некий архиепископ из России» Петр ездил к папе за помощью против татар и был выслушен на соборе в Леоне²⁹.) Но митрополитом Руси стал другой человек – Кирилл, посланный в Nikeю для поставления Даниилом Галицким и его братом Васильком³⁰. Ясно, что в то время он полностью был согласен с курсом Даниила на союз с Римом против татар.

Однако в Nikee Кирилл, конечно, должен был получить строгие антикатолические инструкции³¹. Но все же вряд ли несогласие с западной ориентацией Даниила стало причиной поездки на север митрополита сразу по возвращении³². Едва ли Галицкий князь послал бы на поставление человека, не готового смириться с его внешнеполитическими взглядами. Но недовольство политикой своего патрона у Кирилла не могло не возникнуть, возможно, Даниил не принял сразу корону от папы именно под влиянием Кирилла³³.

Как бы то ни было, митрополит по-прежнему оставался врагом татарской власти³⁴. На Руси складывалась в то время антитатарская коалиция князей, Кирилл скрепил ее браком Андрея Ярославича с дочерью Даниила³⁵. То есть упрочение этой коалиции было одной из причин посещения первоиерархом Севера.

Ситуация в церковном управлении, сложившаяся ко времени прибытия митрополита во Владимирскую Русь, была непростой. Гибель епископа в великокняжеской столице сделала духовным центром земли Ростов, чей владыка Кирилл (кстати, до хиротонии во епископы служивший архимандритом Владимирского Рождественского монастыря³⁶) остался в живых благодаря своевременному уходу из города. До

²⁹ *Матвей Парижский*. Великая хроника // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 151, 124; *Анналы Бертонского монастыря* // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 180, 178; *Пашуто В. Т.* Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. Т. XXVI. М., 1948. С. 300–302.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 809.

³¹ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. М., 1993. С. 293.

³² Ср.: там же; *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 327.

³³ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. С. 292.

³⁴ *Охотина Н. А.* Русская Церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 75.

³⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

³⁶ Там же. Стб. 453.

татарского нашествия Ростов проигрывал своему прежнему пригороду Владимиру в противостоянии в борьбе за влияние³⁷, и вот теперь появилась возможность для реванша, и епископу Кириллу, волей случая оказавшемуся старшим иерархом Северо-Восточной Руси, отводилась здесь особенная роль. Прежде всего, действуя в интересах Ростова, он перенес тело убитого на реке Сить великого князя Юрия Всеволодовича в Ростов, нарушив тем самым сложившуюся традицию захоронения великих князей в Успенском соборе Владимира. Весьма возможно, что ростовцы вслед за этим рассчитывали и на перенос политического центра земли в их город. Видимо, с этим связано и начало летописной работы при дворе епископа Кирилла, в то время как во Владимире после монгольского разорения летописание находилось в затажном кризисе³⁸. Однако всем этим планам не суждено было сбыться: Ярослав Всеволодович настоял на перезахоронении тела погибшего брата, постаравшись в зародыше разрушить планы ростовцев³⁹. (Интересно, что еще в период вооруженной борьбы Константина и Юрия Всеволодовичей, выражавших интересы Ростова и Владимира соответственно, Ярослав выступил на стороне последнего.) Приезд же на Северо-Восток митрополита лишал Ростов и значения церковного центра, ибо по прибытии первоиерарха епископ Кирилл автоматически терял власть над великокняжеской столицей.

А митрополит тем временем, как мы можем предположить, не забывал о главной политической цели своей миссии: упрочения коалиции, направленной против Орды, во главе, которой стоял бы Даниил

³⁷ О борьбе городов-государств Северо-Восточной Руси после смерти Всеволода Большое Гнездо см. подробно: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 690–697 и др; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003. С. 60–83.

³⁸ О летописании при Ростовской епископской кафедре см. подробно: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 147. Ю. А. Лимонов, не возражая против тезиса о тесной связи ростовского летописания с местным духовенством, считал все же, что неправильно приписывать создание летописи Ростовскому епископу Кириллу, так как сообщения об этом архиерее составлены, скорее всего, после его смерти. Так же, по мысли Ю. А. Лимонова, не имел непосредственно прямого отношения к этому делу и ближайший приемник Кирилла Игнатий, о котором летопись вообще говорит в негативном ключе. Исследователь полагал, что центр летописной работы находился не на архиерейском дворе, а при церкви Богородицы (*Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 137–138, 153–154).

³⁹ См. подробно об этом: *Романив В. Я.* Князья, общины, монголы в Ростово-Суздальской земле в середине XIII в. // *Клепинин Н. А.* Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. С. 226–228.

Галицкий. Видимо, желая вовлечь в антимонгольский союз Новгород, русский первоиерарх посетил и этот город, где поставил архиепископа Далмата⁴⁰. Прибытие на берега Волхова митрополита, да еще в сопровождении епископа Ростовского было, конечно, само по себе далеко не рядовым событием. К тому же с заступничеством соименного обоим архиереям святого – Кирилла Иерусалимского – новгородцы связывали избавление от войск Бату-хана⁴¹. Это, без сомнения, должно было усилить произведенное на жителей приездом иерархов впечатление.

Несмотря на это, Новгород против ханской власти не выступил, зато Кирилл познакомился здесь с Александром Ярославичем, бывшим в то время номинально великим князем Киевским. По-видимому, князь расположил к себе митрополита своими антикатолическими воззрениями, возможно, в его присутствии он дал ответ послам папы, чем, конечно, вызвал к себе симпатии митрополита⁴². Описание силы монголов должно было особенно убедительно звучать из уст героя Невской и Ледовой битв, ведь его нельзя было обвинить ни в страхе (свою храбрость он не раз доказал в боях), ни в неосведомленности (Ярославич только что вернулся из далекого Каракорума).

Антитатарская коалиция потерпела крах. Вернувшегося из Орды великим князем Владимирским Александра Ярославича встречал у Золотых ворот Владимира «митрополит и вси игумени и гражане»⁴³. Вероятно, Кирилл окончательно понял тщету усилий сбросить власть ханов в данное время⁴⁴. Поддержка митрополита, безусловно, должна была

⁴⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 80, 304.

⁴¹ Янин В. Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 207.

⁴² Григорьев А. П. 1) Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. Л., 1990. С. 57; 2) Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотордынских документов. СПб., 2004. С. 10–11.

⁴³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.

⁴⁴ Существует мнение, что антитатарская коалиция имела реальные шансы на успех, но натолкнулась на политику Александра Невского, желавшего прекратить новые вторжения смирением. Александра поддержала при этом и Русская Церковь (Каргалов В. В. 1) Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 142–144; 2) На границах стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998. С. 25–28; Чукаева В. А. Русские княжества и Золотая Орда 1243–1350 гг. Днепропетровск, 1998. С. 36–37). Н. А. Охотина также считает

оправдать действия Александра в глазах народа⁴⁵. В будущем Ярославич убедит в лояльности Кирилла ханскую власть (как добьется и реабилитации своего брата Андрея) во время своих поездок в Орду. Примечательно, что среди встречавших Александра не названы бояре. Вероятно, что владимирские бояре в то время противились политике сохранения мира с монголами и поддерживали его брата Андрея⁴⁶.

После этих драматических событий Александр Невский получил ярлык на великое княжение Владимирское и начал обустройство Руси. В 1257–1259 гг. прошла перепись населения для последующего сбора

поддержку Церковью политики Александра одной из причин поражения Андрея Ярославича (*Охотина Н. А.* Русская Церковь и монгольское завоевание (XIII в.). С. 75.)

Но, на наш взгляд, верно то, что сопротивление татарам в то время было губительно для Руси, и Александром Невским как и митрополитом, руководили «соображения реальной политики» (*Мейендорф И. Ф.* Византия и Московская Русь. Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV в. // Мейендорф И. Ф. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 367). Александр стремился остановить «развивающийся по нарастающей процесс образования все новых и новых суверенных и полусуверенных от центра общин» с помощью сильной публичной власти, которая должна была выступить органом «объединенного территориально и административно союза волостей» (*Михайлова И. Б.* Александр Невский и политика создания единого государства в Северной Руси // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 17). То есть речь в данном случае идет не более и не менее, как о попытке формирования единого государственного пространства на территории Северной Руси.

Интересно проследить, как это стремление к централизации, то есть к крепкой государственности, ставится в вину Александру Ярославичу некоторыми нашими современниками. Например, И. Н. Данилевский пишет: «Опираясь на помощь монгольских ханов, Александр Невский закрепил деспотические традиции управления Северо-Западными землями Руси, заложенные его предшественниками». А отказ от безнадежного сопротивления представляется И. Н. Данилевскому «поразительной по цинизму характеристикой» для национального героя Александра Невского (*Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) М., 2000. С. 228, 210). Очевидно, более благоразумным было, по мнению историка, превратить Русь в выжженную землю в результате повторного карательного нашествия монголо-татар (сопоставление И. Н. Данилевским масштабов Неврюевой рати с набегом Бату-хана едва ли правомерно (Там же. С. 209), а вот в случае полного выхода из-под контроля Руси ханы могли бы организовать действительно огромный набег).

⁴⁵ *Алексеев В. И.* Роль Церкви в создании Русского государства. (Период от нашествия татар до Ивана III.) Нью-Йорк, 1990. С. 48.

⁴⁶ *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 154.

дани. Духовенство при этом налогом не облагалось⁴⁷. Вряд ли это было результатом усилий Александра Ярославича⁴⁸. Веротерпимость татар общеизвестна, и освобождение от выплат русского клира – лишь частный случай ордынской религиозной политики⁴⁹. Особенно нужно подчеркнуть, что во время переписи (да и до нее, со времени приезда Кирилла на север) источники не дают нам права говорить о противодействии Церкви Орде. Конечно, митрополит, как и остальное духовенство, еще раз убедился в разумности предложенного Александром курса. Неудачи Даниила Галицкого стали лишним подтверждением правильности такой политики.

В 1261 г. в Сарае была создана православная епархия⁵⁰. Разнообразные причины ее возникновения в целом установлены⁵¹. Мы обратим особое внимание на одну из них. А. Н. Насонов полагал, что Беркехан хотел использовать клир для связей с Константинополем, почему и разрешил устроить епископию в своей столице⁵². Митрополит, по мнению ученого, для этой цели не подходил: хан помнил его прежние анти-татарские настроения, по той же причине Кирилл, считал А. Н. Насонов, ни разу не был в Орде⁵³. Соглашаясь с «византийской» причиной создания епархии, мы считаем неверным тезис о недоверии монголов митрополиту. В Троицкой летописи, возможно, содержалось указание на поставление Кириллом епископа Митрофана в самом Сарае⁵⁴. Видимо, татары были уверены в лояльности митрополита, который все же не

⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 473–475.

⁴⁸ Ср.: *Беляев И. Д.* Великий князь Александр Ярославич Невский // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. Кн. 4. М., 1849. С. 26–29.

⁴⁹ См. подробно: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Русская Церковь и ордынские власти (вторая половина XIII – первая четверть XIV в.) // *Тюркологический сборник-2001. Золотая Орда и ее наследие*. М., 2002. С. 164–166.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

⁵¹ См. подробно: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Русская Церковь и ордынские власти. С. 166–169.

⁵² *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) // *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2002. С. 250–251.

⁵³ Там же. С. 246, 249.

⁵⁴ «Того же лета (6769. – Р. С.) постави митрополит епископа Митрофана в Сарае (курсив наш. – Р. С.)» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950. С. 327). Для реконструкции текста в данном случае М. Д. Приселков использовал выписку Н. М. Карамзина (*Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 214, прим. 108). (Однако нельзя исключить

подходил на роль посредника в связях с греками, так он был загружен своими «общерусскими» делами и не мог отлучаться часто ни в Сарай, ни в Византию. Не будет, наверное, чрезмерной смелостью с нашей стороны утверждать, что в надежности Кирилла мог убедить ханскую власть Александр Невский во время своих визитов в Орду. (Подобно тому, как он смог добиться прощения для своего брата Андрея.)

Итак, по нашему мнению, митрополит Кирилл, который, будучи главой Русской Церкви, во многом определял ее политику, изначально был врагом татарской власти и поддерживал политику Даниила Галицкого, нацеленную на отпор Орде в союзе с католическим Западом. В Никее ему разъяснили ошибочность надежд на папу и опасность сближения с ним. Кирилл стал, таким образом, противником прокатолического курса. Невозможность же сопротивления Орде была показана ему Александром Ярославичем, который и смог реабилитировать митрополита в глазах ханов. Невский герой доказал русским иерархам (как и Руси в целом) верность принципа «Меч – Западу, мир – Востоку».

В 1262 г. по городам Руси прокатилась волна народных выступлений против откупщиков татарской дани – «бесурмен»⁵⁵. В некоторых источниках имеются указания на организацию этих восстаний князьями и конкретно Александром Невским⁵⁶. Причинами выступлений, наряду с татарскими поборами, были и мотивы религиозного характера⁵⁷, причем значение этих мотивов было, по-видимому, довольно существенным⁵⁸. В Ярославле был убит вероотступник – расстрига Зосима («бе мних образом»), который «вступив в прелесть лжяго пророка Ма[х]меда», стал откупщиком («и бысть бесурменин»)⁵⁹. Устюжская летопись и Архангелогородский летописец сохранили рассказ о том, как во время этого восстания в Устюге некто Багуи-багатур спасся от смерти, приняв хрис-

здесь и возможную невольную ошибку исследователя.) Не согласен с тем, что монголы не доверяли русскому митрополиту и И. У. Будовниц (*Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. С. 327*).

⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476, 524. Под термином «бесурмены» скрываются купцы-мусульмане (см.: *Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 206–208*)

⁵⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 143; ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 30.

⁵⁷ *Кривошеев Ю. В. 1) О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995. С. 43–44; 2) Русь и монголы. С. 211.*

⁵⁸ Откупщики-мусульмане присоединили к взиманию дани ругательство над православными святынями (*Беляев И. Д. Великий князь Александр Невский. С. 38*). Филарет (Гумилевский) указывал, что в злоупотреблениях бессермен участвовал «фанатизм исламизма» (*Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви. В пяти периодах. (988–1826.) СПб., 1894. С. 192*).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

тианство и взяв замуж свою наложницу русскую девушку Марию⁶⁰. Это сообщение источника считают достоверным не все историки, видя в нем фольклорный вымысел⁶¹. Впрочем, после знакомства с мнениями по этому вопросу Дж. Феннела и Я. С. Лурье остается впечатление, что исследователей смущает не столько рассказ о Буге, сколько упоминание грамот Александра Невского, которые он рассылал по городам с призывами «татар побивати». Сообщение об этих грамотах сопровождается, однако, «рядом конкретных деталей сопутствующего рассказа»⁶². Эти детали ученые и стремятся показать как вымышленные, дабы доказать, что «князя, и в том числе, конечно, Александр, не вдохновляли, не возглавляли и не поддерживали народное движение»⁶³. Ярославич не только с успехом противодействовал крестоносной экспансии и улаживал мирным путем возникавшие проблемы с монгольской властью. При необходимости он мог и применить силовой метод для решения спорных вопросов с монголами, но лишь в случае полной уверенности в том, что Русь не поплатится за это жестоким погромом. Конечно, источники не оставляют сомнений относительно вечевого характера выступлений 1262 г.⁶⁴, но «вечевой» вовсе не обязательно означает «стихийный». Нельзя пройти мимо поразительной «синхронности» возмущения в разных городах, для достижения которой необходима была точная координация действий. И кто же, как не князя, и, прежде всего, конечно, наиболее влиятельный из них – Александр Ярославич, могли лучше всего ее осуществить? Важно было так же сделать так, что бы восстания произошли в наиболее благоприятный период. И тут, видимо, помогла прекрасная осведомленность Ярославича относительно отношений властей Сарая и Каракорума, которая позволила выбрать особенно удачный момент для выступления против откупщиков, направленных Хубилаем⁶⁵.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 30, 70.

⁶¹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. С. 161; Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая. (Избранное.) СПб., 1997. С. 118.

⁶² Кирпичников А. Н. Александр Невский: между Западом и Востоком // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 118.

⁶³ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. С. 161.

⁶⁴ «...[люди Ростовской земли] изволиша вещь и выгнаша из городовъ [татар]» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 476).

⁶⁵ На наш взгляд, наиболее обоснована точка зрения, согласно которой восстание 1262 г. было направлено именно против представителей центральной монгольской власти (см.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 254–256). Впрочем, даже если А. Н. Насонов ошибался и откупщики действовали в интересах Сарая, междоусобие улуса Джучи и Хулагу, в любом случае, должно было резко повысить шансы на успех восстаний. И это вовсе не противоречит тому, что выступления против произвола «бессермен» могли быть подготовлены княжеской властью (Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 215, прим. 163, 213).

Обратим внимание на одну любопытную деталь. В 1262 г., согласно летописным данным, против татарской власти поднялись Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль⁶⁶, Устюг⁶⁷, то есть земли, входившие во Владимирскую и Ростовскую епархии⁶⁸. Это дает нам право предположить, что архиереи также не остались совершенно в стороне от всех этих событий, тем более, что религиозная составляющая в них, как мы видели чуть выше, была значительной. Могло ли быть так, что духовенство не было в курсе относительно подготовки этих выступлений? На этот вопрос, скорее всего, нужно дать отрицательный ответ.

Центром восстания стал Ростов⁶⁹, и, вероятно, епископ Кирилл, несмотря на тяжелую болезнь, предпринял некоторые усилия для этого. Тем более, что он, вероятно, рассчитывал на успех выступления. И для этого у него были основания, ведь в нашем распоряжении имеются данные о том, что за время правления Берке-хана он, по крайней мере, дважды посещал Орду⁷⁰, а потому, как и Александр Невский, был в курсе противоречий Сарая и Каракорума. Дело Кирилла мог продолжить и его преемник Игнатий, выбранный, кстати, не только с ведома митрополита и Ростовских князей (что вполне естественно), но и Александра Невского⁷¹.

Как мы могли убедиться, имеется указание и на то, что за год до восстания в 1261 г. в Сарае побывал митрополит Кирилл. Во время этого визита первоиерарх мог также вникнуть в некоторые тонкости отношения Сарая и центральной власти монгольской империи. Кроме того, в 1261 и 1263 гг. летопись фиксирует пребывание митрополита на Северо-Востоке Руси (благословение Игнатия Ростовского, встреча и похороны умершего по пути из Орды Александра⁷²). Скорее всего, Кирилл присутствовал здесь и в 1262 г., когда разгорелся мятеж против произвола «бесурмен».

Все это позволяет нам выдвинуть предположение о том, что высшие иерархи вместе с князьями, и в том числе Александром Невским, в

⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 476.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 30, 70.

⁶⁸ *Макарий*. История Русской Церкви. Кн. 2. С. 298 (Карта епархий Русской православной Церкви XII – первой половины XIII в.).

⁶⁹ *Насонов А. Н.* Моголы и Русь. С. 259.

⁷⁰ См. Повесть о Петре, Царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М., 1982. С. 142–143.

⁷¹ «Благоверный же князь Александр..., Борисъ и Глебъ Васильковича... благословеньемъ митрополита Кирила и епископа Кирилла изведоша архимандрита святого Богоявленья Игнатъя и бысть причетник церкви святыя Богородица в Ростове» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 476).

⁷² См. ПСРЛ. Т. I. Стб. 476; ПСРЛ. Т. III. С. 84, 312.

какой-то мере могли способствовать организации выступлений 1262 г. Но одновременно они же могли быть и некоторым фактором сдерживания возмущения народа. Ведь насколько можно судить по данным летописей, после 1262 г. возмездия за непокорность в виде карательного набега, подобного Неврюевой рати, не последовало. Как было сказано чуть выше, на наш взгляд, главной причиной этого были противоречия между Сараем и центральной монгольской властью. Однако в случае гибели кого-либо из монголов, приближенных к особе хана, ни внутренние междоусобия Чингизидов, ни дипломатические ухищрения русских князей не помогли бы избежать жестокой кары, как это и произошло с Тверью после расправы в 1327 г. над Чол-ханом и его людьми⁷³. Александр Невский, как и архиереи городов, охваченных восстаниями, это прекрасно понимали. А потому, вероятно, именно они постарались сделать так, чтобы гнев восставших обрушился только лишь на «бесурмен» – непосредственных сборщиков дани и не затронул татар, напрямую с фискальными операциями не связанных. Во второй половине XIII в. Ростов, бывший в 1262 г. одним из главных центров восстания, становится привлекательным местом для татар, желавших переселиться на Русь. Здесь даже образовалась «своеобразная ордынская православная община»⁷⁴. Вероятно, этому должно было способствовать то, что вечевые выступления имели организованный характер и не превратились в повальную резню всех выходцев из Орды.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что высшие иерархи, по-видимому, оказали весьма значительное влияние на формирование личности Александра Невского в годы его детства и юности (Антоний Новгородский, Симон Владимирский). Возмужав, князь умело выстраивал отношения с иерархами, учитывал их интересы, мог определенным образом влиять уже на их собственное мировоззрение (митрополит Кирилл), а также использовать влияние Церкви в собственных политических целях. В целом ему удалось добиться взаимопонимания с высшим духовенством. И не случайно похороны князя превратились в настоящий епископский «снем»⁷⁵.

⁷³ См.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. С. 215, 363–364.

⁷⁴ См.: Кривошеев Ю. В. Ордынский царевич Петр и его род: некоторые бытовые и религиозные черты пребывания монголо-татар на Руси // Университетский историк. Альманах. СПб., 2002. С. 121.

⁷⁵ Для похорон Александра «... снемшеся епископи и игумени с митрополитомъ Кюриломъ» (ПСРЛ. Т. III. С. 84, 312). Наличие этого сообщения в Новгородской Первой летописи дает нам некоторое право предположить, что среди прочих архиереев здесь присутствовал и Далмат Новгородский.

С. В. Алексеева

ВЫБОР ВЛАСТИ МОСКОВСКИМ БОЯРСТВОМ ВО ВРЕМЯ УСОБИЦ второй четверти XV века

Княжеские усобицы, вспыхнувшие на Руси во второй четверти XV в. между Василием II Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем, племянниками Василием Косым и Дмитрием Шемякой, не раз приводили к переменам на московском великокняжеском престоле. Московское общество в условиях ожесточенной политической борьбы оказывалось перед выбором той или иной стороны. Свой выбор власти делало и московское боярство, ближайший к управлению страной социальный слой. Именно его поддержке, по мнению большинства исследователей, был обязан своей победой великий князь Василий II Темный¹. С другой стороны, в современной историографии признано, что часть старомосковского боярства, оказавшегося после завещания Дмитрия Донского под властью местных князей, было вынуждено занять сторону последних в борьбе за великокняжеский престол². Этим боярам, обладавшим вотчинами в различных частях Северо-Восточной Руси, был выгоден приход к власти удельных князей³.

¹ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. Вып. II. М., 2001. С. 271–272; *Ключевский В. О.* Соч. В 9 т. Т. II. Курс русской истории. Ч. II. М., 1988. С. 43; *Соловьев С. М.* Соч. В 18 кн. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. III–IV. М., 1988. С. 435–437; *Белов Е. П.* Об историческом значении русского боярства. СПб., 1886. С. 32; *Платонов С. Ф.* Собр. соч. по русской истории: В 2 т. Т. I. Лекции по русской истории. СПб., 1993. С. 178–179; *Мавродин В. В.* Образование русского национального государства. М., 1939. С. 111; *Бочкарев В. Н.* Политические итоги феодальной войны в удельно-княжеской Руси XV в. // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. II. Кафедра истории СССР. Вып. 2. М., 1947. С. 51–53; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 166.

² *Синелобов А. П.* Эволюция крупного феодального землевладения в Московском княжестве как фактор политического объединения Северо-Восточных русских земель (60-е гг. XIV в. – 70-е гг. XV в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 83.

³ А. П. Синелобов писал о Юрии Звенигородском: «Его многочисленные военные слуги имели вотчины в великокняжеской Владимирской области, что вынуждало князя Юрия добиваться расширения своего участия на этих территориях» (Там же. С. 107).

В кризисной ситуации, возникшей в 1425 г. после смерти Василия I, московское боярство вполне подтвердило свою роль «основного инструмента управления в руках великого князя»⁴. При малолетнем великом князе Василии II, было сформировано правительство. Как и в 1359 г., церковная власть и московское боярство, оказались на стороне несамостоятельного наследника. В большой мере это было обеспечено завещанием Василия I, оговорившего переход власти к сыну и зафиксировавшего круг его опекунов и сторонников как исполнителей духовной грамоты⁵.

Во главе московского правительства стали мать великого князя Софья Витовтовна, дочь правителя Великого княжества Литовского, также выступившего в числе поручителей выполнения воли Василия I, митрополит Фотий, обладающий верховной церковной властью, и боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Конец XIV – начало XV в. ознаменовались возвышением Всеволожских у московского престола⁶. Ряд исследователей, за исключением А. А. Зимины, считали, что И. Д. Всеволожский мог занимать должность большого московского наместника⁷. Но первым из бояр-послухов духовной грамоты Василия I был назван Юрий Патрикеевич, вероятно, что он и возглавлял управление городом.

Ю. Г. Алексеев писал: «Несмотря на малолетство великого князя, на Москве была твердая власть, адекватно реагирующая на события. Можно только гадать, кто эту власть олицетворял – великая княгиня мать или бояре вместе с митрополитом»⁸. Однако вряд ли поддаются разделению эти две составляющие. Появление правительства при Василии II стало итогом внутренней политики московских князей. И. Б. Михайлова отмечала: «Правление группировки Софьи Витовтовны, Фотия,

⁴ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 28.

⁵ Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. М.; Л., 1950 (далее ДДГ.). № 22. С. 60–62.

⁶ Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского 1389–1395 гг. М., 2003. С. 66–67.

⁷ Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы. М., 2003. С. 219; Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV–XV вв. // Исторические записки. М., 1981. Т. 105. С. 205; Михайлова И. Б. Смута на Руси во второй четверти XV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 2. Вып. 1–2. С. 8. А. А. Зимин считал, что наместником великого князя в 20–40 гг. XV в. был Юрий Патрикеевич (Зимин А. А. Наместническое управление в русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 277).

⁸ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 51.

И. Д. Всеволожа явилось закономерным и завершающим этапом развивавшегося с середины XIV в. процесса усиления боярства»⁹.

В условиях ухудшения отношений Василия II с Юрием Дмитриевичем (отказ от поездки в Москву, бегство из Звенигорода в Галич, уклонение от заключения мира) политика окружения великого князя была направлена на избежание открытого конфликта с галичским князем и содействовала сплочению младших сыновей Дмитрия Ивановича Донского вокруг Василия Васильевича.

В 20-е гг. XV в. правительством Софьи Витовтовны и Фотия в интересах Василия II были проведены два важных преобразования: судебная и денежная реформы¹⁰. Также Московскому правительству пришлось взять на себя решение внешнеполитических задач¹¹.

Однако уже первый период межкняжеской борьбы, развернувшейся в Московском государстве в начале 1433 г., показал, насколько опасным могло быть могущество московского боярина, направленное против великокняжеской власти.

По приезде из Орды, не получив должного вознаграждения за свое выступление на стороне Василия II, И. Д. Всеволожский решил сменить лагерь. Отъехав из Москвы, он через Тверь и Углич направился в Галич к Юрию Дмитриевичу и «начат подговаривати его на великое княжение»¹². Опытный политик, он посчитал возможным утверждение на престоле отвергнутого в Орде дяди Василия II звенигородского и галичского князя, который в отличие от сидящего в Москве племянника мог еще нуждаться в его помощи и влиянии. К тому же, с этой ветвью наследников Дмитрия Донского он сумел породниться¹³. Недовольство в правящих боярских кругах всевластием И. Д. Всеволожского, видимо, привело к перевороту, в результате которого он потерял прочные пози-

⁹ Михайлова И. Б. Смута на Руси во второй четверти XV в. С. 8.

¹⁰ Запись о душегубстве // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 168; Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник Ч. 3. М., 1974. С. 47.

¹¹ Стронникам великого князя пришлось добиваться признания его власти Великим княжеством Литовским и Ордой, что вылилось в ряд дипломатических визитов. Митрополит Фотий совершил несколько поездок в Великое княжество Литовское. Иван Дмитриевич Всеволожский сыграл судьбоносную роль в решении тяжбы о великом княжении в Орде в 1431 г.

¹² Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. XXV. М., 2004. С. 250.

¹³ Внучка И. Всеволожского была выдана замуж за Василия Юрьевича, сына Юрия Дмитриевича Звенигородского (ПСРЛ. Т. XXV. С. 250).

ции у великокняжеского престола¹⁴. О напряженных отношениях среди знати не могла не свидетельствовать встреча И. Д. Всеволожского с послами великого князя у Троицкого монастыря Федором Андреевичем Лжа и Федором Григорьевичем Товарко, когда «бысть межи их, обоих бояр, брань велика»¹⁵.

С приходом к власти Юрия Дмитриевича после победы над великокняжескими войсками на берегах Клязьмы 25 апреля 1433 г. разногласия в боярской среде не утихли. Ближайшим советником при Юрии Дмитриевиче в Москве стал не Иван Дмитриевич Всеволожский, а Семен Федорович Морозов, звенигородский и галичский вотчинник¹⁶. Ему принадлежала роль посредника в заключение мира между князьями¹⁷. В Никоновской летописи, содержащей рассказ о ссоре И. Д. Всеволожского и С. Ф. Морозова, последнему вменялось в вину инициатива передачи Коломны Василию II¹⁸. По мнению Л. В. Черепнина, С. Ф. Морозов действовал как глава заговора в целях восстановления на престоле великого князя Василия II Васильевича¹⁹. Однако подобная трактовка кажется маловероятной.

После отхода Коломны Василию Васильевичу последовала кризисная для Юрия Дмитриевича ситуация, массовый отъезд служилых людей к великому князю. Такой поворот событий окончательно расколол лагерь сторонников звенигородского князя, настроил большинство против фаворита «любовника князя» С. Ф. Морозова. Возможно, что в среде беглецов оказались и те, кому не понравился приход к власти галичского вотчинника: «...и поидоша съ Москвы на Коломну без престани,

¹⁴ С. Б. Веселовский и А. А. Зимин допускали существование заговора в боярской среде против И. Всеволожского (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. М., 1969. С. 510; *Зимин А. А. Витязь на распутье*. С. 53–54).

¹⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 250; ПСРЛ. Т. XXVI. М., 1959. С. 189.

¹⁶ В начале XV в. Семен Морозов пожаловал половину варницы в Соли Галицкой Троице-Сергевому монастырю (*Акты социально-экономической истории*. Т. I. М., 1952. № 3. С. 27). В приданое за дочерью он отдал села Покровское и Никольское в Звенигороде (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. С. 198).

¹⁷ ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 265; ПСРЛ. Т. VI. М., 2001. С. 65; ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 147; Т. XII. М., 2000. С. 18.

¹⁸ «Иван же Дмитриевич вознегодова о сем и не любо бысть ему сие зело, что простыню дает ему, еще же и удел хочет дати ему; и не точию единъ Иван Дмитриевичъ, и инии мнози бояре и служи разъяришася о сем и не любо им бысть сие всем» (ПСРЛ. Т. XII. С. 18).

¹⁹ *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы*. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 111.

отъ мало и до велика, понеже не любо имъ бысть всемъ на любовника Юрьева на Семена Морозова»²⁰.

А. Е. Пресняков писал: «Князь Юрий потерпел крушение на попытке отделить неотделимое: великокняжескую власть от ее владельческой базы, с которой тесно связан организационный центр этой власти московский великокняжеский двор»²¹. В 1435 г. Юрий Дмитриевич отпустил Василия II в Коломну и «всехъ боярь его с ним»²². Безусловно, что ко второй четверти XV в. в Москве прочно сложился аппарат управления великого князя. Он был в основном ориентирован на службу определенной, старшей по происхождению княжеской линии из рода Даниловичей, правящей в Москве. После перехода Коломны Василию II, потерявшему московский стол, начался отток людей во «вторую столицу» Московской земли. Присутствующая в летописях размытая характеристика беглецов как «многие люди», «от мала и до велика» не раз вводила в заблуждение исследователей XIX в.²³ Историки XVIII–XX вв. часто оценивали этот отъезд в Коломну как проявление воли всех горожан или даже всего народа²⁴.

Подробно состав тех, кто бежал в Коломну, представлен в Ермолинской летописи: «Москвичи же вси, князи, и бояре, и воеводы, и дети боярские и дворяне от мала и до велика вси поехали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служити удельным князем»²⁵.

Служба «галичским князьям»²⁶, от которой отказывались москвичи, должна была вызвать серьезные перестановки в управлении Москвой, и это не могло не учитываться в ближайшем окружении верховной власти. И. Е. Забелин связывал усобицы второй четверти XV в. с разделением в боярской среде. Он считал, что своими успехами в захвате Москвы как Юрий Дмитриевич, так и впоследствии Шемяка были обязаны «боярской крамоле»²⁷. И. Д. Беляев, напротив, именно в московском боярстве видел главных врагов галичских князей: «В Москве по

²⁰ ПСРЛ. Т. XII. С. 18.

²¹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 267.

²² ПСРЛ. Т. XII. С. 18.

²³ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 190; ПСРЛ. Т. VI. С. 65; ПСРЛ. Т. XXV. С. 251.

²⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского В 12 т. Т. V. М., 1995. С. 144; Погодин М. П. О Москве // Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 149; Забелин И. Е. Взгляд на развитие московского самодержавия // Исторический вестник. СПб., 1881. Т. IV. Год II. Февраль–март. С. 761.

²⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 147.

²⁶ ПСРЛ. Т. V С. 265.

²⁷ Забелин И. Е. Взгляд на развитие московского самодержавия. С. 760–762.

характеру боярства не доверяли Юрию и ненавидели его и все его семейство; Юрий со своей стороны также не доверял московскому боярству»²⁸. С. Б. Веселовский представлял бегство в Коломну как следствие наметившегося расслоения в боярской среде²⁹. А. Б. Мазуров полагал, что в Коломне «Василия II поддержало старомосковское боярство и его домениальный город, включая и его церковную организацию»³⁰. Л. В. Черепнин и И. Б. Михайлова ставили во главе движение в Коломну служилых людей³¹.

Как представляется, и московская боярская аристократия, и формирующийся слой служилых людей, вероятно, после прихода к власти нового великого князя оказывались в равно невыгодных условиях. Поэтому, скорее всего, отъезд в Коломну был выбором не только боярства, но и служилых людей, теснимых двором нового правителя.

Видимо, правление звенигородского князя в период с 25 апреля по 28 сентября 1433 г. должно было выявить серьезные противоречия между ним и сложившимся уже к тому времени аппаратом управления предыдущего владельца московского престола. Трудно согласиться с таким мнением, что Юрий Дмитриевич, как и потом его сыновья с ««провинциальными» представлениями», попросту не смог разобраться в работе двора великого князя³². Л. В. Черепнин указывал, что «московские боя-

²⁸ *Беляев И. Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. С. 398.

²⁹ С. Б. Веселовский писал, что «естественными союзниками великокняжеской власти были старые московские роды, так же как естественными сторонниками удельных князей были те роды, которые перешли к ним на службу или служили по вотчинам исстари» (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 514).

³⁰ *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М., 2001. С. 148.

³¹ «Приход в Москву удельных князей с их «двором», члены которого были в свою очередь заинтересованы в земельных приобретениях, в повышении по службе, должен был внести дезорганизацию в эту систему, повлечь за собой перераспределение земельных фондов, перебор служилых людей» (*Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 759–760); «Важнейшей из проведенных реформ было создание нового войска – детей боярских, служивших с мелких и средних вотчин. Дети боярские стали надежной опорой великокняжеской власти. Весной 1433 г. они оказались служить занявшему Москву Юрию Дмитриевичу Звенигородскому» (*Михайлова И. Б.* Смута на Руси во второй четверти XV в. С. 11).

³² Михайлова И. Б. писала, что «ни Юрий Звенигородский, ни его сыновья за короткое время пребывания на великокняжеском столе не могли уяснить сложного механизма функционирования московской канцелярии» (*Михайлова И. Б.* Смута на Руси во второй четверти XV в. С. 11).

ре, перешедшие на сторону Юрия (вроде И. Д. Всеволожского), также накопили за те годы, в которые они стояли у руководства политической жизнью Московского княжества, большой организационный опыт и пользовались авторитетом у различных групп землевладельцев и горожан»³³.

Невозможно представить, что Юрий Дмитриевич, долго правящий в подмосковном Звенигороде и имевший поддержку в Галиче, сформировавший сильное войско, одержавшее победу над великим князем, не обладал своим штатом бояр и служилых людей³⁴. О наличии такого круга уже косвенно свидетельствует договор Василия Дмитриевича с Юрием Дмитриевичем конца XIV в.³⁵ Они, помогавшие ему в ратном деле, должны были стать теми, на кого он мог опереться в управлении Москвой. Возглавить эту группу вполне мог С. Ф. Морозов. Он и оттеснил от престола И. Д. Всеволожского, которой во многом способствовал приходу к власти Юрия Звенигородского и имел все основания рассчитывать на высокое положение. И. Д. Всеволожский был вынужден покинуть лагерь Юрия Дмитриевича и бежать к Василию Васильевичу в надежде на прощение³⁶. Отъезд И. Д. Всеволожского и убийство С. Ф. Морозова сыновьями князя Василием Юрьевичем и Дмитрием Юрьевичем привели к потере контроля над ситуацией в столице. Юрию Дмитриевичу стало «непрочно ... седение на великом княжении»³⁷, «не остался у отца ихъ Москвичь никого»³⁸. Звенигородский князь покинул Москву, заключив с Василием II мирный договор³⁹.

20 марта 1434 г. Юрий Дмитриевич снова разбил войско великого князя у села Никола на Горе в Ростовской земле. На его сторону перешел бежавший в Тверь союзник Василия II князь Иван Андреевич Можайский. Соединение сил двух местных князей, имевших высокий статус среди Московской династии Даниловичей, видимо, было многообещающим, так как и в третий раз представитель мятежной галицкой династии Дмитрий Шемяка захватил Москву с помощью Ивана Можайского.

³³ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 758.

³⁴ О круге местных вотчинников, поддержавших Юрия Дмитриевича, см.: Ивина Л. В. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985, С. 122; Синелобов А. П. Эволюция крупного феодального землевладения в Московском княжестве ... С. 117–118; 125–126.

³⁵ ДДГ. № 14. С. 40.

³⁶ ПСРЛ. Т. XXVII. М., 1962. С. 344.

³⁷ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 147.

³⁸ ПСРЛ. Т. V. С. 265.

³⁹ ДДГ. № 30. С. 75–80.

Н. С. Борисов отметил о много говорящем решении Василия II, когда после поражения великий князь не стал искать убежище в Москве, а двинулся в Тверь. Исследователь писал: «Несомненно, здесь скрывалась та же причина, что погнала его прочь из Москвы после поражения на Клязьме весной 1433 г. Молодой великий князь не доверял москвичам и ожидал измены с их стороны»⁴⁰.

31 марта 1434 г. после недели пассивной осады Юрий Дмитриевич овладел Москвой. Летописи не отразили обстоятельств боя за город. Московские источники ограничились краткой формулировкой: «город взят»⁴¹. Софийская I летопись и Псковская летопись также лишь упомянули, что москвичи же город ему «отвориша»⁴². Ермолинская летопись отметила роль того, кто был во главе столицы и, по всей видимости, отвечал за оборону города, «а на святой недели городъ ему отворили в среду же, воевода был Романъ Ивановичъ Хромого»⁴³. А. П. Синелобов связывал такую бескровную сдачу города в 1433 и 1434 гг. Юрию Дмитриевичу с недовольством широкими кругами москвичей пролитовской ориентацией правительства Софьи Витовтовны⁴⁴. Он также отмечал широкое привлечение литовцев в высшие слои управления государством в начале и во второй четверти XV в.⁴⁵

Московское боярство в очередной раз оказалось перед выбором великокняжеской власти после возвращения на Русь из татарского плена Василия II в ноябре 1445 г. Великий князь оказался в крайне неблагоприятных условиях. Жители Москвы недавно оправались от опустошительного пожара 14 июля 1445 г., город был разорен. Обязательство выплаты огромного выкупа должно было окончательно сломить население и подорвать доверие к власти Василия II. При таком положении дел Дмитрию Шемяке нетрудно было пополнить ряды своих сторонников. Он «здумаша со князем Иоанном Андреевичем Можайским, а с

⁴⁰ Борисов Н. С. Иван III. М., 2003. С. 43.

⁴¹ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 174; ПСРЛ. Т. XXV. С. 251; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 190; ПСРЛ. Т. XII. С. 20.

⁴² ПСРЛ. Т. V. С. 266; ПСРЛ. Т. V. Псковские летописи. Вып. 2. М., 2000. С. 129.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 148.

⁴⁴ «Негативное отношение к правительству Софьи Витовтовны особенно ярко проявилось в событиях 1433/34 гг., когда москвичи открыли ворота князю Юрию и не стали оборонять укрывшуюся в Кремле Софью Витовтовну, а бежавший великий князь Василий Васильевич кочевал по Северо-Восточной Руси, нигде не встречая прибежища» (Синелобов А. П. Эволюция крупного феодального землевладения в Московском княжестве ... С. 106).

⁴⁵ Там же. С. 102–103.

ними и от бояр великого князя, и от гостей московских, и от троецких старцев»⁴⁶. Есть основания считать, что широкие массы горожан и знати проявили сочувствие к мятежникам: «Мнозии же Москвичи в думе с ними бяху, бояре же и гости, беша же и от черньцовъ в той думе с ними»⁴⁷.

В числе «злых советников» Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского «быша у них Костянтиновичи и прочии бояре, не хотящее добра своим государемъ и всему христианству»⁴⁸. С. Б. Веселовский под «Константиновичами» понимал младших сыновей Константина Добрынского – Ивана, Петра и Никиту, чьи вотчины были конфискованы за участие в заговоре⁴⁹.

И. Е. Забелин считал, что захватом Москвы Шемяка был обязан измене бояр⁵⁰. Среди сторонников Шемяки он видел «старых» бояр, а Василия II – «молодых»⁵¹. Л. В. Черепнин, рассматривая состав сил Дмитрия Шемяки, обратился к мысли, высказанной им ранее при анализе ситуации 30-х годов XV в. и измене И. Д. Всеволожского, о расколе московского боярства на «юных» и «старых», отстаивавших «разные программы внутренней и внешней политике»⁵². Видимо, на стороне Дмитрия Шемяки должна была оказаться группировка «юных» бояр, выступавших против союза с Ордой. Исследователь четко не пояснил состав лагерей: «У нас мало данных о том, по какой линии шел раскол московского боярства, часть которого примкнула к Дмитрию Шемяке, часть осталась верной Василию II»⁵³. Упоминание о «гостях московских» заставило Л. В. Черепнина вновь возвратиться к предположению о поддержке купечеством галицких князей⁵⁴.

Безусловно, в числе самых влиятельных и значительных сторонников Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского мог быть назван бывший коломенский наместник Федор Старков, так как «кормолил с Москвы Иван Старковъ»⁵⁵. Отношения Шемяки с Иваном Федоро-

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 152; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 200.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 264; ПСРЛ. Т. XXVII. С. 110.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 264; ПСРЛ. Т. XXVII. С. 110.

⁴⁹ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 149.

⁵⁰ *Забелин И. Е.* Взгляд на развитие московского самодержавия 1881. С. 762.

⁵¹ «Оставленный старым боярством, Василий сам того не зная, нашел многочисленных друзей в молодых детях боярских...» (Там же. С. 762–763).

⁵² *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 792–793; 754–755.

⁵³ Там же. С. 792.

⁵⁴ Там же. С. 792–793.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XX. СПб., 1910. С. 259; ПСРЛ. Т. XXVII. С. 272.

вичем Старковым, по мнению С. Б. Веселовского, могли сложиться во время заточения удельного князя в Коломне зимой 1436 г.: «...князь Дмитрий Шемяка жил у Ивана Старкова больше как почетный гость, чем как узник, и завязал с ним близкое знакомство, что сказалось через несколько лет»⁵⁶. Трудно выяснить, заключалась ли «крамола» Ивана-Федоровича Старкова исключительно в личном шпионаже, проставлении сведений Дмитрию Шемяке, до времени выжидавшему в засаде, как это полагал С. Б. Веселовский⁵⁷, или он мог способствовать формированию круга сторонников мятежных князей в Москве. Сам ход захвата Дмитрием Шемякою и Иваном Можайским столицы Северо-Восточной Руси свидетельствует, что таковые у них были. Ряд летописей отмечает благоприятную по отношению к смене власти ситуацию в самом городе: «...не бяше бо противящегося им, и никому, ведящу сего, токмо единомысленником их, иже град отвориша им»⁵⁸.

Правление Шемяки в Москве в период с февраля по ноябрь 1446 г. мало чем отличалось от пребывания там его предшественников, оспаривавших московский престол у Василия Васильевича. Ворвавшись в Москву, союзники расправились со своими недоброжелателями: «...Они же въехавшее въ градъ, начаша грабити, а другихъ имати и вязати и ковати; а княиню великую Софью поимаша, мать великого князя, да и княиню его Марию, великого князя жену, и бояръ множество»⁵⁹.

Однако исторические свидетельства о правлении Шемяки в Москве несколько противоречивы. После того как ослепленный на Шемякинском дворе в Москве великий князь, его мать и жена были высланы из столицы, жители Москвы были приведены к присяге Дмитрию Юрьевичу⁶⁰. Летописец показывает, что город, за исключение сторонников Василия II, которые бежали в Литву под началом князей Василия Ярославича Серпуховского и Семена Ивановича Оболенского, принял нового князя. «...а прочии дети боарьские и вси люди биша челом служити князю Дмимтрею»⁶¹, «вси люди биша челом служити князю Дмитрею»⁶². С другой стороны, московские летописи отмечают недовольство

⁵⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 339.

⁵⁷ Там же. С. 515.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 197; ПСРЛ. Т. XXV. С. 264; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 200; ПСРЛ. Т. XXVII. С. 111.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XX. С. 259.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 152.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 266.

⁶² ПСРЛ. Т. XXVI. С. 202.

москвичей правлением Дмитрия Юрьевича: «...все люди негодоваху о княжении его и на самого мысляху, хотяше великого князя Василья на своем государстве видети»⁶³. Л. В. Черепнин считал последнее свидетельство неожиданными, видел в нем «явное смещение исторической перспективы»⁶⁴.

Развитие политических событий не позволило Дмитрию Шемяке остаться в Москве. Центром оппозиции новому московскому князю стал Муром, где скрылись братья Рязполовские с сыновьями великого князя. Московские бояре и «многие дети боярские двора великого князя» заняли сторону великого князя⁶⁵. В. О. Ключевский писал о них: «Приверженцы Василия не давали покоя его соперникам, донимали их жалобами, протестами и происками, брали на свою душу его клятвы, пустили в дело на его защиту все материальные и нравственные средства, какими располагали»⁶⁶.

Первоначально сторонникам Василия Темного принадлежала идея военного похода на Углич и освобождения великого князя, затем отдаленный Кирилло-Белозерский монастырь стал местом сбора тех, кто выступал за возвращение его на престол. С начала выступления Василия II в 1446 г. «бояре князя великого и дети боярские и люди мнози и побегоша от князя Дмитрея и от князя Ивана к великому князю»⁶⁷. На всем протяжении пути с Вологды силы Василия II пополнялись.

В конце декабря, воспользовавшись благоприятной ситуацией, отряд великого князя во главе с М. Б. Плещеевым и тверская рать под началом Льва Измайлова «изгоном» взяли Москву⁶⁸. Л. В. Черепнин справедливо отмечал: «Так быстро захватить Москву великокняжескому отряду удалось, по-видимому, только потому, что ее население было на данном этапе весьма враждебно настроено по отношению к Дмитрию Шемяке»⁶⁹. Мятежные князья Дмитрий Юрьевич и Иван Андреевич Можайский были вынуждены спасаться бегством.

⁶³ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 199; ПСРЛ. Т. XXV. С. 266.

⁶⁴ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 796.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 267.

⁶⁶ Ключевский В. О. Соч. В 9 т. Т. II. Курс русской истории. Ч. II. С. 46.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 268.

⁶⁸ Инока Фомы «Слово похвальное» // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 320; См. также.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 268; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 206; ПСРЛ. Т. XXVII. С. 113–114.

⁶⁹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 804.

С. Б. Веселовский не видел в Юрии Дмитриевиче и его сыне Дмитрие Шемяке «принципиальных сторонников удельного строя», ведь удельную систему наследования поддерживали и Дмитрий Донской, и Василий Темный. По его мнению, «какие-то силы работали в пользу объединения Руси и относились враждебно к уделам и удельным князьям. Одной из таких сил было великокняжеское боярство, верхний слой землевладельческого класса»⁷⁰.

В современной историографии мнение о поддержке боярством московского князя было пересмотрено. Ю. Г. Алексеев отмечал, что в победе Василия II прежде всего сыграло роль «превосходство военно-политической организации великокняжеской власти», тех изменений которые происходили на Руси в XV в., по мере становления служилого государства⁷¹. И. Б. Михайлова пришла к выводу, что церковно-боярское правление, установившееся на первом этапе княжения Василия II, грозило нестабильностью во внутреннем и внешнем положении страны и поэтому было отвергнуто служилой знатью⁷². Согласно взглядам исследовательницы, именно дети боярские поддержали Василия Темного, стали настоящей опорой великокняжеской власти, сделав выбор в пользу «самодержавия великого князя Московского»⁷³.

Вероятно, следует допустить, что действительными сторонниками Василия II на разных этапах противостояния могли быть разные социальные категории: бояре и служилые люди. В общем, летописные характеристики чаще стремятся объединить этот широкий круг, называя в нем «бояр» и «детей боярских», чем подчеркнуть его внутренние границы.

Возможно говорить о некоем единстве большинства населения Московской земли и горожан вместе с высшими слоями общества в поддержке старшей ветви семьи Дмитрия Донского и прямой нисходящей линии наследования. И. Д. Беляев писал: «Московская земщина отличалась привязанностью к своему княжескому дому; она как-то слилась с княжескими боярами, обратившимися почти в земцев»⁷⁴. Нельзя не признать того, что в усобице великий князь смог выиграть в нелегком противостоянии только благодаря тому, что сразу после смерти Василия I «московская земщина вместе с княжескими боярами встала за малолетнего его сына Василия Васильевича»⁷⁵.

⁷⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 468.

⁷¹ *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 79.

⁷² *Михайлова И. Б.* Смута на Руси во второй четверти XV в. С. 10.

⁷³ Там же. С. 7.

⁷⁴ *Беляев И. Д.* Земский строй на Руси. СПб, 2004. С. 68.

⁷⁵ Там же. С. 67.

Т. Л. Лабутина

«ЗАПАДНИЧЕСТВО» И «АНГЛОМАНИЯ» ИВАНА ГРОЗНОГО (К вопросу о вестернизации политической элиты России)

В отечественной и зарубежной науке прочно утвердилось мнение о том, что «окно» в Европу открыл Петр I. Между тем устойчивые дипломатические, торговые и культурные связи Московского государства с западными странами были установлены еще в правление династии Рюриковичей. Сотрудничество с Западом, с одной стороны, приобщало Россию к новой культуре, а, с другой, – оказывало негативное влияние на менталитет, идеологию и политику ее правящей элиты, включая монарха. Особенно наглядно процесс вестернизации стал заметным в правление Ивана IV. О том, как данный процесс зарождался, и пойдет речь в нашей статье. Заметим, что указанная проблема в исторической науке поднимается впервые.

Задолго до Ивана Грозного Московское государство уже завязало сношения с Западом, хотя таковые ограничивались потребностями политики и торговли, пока еще «не разрастаясь в общую культурную связь»¹. После женитьбы великого князя Ивана III на племяннице византийского императора Софье Палеолог в 1472 г. в Москве появилось довольно много иностранцев. Получившая образование в Италии, Софья явилась в Московское государство «в сопровождении целой толпы итальянских медиков, архитекторов и мастеров»². По замечанию современника С. Герберштейна, Софья Палеолог была женщиной необыкновенно хитрой и имевшей большое влияние на великого князя. Однако ее влияние, утверждал известный историк В. О. Ключевский, распространялось лишь на декоративную обстановку, закулисную жизнь московского двора, придворные интриги и личные отношения, но никак не на политические дела³. Между тем позднее, в XVI в. бояре станут приписывать именно Софье все «неприятные нововведения», которые появились при московском дворе после прибытия с ней иностранцев. В XV в. в Москву по приглашению и без онога ехали «на службу» итальянцы, греки, немцы. Среди них были архитекторы, строители, военные, юве-

¹ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 9.

² Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 62.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 113–114.

лиры. Антон Фрязин, Аристотель Фиораванти, Марко Руфф, Пьетро Соларио, Алевиз возглавили работы по строительству московского Кремля, его башен, стен и соборов. Вскоре «на виду всего православного народа» была образована целая иноземная колония «немцев». Да и в самом Кремле явно не без влияния Софьи стали заметными перемены. Наметился «сложный и строгий церемониал» с присущей ему чопорностью придворной жизни. В дипломатических бумагах явился новый «более торжественный язык», «с пышной терминологией». На печатях Ивана III появился византийский герб – двуглавый орел. Тем самым, как утверждал Ключевский, Иван III впервые «отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул государя всея Руси, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе»⁴.

При князе Василии III сближение с западной культурой продолжалось. Вторая жена князя «литвинка» княжна Елена Глинская, вдвое моложе своего супруга, хотя и не отличалась знатностью, но была воспитана в иноземных обычаях, чем заметно выделялась среди московских боярышень. Василий настолько увлекся юной женой, что в угоду ей даже сбрил бороду, нарушив тем самым заветы старины⁵.

При сыне Василия и Елены Глинской – Иване Грозном стали появляться иностранцы среди советников царя – немецкие и польские офицеры, в царский дворец прибывали многочисленные посланники из разных стран. Из Германии и Италии царь Иван приглашал на службу офицеров, инженеров, литейщиков, пушкарей, архитекторов. В быт знати начали входить заграничные предметы роскоши: золото в нитях, жемчуг, шелковые и шерстяные ткани, пряности, изделия из металлов. По свидетельству служившего в опричнине немецкого наемника Г. Штадена, в столице было основано уже несколько поселений для иноземцев: на берегах Неглинки и Яузы. Одно время Грозный очень «ласкал» немцев и даже хвастался своим немецким происхождением. Как вспоминал английский посланник Дж. Флетчер, однажды царь, отдавая золотых дел мастеру слитки золота для изготовления посуды, приказал хорошенько смотреть за весом, заметив при этом: «Русские мои – все воры!». Англичанин улыбнулся: «Ваше Величество забыли, что Вы сами – русский». «Я не русский, – отвечал царь, – предки мои – германцы»⁶.

С прибытием в Московское государство в 1553 г. экспедиции англичанина Р. Ченслера началась новая веха в истории взаимоотношений

⁴ Там же. С. 114–116.

⁵ Скрынников Р. Г. Указ. Соч. С. 5.

⁶ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 7. М., 1989. С. 48–49.

России и Запада. Теперь свое внимание царь целиком переключил на англичан. Он даровал им беспрецедентное право на беспошлинную (как оптовую, так и розничную) торговлю на всей территории России, предоставил монопольное право пользоваться северным путем, разрешил торговать в Нарве, Казани, Астрахани, а также дозволил транзитную торговлю в Персию. Англичанам разрешили основать канатные дворы в Холмогорах и Вологде, заниматься рыбным и китовым промыслом, а также искать железо и строить завод на Вычегде. Свои товары английские купцы продавали с огромными барышами, тогда как русское сырье закупали по низкой цене. В короткое время Московская торговая компания получила огромные прибыли, от 300 до 400 процентов⁷. Неудивительно, что королева Елизавета Тюдор высоко оценила «заслуги» русского царя, который своей политикой открыл поистине баснословные источники обогащения для английского купечества: Иван Грозный получил от королевы Орден Подвязки⁸.

По утверждению историка М. А. Алпатова, своим «западничеством» Грозный заметно превосходил боярское окружение. Особенно это проявлялось в его отношениях с англичанами. В беседах с ними Иван «восхвалял англичан за их смелость и лояльность к своей королеве». Он восхищался их мастерством и умением, приглашая к себе на службу из Англии аптекарей, ювелиров, архитекторов, столяров, плотников. Первые двадцать кораблей, украшенных скульптурами львов, драконов, слонов, единорогов, а также диковинными цветами, были построены для Грозного англичанами. В войске Ивана наряду с поляками, шведами, голландцами стали появляться и выходцы с британских островов: шотландцы и англичане. Первые врачи при царском дворе также были родом из Англии. Один из них – Роберт Яков, прозванный в России Романом Елизаровым, находился «в большом доверии у Грозного и помимо своих врачебных обязанностей исполнял разного рода конфиденциальные поручения». Более того, именно этот доктор сделался своего рода «дипломатическим агентом» королевы, подробно информируя ее обо всем, что происходило при царском дворе⁹.

В середине 1560-х годов в англо-русских отношениях наметились осложнения. Военные неудачи Ивана в борьбе за Ливонские земли заставили царя задуматься о военно-политическом союзе с Англией, который он намеревался скрепить династическим браком с королевой Елизаве-

⁷ Tudor Economic Documents. Principal Navigation. Vol. II. Glasgow, 1973.

⁸ Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891. С. 24.

⁹ Там же. С. 25.

той. Царь также высказывал пожелание в случае внутренней смуты в его государстве получить политическое убежище в Англии.

Что побудило Ивана Грозного беспокоиться о политическом убежище в Англии? Ответы на этот вопрос давал англичанин Дж. Горсей, находившийся на дипломатической и коммерческой службе в России с 1573 по 1591 г. После того как крымский хан Девлет-Герей в апреле 1571 г. совершил набег на Москву, спалив ее дотла, царь надумал в спешном порядке отстроить столицу заново. Для этой цели он обложил высокими налогами и пошлинами купцов, города и монастыри, «истощая их богатства», что «разбудило против него такую ненависть, что, видя это, он размышлял, как обезопасить себя и свои владения». Кроме того, Иван «жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на свою жизнь, которые раскрывал каждый день». Опасаясь за свою жизнь, царь и надумал сыскать убежище в другой стране. У Вологды, писал Горсей, Грозный построил множество судов, барж и лодок, «куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях». Бежать царь предполагал не с пустыми руками. Он намеревался «в случае необходимости отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море – прямом пути в Англию»¹⁰.

Около года правительство Англии вместе со своей королевой обсуждало предложения русского царя. Наконец, 18 мая 1570 г. Елизавета объявила о своем решении: в случае мятежа в России принять царя с его семьей в Англии, где он «никакого не понесет ... оскорбления, либо утеснения в вере, но свободно и неудержно может из Англии по желанию своему, куда изволит ехать»¹¹. Что же касается проекта военно-политического союза, равно как и династического брака, то положительного ответа на данные предложения царя англичане не дали.

Между тем Грозный не оставлял своих попыток породниться с английской аристократией. Будучи женатым седьмым браком на Марии Нагой и не разведенным с шестой своей женой – Василисой Мелентьевой, он тем не менее весной 1582 г. снарядил посольство Федора Писемского в Англию с целью переговоров о возможном браке с племянницей королевы Мэри Гастингс. Несмотря на то, что посольство в Лондоне, как отмечал Горсей, «приняли с почетом» и королева разрешила повидать «невесту» и даже «написать ее персону для передачи государю», из

¹⁰ Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 56.

¹¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. С. 92.

данной затеи ничего не вышло. Быть может, причиной тому послужил отказ Грозного считать детей от намечавшегося брака с английской аристократкой своими возможными престолонаследниками.

Как бы то ни было, но слухи о возможной женитьбе царя на англичанке и, как следствие этого брака – изменение престолонаследия, не на шутку взбудоражили общественное мнение. «Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича – семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, – свидетельствовал Горсей, – изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения»¹². Ближайшее окружение царя было недовольно не только стремлением Грозного заключить династический союз с английской аристократкой, но и всей его покровительственной политикой по отношению к англичанам. Как подчеркивал британский ученый Э. Симмонс, «проанглийские симпатии» Ивана вызывали негодование ряда министров и знати, приближенной ко двору. Они подозревали в действиях своего царя «скрытые мотивы». На взгляд Симмонса, многие западные историки не без основания усматривали в действиях царя Ивана англomанию¹³.

Впрочем, покровительственное отношение Грозного к англичанам отнюдь не означало, что представителям других государств было отказано в приеме. Отнюдь. С середины XVI в. в Московском государстве, по утверждению С. Ф. Платонова, произошел «массовый наплыв западноевропейцев». Главные конкуренты англичан – голландцы появились в мурманских гаванях, на Северной Двине, в Нарве, Новгороде, на всем пути от Холмогор до Москвы; «немцы» из Ливонии, немцы-купцы из Германии «рассеянные по всему государству», жили целыми общинами со своими пасторами и молитвенными домами. «Очевидно, что значение иностранцев в Москве за время Грозного выросло настолько, – заключал историк, – что стало вопросом для москвичей и давало им повод обвинять царя в отпадении от старого обычая в сторону новоявленной иноземщины»¹⁴.

Особенно возмущали русских людей неофициальные формы общения царя с иностранцами. Грозный находился в постоянном общении с иноземцами и часто «показывал к ним расположение и ласку», которая порой, по мнению русских, «переходила всякую меру». Москвичи «удив-

¹² Горсей Дж. Указ. соч. С. 84.

¹³ Simmons E. J. English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935. P. 8.

¹⁴ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 25, 27.

лялись и негодовали по поводу той близости, какую допускал государь в своем знакомстве с «варварами»¹⁵.

Еще больше удивляло православных жителей Московского государства свободное обсуждение царя с иностранцами религиозных тем. Среди москвичей ходили слухи о том, что Грозный любит вести беседы с ливонскими пленными о различиях между православием и католичеством и даже подумывает о соединении церквей. Рассказывали, будто бы пастор из Дерпта Иоганн Веттерман был даже приглашен в личную библиотеку Грозного с целью ознакомления с теологическими трудами. Наконец, царь разрешил отправление протестантского богослужения и дозволил строительство кирки для иноверцев. Правда, иногда Грозный выходил за рамки толерантности. Как-то в беседе с царем некий пастор сравнил Мартина Лютера с апостолом Павлом, за что получил от Грозного удар посохом по голове с пожеланием «убираться к черту со своим Лютером!». Однако подобный случай являлся скорее исключением. Как правило, Грозный относился к иноверцам весьма терпимо.

Между тем в народном сознании религиозный вопрос, по утверждению ученого Д. Цветаева, являлся господствующим. Охрана собственной религии от посягательств иноверцев выдвигалась на первый план в сношениях с ними. Согласно существующим русским законам, протестанты не имели права вести с православными никаких бесед о вере, посещать их храмы, нанимать к себе русскую прислугу. Их обязывали носить национальную одежду и селиться в отведенных властями местах за городской чертой. Вступать в брак с «неверными» считалось крайне опасным для православных, а потому подобные браки дозволялись лишь при обращении иноверцев в православие. Нередко, сетовали иностранцы, местные жители относились к ним, «как к собакам или змеям», не подавали руки, дабы избежать их прикосновения. Однажды англичане зашли в церковь в одном из северорусских монастырей. На стенах храма они увидели роспись с изображением картины Страшного суда, на которой все праведники были изображены в русском платье, а грешники – в заморском. Само появление иностранцев в церкви вызвало бурю негодования среди прихожан¹⁶.

Естественно, что на фоне такого нетерпимого отношения к иноверцам со стороны русского народа покровительственное отношение царя к ним и даже попытки вступить в брак с представительницами протес-

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ Любименко И. Англичане в допетровской России // Русская мысль. М., ПГ., 1915. Кн. III. С. 76.

тантского вероисповедания не могло не вызвать широкого недовольства в российском обществе, прежде всего среди ближайшего окружения царя. В скором времени против царя образовался заговор, жертвою которого и стал он сам. 18 марта 1584 г. Иван Грозный скончался. Примечательно, что многие ученые сходятся во мнении по поводу возможной насильственной смерти царя. Так, В. Корецкий считал, что в заговоре против Грозного участвовали Борис Годунов, Богдан Бельский и лейб-медик царя голландец Иоганн Эйлоф, приготовивший питье с ядом. Когда яд начал действовать, свидетельствовал Горсей, «произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие в аптеку, а также за его духовником и лекарями. Тем временем он был удушен и окоченел»¹⁷. Корецкий полагал, что душили Грозного Годунов и Бельский¹⁸.

Сторонник версии насильственной смерти Грозного современный историк А. Б. Соколов отмечал: «Разумеется, недовольство деспотическим правлением Ивана Грозного зрело давно: в обстановке террора никто из приближенных ко двору не мог быть спокоен за свою жизнь, страна опустошена войнами и опричниной, обезлюдели многие города, крестьянство накануне полного закрепощения было близко к взрыву борьбы. И все же именно английские дела... могли стать непосредственным поводом для заговора»¹⁹. Когда английский посланник Боус, который вел переговоры о браке царя с Мэри Гастингс, явился ко двору, дьяк Андрей Щелкалов встретил его словами: «Ваш английский царь умер!» Так стремление Грозного породниться с королевским домом Англии завершилось трагедией для самого царя.

Между тем кончина царя-«англомана» не могла остановить начавшегося в России процесса вестернизации. В ту пору само российское общество уже оказалось прочно втянутым в орбиту западного влияния. Придворная и служилая знать вместе с Грозным привыкли общаться с представителями западных держав не только в Москве, но и за ее пределами, в зарубежных поездках. Они приобретали новые знания и навыки, знакомились с западной культурой. Купечество уже не могло обойтись без торговых операций со своими контрагентами. Наконец, и низы московского населения также стали привыкать к общению с «фрягами» и «немцами». Как подчеркивал Платонов, «весь рабочий люд... вступил в деловые связи с иностранными купцами, служил им на пристанях и

¹⁷ Горсей Дж. Указ. Соч. С. 87.

¹⁸ Вопросы истории. М., 1979.

¹⁹ Соколов А. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 54.

судах, на сухопутных дорогах и в гостиных дворах... Население тех городов, куда внедрялись на житье или на службу пленные «немцы», привыкало видеть их на улицах и рынках, даже в собственных домах на временном постое»²⁰.

Таким образом, «западничество» Ивана Грозного способствовало открытию для Европы столь замкнутого мира, каким было до него русское государство. Последователь Грозного «ласкатель англичан» Борис Годунов продолжил его политику, направленную на еще более тесное сотрудничество с Западом. Вестернизация политической элиты в России набирала обороты.

В. А. Ведюшкин

РОД МЕНДОСА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В КАСТИЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV–XV веков.: СТРАТЕГИИ ВОЗВЫШЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ВЛАСТИ*

Роль, которую сыграл род Мендоса (Mendoza) в истории Испании позднего Средневековья и раннего Нового времени, а в XVI–XVII вв. – и в истории Латинской Америки, уступает разве что роли королевских династий. Ни один аристократический род не пользовался на протяжении столь длительного времени таким влиянием и не выдвинул столь многих талантливых людей во всех сферах деятельности, какие только предполагало их происхождение. Генералы и конкистадоры, вице – короли и губернаторы, кардиналы и епископы, дипломаты и меценаты, поэты и историки, члены этого могущественного и очень разветвленного клана и в те века были на виду и ныне занимают достойное место в исторической памяти испанцев и латиноамериканцев.

* Статья подготовлена при поддержке гранта «Власть, право и социальные статусы в средневековой Европе: представления и стратегии» (Программа фундаментальных исследований РАН).

²⁰ *Платонов С. Ф. Указ. Соч. С. 32–34.*

Не удивительно, что исследователи уже очень давно изучают как историю рода в целом, так, в особенности, период конца XIV–XV в. – время его быстрого возвышения. Если учесть разные аспекты деятельности членов рода, его разные ветви и отдельных выдающихся представителей, то литература по ним окажется почти необозримой¹. Однако при ознакомлении с ней бросается в глаза, что разные ветви рода и разные персонажи изучены в очень разной степени. Основные факты истории возвышения гвадалахарской ветви рода Мендоса (к которой принадлежал, в частности, знаменитый поэт XV в. маркиз Сантьяна) в 20–40-е годы XX в. скрупулезно собрал историк-краевед, официальный хронист Гвадалахары Франсиско Лайна Серрано. В своем фундаментальном исследовании он опирался как на городские архивы Гвадалахары, так и, прежде всего, на прекрасно сохранившиеся семейные архивы этой части рода Мендоса, ныне хранящиеся главным образом в секции Осуна Архива испанской знати в Толедо. Но если о маркизе Сантьяне и его многочисленных потомках в целом мы знаем очень много, то другая ветвь рода, отделившаяся от «основной» в XIV в. (и до середины XV в. сама периодически претендовавшая на первенство), почти не заинтересовала историков – хотя, если уж прибегать к метафоре дерева, в этом случае следует говорить не о ветви, а скорее о раздвоении ствола. К другой, почти не известной его части принадлежали весьма влиятельные в XV–XVI вв. маркизы Каньете, а также графы Монтеагудо (позже маркизы Альмасан) и несколько других менее важных ветвей. Среди них – иногда для краткости их именуют по названиям городов, вокруг которых были сосредоточены их владения (Mendozas de Cuenca, Mendozas de Almazan, Mendozas de Molina и т. д.), – внимание привлекали лишь отдельные персонажи, такие как второй и четвертый маркизы Каньете, являвшиеся вице-королями Перу во второй половине XVI в. (в честь одного из них, кстати, получили название Маркизские остро-

¹ Назовем лишь наиболее значительные работы, главным образом, относящиеся не к отдельным персонажам, а к роду в целом: *Layna Serrano F.* Historia de Guadalajara y sus Mendozas. Т. 1–4. М., 1942; *Arteaga y Falguera C.* La Casa del Infantado, Cabeza de los Mendoza. 2 vols. Madrid, 1940; *Gutierrez Coronel D.* Historia genealogica de la Casa de Mendoza. 2 vols. Madrid, 1946; *Carril B. del.* Los Mendoza en Espana y en America en el siglo XV y en la primera mitad del siglo XVI. Buenos Aires, 1954; *Nader H.* The Mendoza family in the Spanish Renaissance, 1350–1550. New Brunswick, 1979 (в данной работе ссылки приводятся по испанскому переводу: *Los Mendoza y el Renacimiento espanol.* Guadalajara, 1986); *Belen Sanchez Prieto A.* La Casa de Mendoza hasta el tercer Duque del Infantado (1350–1531). El ejercicio y alcance del poder senorial en la Castilla bajomedieval. Madrid, 2001.

ва). Отсутствие мало-мальски равноценных исследований по разным ветвям рода затрудняет и ограничивает соблазнительную перспективу сравнительного исследования их исторических судеб, которое способствовало бы лучшему пониманию характера социальных связей в среде испанской аристократии и специфики ее самосознания. Однако для целей данной работы полузабытые ветви Куэнки или Альмасана пока не слишком подходят, поскольку в их отношении еще не проделана вся та черновая работа по введению в научный оборот и анализу основных фактов истории той или иной ветви, биографий ее отдельных членов и т. д., без чего невозможны широкие обобщения. Поэтому в данном случае мне, как и подавляющему большинству моих предшественников, приходится ограничиться гвадалахарской ветвью, наиболее влиятельной, лучше всего представленной в источниках и соответственно лучше всего изученной. Впрочем, во второй половине XV в. она и сама уже разделяется на ветви, во главе которых становятся заметные на политическом горизонте Кастилии персонажи – сыновья и внуки маркиза Сантьяны.

Задача данной статьи достаточно скромна: сознательно отказываясь от систематического анализа огромного корпуса сохранившихся источников, очертить общую канву истории гвадалахарской ветви этого неординарного рода, фактически не известного российским исследователям, выяснить причины ее возвышения и попытаться определить, почему среди примерно дюжины аристократических родов, вышедших в Кастилии на первые роли в конце XIV – начале XV в., к концу XV в. именно этот оказался наиболее могущественным и влиятельным. Конечно, история одного рода, хотя бы и столь могущественного и разветвленного, не позволяет понять, какие черты объединяют его с другими аристократическими линиями, а какие составляют его специфику. Поэтому все выводы общего характера неизбежно будут носить предварительный характер.

В процессе значительного обновления кастильской знати в XIV – начале XV в., который со времен классического исследования Сальвадора де Моксо известен как переход от «старой знати» к «новой знати»², баскский по происхождению род Мендоса занимал промежуточное ме-

² *Moxo S. de*. De la nobleza vieja a la nobleza nueva. La transformacion nobiliaria castellana en la Baja Edad Media // Cuadernos de Historia. Anejos de la revista «Hispania». Т. 3. Madrid, 1969. P. 1–210. В настоящее время история многих семей «новой знати» (Альварес де Толедо, Айала, Пиментель, Суньига, Веласко и др.) изучена монографически усилиями М. А. Ладеро Кесады, А. Франко Сильвы, М. К. Кинтанильи Расо, И. Бесейро Питы и многих других историков.

сто. По древности происхождения, которое можно проследить с XI в., он определенно относился к «старой знати», но две главные линии прервались в XIV в., в то время как две из числа боковых смогли возвыситься, переселившись из Страны Басков в Новую Кастилию, где карьере нужно было делать если не с нуля, то, во всяком случае, заново. В этом смысле род Мендоса может быть отнесен к «новой знати». «Новая знать» – а это такие линьяжи, как Суньига, Веласко, Альварес де Толедо, Айяла, Пачеко и некоторые другие, – складывалась как из местных кабальеро, так и из перебравшихся в Кастилию выходцев из других регионов (прежде всего, Португалии и Страны Басков). Как правило, не слишком богатые и знатные, они готовы были верно служить короне и, опираясь на полученные от нее пожалования, поддерживая друг друга, быстро расширяли сферы своего влияния. При этом они настолько быстро и прочно породнились с остатками «старой знати», что некоторые историки даже считают термин «новая знать» не вполне уместным³. Тем не менее те же Мендоса и в конце XV в. вполне отчетливо осознавали, что при всей древности их происхождения возвысились они сравнительно недавно, благодаря собственным заслугам и заслугам всего нескольких поколений своих предков.

Первым из рода перебрался в Кастилию Гонсало Яньес де Мендоса, ставший достаточно заметной фигурой при дворе Альфонсо XI. Успешно женившись на сестре своего земляка Иньиго Лопеса де Ороско, добившегося прочных позиций в этом регионе чуть раньше, он осел в городе Гвадалахара – центре соответствующей провинции Новой Кастилии – и стал там рехидором (т. е. членом городского совета), что дало ему возможность все более активно вмешиваться в городские дела. Достигнутое положение он закрепил брачным союзом своего сына, Педро Гонсалеса де Мендоса, с представительницей влиятельного в городе семейства Печа. Все это заложило необходимый фундамент для дальнейшего возвышения рода⁴.

Решающим моментом, который создал основу будущего могущества клана, стала поддержка мятежного инфанта Энрике против его сводного брата Педро I; в результате победы Энрике к власти пришла новая династия Трастамара (1369–1516), со службой которой неразрывно связано дальнейшее возвышение рода Мендоса. В 1366 г. Педро Гонсалес де Мендоса перешел на сторону Энрике и с этого момента делил с ним

³ *Binayan N.* De la nobleza vieja... a la nobleza vieja // Cuadernos de historia de Espana. Anexos. Estudios en homenaje a D.Claudio Sanchez Albornoz. IV. Buenos Aires, 1986. P. 103–139.

⁴ *Layna Serrano F.* Op. cit., t. 1, p. 43–47; *Nader H.* Los Mendoza... P. 59, 62.

все перипетии борьбы, включая тяжелое поражение при Нахере (1367), когда Педро Гонсалес, наряду со многими другими соратниками Энрике, оказался в плену. Зато после победы Энрике II щедро наградил его землями и юрисдикциями вокруг Гвадалахары, а также, что не менее важно, должностью главного майордома наследного принца Хуана. В результате пожалований, которыми Энрике отблагодарил своих ближайших соратников, последние составили особую группу в кастильской аристократии. В конце XIV–XV вв. они породнились со многими другими семьями, но оставались отделены от других аристократических групп общей исторической памятью и общими социальными, политическими и культурными установками⁵. Браки, заключенные Педро Гонсалесом и его детьми, тесно связали род Мендоса с другими сторонниками Энрике II (Айала, Манрике) и даже с самим королем (сын Педро Гонсалеса, Диего Уртадо де Мендоса, первым браком женился на незаконной дочери Энрике). Достигнутые результаты были закреплены основанием в 1380 г. майората⁶ в пользу старшего сына, основу которого составили Ита и Буйтраго; оба города имели важное стратегическое положение, контролируя горные проходы между Старой и Новой Кастилией. Тогда, в конце XIV в., майорат был довольно редкой королевской привилегией. Он очень высоко ценился, поскольку гарантировал права рода на включенные в него земли, которые с момента его основания не подлежали отчуждению⁷. Наконец, сама смерть Педро Гонсалеса, уступившего коня королю Хуану I в злосчастной для кастильцев битве при Алжубарроте (1385) и спасшего монарха ценой собственной жизни, освятила истоки семейного могущества героической жертвой во имя новой династии.

Сын и преемник Педро Гонсалеса, Диего Уртадо де Мендоса, был в момент смерти отца слишком мал, чтобы унаследовать титул главного майордома, но позже в качестве компенсации был сделан адмиралом Кастилии и членом Королевского совета. Он установил контроль над Гвадалахарой, получив от короны право назначать в городе должност-

⁵ *Suarez Fernandez L. Nobleza y monarquia. Puntos de vista sobre la historia castellana del siglo XV. Valladolid, 1959* (впоследствии эта известная работа неоднократно переиздавалась и дорабатывалась). О роли этих событий для рода Мендоса подробнее см.: *Nader H. Los Mendoza... Passim* (особенно P. 59–63).

⁶ Текст майората опубликовал Ф. Лайна Серрано: *Layna Serrano F. Op. cit. T. 1. P. 282–284.*

⁷ Подробнее об институте майората в Кастилии, который в эпоху Трастамара стал одной из основ могущества аристократии, см.: *Clavero B. Mayorazgo: Propiedad feudal en Castilla, 1369–1836. Madrid, 1974.*

ных лиц и депутатов кортесов. Женившись на Леонор де ла Вега, он не только породнился с древним родом, пользовавшимся огромным престижем (и, что немаловажно, также поддержавшим Энрике Трастамарского в его борьбе с Педро I), но и распространил интересы семьи на северную область Монтанью, где Леонор унаследовала обширные владения: пастбища, соляные копи, морские порты⁸. Кроме того, род владел также землями, домами, мельницами и т. д. на севере нынешних провинций Старой Кастилии Бургос и Паленсия. Показательно, что автор XV в. Фернан Перес де Гусман, включивший краткое жизнеописание адмирала в свой сборник биографий знаменитых кастильцев, счел необходимым отметить, что «в его время не было в Кастилии другого столь богатого кабальеро»⁹.

В результате деятельности трех поколений рода Мендоса он стал к началу XV в. богатым и могущественным, доминировал в важном городе и в его провинции, занимал высшие государственные посты и выстроил с помощью брачных союзов разветвленную сеть связей с самыми престижными семьями, включая правящий дом. Казалось бы, «путь наверх» в основном завершен, интрига истории возвышения рода, по сути, исчерпана. Но, как показали последующие события, фундамент этого величественного здания не был еще достаточно прочным, и уже в следующем поколении главная ветвь рода столкнулась с серьезными проблемами. Нестабильность земельных владений и должностей и жесткая борьба за них вообще характерны для кастильской аристократии на протяжении большей части XV в., так что возникшие трудности вряд ли следует считать спецификой возвышения рода Мендоса.

Внезапная смерть адмирала (1404) оставила его вдову и малолетнего сына Иньиго Лопеса де Мендоса, будущего знаменитого поэта маркиза Сантьяну¹⁰, беззащитными перед притязаниями родственников

⁸ Следует уточнить, что Asturias de Santillana, где были сосредоточены основные владения рода ла Вега, – это нынешнее автономное сообщество Кантабрия, а не Астурия.

⁹ Perez de Guzman F. *Generaciones y semblanzas*. Madrid, 1998. P. 101.

¹⁰ О маркизе Сантьяне филологи писали гораздо больше, чем историки. Тем не менее в качестве военного, аристократа и политического деятеля он также привлекал внимание исследователей. Укажем лишь наиболее важные работы: *Perez Bustamante R.* Inigo Lopez de Mendoza, marques de Santillana, 1398–1458. Santillana del Mar, 1981; *El marques de Santillana, 1398–1458. Los albores de la Espana moderna*. Vol. 1–4. Hondarribia, 2001. Основные источники по этим сторонам его деятельности опубликованы: *Layna Serrano F.* Op. cit., t. 1 (Apendice documental); *Perez Bustamante R., Calderon Ortega J.M.* El marques de Santillana (Biografia y documentacion). Santillana del Mar, 1983; *Garcia Rubio L.* Documentos sobre el marques de Santillana. Murcia, 1983.

и соперников, и прежде всего сводной сестры по отцовской линии, кузины тогдашнего короля Энрике III герцогини Архона. Чтобы заручиться поддержкой, мать Иньиго вышла замуж за могущественного магистра ордена Сантьяго Лоренсо Суареса де Фигероа, а заодно договорилась о «перекрестном» браке их детей: ее сын Иньиго должен был жениться на дочери магистра Каталине Суарес де Фигероа, а дочь Эльвира – выйти замуж за Гомеса, сына магистра (1408). Однако брак Иньиго и Каталины, удачный во всех прочих отношениях, вследствие внезапной смерти магистра не смог обеспечить необходимую поддержку при королевском дворе малолетнему наследнику огромного состояния. В результате Иньиго Лопес не унаследовал отцовского титула адмирала (который перешел к Альфонсо Энрикесу, мужу одной из сестер его отца) и всю жизнь должен был бороться за восстановление своих прав на отцовские владения. Достигнув совершеннолетия, он активно включился в политическую борьбу в Кастилии.

Страна в это время переживала очередной виток борьбы, которую в историографии прежде не совсем точно трактовали (а иногда и сейчас трактуют) как борьбу между королевской властью и «мятежной знатью». Но, как справедливо указала в свое время Х. Нэйдер, такое понимание событий конца XIV–XV в. нуждается если не в полном пересмотре, то по меньшей мере в значительной коррекции. В данном случае речь шла скорее о борьбе внутри Трастамарского дома, а именно о борьбе между Хуаном II и его фаворитом Альваро де Луной, с одной стороны, и его кузенами, арагонскими инфантами Хуаном, Энрике, Санчо и Педро – младшими братьями короля Арагона Альфонсо Великодушного, также принадлежавшими к династии Трастамара с другой. Их отец, Фернандо Антекерский, в 1412 г. избранный после пресечения прежней династии новым королем Арагона, был младшим братом Энрике III и пользовался в Кастилии огромной популярностью, распространившейся отчасти и на его детей. Выбор между арагонскими инфантами и Хуаном II был для кастильских аристократов совсем не прост, и, конечно же, эти события не могут рассматриваться просто как борьба «прогрессивной политики» короля и его фаворита с силами «феодалльной реакции».

Мятежными аристократами двигало отнюдь не только стремление приобрести новые земли, должности и титулы, но и представления о том, что знать должна наряду с королем участвовать в управлении страной и что ее оттеснение от власти и делегирование монархом своих полномочий какому-либо фавориту противоречит общественному благу; знать в этом случае имеет право и даже обязана добиваться возвращения утраченной гармонии интересов. Эти представления легко реконструируются по многочисленным текстам «конфедераций» – письменных

договоренностей двух или нескольких аристократов о совместных действиях против общего врага, которым в это время часто выступает королевский фаворит. Иногда подразумевались и действия против самого короля, хотя при Хуане II речь шла не о свержении правителя и замене его другим (позже, при Энрике IV, дошло и до этого), а лишь о том, чтобы заставить его действовать в соответствии с их пониманием «общего блага»¹¹.

Политическое поведение маркиза Сантьяны в значительной мере определялось этими представлениями, но не менее важную роль играла задача, которую он перед собой поставил, видимо, еще в юности, а разрешил лишь в конце жизни: достичь могущества и влияния, необходимых для восстановления состояния и статуса своего отца. С этой целью он заключал и нарушал соглашения, предоставляя свою помощь то одной, то другой стороне и отказывая в ней, пока не удовлетворены его требования. Сначала он выступил на стороне одного из арагонских инфантов, потом, нуждаясь в кастильском короле для восстановления отцовского состояния, некоторое время поддерживал Хуана II и его фаворита, а затем выступил против Альваро де Луна и сыграл важную роль в его падении и казни (1453). В 1444 г. Иньиго Лопес помог Хуану II подавить мятеж в пользу короля соседней Наварры (им являлся в тот момент один из арагонских инфантов, Хуан), за что в 1445 г. получил титулы маркиза Сантьяна и графа Мансарес эль Реаль.

Чтобы оценить важность этих пожалований, следует отметить, что как раз во второй трети XV в. характер пожалования аристократических титулов в Кастилии претерпевает определенные изменения. Если прежде графами или, реже, герцогами становились почти исключительно члены королевского дома, и после их смерти титулы с соответствующими владениями возвращались к короне, то с 30-х гг. XV в. короли все чаще наделяют аристократов не из королевского рода наследственными титулами на уже имеющиеся у тех владения. При Хуане II эта практика только начиналась, титулов было очень мало, и каждый из них закреплял высокий статус соответствующей семьи. В то же время пожалование титула обеспечило надежность прав на соответствующие владения, которые при отсутствии титула нередко оспаривались. Новоявленный маркиз Сантьяна не только гордился своим исключительным титулом (он был первым в Кастилии маркизом и не мог знать, что вскоре этот титул

¹¹ Как показала А. Белен, такого рода представления прослеживаются и на материале поэзии маркиза Сантьяны, см. *Belen Sanchez Prieto A.* Op. cit. P. 79–111.

распространится в Кастилии достаточно широко), но и избавился от многолетних тяжб за Мансанарес и Сантьяну.

Наличие большого количества законных детей (7 сыновей и 3 дочери) открывало перед Сантьягой широкие возможности использовать их браки для консолидации позиций рода. В этих браках¹² прослеживается стремление как укрепить или возобновить прежние связи (с потомками тех, кто когда-то поддержал Энрике II, с другими ветвями рода Мендоса), так и установить новые связи, расширявшие влияние семьи на новые регионы (двойной брачный союз с могущественным в Андалусии родом Рибера; брак еще двух дочерей маркиза с коннетаблем, контролировавшим Бургос и его округу, и графом Мединасели, в жилах которого текла кровь французских и кастильских королей). Опираясь на сплоченную группу своих сыновей, зятьев и других родственников, Сантьяга сумел восстановить семейные владения и даже расширить влияние семьи на локальном уровне, особенно вокруг Гвадалахары, где находились ее основные владения. Важнейшей стороной деятельности Сантьяги, как и рода Мендоса в целом, стало укрепление контроля над Гвадалахарой с помощью приобретения собственности в городе и его округе, строительства дворцов, получения от короны прав на сбор королевских рент и налогов, прав замещать городские должности или назначать на них.

Сантьяга не пытался достичь высших государственных должностей, престижных, но сопряженных с риском, однако был связан с большинством их носителей через браки и, таким образом, влиял на официальные решения. Он отказался от характерной для его отца и деда борьбы за интересы семьи на уровне королевства и сосредоточил основные усилия на менее эффективной, но более надежной тактике консолидации власти на региональном уровне. Этому способствовало и получение титулов именно на те владения, за которые ему пришлось вести долгие тяжбы. Тем самым Сантьяга подготовил апогей могущества рода Мендоса в следующих поколениях.

Политика маркиза Сантьяги нашла дальнейшее продолжение и развитие в деятельности кардинала Мендосы¹³ – пятого сына маркиза

¹² Достаточно полные и в целом надежные сведения о браках кастильских аристократов содержатся в трактате А. Лопеса де Аро, который мы в данном случае и использовали: *Lopez de Haro A. Nobiliario genealogico de los reyes y titulos de Espana. Vol. 1–2. Madrid, 1622*). Имеющиеся в трактате неточности в основном относятся к периоду XIV – начала XV в., а также к боковым ветвям титулованных родов.

¹³ Подробнее о деятельности кардинала Мендосы см.: *Ведюшкин В. А. «Третий король Испании»: кардинал Мендоса как политик и меценат // Испанский альманах. Вып. 1 (в печати).*

Сантьяны, к которому после смерти отца перешло реальное главенство над родом Мендоса (при сохранении формального главенства его старшего брата, второго маркиза Сантьяны). Кардинал сполна воспользовался смутами 50–70-х гг. XV в. для увеличения и своего собственного влияния, и могущества рода Мендоса. В обмен на поддержку Энрике IV, а позже – Изабеллы и Фердинанда, кардиналу удавалось получать от короны все новые милости для рода Мендоса, и прежде всего титулы и майораты: первенец второго маркиза Сантьяны получает титул графа Сальданья (1462)¹⁴, два брата кардинала становятся графами (в 1467 г. Иньиго Лопес де Мендоса становится графом Тендилья, а в 1469 г. Лоренсо Суарес де Мендоса – графом Корунья), в то время как самый старший брат, второй маркиз Сантьяна – герцогом Инфантадо (1475). Позже, в 1492 г., кардинал добился пожалования титула маркиза Сенете своему внебрачному сыну, для которого он собрал огромное состояние, в 1491 г. скрепленное учреждением майората.

Ближе к концу XV в. в истории рода Мендоса обозначились заметные перемены. Если прежде члены рода объединяли усилия ради возвышения его главы (который, в свою очередь, защищал интересы других родственников), то позже основание майоратов и приобретение титулов способствовало распылению рода на все более независимые друг от друга ветви. Сыновья маркиза Сантьяны еще способны были действовать как единая сплоченная группа, внуки (т. е. по отношению друг к другу двоюродные братья) – нет.

Сознавая свое могущество, Мендоса, и особенно представители главной линии рода, теперь смотрели на «большую политику» иначе, чем их предки, – спокойно, почти апатично. Второй герцог Инфантадо, носивший этот титул в 1479–1501 гг., предпочитал жить в Гвадалахаре, в построенном по его приказу великолепном дворце, который заслуженно считается одним из лучших образцов кастильской светской архитектуры XV в. (так называемый испано-фламандский стиль, архитектор Хуан Гуас). Второй герцог почти не участвовал в политической жизни королевства, ограничившись эпизодическим участием в Гранадской вой-

¹⁴ Появление у первенца могущественного рода отдельных владений и соответствующего им титула факт достаточно важный, поскольку благодаря этому снималось прежде существовавшее противоречие между высоким социальным статусом уже ставшего взрослым старшего сына и отсутствием у него всякой самостоятельности, особенно обострявшееся в случае долгой жизни главы рода. Показательно, что в последующие десятилетия практика наделения отдельным титулом старшего сына главы рода довольно широко распространилась среди кастильской аристократии.

не. Даже кардинал Мендоса, который являлся ближайшим советником и сподвижником католических королей и которого иногда даже называли «третьим королем Испании», в сохранившейся документации, как отметила Х. Нэyder, предстает не столько как государственный муж, формирующий политику страны, сколько как охранитель интересов своей семьи¹⁵; особенно впечатляют его титанические усилия по созданию двух богатых майоратов для двух своих сыновей, по рождению незаконных, но благополучно узаконенных.

В следующем поколении (после смерти кардинала в 1495 г.) ничто уже не заставляло разные ветви рода Мендоса действовать в качестве единой силы. Политическое руководство группой, как и владения, разделились между несколькими персонажами. Номинально это право было зарезервировано за вторым герцогом Инфантадо, но в условиях его инертности фактически функции главы рода перешли к коннетаблю Кастилии Бернардино де Веласко – внуку Сантьяго по материнской линии. Однако такой власти над родственниками, как первый маркиз или его сын кардинал, он никогда не имел. Между собой они обычно не соперничали, но и не действовали совместно, имея теперь возможность делать независимые карьеры в разных концах страны. Когда же после смерти Изабеллы (1504) ситуация в Кастилии вновь обострилась, разные ветви рода Мендоса уже не могли или не хотели действовать как единая группа. Вопрос о том, связано ли это с естественным стремлением аристократов, каждый из которых имел уже собственные владения (а иногда и титулы), действовать независимо от уже не самых близких родственников, или же с наметившимися в правление католических королей переменами в положении титулованной аристократии, на мой взгляд, требует дальнейших исследований.

В плане оценки богатства рода в целом и отдельных его представителей были бы показательны данные о годовых доходах различных ветвей рода Мендоса в сравнении с доходами других аристократических родов. Однако для XV в. собрать такие данные достаточно сложно. Вычисления на основании архивной документации не только очень трудоемки, но и сугубо приблизительны, поскольку сеньориальные владения кастильских аристократов XV в., в т. ч. и из рода Мендоса, находились в состоянии постоянных изменений: сеньории жаловались и отбирались, продавались и покупались, дробились и обменивались. Правда, такого рода данные – оценки доходов всех титулованных дворян – имеются для XVI–XVII вв.; самый ранний список, датируемый концом 20-х гг. XVI в., составил итальянский гуманист Л. Маринео Сикуло, много лет

¹⁵ *Nader H. Los Mendoza...* P. 145–150.

проживший в Испании¹⁶. При всей приблизительности его оценок они в целом отражают соотношение доходов различных аристократических семей. Конечно, на тот момент ситуация была несколько иной по сравнению с концом XV в. (следует принять во внимание, в частности, достаточно быстрый рост цен в первой четверти XVI в.), так что на основании его данных мы не можем судить о доходах рода Мендоса в конце интересующего нас периода; зато он дает нам возможность проследить тенденции их дальнейшей эволюции. Герцог Инфантадо с 50 тысячами дукатов в год разделяет в этом списке доходов шестое-восьмое места; первое-четвертое места достались тем, чей доход оценивался в 60 тысяч. На момент смерти маркиза Сантьяны (1458) его состояние, конечно же, заняло бы в Кастилии место выше шестого-восьмого, но старший сын унаследовал в качестве майората далеко не все: щедрые доли были выделены по завещанию маркиза его младшим сыновьям. Если же мы присоединим к герцогским доходы всех титулованных потомков маркиза Сантьяны (маркиз Мондехар, потомок первого графа Тендильи – 15 тысяч дукатов, маркиза Сенете, внучка кардинала Мендосы – 30 тысяч, граф Корунья – 10 тысяч), то в этом случае род Мендоса и по списку Маринео Сикуло окажется на первом-втором местах. Правда, в это время ресурсы разных ветвей рода Мендоса никогда уже не объединялись для решения общих целей.

Отдельного упоминания заслуживает роль контроля над Гвадалахарой для консолидации могущества рода Мендоса. Хотя Гвадалахара – довольно большой, богатый и стратегически выгодно расположенный город, имевший представительство в кортесах, – номинально всегда принадлежала короне, могущество в ней рода Мендоса возрастало от поколения к поколению, обеспечивая главе рода значительные материальные ресурсы, власть и престиж.

Огромную роль в возвышении и консолидации рода сыграла война; приобретение новых владений и источников доходов было связано с военными успехами, пожалуй, не меньше, чем с политическими. Почти все, кто в течение более чем столетия стоял во главе рода Мендоса или его основных ветвей, не раз лично возглавляли войска в бою. Основатель семейного могущества, Педро Гонсалес де Мендоса, сражался в битве при Нахере и погиб при Алжубарроте. Диего Уртадо де Мендоса не просто числился адмиралом, но и реально организовывал деятельность военного флота Кастилии и командовал им¹⁷. Маркиз Сантьян-

¹⁶ *Marineo Siculo L.* De las cosas memorables de Espana. Alcalá de Henares, 1530. Ff. XXIVr–XXVv.

¹⁷ *Layna Serrano F.* Op. cit., t. 1. P. 61–62; *Belen Sanchez Prieto A.* Op. cit. P. 48–49.

на не раз сходилась на поле битвы и с политическими противниками внутри Кастилии, и с арагонцами, и с маврами. Даже его сын Педро Гонсалес де Мендоса, служитель церкви, сражался в столь важной для судеб Кастилии битве с португальцами при Торо (1476), а во время Гранадской кампании, несмотря на преклонный возраст, успешно руководил осадой нескольких городов и крепостей. Наконец, в следующем поколении рода Мендоса наибольших успехов достигли именно те, кто наиболее ярко проявил себя в Гранадской войне: второй граф Тендилья, ставший в результате первым губернатором Гранады, и сын кардинала Родриго Диас де Мендоса, удостоившийся титула маркиза Сенете не только за заслуги отца, но и за собственную доблесть.

В чем же причины того, что именно род Мендоса достиг наибольшего могущества как целое? Ведь отдельные представители других родов добивались на протяжении XV в. больших богатств и более высокого положения; это, по крайней мере, Альваро де Луна и Хуан Пачеко. Но первый из них сложил голову на эшафоте, а потомки второго не сумели сохранить отцовского влияния, а затем утратили и значительную часть его состояния. В чем тут дело? В прихотях фортуны, для иллюстрации которых кастильский XV в. дает множество примеров? Или в какой-то мере в расположении владений, достаточно близких к театру важнейших политических событий, но при этом разбросанных по разным регионам и, следовательно, предопределявшим «общегосударственные» интересы рода? В отличие, к примеру, от самых могущественных родов процветавшей в то время Андалусии, таких как Гусман, Понсе де Леон и некоторые другие, которые отличались редкими богатствами, но дистанцировались от королевского двора и «большой политики», маркиз Сантильяна и кардинал Мендоса нашли баланс между участием в политической жизни страны и укреплением своих позиций на местном уровне. Пожалуй, уместнее будет выразиться иначе: сумели извлечь из своей политической деятельности максимум выгод для укрепления позиций рода. В результате их деятельности род Мендоса оказался на пике могущества именно в тот решающий момент, когда в правление Католических королей ситуация, прежде постоянно менявшаяся, быстро стабилизировалась. Если на протяжении нескольких десятилетий до этого владения и должности часто приобретались на немногие годы, то с этого момента, как правило, на десятилетия, а то и на века. В результате потомки маркиза Сантильяны смогли пользоваться плодами его успехов на протяжении всего Нового времени.

А. А. Ходин

Смоленский государственный университет

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И НОБИЛИТЕТ В ШВЕЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ

Формирование основных составляющих шведской великодержавной политики, охватывающей довольно продолжительный по времени период в истории страны, было неразрывно связано с целым рядом важнейших аспектов, наличие взаимообусловленности между которыми создавало определенные условия в процессе возведения Швеции в статус балтийской сверхдержавы. Рассматривая ярко выраженную взаимозависимость внутри- и внешнеполитических факторов в истории государства, весьма важным будет обратить особое внимание на формирование отдельных черт социально-политического направления в шведском обществе, с особой пестротой выразившегося на фоне взаимоотношений дворянского сословия и королевской власти. В шведской научной литературе данной проблеме уделялось недостаточно внимания. Наиболее популярные концепции в сфере изучения противостояния дворянства и короны были отражены в исторических трудах начала и середины XX века. Обзор отечественных исторических сочинений о великодержавной политике шведского короля Густава II Адольфа представлен главным образом в работах А. С. Кана, А. А. Сванидзе¹, где создается преимущественно общая картина формирования основ шведской государственности на фоне социально-экономического и внешнеполитического аспекта. В то же время вопросам восстановления принципов престолонаследия во взаимосвязи с четкой структурой интересов высшей аристократии уделялось сравнительно мало внимания.

Необходимо также отметить и специфику реформационного движения в Швеции, что в совокупности с наличием сильного личностно-психологического фактора все же позволило не только стимулировать, но и значительно ускорить проявление взаимовыгодных устремлений для монархии и дворянства, в первую очередь в вопросах осознания целей шведской экспансионистской политики. При этом условия для этого

¹Сванидзе А. А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза. Человек XVII столетия / Под ред. А. А. Сванидзе, В. А. Ведюшкина М., 2005. Ч.1; История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М., 1974; Кан А. С. История Скандинавских стран (Дания, Швеция, Норвегия). М., 1971.

начали формироваться еще накануне вступления Густава Адольфа на престол. Уже тогда во внутренней политике Швеции начали проявляться черты зависимости института монархии не только от меняющихся экономических процессов, но и от довольно весомого влияния шведской аристократии. Причем выходцы из высшего дворянства оказались вовлеченными практически во все сферы деятельности в шведском королевстве, в том числе и в большинство важнейших государственных институтов. Подобная конфигурация оказывалась в некотором смысле определенным отягощающим элементом в преобразовательной сфере. Шведское общество находилось на грани затяжного социального конфликта, определяющая роль короны в котором так или иначе могла стать решающей и на фоне которого как нельзя лучше можно было проследить весь комплекс противоречий между монархом и дворянским сословием.

После скоропостижной смерти младшего сына Густава Вазы Карла IX (1604–1611) перед Швецией встала новая задача внутривнутриполитического характера, связанная в первую очередь с вопросом наследования престола, что, по сути, находило свое частичное отражение и в отношении складывающихся противоречий между дворянством и короной. Однако истоки намечавшегося конфликта, связанного с престолонаследием, имели достаточно сложную структуру, сложившуюся еще во времена борьбы за власть между сыновьями Густава Вазы². Тем не менее сам процесс формирования главных компонентов великодержавной политики пока еще молодого Густава II Адольфа так или иначе был напрямую связан с процессом укрепления его власти.

К 1611 году внутреннее положение Шведского королевства отличалось явной нестабильностью, что, надо признать, сказывалось и на внешней политике. Во-первых, начавшаяся война с датским королем Кристианом IV, получившая название Кальмарской (1611–1613), могла привести не только к отторжению от Швеции важных в экономическом плане портов, но и способствовать в некоторой степени народным волнениям внутри королевства, прежде всего в Норланде и Даларне³. Расстройство финансовой системы дополнялось, кроме прочего, постоянными противоречиями на фоне взаимоотношений королевской власти и риксдага, отражением чего и стал ряд серьезных неудач Стокгольма в трех доставшихся Густаву Адольфу войн по наследству. И без того

²*Lindqvist H. Gustav Vasa och hans soner och dottra // Historien om Sverige. Sthlm., 2000. S. 437–458.*

³*Lindqvist H. Nar Sverige blev stormakt // Historien om Sverige. Sthlm., 1996. S. 57.*

находясь в сравнительно трудном положении, Густав Адольф был вынужден вести борьбу за право надеть корону, для чего у него были достаточные основания. Учитывая пока еще окончательно не утвердившуюся систему престолонаследия в Швеции на данный период, перед королевством возникло несколько путей решения данного вопроса. Укрепление реформационных идей в государстве, наряду со все более распространенными изменениями в социально-экономической сфере, постепенно способствовало созданию некоторой альтернативы средневековым институтам престолонаследия в Скандинавии, частичное влияние которых по-прежнему давало себя знать.

Одним из решающих шагов такой деятельности стали мероприятия шведского короля Карла IX, который, будучи еще герцогом Сёдерманландским, предпринял ряд решительных мер по отмене реформ Юхана III (1537–1592). В итоге основные принципы Аугсбургского исповедания 1530 года были официально приняты в качестве основных норм церковной жизни. По замечанию известного историка в области истории реформации Свена-Эрика Брода, подобные мероприятия способствовали восстановлению ортодоксального лютеранского вероучения⁴, что, в свою очередь, дало основание Карлу IX для укрепления основ престолонаследия, начиная уже с риксдага 1604 года в Норчёпинге⁵. Пытаясь воспрепятствовать избранию на шведский престол одного из сыновей Юхана III, Карл Сёдерманландский все же сумел захватить королевский титул. На риксдаге уточнялось, что титул короля должен был впредь стать наследным среди потомков Карла. Подчеркивалась и возможность наследования среди представительниц женского пола, что, как и в Англии, стало отличительной особенностью монархии. Одной из существенных характеристик монарха стало к тому же безоговорочное признание протестантской религии, предусматривающей, по сути, все условия Аугсбургского исповедания. Карл IX пытался в выгодном для себя свете осуществить принятие того или иного решения, не задеть при этом интересы наиболее значительных представителей высшего дворянства, что уже впоследствии могло самым благотворным образом сказаться и на прочности положения самого монарха. Таким образом, исходя из данных критериев, в 1611 году следующим законным королем должен был стать именно Густав Адольф, но лишь с условием достижения им совершеннолетия (согласно тогдашним законам, монарх

⁴Бродд С.-Э. Реформация в Швеции // Я. Мелин, А. В.Юханссон, С. Хенденборг История Швеции. М., 2002. С. 94–95.

⁵Lindqvist H. Gustav Vasa och hans soner och dottrar... S. 444–445.

считался совершеннолетним по достижении им 24 лет)⁶. Поскольку к моменту смерти отца Густава Адольфа было лишь шестнадцать лет, главным регентом королевства должен был стать его кузен и главный соперник в борьбе за престол – Юхан Остерготландский, хотя уже через два года Густав имел полное право стать соправителем (*medstygrande*) совместно с Регентским советом⁷.

Отношения Густава с герцогом Остерготландским были осложнены все еще официально не упраздненным «естественным правом наследования» внутри королевской семьи, позволяющим Юхану и без чьего-либо посредничества самолично взойти на престол. Однако возможный конфликт, который, казалось бы, имел все основания перерасти в крупное противостояние, практически перестал быть реальностью, что заключалось в смягчении отношений между короной и шведским дворянством. В данном процессе одну из ведущих ролей играл в первую очередь личностный фактор, который во взаимозависимости с рядом психологических компонентов так или иначе находил свое выражение в глобальном процессе формирования государственной системы раннего Нового времени. Некоторые шведские историки, в том числе начала XX века⁸, неоднократно подчеркивали значимость мероприятий Густава Адольфа на начальном этапе правления, в то же время необходимо заметить, что само формирование политических институтов Швеции на данном этапе во многом было ускорено лишь за счет эффективного взаимодействия канцлера Акселя Оксеншерны и юного короля, что, в свою очередь, еще более усилило поддержку Густава в столь сложной внутривнутриполитической игре. Являясь ведущей фигурой среди аристократии своего времени, Аксель Оксеншерна способствовал не только сглаживанию конфликта между королем и дворянством, но вместе с тем позволил привлечь дворянское сословие к строительству основ государственности. По замечанию шведского историка Яна Глете, аристократия стремилась во что бы то ни стало использовать влияние риксканцлера на короля, результатом этого стало довольно продуктивное сотрудничество⁹.

⁶Сванидзе А. А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза. Человек XVII столетия / Под ред. А. А. Сванидзе, В. А. Ведюшкина М., 2005. Ч. 1. С. 20.

⁷*Lindqvist H.* *Nar Sverige blev stormakt...* S. 58.

⁸*Ahnlund N.* *Gustav Adolf den store.* Uppsala, 1932; *Grimberg C.* *Svenska folkets underbara oden. Gustav II Adolfs, Kristinas och Karl X Gustavs tid.* Sthlm., 1915; *Hjarne H.* *Gustav Adolf och andra svenska minnen.* Sthlm., 1932.

⁹Глете Я. Аксель Оксеншерна // Я.Мелин, А. В.Юханссон, С. Хеденборг История Швеции. М., 2002. С. 108–109.

Причем главная ставка в этих отношениях делалась на перспективу углубления экспансионистских планов Густава, в равной степени затрагивавших и интересы верхов аристократии. Начальный этап сотрудничества короля-канцлера давал о себе знать уже в первые месяцы после смерти Карла IX. Окончательной точкой в процессе законодательного оформления прав Густава Адольфа на престол стали события лета 1611 года. Находясь в должности главы действующего правительства (*riksforestandarregering*) совместно с вдовствующей королевой Кристиной, Юхан Остерготландский по-прежнему имел значительное влияние в государстве.

Но, осознавая бесперспективность дальнейшей борьбы за власть, во многом из-за ощущения отсутствия необходимой поддержки со стороны верхушки дворянства, он принял весьма взвешенное с его стороны решение в максимальной степени способствовать расширению территорий и привилегий дворянства. Юхан прибыл на созванный по его инициативе риксдаг в июле 1611 г. в сопровождении трехсот вооруженных всадников, в задачу которых входило, помимо чисто охранных функций, создание психологического эффекта на окружающих. Уважительное отношение к регенту должно было ещё больше усилить лояльность Густава в вопросе о будущих земельных приобретениях Юхана, которому предполагалось определить во владение Финляндию и Вестерготланд в качестве лена. В свою очередь Юхан обязывался отказаться от всех притязаний на роль монарха Швеции в пользу Густава Адольфа и, более того, даже выступил с предложением сократить срок достижения совершеннолетия будущего короля, что было безоговорочно поддержано. В оценке Хермана Линдквиста приобретение Густавом королевского титула вовсе не означало окончательного признания Густава Адольфа в качестве законного монарха многочисленными представителями крупных королевских дворов в Европе¹⁰. Исходя из рассуждений о незаконном приобретении королевского титула отцом Густава герцогом Карлом Сёдерманландским, первоначальное восприятие молодого монарха скорее соответствовало образу сына узурпатора, нежели могло ассоциироваться равным по величии какому-либо из европейских государей. В контексте международных отношений в балтийском регионе такое положение было особенно выгодно Сигизмунду Польскому для обоснования своих прав на шведский престол. Одновременно являясь кузеном Густава Адольфа, польский король был также и сыном Юхана III. После смещения со шведского престола Карлом Сёдерманландским у Сигизмунда все еще теплилась надежда на кардинальное изменение ситуации

¹⁰*Lindqvist H. Nar Sverige blev stormakt... S. 58–59.*

в свою пользу, он планировал заполучить корону для своего сына Владислава. Оценивая тогдашнюю геополитическую ситуацию, необходимо обратить внимание на наличие особой поддержки польской короны со стороны Священной Римской империи, что, в свою очередь, оказывалось дополнительным провоцирующим элементом в стремлении Густава сделать в будущем основной упор именно на внешне-экспансионистский фактор. Данная комбинация ещё раз подкрепила устремления большей части аристократии в поддержке Густава, политический курс которого в основном соответствовал самым амбициозным потребностям дворянского сословия Швеции.

Приобретая титул «выборного» короля Швеции, Густав Адольф был вовлечен в сложную систему государственного управления, многоуровневость которой переплеталась с необходимостью постоянного лавирования относительно взаимозависимости преобразовательной политики короля с учетом интересов некоторых представителей королевского рода, за которыми, надо признать, стояли явные интересы представителей более мелких дворянских кланов. Первоначально в привилегиях герцогов находились права на владение огромными территориями. К примеру, родной брат Густава Адольфа Карл Филипп осуществлял управление в Сёдерманланде, Нерке, Вермланде и многих районах Вестерготланда. Карл Филипп имел также право собирать налоги, назначать и лишать на должности чиновников и лишать их этих должностей, чеканить собственные монеты. В реальности ситуация в королевстве не предполагала наличия какой-либо единой системы законов, способствующей закреплению прочной власти шведского монарха. Сама по себе поддержка Густава Адольфа предполагала ответные действия в отношении увеличения и закрепления положения дворянства, но уже со стороны короля. В современной шведской научной литературе подобные требования обычно ассоциируются с требованием от Густава некоего «королевского заверения» (*kungaforsakran*), ставшего впоследствии подобием первой зафиксированной на бумаге конституции королевства (*forsta skriftliga forfattning*)¹¹.

Данный документ предусматривал фактическую невозможность для короны единолично принимать или изменять те или иные законы, а также объявлять войну и мир без соответствующего согласия кузена короля – герцога Юхана, Государственного совета и представителей сословий. Сама власть Густава Адольфа оценивалась не иначе как «диктатура короля, основанная на народной поддержке» (*kungamakt som en diktatur med folkligt stod*), что, по справедливому замечанию Хермана Линдквиста

¹¹Ibid. S. 62–63.

ста, не могло соответствовать данному понятию, по крайней мере, в его классическом значении¹². Что касается дворянства, то, помимо значительных экономических привилегий, Густав Адольф обязывался поддерживать древнее право представителей сословия в занятии высших должностей, в первую очередь в рядах государственного совета Швеции. Потеря же дворянского титула могла быть осуществлена лишь в результате решения соответствующих судебных органов. Наличие подобной монополии создавало условие для противоречий в стремлениях короля опираться на нефрельсовые сословия. Кроме того, роль высшей аристократии в жизни королевской семьи также продолжала иметь весьма заметное значение, с чем приходилось считаться даже самому Густаву Адольфу, уже будучи законным монархом. В качестве примера можно привести известный конфликт между королем и вдовствующей королевой Кристиной Гольштейн-Готторпской, матерью Густава¹³. Анализ ряда писем шведского монарха к своей возлюбленной Эббе Брае, показывает также и факт борьбы за положение при дворе среди представителей аристократии, что впоследствии повлияло и на решение королевы Кристины решительным образом воспрепятствовать возможному браку Густава, даже несмотря на довольно знатное происхождение рода Брае¹⁴.

Весьма важным моментом в понимании роли дворянства для шведского риксканцлера Акселя Оксеншерны являлось осознание необходимости оценки представителей сословия в качестве служащих, что в итоге служило основанием для приобретения соответствующих привилегий. При рассмотрении вопроса о роли дворянства в общественной жизни Швеции нельзя обойти вниманием и вопрос о соотношении позиций сословия в контексте развивающейся бюрократической системы королевства. В конце правления Карла IX намечалось постепенное расхождение в системе внутривластного равновесия сил относительно влияния на короля низшего и среднего дворянства, с одной стороны, и высшей аристократии с другой. Наблюдалось некоторое сближение с короной в первую очередь менее значительных слоев дворян, заинтересованных, прежде всего, в получении выгодных должностей в формирующейся административной системе. Тогда как более весомые в политическом отношении представители аристократии, составившие впоследствии так на-

¹²Ibid. S. 63.

¹³Gustav Adolf till Ebba Brahe. Skrifwit pa Wasby d.19 jan.1615 // Е. М. Чекалина Хрестоматия по истории шведского языка 1525–1732. М., 2004. С. 41–42.

¹⁴Ibid. S. 42.

зываемый *herreklass*,¹⁵ могли по-прежнему рассчитывать на укрепление своего положения, используя в том числе элементы старофеодальных правовых отношений, что, в сущности, могло составить некую конкуренцию Густаву Адольфу в вопросе утверждения королевских прерогатив, необходимых для успешной организации преобразовательной политики. С другой стороны, дворянская монополия на занятие высших должностей противоречила идеалу профессионализма у служилых людей, а также стремлению короля опереться в своей власти на нефрельсовы сословия¹⁶. Подобная конфигурация, несмотря на относительную простоту, требовала от Густава Адольфа поиска некоторых компромиссных вариантов, поддерживающих все же наличие маневрированной и взвешенной политики в отношении дворян, но в то же время королю было необходимо создать соответствующие условия для получения титула и представителям нефрельсовых сословий, что было обусловлено, главным образом, необходимостью большего количества чиновников в период Великодержавия. Это обстоятельство помогло королевской власти частично выравнивать свои позиции по отношению к аристократии.

Совершенно новым этапом в регламентировании отношений между королем и дворянством стал ордонанс Рыцарского дома, вышедший в свет в 1626 г., предписывающий признание знатности рода лишь с согласия короля. В то же время данный документ еще раз подчеркнул разделение дворянства в риксдаге на три класса в зависимости от знатности и уровня материального положения. По сути, принятие ордонанса не только способствовало еще большей регламентации социально-политической структуры королевства, но и в определенной степени привело к более тесному сближению дворянства и короны. Такое сближение происходило скорее на основе взаимозависимости общих целей, стоящих перед Стокгольмом в начале XVII столетия и нашедших свое истинное выражение в формировании основных составляющих внешнеполитического курса королевства. Тем не менее в контексте наметившегося сближения довольно большую роль продолжал по-прежнему играть личностный фактор, выразившийся большей частью в деятельном посредничестве риксканцлера Аксея Оксеншерны. Анализ одного из писем Густава Адольфа к риксканцлеру, датированного декабрем 1630 г., позволяет в очередной раз рассмотреть степень доверия короля к своему ближайшему сподвижнику, причем, помимо оценки королем доброжелательного отношения риксканцлера к нему лично,

¹⁵Мелин Я., Юханссон А. В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. С. 103.

¹⁶Глете Я. Рост бюрократии // Я. Мелин, А. В. Юханссон, С. Хеденборг История Швеции. М., 2002. С. 110–111.

текст письма четко структурирует признания истинности стремлений А. Оксеншерны в деле принесения блага Швеции (*Jagh seer ther aff eder troheet emot migh och fadernas landet*)¹⁷. Одним из приемов развития процесса сглаживания противоречий короны и дворянства стала политика риксканцлера, проявившаяся уже после гибели Густава Адольфа под Лютценом в 1632 году. Заняв пост регента при малолетней королеве Кристине, А. Оксеншерна осуществлял поддержание баланса сил внутри королевства, для чего назначил многих представителей своей семьи на ключевые государственные посты. К примеру, особое влияние удалось приобрести брату риксканцлера Габриэлю Густавссону Оксеншерне, кузену Габриэлю Бенгтссону Оксеншерне, сыну Юхану Оксеншерне и другим. Следует отметить важность осознания риксканцлером грани между служением государству и личными мотивами¹⁸, что отчасти было основано на уже сформировавшейся к тому моменту правовой системе Швеции, препятствующей столь легкому приобретению Оксеншерной королевских регалий. Несмотря на то что даже после смерти «снежного короля» положение дворянства имело ощутимые перспективы для дальнейшего закрепления, полномочия короны все же не были в значительной степени подорваны.

Стоит заметить, что в процессе строительства великодержавной шведской политической структуры роль дворянского сословия находила самое яркое выражение как в вопросах своего участия в политической жизни государства, так и в основных составляющих элементах формирования главных полномочий короны в законодательно-управленческой сфере. Кроме прочего, понимание действительности высшего дворянства в системе управления государством все более пересекалось с фигурой шведского риксканцлера, фактически подтвердившего реальность эффективности аристократического правительства в вопросах управления государством, что само по себе являлось лишь частью глобального процесса умиротворительной политики Оксеншерны. Между шведским монархом и риксканцлером намечался некий союз, целью которого было не столько выравнивание соотношения сил во взаимоотношениях короны и дворянства, сколько смягчения двухсторонних противоречий перед наличием общих интересов, осуществление которых смогло не только создать выгодную внутривнутриполитическую платформу для экспансионистской политики, но и частично отсрочить развитие социальных конфликтов в шведском обществе вплоть до XVIII столетия.

¹⁷*Gustav Adolf till Axel Oxenstierna*. I Golnou d.4 decemb. a:o 1630 // Чекалина Е. М. Хрестоматия...С. 43–44.

¹⁸*Axel Oxenstierna till Johan Oxenstierna* // Op. cit. С. 45.

В. А. Ушаков

УЧАСТИЕ АНГЛИЙСКИХ ЛОРДОВ В КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ в первой половине – середине XVII века

Сравнительно недавно американисты в России (СССР) полагали, что высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина наиболее полно и верно характеризуют ход и важнейшие события истории США. Поэтому тезисы основоположников марксизма, согласно которым европейцы мигрировали в Северную Америку «с целью учредить чисто буржуазное общество» и история этого региона начиналась «при наличии уже сложившихся в начале XVII в. элементов современного буржуазного общества»¹, часто повторялись в работах советских авторов. Такая абсолютизация вырванных из текста фраз, придание им директивного характера даже при условии, что в высказываниях основоположников содержится доля истины и их оценки выглядят оправданными в изначальном тексте, вряд ли служит полному и точному воссозданию картины освоения Северной Америки выходцами с Британских островов. Поскольку известно, что колонии в Новом Свете основывались представителями разных слоев общества и на неизведанные земли направлялись как бедные поселенцы, так и вполне состоятельные и даже богатые и знатные господа. Владения Великобритании в Северной Америке создавались с разными целями, и по статусу и системе правления они делились на колонии: королевские (коронные), корпоративные (в соответствии с хартией основанные и управляемые коллективными учредителями – торговыми компаниями или религиозными объединениями) и собственнические, то есть пожалованные короной в виде земельного гранта конкретному владельцу или владельцам².

Первой собственнической колонией на североамериканском континенте стал Мэриленд. В 1632 г. королем Карлом I Стюартом эти земли были пожалованы Джорджу Калверту, лорду Балтимору. С освоением Америки английский аристократ связывал планы личного обогащения, он собирался превратить новую колонию в прибежище для своих единомышленников – католиков. После внезапной смерти Джорджа колониаль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 128; Маркс К., Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952. С. 6.

² Подробнее см.: Словарь американской истории. С колониальных времен до Первой мировой войны / Под ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1997. С. 277–278.

ная хартия перешла к его сыну Сесилиусу – второму барону Балтимору. Документ интересен тем, что в нем нашли отражение и стремление короля и его сторонников к утверждению абсолютистских норм правления и происходивший в то время в Англии переход к экономическому укладу, основанному на частном предпринимательстве. Сказывалось это и на положениях хартии, определявших принципы управления колонией³.

Хартия от 30 июня 1632 г. стала основой для создания органов власти в Мэриленде. Согласно определению американского историка Ч. Эндрюса, лорд Балтимор в пределах пожалованных ему владений «конечно, не стал королем, но он был абсолютным властелином, располагавшим полным контролем над администрацией, обороной и денежными делами его провинции»⁴. Ряд содержащихся в хартии условий позволяет сделать вывод о том, что Мэриленд был пожалован его владельцу как феодал, то есть держание от короны «с присягой на верность... на все виды службы» монарху. С. Калверт и его наследники объявлялись «законными и абсолютными лордами и владельцами края и другой собственности» во всех делах, «кроме касающихся вопросов веры, преданности и суверенной власти, надлежащих» только английскому королю. Бароны Балтиморы обязывались «ежегодно во вторник Пасхальной недели доставлять в Виндзорский замок» «две индейские стрелы из этих районов, а также одну пятую часть золотой и серебряной руды, которая будет обнаружена» на землях Мэриленда. В пределах колонии лорды Балтиморы «на суше, на островах и на море» наделялись «всеми правами, юрисдикциями, преимуществами... привилегиями и иммунитетами», которыми «обладал, пользовался и осуществлял любой епископ Дарем» в палатинате Дарем на севере Англии. Балтиморы обязывались содержать в колонии вооруженные отряды и военные суда, а также нести другие обязанности⁵.

³ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. М., 1960. С. 265–266, 268–271, 275–278; Steiner B. C. Beginning of Maryland, 1631–1639. Baltimore, 1903. P. 13–21; Osgood H. L. The American Colonies in the Seventeenth Century. Glouchester, 1957. Vol. 1–3. Vol. 2. P. 4–9, etc.

⁴ Andrews Ch. M. The Colonial Period of American History. Nov Haven, 1970. Vol. 1–4. Vol. 2. P. 230, 282.

⁵ Здесь и далее текст хартии от 30 июня 1632 г. в переводе цитирован по: The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the States, Territories and Colonies Now or Heretofore Forming the United States of America / Comp. and ed. by F. K. Thorpe. Washington, 1909. Vol. 1–7. Vol. 3. P. 1677–1679.

Собственники Мэриленда и его потомки получали не только землю, но и власть над ее будущими обитателями. Последние объявлялись «преданными подданными» монарха, а «названная провинция» считалась «в вассальной зависимости от нас (короля. — В. У.)». Лорды Балтиморы наделялись правом назначать своих чиновников и при соблюдении английского законодательства и судебной практики учреждать свои суды, которые могли выносить приговоры о взыскании штрафов, о тюремном заключении и других наказаниях, а при необходимости и о лишении подсудимого имущества, «конечности или жизни». Балтиморы получали важные «права... закреплять, отчуждать, дарить, завещать или давать в лен части и доли собственности лицу или лицам, желающим их приобрести или получить...» Имелась в виду недвижимость и участки земли, которые собственник колонии мог передавать «в безусловное право собственности или в ограниченное в порядке наследования и отчуждения право собственности, или в пожизненное пользование, или многолетнее пользование...» (здесь просматривается частичная уступка частнособственническим рыночным отношениям). И в то же время хартия как бы платила дань ушедшей эпохе. Барону Балтимору и его наследникам король «передавал и жаловал... полномочия создавать на любом участке земли в пределах указанной провинции Маноры и в каждом из тех Маноров назначать барона с правом суда во всех вопросах суду барона подсудных...» Такое правосудие предполагалось осуществлять как лично лордом учреждаемого манора, так и через его управляющих или других представителей. Иначе говоря, хартия 1632 г. содержала положения, нацеленные на воссоздание на американских землях старой иерархии, старого общества.

Тому же результату могли способствовать и широкие экономические права Балтиморов. Им передавалось право на введение и сбор налогов, субсидий, портовых и прочих сборов и пошлин, «размер которых будут устанавливать по своему усмотрению они сами». В руки Балтиморам были отданы судоходство и рыболовство, ведение лесного хозяйства и добыча полезных ископаемых, и эти права они могли передавать или продавать другим лицам. В целом «Балтимор, истинный лорд и владелец этой провинции» и его наследники «для лучшего управления» ею получали «неограниченную, полную и абсолютную власть... издавать, устанавливать и вводить законы любого рода по своему благоразумному усмотрению, касающиеся как общественных дел, так и отдельных лиц...» «Пожелание» короля лорду-собственнику управлять колонией, советуясь с ее «фрименами», большей их частью или депутатами, «созывая их для составления законов по мере необходимости», было высказано весьма в обтекаемой и неконкретной форме. Единственное тре-

бование к законотворческой деятельности в колонии, которую Балтиморы должны были бы осуществлять в согласии с «фрименами» и их депутатами либо единолично, заключалось в том, что колониальные постановления должны были соответствовать нормам английского законодательства и права. Еще одна статья той же хартии уполномочивала Балтиморов при возникновении «непредвиденных обстоятельств и затруднений... время от времени принимать и издавать благоразумные указы... для обеспечения мира... [и] эффективного управления» в провинции⁶. В последующем ход дел в Мэриленде, в частности, начало работы законодательной власти – Генеральной ассамблеи с 1636–1637 гг. и развитие революционных событий в Англии не позволили Балтиморам «злоупотреблять» дарованными им полномочиями, но попытки укрепить свое положение и власть лорды предпринимали неоднократно⁷.

Так, необходимо признать, что семейство Балтиморов и первый собственник Мэриленда – лорд Сесилиус уделяли особое внимание исполнительной власти. Именно с формирования этой ветви началось обустройство колонии и руководство ее делами. Еще до того, как первые переселенцы отплыли из Англии на земли Балтимора в Америку, тот назначил губернатора колонии, ее секретаря и землемера. Леонард Калвет, брат лорда-собственника, стал губернатором Мэриленда. В свою очередь, тесно связанные с губернатором Дж. Холи и Т. Корнуоллис были назначены двумя «уполномоченными» (советниками) и составили зародыш будущего совета колонии. Еще в Англии формировались управленческие структуры, кадры которых с самого начала подбирались с учетом родственных или тесных деловых отношений с семейством Калвертов. Это принципиальное стремление – обеспечить значительное присутствие, если не засилье, на ключевых постах в органах власти родственников, ставленников, союзников и единомышленников – отличало и последующее политико-государственное развитие Мэриленда⁸.

По замыслам Балтимора, губернатор должен был играть ключевую роль в управлении колонией. Поэтому лорд-собственник обычно из числа своих родственников назначал губернатора и в любое время мог заменить его на новое лицо по своему выбору. В отсутствие лорда в Мэриленде губернатор выступал как его полномочный представитель и заместитель, располагавший «всею полнотою исполнительной власти в

⁶ Ibidem.

⁷ Бурин С. Н. Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального юга США (1642–1763 гг.). М., 1980. С. 39; Sparks F. E. Causes of the Maryland Revolution of 1639. Baltimore, 1896. P. 10–12, 14–15, 27, etc.

⁸ Osgood H. L. Op. cit. P. 60–61, 71–72; Andrews Ch. M. Op. cit. P. 376–373.

условиях мира или войны». Часто губернатора называли «генерал-лейтенантом», в этом качестве и как адмирал, «главный капитан и командир», он выступал командующим милицией и укреплениями колонии, всеми вооруженными силами на суше и на море. Губернатор на территории колонии располагал властью «канцлера» и курировал делопроизводство; организацию выборов и вызова повестками важных лиц; выдачу патентов, грантов, лицензий, касавшихся имущественных и территориальных вопросов, назначений на должности и т. д.; ведение множества других общественно значимых дел. Губернатор располагал правом вето на законодательные решения ассамблеи, его согласие требовалось для введения в силу уже принятого законодательства. На губернатора возлагалась организация подготовки материалов, предложений и проектов для ассамблеи. От имени лорда-собственника губернатор издавал «ордонансы, эдикты и прокламации», он также публиковал принятые законы. Губернатор – главный администратор и магистрат – производил назначения и смещение должностных лиц и руководил всеми подразделениями и должностными лицами исполнительной ветви власти. Он же выступал и как Верховный судья Мэриленда и в этом качестве мог руководить колониальными судами и выносить помилования за любые правонарушения и преступления, кроме случаев измены⁹.

По признанию российских американистов, в Мэриленде губернатор был наделен «по существу неограниченной властью. Она распространялась на военную, дипломатическую, административную, политическую, экономическую, и судебную сферы». Учитывая родственные отношения, можно считать с уверенностью, что губернатор «как бы воплощал собою в Мэриленде лорда Балтимора», «единственного властелина» колонии. А лорд-собственник, согласно принятой в период разгула абсолютистских устремлений хартии короля Карла I, «обладал на этой территории всеми правами средневекового феодального государя: политической властью над населением своих владений, а также судебной и военной властью». Он «становился феодальным собственником всей земли, а единственным законным титулом владения землей в колонии – феодальное держание от лорда-собственника»¹⁰. Таким обра-

⁹ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1642–1660. М., 1969. С. 158; Osgood H. L. Op. cit. P. 61; Sparks F. E. Op. cit. P. 12–14.

¹⁰ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. С. 293; Бурин С. Н. Указ. соч. С. 23–24; Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период истории США. М., 1963. С. 68–70.

зом изначально были заложены условия в политической, государственной области, которые предопределяли судьбу Мэриленда как анклава средневековой, полуфеодальной Европы в Новом Свете. Основанный лордом и королем как «очаг феодализма», Мэриленд к середине XVII в. в своем развитии существенно отклонился от первоначально заданного курса¹¹. Веяния революции в Англии и борьба колонистов за свои интересы и права, в том числе и их противодействие принятию навязываемых лордом-собственником законов и порядков, создание представительного органа, его достаточно независимые действия и законодательная работа, иные факторы и обстоятельства не позволили реализовать многие намерения и планы лордов Балтиморов и их представителей в Америке.

Среди таких факторов, как видим, определенное место занимала деятельность управленческих структур, отдельных органов власти. Депутаты-законодатели в своей сфере подтачивали близкую к абсолютной власть семьи Калвертов (Балтиморов), тормозили превращение Мэриленда в удельное феодальное владение, направляли его движение на общий путь, по которому развивались (каждая по-своему) и другие колонии Британии на континенте в первой половине – середине XVII в. В чем-то аналогичную картину можно наблюдать и при формировании еще одной ветви власти – судебной. Первоначально, согласно королевской хартии, предполагалось, что лорд-собственник будет обладать полнотой судебной власти на колонизируемых территориях. Согласно инструкции Балтимора, его полномочный представитель – губернатор колонии – выступал как ее верховный судья с широкими полномочиями. Мэриленд предполагали превратить в этакую страну поместий-маноров¹². Их хозяева – крупные землевладельцы находились бы в вассальной зависимости и в свою очередь выступали бы по отношению к населению маноров как сеньоры со всеми вытекавшими из этого правами, включая и право на расследование, суд и наказание виновных. Формально устанавливалась система судов маноров. Но реальное развитие оказалось иным. Сеньориальные права владельца манора, в том числе «суд барона», присутствовали «главным образом в терминологии». В масштабах колонии восторжествовали не суды сеньоров, а усилиями и под давлением ее населения была создана судебная система, состоявшая из нескольких уровней. Входившие в нее судебные органы имели свою юрисдикцию, определенные формы соподчинения и представля-

¹¹ *Слезкин Л. Ю.* У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1962–1960. С. 335.

¹² *Самойло А. С.* Указ. соч. С. 68–73, 251–255, др.; *Johnson J. H.* Old Maryland Manors. Baltimore, 1883.

ли более действенную и современную (для XVII в.) организацию одной из ветвей, государственной власти на значительной территории¹³.

В Мэриленде властные структуры и практика управления к середине XVII в. развивались под воздействием внутреннего фактора – противостояния режима лорда-собственника и значительной части населения колонии, и под воздействием внешних обстоятельств – прежде всего, веяний из Британии. События английской революции вели к смягчению, изменению внутреннего строя колонии, восприятию и краткой реализации мэрилендцами некоторых более либеральных, чем в арсенале Балтиморов, принципов и положений. Как и в соседней Виргинии, в Мэриленде наблюдалась тенденция к формированию более широкого слоя местной элиты, верхов, претендовавших на все большую долю участия в управлении обществом, колонией. В феврале–марте 1660 г. даже была предпринята попытка низвергнуть власть Балтимора и объявить Генеральную ассамблею «независимой от какой-либо власти... в провинции» и «высшим органом власти». Однако последовавшая в том же году реставрация династии Стюартов в метрополии отразилась и на положении дел и дальнейшей эволюции политико-государственной системы колонии. Лорд-собственник «взял реванш», и «Мэриленд между 1660 и 1690 г. управлялся фамильной кликой» Балтиморов¹⁴.

Сходная ситуация после 1660 г. прослеживалась и на других американских территориях. Реставрация династии Стюартов вела к переменам в колониальной политике, направленной уже на ужесточение системы контроля за британскими владениями и на ограничение самоуправления их населения. При послереволюционных Стюартах колонизация Северной Америки все более велась в интересах близких ко двору кругов (фаворитов короля) и представителей «старого» крупноземельного дворянства. Во главе их стоял герцог Йоркский (будущий король Яков II), и именно эти силы и стремились насадить на новом континенте соответствующие порядки, получить привилегии, прерогативы и «атрибуты старых феодальных владетелей» для извлечения с их помощью на колонизируемых землях «наибольшей прибыли при наименьших вложениях капитала»¹⁵. И если в первой половине XVII в. британс-

¹³ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1962–1960. С. 161; См. также: *Osgood H. L.* Op. cit. Vol. 2. P. 281; *Wilhelm L. W.* Maryland Local Institutions. Baltimore, 1835. P. 33–62.

¹⁴ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции. 1642–1660. С. 327–335; *Osgood H. L.* Op. cit. Vol. 2. P. 86–88.

¹⁵ Самойло А. С. Указ. соч. С. 174–175; См. также: *Бурова И. И.* Две тысячи лет истории Англии. СПб., 2001. С. 332–333, 352–355.

кие поселения и колонии за океаном учреждались в основном торговыми компаниями и религиозными сообществами, со времен короля Карла II Стюарта именно представители аристократии стали получать там огромные земельные пожалования и заводить порядки по своему усмотрению. Так, под патронажем и при участии аристократии появились пять колоний: Каролина, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания и Делавэр. Очевидно, что названные обстоятельства в какой-то мере корректируют суждения и оценки основоположников марксизма, которыми столь безапелляционно и без разбора оперировали многие советские историки-американисты.

Раздел 4

НОБИЛИТЕТ В ЗЕРКАЛЕ

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:

ИДЕНТИФИКАЦИЯ

И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭЛИТЫ

В. В. Василик

«ПРЕЖДЕ ВЕРЕН. А ТЕПЕРЬ НЕВЕРЕН»: К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТУ СЕРБСКОЙ ЗНАТИ XIV–XV веков

Проблемам сербского нобилитета, казалось бы, в историографии уделялось достаточное внимание. Следует упомянуть классические работы Новаковича¹, Динича², Ферьянчича³, Наумова⁴, недавнюю книгу Благоевича⁵ и т.д. Издан ряд памятников, имеющих прямое или косвенное отношение к сербской знати, рассмотрен ряд важных социально-политических аспектов формирования и функционирования сербского нобилитета. Однако, целый ряд проблем до сих пор представляются нерешенными.

Прежде всего – это генезис дворянства. Еще в XIII веке в хрисовулах встречается термин «воины» (воиники). В документах XIV века он исчезает и появляется термин «властела». Как считают исследователи, это означает, что «воины», как общественный слой исчезли, превратившись в дворянство-властелу, либо растворились в массе «себров» – работников господских и монастырских хозяйств⁶. Действительно, Законник Стефана Душана знает понятия «властела» и «себр», «воиник» в нем не встречается⁷. Однако, неизвестно, когда и при каких обстоятельствах произошел этот процесс.

¹ *Новаковић С.* Велики челник Радич или Облачи Раде 1413–1435. Београд, 1881

² *Динић.* Хумско-требинска властела. Београд, 1967.

³ *Ферјанчић Б.* Деспотији у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960.

⁴ *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975.

⁵ *Благојевић М.* Државна управа у српским средњовековним земљама. Београд, 2001.

⁶ *Чирковић С.* История средневековой Сербии. С. 197.

Далее, не вполне ясны соотношения внутри самого дворянства. В Законнике выстраивается следующая иерархия – великий властелин, властела, властеличичи, прониары, прониаровичи. С одной стороны, оно разделялось между владельцами наследственной неотчуждаемой земли – баштины, с другой – держателями условного владения (пронии) за службу⁸. Однако, с одной стороны, прония, начиная со второй половины XII в. на Балканах все более феодализируется и теряет характер условности⁹. С другой стороны, не вполне ясны различия внутри властелы, а также относительно лиц, входящих в круг «великой властелы», просто властелы и властеличей.

Значительной проблемой является также вопрос о происхождении тех или иных сербских родов. Корни многих из них теряются во мраке.

И наконец, исследователями не ставилась попытка создания социально-психологического портрета сербской знати. Подобное состояние дел объясняется силу специфического состояния источников и значительного объема среди них документов юридического характера (хрисовулы, Законник Стефана Душана и т.д.), а также «этикетный», по выражению Дмитрия Сергеевича Лихачева¹⁰ характер прочих памятников (жития, летописи). Однако, при надлежащей методологии можно составить психологический портрет сербской знати даже на основании имеющихся источников, если учитывать их специфику. Особенно ценным является привлечение византийских источников – Истории Иоанна Кантакузина, Дуки и т. д., поскольку они содержат яркие психологические характеристики.

При работе с источниками автор использовал с известными коррективами комплексный историко-психологический метод, разработанный А. Л. Вассоевичем¹¹, подразумевающий в частности описание менталитета¹² с помощью выстраивания системы координат и вычленения психологических доминант¹³.

⁷ См.: Соловьев А. Законник цара Стефана Душана 1349 и 1354 г. Београд, 1980. С. 54.

⁸ Наумов. Господствующий класс... С. 75.

⁹ История византийской империи. Т. 3. М., 1967. С. 23.

¹⁰ Понятие литературного этикета разработано Д.С.Лихачевым в одном из его фундаментальных трудов Поэтика древнерусской литературы. М, 1980.

¹¹ О методе см.: Вассоевич А. Л. Духовный мир народов классического Востока СПб: Алетейа, 1998. С. 24–142.

¹² О понятии менталитет и ментальность см. в частности История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования. М., РГГУ, 1996.

¹³ См. Вассоевич. Духовный мир... С. 19–21.

Обратимся к такой оппозиции, как «пассионарность-субпассионарность». Л.Н.Гумилев ввел это понятие для определения эффекта избытка энергии живого вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорной цели¹⁴. При известной неопределенности этого термина и его материалистической ограниченности (в чем-то даже вульгарности), им все-таки можно пользоваться в качестве рабочего, если привлечь понятия низкой, средней и высокой энергетики, введенные в отечественную историческую психологию доктором психологических наук А. М. Зимичевым¹⁵ и связать пассионарность с высокой энергетикой, а субпассионарность с низкой¹⁶.

На первый взгляд, ответ выглядит однозначным. Сербское дворянство XIV–XV в. действительно обладало высоким уровнем пассионарности, если сороковые годы во главе со Стефаном Душаном ему удалось построить крупнейшую империю на Балканах и завоевать пять шестых Византийской империи¹⁷. Долговременное и активное сопротивление турецкому нашествию также свидетельствует в пользу данного ответа, при этом следует учесть, что наиболее значительные битвы сербы выдерживали в открытом поле, а не за стенами городов¹⁸ и они дольше других балканских народов (в частности греков и болгар) сопротивлялись турецкому завоеванию, при Однако, здесь возникают два возражения.

Во, первых, исследователи отмечают видную роль валашских и арбанасских отрядов в сербской армии, а также наемников, что связано с

¹⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

¹⁵ Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб. С.

¹⁶ Естественно, пассионарность невозможно объяснить одними материальными причинами – повышенным артериальным давлением (Вассоевич. Духовный мир С. 29) или выбросами солнечной энергии (Гумилев. Этногенез и биосфера... С. 56).

¹⁷ Чиркович С. История средневековой Сербии. Москва, 1996. С. 135–162.

¹⁸ К их числу относится битва при Черномене (1371 г.), где по некоторым подсчетам, может быть преувеличенным, погибло около 60000 сербов, битва при Билечи, или Топлице (1388 г.), где сербские войска под предводительством князя Лазаря впервые разгромили турок и наконец Косовская битва 15 июня 1389 г., которая по своей ожесточенности и количеству участников, пожалуй, не имела равных среди битв XIV в. на Балканах. Показательно, что первоначально Косовская битва ее уцелевшими участниками – банном Твртко и князем Вуком Бранковичем осознавалась как победа, в результате чего в Соборе Парижской Богоматери даже отслужили благодарственную мессу за победу ХристанСм. Иречек К. История на българите. София, 1978. С. 382, 391–393.

недостатком воинов среди сербов¹⁹. Во-вторых, одним из критериев пассионарности как жертвенности является такая категория как верность, в том числе верность сюзерену. С этой психологической доминантой сербская знать испытывала постоянные проблемы.

Во-первых, в XIV-начале XV в. Сербия прошла через целый ряд переворотов и гражданских войн, в которой знать была по известному старомосковскому выражению «первой крови заводчиком». Во время конфликта братьев-королей Милутина и Драгутина (1301–1311 годы), Милутину изменили «все великоименитые» и он смог победит лишь с помощью наемников – «многочисленнаго войска азыка татарскаго и тврѣцкаго и ѡсскаго»²⁰. Стоит вспомнить возмущение 1314 Стефана Дечанского против отца, закончившегося его ослеплением. Судя по житию, написанному архиепископом Даниилом, его непосредственным инициатором явилась властела. «Зломысленные властели по действию диавола» решили добиться осуществления «замыслов лукавых и заявили Стефану: «Тебе следует взять претол отца твоего, а мы окажем тебе содействие, да свершится во всем воля твоя». Более того, властела грозила наследнику: «Если не послушаешь нас, не будем называться твоими»²¹. Далее, как сообщает автор жития, во время смерти Милутина «было много мятежей и немалая молва и смятение, рати и разорение многое от суетмудрых воинов»²². В 1322 году вспыхивает восстание Константина против его сводного брата Стефана Дечанского.. По сообщению Григория Цамблака, Стефан предложил Константину разделить с ним власть, но он с гордостью отказался, потребовав всего наследия их отца Милутина, вызвал Стефана на бой и в этом бою пал²³. Примечательно, как себя ведут Константин и Стефан. Константин, послáвъ скоро ѡстѣпнѣти царства велм: нѣсть речѣ, слышано ѿ вѣка, слѣпѣ быти царю... Таким образом, Константин апеллировал к византийской традиции, по которой слепой не мог царствовать, а также – к физической силе. Напротив, Стефан пытался его уговорить, ссылаясь на библейские примеры братоубийства и

¹⁹ Чиркович. История средневековой Сербии. С. 197. Однако он сам оговаривает причины подобного явления, которые лежали не в общественной психологии, а скорее в социальной структуре общества и экономике – наличие свободных людей, способных приобрести коня и вооружение.

²⁰ Даничич. Животи кральева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило и други. Београд-Загреб, 1868. С. 358.

²¹ Даничич. Животи... С. 124.

²² Даничич. Животи. С. 370.

²³ Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983. С. 74–76.

братолюбия, увещевая не губить своих соплеменников и единоверцев, привлекая себе на помощь иноплеменных: Престáни ѓже начина́еши рáтова-ти со инозýчники своà лю́ди, нò Оу́сёрдно прииди, да Оу́зримъ дрѹгъ дрѹгà²⁴ и сáнз вторый ѓкѡ сынъ царствїа по мнѣ прїимеши.. Нè вò азъ ѓсмь Кáин братовѣи́ца, но Иóсифъ дрѹгъ братолю́бецъ²⁵.

В 1330 вспыхивает мятеж Стефана Душана против своего отца, закончившийся убийством последнего. Нелишне напомнить, что некоторые исследователи обвиняют в гибели Стефана Дечанского именно знать, а не Душана²⁶. В 1332 году зетская знать во главе с Дмитрием и Богданом поднимает мятеж теперь уже против Душана. После смерти Стефана Душана в 1355 году, при гораздо более слабом Уроше IV большинство знати практически отказывает ему в повиновении

Исследование источников показывает, что сербская знать плохо поддавалась контролю, подчинялась в случае наличия сильной руки и немедленно выходила из под управления, если центральная власть в чем-то проявляла слабость. Характерно замечание Иоанна Кантакузина о борьбе Уроша IV с его дядей Симеоном: «Самые могущественные из вельмож более слабых устраняли от власти и каждый сам себе подчиняли ближайшие города, одни в борьбе королю (т.е. Урошу) помогали, сами в ней не участвуя и ему как правителю не подчиняясь, а посылали на помощь военные отряды как союзники или друзья, а другие помогали дяде Симеону, а некоторые из них никого не поддерживали, а держа при себе свои войска смотрели в будущее и ждали, когда можно присоединиться к тому, кто возьмет верх. И разделясь на десять тысяч кусков, они воевали друг против друга²⁷.

²⁴ Черта весьма характерная. Во-первых, одной своей фразой Стефан удостоверяет истинность своего исцеления и своего здоровья, во-вторых, он призывает тем самым к братолюбию, напоминая о встрече Исава и Иакова, Иосифа и его братьев и т. д.

²⁵ Там же. С. 76.

²⁶ Чиркович. История... С. 136.

²⁷ μῆτε μῆν συναίρομνη πρῶξ τῶν πῶλεμον. οὔτε δυνατῦτατοι τῦν παρὰ αἰῶτοάξ ἀπιφανῦν τοίξ ἐποδεεστορουξ ἐπελῦσαντεξ ἄκ τῦν ἐρψῦν, καὼ τέξ ὠμῶρουξ ἄκαστοξ πῶλειξ ὠφᾶ ἰαυτὸ πεποημσνοξ, οἶ μᾶν τὸ Κρύλω συνεμῦσουν, οἶκ αἰῶτοῶ παρῶντεξ, οἶδᾶ ὕξ δεσπῶτῶ πειραρψοῖντεξ, ἐλλῆ πσμπонτεξ ἀπιμαψᾶν, οῖα δῆ σῶμμαψοι καὼ φᾶλοι, οἶ δᾶ Σᾶμσι τὸ ρεᾶζῆ Σνιοι δᾶ αἰῶτῦν προσεάψον οἶδετορζ, ἐλλῆ τῆν οἶσαν δῶναμιν συνσποντεξ, τῶ μσλλον ἐπεσκῶпουν, ὕξ ἄкеᾶνζ проσφησῶμενοι, ὠξ ἐν τῶ πλσον Σψῶῆ меνοι, ὠξ ἐн τῶ πλсон Σψῶῆ καὼ ἐξ μυрᾶ τμηματα διαιρεφсонтеξ ἄстасᾶζон.

Joannes Cantakuzenus. Historiae / Ed. L. Schopen, Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri iv, 3 Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Vol. 3. Bonn: Weber, 1832. P. 315.

Знатные роды (Балшичи, Алтомановичи, Бранковичи и др.) растаскивают страну на куски²⁸. Для сербской властелы был бы немислим тот образ самопожертвенного поведения, которое показало, к примеру, московское боярство в 1445 году и позднее, вначале выкупив Василия II из татарского плена, а затем повинувшись слепому и казалось неудачливому князю²⁹.

Законодательные памятники, прежде всего Законник также свидетельствует о том, что порок измены далеко не был чужд сербской знати. Весьма значимы следующие статьи Законника:

«За измену, за всякое преступление (отвечают) брат за брата и отец за сына, родственник за родственника. Те же, которые отделены от такового (преступника и живут) в своих домах и не согрешили, да не платят ничего, исключая того, который согрешил, и дом того да платит (51 статья)³⁰.

Коллективный принцип ответственности за измену с одной стороны апеллирует к архаическому обычному праву, с другой стороны – указывает на большую социальную опасность измены и следовательно – распространенность данного настроения и, следовательно, предрасположенности к данному рода психологической доминанте.

Согласно Законнику, среди знати измена приобретала различные формы. Она могла выразиться в форме бегства к врагу (145 статья Законника)³¹, в форме пропуска врагов и разбойников через пограничную территорию, за что пограничный властель обязан был заплатить всемеро (144 статья Законника)³², в виде укрывательства разбойников (146 статья Законника)³³.

²⁸ Чиркович. История... С. 165–185.

²⁹ См. с причинах подобного поведения в частности Борисов Н. Иван III. 2006. С. 79–87.

³⁰ См.: Соловьев. Законник... С. 87. Перевод дается по изданию см. Хрестоматия. по истории государства и права зарубежных стран. Древность и средние века. М., 2000. С. 472.

³¹ Если властелин или властелинич будет уличен как перебежчик или как другой какой (преступник) моего царства и если окрестные села и жупа восстанут на грабеж его дома и его имущества, что он оставил, те, которые это делают, да будут наказаны, как изменники моего царства. См. Хрестоматия. С. 482

³² О разбойнике. И если окажется, что разбойник перешел через владения пограничного властелина, и ограбил где нибудь и снова воротился с добычей, да платит пограничный властелин всемеро. Там же.

³³ Повелевает мое царское величество по всем землям и городам и по жупам и по украинам да не будет разбойника и вора ни в коем пределе, и таким

В чем же психологические причины подобной склонности к измене среди сербской знати? Ведь существовали не только гражданские («градские»), но и церковные законы, осуждавшие измену. Стоит привести хотя бы Апостольское правило, вошедшее в Савину Кормчую: «На наш взгляд, это свойство может быть связано с исконной чертой славянского менталитета – безудержному анархическому свободолюбию, отмеченному еще императором Маврикием³⁴ и происходящей отсюда волей определенной части сербской знати к самоутверждению любой ценой. Подобная воля выражалась по-разному, в том числе – в том, что по-гречески может быть названо ὑβρις – гордость, связанная с насилием. Показательна следующая статья Законника Стефана Душана: «Насилия да не будет никому ни в чем в земле моего царства. Если же кто подвергнется наезду или насилию с похвальбою, те кони, с которыми наехали, все да отберутся, половина моему царскому величеству, а половина тому, на кого наехали»³⁵. Перед нами ὑβρις в ее чистом виде. Сознание сербской знати во многом питалось протогосударственными или даже догосударственными понятиями. Но в условиях королевства, а затем империи подобные представления и чувства не могли выразиться напрямую через отвержение любой власти. Поэтому возникают измены и мятежи, выражающие стремление знати почаще менять хозяев, а по большому счету существовать «в межеумочном положении», практически живя без сюзерена и относясь к нему в лучшем случае как другу, а не государю.

И все же нельзя сказать, что сербская знать была всецело поражена вирусом измены и в ней отсутствовало жертвенное начало. Свидетельством обратного является Косовская битва. Показателен рассказ византийского историка Дуки о гибели некоего юноши, известного в славянских источниках под именем воевода Милош, в позднейшей традиции – как Милош Обилич.

образом да укротится воровство и разбой: в котором селе найдется вор или разбойник, то село да будет разграблено, а разбойник да будет повешен головою вниз, а вор да будет ослеплен, а господин того села да будет приведен связанным к моему царскому величеству и да платит за все, что натворил (зла) разбойник и вор с исперва а в добавок да будет (он) наказан как вор и разбойник. Там же.

³⁴ Свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной землевод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 369. Ощущение баштины как своей земли безусловно должно было способствовать воскрешению этого древнего архаического комплекса.

³⁵ Соловьев. Законник. С. 189. Перевод дается по Хрестоматия. С. 477.

Некий муж из славных, сербский юноша, мужественный и дерзновенный, как никто другой тогда, как казалось, вырвавшись из фаланги христиан, припадает в середину построения турок как перебежчик. И турки схватили его, сам же он по имени назвал вождя и сказал: Хочу его видеть и на ухо шепнуть некие слова, чтобы он стал победителем. Ради этого я и стал перебежчиком. И когда он сказал, ему показывают вождя. А Мурат показал ему рукой подойти к нему. А юноша, устремившись, подойдя к нему ближе, наносит смертельный удар в сердце. А сам был на части изрублен секироносцами и щитоносцами Мурата³⁶.

Примечательно, однако следующее. Во-первых подвиг происходит под личиной предательства, во-вторых, судя по житию Стефана Лазаревича, поступок Милоша был связан с завистью знати и клеветой на него в измене.

Бѣ некто благороденъ сѣлш ѿ вѣренъ сый великомѣ князю Лазорю, именовъ Милошъ, емѣже завидаше клеветашѣ нанъ, ако не правѣ слѣжитъ емѣ, той же обрѣтъ подобно время, хотя показати вѣрѣ ѿ мѣжества, скорѣо ѡстремиса къ началникѣ Ягараном Ямбрѣтѣ, сѣтворивъ себе ако бѣжаша отъ великаго княза Лазара, емѣже разстѣпишася Ягаране и пѣтъ сотворше, онъ же близъ бывъ гордаго началника Ягараньска Ямбрѣта и ополчивса, вонзѣ мечъ в тогѣ сердце ѿ мѣртва показѣтъ, тѣ же и самъ отъ нихъ ѡбниенъ бысть, чѣдныи тогѣ слѣга.

Весьма возможно, что подвиг Милоша не был связан с каким либо определенным военным планом и не согласован с князем Лазарем, а носил характер протеста против клеветы. Подобное предположение связано с тем, что, по сообщению византийского историка Дуки, переход Милоша был для сербов неожиданностью и убийство Мурата не переломило хода боя. Вероятно, поступок Милоша мог явиться своеобразной формой юродства – обличения подлинных изменников своей мнимой изменой. Показательно также, что в народной памяти на свет Косовской битвы падает тень предательства: Вук Бранкович, соратник Лазаря по Косовской битве обвиняется в измене в песне Милица:

А зачем о Вуке ты спросила?
 На родителях его проклятье,
 Будь он проклят и все его племя!
 Изменил на Косове он князю

³⁶ Historia Turcobyzantina, ed. V. Grecu, Ducas. Istorica Turco-Bizantina (1341–1462) [Scriptores Byzantini 1. Bucharest: Academia Republicae Popularis Romanicae, 1958]: .

И увел с собой двенадцать тысяч
Лютых ратников с поля сраженья³⁷.

В этом народная память несправедлива к Вуку Бранковичу, напротив, он отважно сражался на Косовом поле и, более того, до 1392 года сдерживал натиск турок и заключил с ними мир лишь под давлением превосходящих турецких сил³⁸. Вероятно, народная традиция сделала его изменником из-за его борьбы со Стефаном Лазаревичем за престол.

Однако, значимо то, что в народной памяти Косовская битва становится священнодействием, кровавой жертвой и своеобразным повторением Тайной вечери, где Лазарь несет образ Христа, а Вук Бранкович – Иуды³⁹.

Тем не менее, если говорить о магистральной линии восприятия Косовской битвы, то и исторические источники, и эпические памятники все-таки говорят о доминанте верности среди сербского дворянства. Показательны слова в Житии Стефана Лазаревича о смерти Лазаря:

Повелѣваѣтъ ѡбо беззаконный мечемъ того ѡбити, Христа исповѣдающа, и
свѣщїи съ нимъ молѣхуся прее посвѣчени быти, ѡко да не видатъ кончинѣ его.

В уже приведенной нами песне Косовского цикла Милица говорится:

Защищали сербы государя.
Госпожа моя, дрались до смерти,
Брат не выдал брата в тяжелой битве.

И, наконец, Слово на мраморном кресте поставленном на Косовом поле является настоящим реквиемом по сербскому дворянству, погибшему в бою, или казненному после битвы, гимном его чести и верности.

Он [Лазарь] любил то, что хочет Христос
Он пошел по своей воле
И со всем своим бесчисленным множеством,

³⁷ А што питаш за проклетог Вука,
проклет био и ко га родио!
Проклето му племе и колено!
Он издаде цара на Косову
и одведе дванаест хиљада,
госпо моја, љутог оклопника».

Караджич В. Српске народне пјесме. Кн. I. Београд, 1958. С. 154.

³⁸ Чиркович. История... С. 188.

³⁹ Подобный вывод можно сделать на основе песен «Погибель царства сербского» и Вук клеветает на Милоша.

Бывшим под рукой его,
 Мужи добрые, мужи храбрые,
 Мужи воистину в слове и в деле,
 Блиставшие, как звезды светлые,
 Как земля разноцветными цветами,
 Одетые золотом и камнями дорогими украшены,
 со многими конями убранными и златоседланными,
 вседивны и прекрасны всадники их,
 всеблагородных и славных.
 Он, как добрый пастырь и защитник,
 Мудро привел духовных агнцев,
 Да во Христе добре скончаются,
 И примут мучения венец,
 И вышняя славы причастники будут,
 И так соединенное великое множество,
 Вместе с добрым и великим господином,
 С доброй душой и твердейшей верой,
 Как в прекрасный покой и на благоуханную пищу,
 На неприятеля устремились,
 И умертвили дикого зверя и великого противника,
 И несытого ада всеядца.
 Великого Амурата и сына его.
 О чудес множество.
 Был схвачен храбрый страдалец
 Беззаконными агарянскими руками
 И край страдания приял,
 И мучеником Христовым стал
 Великий князь Лазарь.

Возникает вопрос: воздействовал ли мученический подвиг св. князя Лазаря и его дружины на сербское общество и прежде всего – дворянство. С одной стороны, приходится дать отрицательный ответ: смерть Лазаря привела к очередному междоусобию. Летописные источники с горечью сообщают: *Сынъ же первый великаго князя Лазаря князь великій Стефанъ остана съ матерію своєю, еще сынъ мзладъ, и с братомъ своимъ Волкомъ И не точію ото Измаилтъ, но и окрестній и единовѣрній на брань вооружашася*⁴⁰. Уже около 1392–1393 г. против Стефана составляется заговор, как сообщает Константин Философ, «дьявол, который сеет плевелы разъярил на великую борьбу неких великашей, которых отец его покорил под свои ноги, они стремились уйти из под его власти и измыслили многие тяжкие клеветы против него, принося их перед Баязидом. Одни говорили, что Стефан поднимает венгров против него, а другие говорили, что они хо-

⁴⁰ Русский хронограф.

тят самостоятельно служить его (т. е. Баязида») державе. Известны имена этих двух обвинителей – Николай Зоич и Новак Белоцеркович. Это обвинение закончилось для Стефана Лазаревича благополучно, потому что среди дворян, посланных к султану, нашелся верный ему человек, который его известил о заговоре и Стефану удалось оправдаться пред султаном⁴¹.

Последующее правление Стефана было омрачено постоянной борьбой с его родственниками, вначале с дядей – Вуком Бранковичем, затем – племянником – Георгием Бранковичем, который в 1402 г. заручился помощью турок и вышел против него на битву при Триполье, недалеко от Грачаницы, которую проиграл. В результате этой междоусобной войны Сербия лишилась шанса сбросить власть турок. Всего через шесть лет, в конце 1408 г. против Стефана Лазаревича восстает его брат Вук, который вместе с Бранковичами призвал турок Сулеймана. В ответ Стефан пригласил на помощь венгров. Венгерские и турецкие отряды опустошали страну, пока она не разделилась на две части по миру 1409 г. и это разделение было прекращено лишь казнью Вука и Лазаря Бранковича в 1410 г. Мусой, братом и соперником Сулеймана⁴². Кажется, сербская знать ничему не научилась и кровавый Косовский урок не пошел на пользу.

Однако, это не совсем так. Когда, после прекращения мятежей и междоусобных войн, Стефан Лазаревич объединяет страну, в обществе воцаряется совершенно особая атмосфера.

В «Житии» рассказывается, что с приходом деспота Стефана к власти в Сербии было уничтожено беззаконие, и все нарушители пребывали в страхе. По словам Константина, в стране установились справедливость и порядок: быстрый не прогонял медлительного, а богатый – бедного; никто не преступал границ владений, не проливал кровь праведных, не клеветал на начальствующих⁴³. Стефан Лазаревич лишил власти всех «мало верующих» и нерасторопных людей, а на их место поставил искренних и преданных – тех, кто заботился о своей духовной и телесной чистоте⁴⁴. Он подавал придворным пример своей благочестивой, аскетической жизнью. Так, в «Житии» Константин Философ зада-

⁴¹ *Jađih V.* Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревича деспота Српског // Гласник српског ученог друштва. 1875. Кн. XLII. С. 270. (далее – *Jađih V.* Константин Философ и његов...)

⁴² *Чиркович.* История сербов. С. 191.

⁴³ *Jađih V.* Константин Философ и његов... С. 283.

⁴⁴ *Ibid.*

ет себе вопрос: «Кто и когда в Сербском государстве поборол искушение женской любовью и мусикиею (т.е музыкой)», – и тут же отвечает, что деспот ненавидел их и навсегда отринул от себя⁴⁵. Стефан неустанно заботился о нравственности своих приближенных – «поучал тех учительски», всегда разяснял им смысл текстов Евангелия⁴⁶.

При дворе деспота царила атмосфера постоянной готовности к смерти. Стиль жизни подчиненных Стефана Лазаревича являлся своеобразной проекцией Небесного Царства на землю; во всем прослеживалось стремление к аскетической сдержанности и соблюдению заповедей. Константин пишет, что приближенные деспота удивляли каждого новоприбывшего ко двору своим благочестием и были «все же со страхом как ангелы»⁴⁷. Они относились друг к другу с почтением, не смели толкаться, громко кричать, смеяться; все носили светлые одежды, которые раздавал сам Стефан Лазаревич⁴⁸. Возможно, символика светлых одежд была заимствована деспотом из «Откровения Иоанна Богослова»:

После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу! И все Ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали перед престолом на лица свои, и поклонились Богу, говоря: аминь! благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь. И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их (Откр. 7, 10–20).

На Страшном Суде в белое платье оденутся праведники, пострадавшие за Бога и Святую Церковь; только достойные, не осквернившие свои души будут вечно находиться рядом с Господом. Возможно, облаче-

⁴⁵ Ibid. S. 284.

⁴⁶ Ibid. S. 284–285.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

ние в светлые одежды должно было подчеркнуть, что Сербия самоотверженно погибает за истинную веру, и что сербский народ рано или поздно, если не в Земном Царстве, то в Царстве Небесном, будет прощен и освобожден от мучений. Г. Колпакова указывает, что изображение фигур в светлых одеждах было характерно и для росписей моравских храмов: они являли верующим «зрительную аллюзию приуготовления к загробной жизни»⁴⁹.

Исследователи, обращавшиеся к этому месту Жития, зачастую упускают один важный момент: Откровение Иоанна Богослова – книга о верности: «Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни» (Откр. 2, 10) и помимо символики мученичества, великой скорби и готовности к смерти, белые одежды несли семантическую нагрузку верности Богу и верности деспоту Стефану. Сравнение трех кругов с ангельским миром и припоминание Дионисия Ареопагита также апеллирует к небесной иерархии и к иерархии земной, как ее проекции, а также к идее верности, как неотъемлемой характеристике ангельского мира. Из этого можно сделать вывод, что Косовская битва и последовавшие за ней события все-таки внесли нечто новое и возвышенное в духовную жизнь Сербии и в поведение сербской знати.

Однако, не стоит слишком обольщаться относительно мотивации подобного благоговейного и праведного поведения. Отчасти оно было обусловлено теми суровыми мерами, которые предпринял Стефан Лазаревич для консолидации общества и выстраивания иерархической вертикали власти. Так, он не колебался применять суровые меры Законника Стефана – отсекал руки правонарушителям, а временами (хотя и редко) применял смертную казнь, как например к своему клеветнику.

Каковы же итоговая оценка этоса сербской знати? Во многом она была дана еще в средневековье. Средневековые писатели рассматривали турецкое нашествие как наказание за междоусобицы, измены и предательства.

«Въ серпской земли деспотъ бысть Стефан Дѹшанъ по беззаконїи ѣже сътвори отцѹ своемѹ, сватомѹ кралю Стефанѹ, оубївъ того и сотвори мѹченика, себѣ же отцевѹбийцѹ и мѹченикабѹийцѹ, и сегò ради нѣ много пребысть в жизни сѣй, а сынъ єгò Оуросъ бысть безчаденъ. И во дни ихъ бысть нашѣствїе безбожныхъ Агаренъ и церквамъ опустѣнїе и пленѣнїе и межюѹсобныя рати»⁵⁰.

⁴⁹ Колпакова Г. Указ. соч. С. 190.

⁵⁰ Русский хронограф. М., 2005. С. 409.

Еще более жесткую, но справедливую оценку дает Петр Негош в Горном венце:

Слуги их изменниками стали
И купаются в крови их царской.
Главари⁵¹, будь прокляты их души,
На кусочки раздробили царство,
Силу сербскую во прах истерли.
Главари, да сгинет их потомство,
Распрей семя горькое посеяв,
Племя сербское им отравили⁵².

Однако, осуждая измены знати и ее раздоры, народ не забыл дворян – подлинных героев, отстаивавших государственность и свободу Сербии:

Помяни, о Господи, усопших,
Властелинов, слуг твоих смиренных,
Молодого храброго Душана,
Обилича, Кастриота Джуру
Зриновича, Ивана, Милана,
Янковича, Юговичей девять
И других всех витязей народных
Пусть царят их души там на небе,
Как царит здесь на земле их слава⁵³.

⁵¹ В оригинале – великаши.

⁵² Петр Негош. Горный венец. М., 1955. С. 35.

⁵³ Там же. С. 140.

Н. В. Ревякина

БЛАГОРОДСТВО И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА (На примере школы Витторино да Фельтре)

Постановка вопроса о благородстве в отношении гуманистической школы Витторино да Фельтре (1373 или 1378–1446) вполне уместна. Этот выдающийся педагог Возрождения в 1423 г. был приглашен правителем Мантуи Джанфранческо Гонзага для воспитания своих детей. Он воспитывал их вместе с другими отобранными самим наставником детьми, а когда старшие дети Гонзага подросли, Витторино да Фельтре создал свою школу, получастную – полугосударственную, которая существовала на деньги самого учителя, пожертвования Гонзага и граждан Мантуи и за счет средств, получаемых от родителей богатых учеников (бедных Витторино учил и содержал в своей школе-пансионате бесплатно).

В воспоминаниях Франческо Прендилаквы, ученика Витторино да Фельтре, отмечается особое внимание учителя к детям, «рожденным в добрых городах, от добрых родителей, в благородном, но бедном роду»¹. Он объясняет отношение Витторино к благородным тем, что в них «легко пробудить добродетель, как если бы они были подготовлены к этому самой природой и как если бы были сделаны вручную, вследствие добрых нравов города, родительского усердия в их отношении,...так и потому, что благородство расположено к славе, горячим стремлением к которой, так сказать, большей частью поддерживаются и воспаляются сами занятия науками, лишь бы были они свободны от невоздержанности (*luxus*) и честолюбия, которые бедность и нужда держат в узде» (Prend., P. 660).

Итак, в бедных благородных детях Витторино видел прекрасный материал для воспитания, их легче воспитать, пробуждая в них добродетель, нравственными и достойными людьми: они из славных городов, лучше подготовлены родителями, а благородство их рода, расположенное к славе, сильнее толкает к занятию науками, также разжигающими стремление к славе. Но при этом важная оговорка: помехой могут быть

¹ В статье использовались воспоминания учеников и современников, опубликованные в томе: *Garin E. Il pensiero pedagogico dell'Umanesimo. Firenze, 1958. P. 660* (ссылки будут даны в тексте с указанием сокращенного имени автора (Prendilaqua – Prend., Castiglione – Cast. и страницы), ссылки на сочинение Платины будут даны по другому изданию).

невоздержанность (или стремление к роскоши) и честолюбие, т. е. дворянская спесь, а бедность и нужда их умеряют.

Но справедливости ради надо сказать, что Прендилаква отмечает и отношение Витторино к детям низкого происхождения, рожденным в неизвестных местах, их он «очень умело утешал», говоря: «Все вступают в жизнь одним и тем же путем, поскольку у всех одно и то же начало; но нет никакой родовитости у тех, кому предстоит родиться, она у рожденных воспринимается не от предков, а идет от чистой души; поэтому пусть они ее лелеют и пусть действуют мужественно, у того, кто желает благородства, оно будет» (Ibid.). Тем самым он давал им надежду стать благородными, занять достойное место в обществе. А благородных юношей он словно прищипоривал, показывая им славу и величие рода, и говорил, что гораздо позорнее не сохранять, чем не иметь благородство рода; будучи заключено в страстном стремлении (любви) к добродетели, оно и удерживаться может только добродетелью.

Так Витторино, понимая благородство как добродетель (а понятие это в гуманизме было очень емкое, включая в себя и нравственное состояние души, и доброе деяние), в чем-то уравнивал учеников, одних заставляя подниматься до благородства, других – не терять его, помня о наследовании славы предков. И все же последних он очень поддерживал. Об этом свидетельствует также Бартоломео Платина, учившийся не у самого Витторино, а у его ученика Оньибене де Лониго. Витторино, говорит он, «любил благородство, и если случайно возникал между нobileм и плебеем какой-то спор, то он, хотя и говорил, что благородный и стремящийся к добродетели одно и то же, склонялся, однако, на сторону благородного»². Прендилаква и Платина, оба не из благородных семей, не преминули отметить эту особенность в отношении учителя к детям.

Дело здесь не только в том, что Витторино был приглашен в Мантую для воспитания благородных детей. Сам Витторино происходил из благородной семьи Рамбальдони. Рамбальдони владели в Фельтрино замком Фьянема и несколькими земельными участками. Среди предков Витторино был Рамбальдо, крестоносец, участник первого Крестового похода, и епископ Беллуно и Фельтре (ок. 1350 г.). Но постепенно род, видимо, обеднел. Витторино, приехавший учиться в Падую, должен был, чтобы учиться в университете, сначала обучать маленьких детей. А когда уже, будучи в университете, он захотел слушать лекции Бьяджо Пелакани по математике, читаемые частным образом дома, то,

² *Platina B. Vita di Vittorino da Feltre /A cura di G. Biasuz. Padova, 1948. P. 33. В последующих ссылках – Plat.*

не имея денег для оплаты лекций, вынужден был наняться в дом службой. Так что социальное происхождение Витторино, а также трудности, которые он претерпел, чтобы получить хорошее образование, в какой-то степени объясняют его отношение к благородным и помощь тем из них, кто хотел учиться, но не мог платить за обучение. Известно, что в его школе бесплатно обучались и содержались на его счет то ли 40, то ли 70 детей (ученики называют разные данные, возможно, относящиеся к разным годам, ведь в Мантуе он проработал 23 года). И наверняка среди них были и дети из обедневших дворянских семей.

А переезд Витторино в Мантую для воспитания детей Дж. Гонзаги из Венеции, где он преуспевал и где у него была школа, дававшая ему, по свидетельству учеников, хорошее материальное обеспечение, возможно, связан не столько с его симпатиями к благородным, сколько с надеждами на воспитание мудрого и доброго правителя, вдохновлявшими тогда многих гуманистов. Витторино не любил дворы и нравы правителей и полагал, что не сможет достойно воспитывать распущенных детей, поэтому он не сразу принял предложение Гонзага (Cast., 538).

В Мантуе Витторино воспитывал сначала старших Гонзага – Лудовико и Карло, затем по мере подрастания, Джанлучидо, Маргариту, Чечилию, Алессандро и 12-летнюю Барбару Гогенцоллерн, приехавшую из Германии, чтобы выйти замуж за Лудовико. Позже, как уже отмечалось, он создаст свою школу-пансионат, где дети будут учиться и жить.

В воспоминаниях учеников и современников об особом отношении Витторино к благородным говорится только один раз. Рассказ о процессе обучения и воспитания в школе не содержит упоминаний о каком-либо выделении Витторино благородных. Ученики отмечают разный подход наставника к детям: каждого он направлял в зависимости от его природного влечения к тому или иному искусству; не оставлял без внимания неспособных, отсылал их к более легким занятиям, «дабы никто не был лишен доброты и усердия наставника» (Prend., p. 604, 660), а с более способными занимался порой индивидуально (Ibid., 640). Так что в целом процесс обучения был для всех учеников, благородных и неблагородных, одинаков.

Представить, чем занимались дети в школе Витторино, можно на основе сведений, которые сообщаются о старших сыновьях Гонзага. Витторино, приступив к занятиям, сразу же обратил внимание на внешний вид Лудовико и Карло: первый был слишком толстым, второй – худым и длинным. С помощью специальной диеты, разной для каждого, и ежедневных физических упражнений он смог привести их в хорошую физическую форму, сделать сильными и ловкими. Прендилаква называет среди физических занятий стрельбу из лука, владение мечом,

метание копья, борьбу, бег, верховую езду и др. Здесь были и игры в войну с разбивкой лагерей и захватом крепостей. Витторино считал, что физические упражнения укрепляют телесное здоровье, обостряют ум, воспитывают душевную стойкость, отвлекают от бесполезного досуга и сладострастных желаний (Cast., p. 544, Prend., p. 598, Plat., 13, 20). Витторино кроме того закалял детей холодом и приучал к простой и скромной пище.

Воспитывая в детях достойные нравы (человечность, доброту, общительность, уважительное отношение к родителям и старикам, почитание Бога и др.), он заботился и о внешней благопристойности, проявлявшейся в чистоте тела, соответствующей походке, одежде. Но чрезмерную заботу о себе (безукоризненную прическу, духи, украшения) он порицал. Ученики Витторино ничего не говорят о наставлении детей Гонзага в том, что выражает величие власти. Педагог заботился не о репрезентативности власти, а о физической крепости, силе духа своих воспитанников, ориентируя их на будущие благие деяния. И, видимо, это соответствовало запросам итальянских городских правителей, которые были демократичнее и еще не освоили науку жестов и роскошь пиров.

Витторино наставлял своих учеников в благочестии, ходил с ними в церковь, не прощал богохульства. И он очень бережно относился к личности ученика: был, по словам Прендилаквы, ревностным стражем репутации другого человека, никакую вещь не порицал публично, если она не была публично совершена (Prend., 582).

Образование в школе Витторино имело в основе семь свободных искусств, по форме напоминало средневековое, но отличалось от него по содержанию и по методам. Обучение строилось исключительно на античном материале, и нужен был особый талант учителя, чтобы заставить современно звучать древние тексты, чтобы с их помощью воспитывать в детях мужество, героизм, патриотические чувства, стремление к подвигам, чтобы увлечь детей величием дел, описываемых историком или поэтом. Так что нравственное воспитание, формирование душевных качеств осуществлялось и в процессе обучения.

Известен эпизод с чтением стихов учеником Федерико да Монтефельтро. Когда он воспевал битвы и войны, он так все это воспроизводил голосом, лицом, жестами, что, казалось, хватал уже оружие и сражался. Читая о том, что Сципион Африканский стал полководцем в ранние годы, он стал печален и, повернувшись к Витторино, прочитал стихи поэта, изменив немного слова: «Вот наступит когда-нибудь и для меня день, когда можно будет увидеть мои деяния», и загрустил. И когда его спросили о причине грусти, он ответил, что Сципион предводи-

тельствовав войском, будучи юношей, а он, ненамного его моложе, еще не видел ни воинов, ни лагерей. А наставник, утешая мальчика, сказал: «Я хочу, чтобы ты был не Сципионом, но Александром, ведь он был, как и ты, сыном государя и славнейшим государем». Часто, глядя мальчика по голове, он говорил: «Ты также будешь Цезарем» (Prend., p. 612). Так наставник психологически поддерживал мальчика, разжигая в нем жажду великих деяний, славы и внушая ему надежду на то, что он станет правителем. В письме к отцу Федерико он побуждает его ценить сына, любить его и хвалить, ибо придет время, когда он станет прославленным полководцем и обессмертит и самого себя, и отца (Ibid.). Витторино видел Федерико правителем Урбино, а не только военачальником, хотя Федерико после смерти отца и наследования его владений в Урбино братом Оддантонио да Монтефельтро шансов стать государем не имел. Но все-таки он им стал в результате недовольства урбинцев правлением Оддантонио и его убийства.

Когда ученики Витторино говорят о благородных в его школе, то они имеют в виду, конечно, не только детей Гонзага и упомянутого Федерико Монтефельтро. Да и сам Прендилаква в воспоминаниях дает понять, что таких было много: «В те времена /в школе/ были многие /другие/ тоже благородные ученики – мантуанцы, веронцы, бергамасцы, флорентийцы» (Prend., p. 618). Было бы интересно выяснить, как широко были представлены дети благородных родителей в мантуанской школе и как сложились их судьбы. Но архивы Витторино не сохранились, сведения об учениках можно почерпнуть разве лишь из воспоминаний самих учеников и современников, из писем гуманистов и из литературы. Доступные нам источники дают возможность выявить имена около 60 учеников (некоторые имена нуждаются в уточнении)³. Из 60 человек треть принадлежит к благородным родам. Большинство из них упоминаются у Прендилаквы.

Семь учеников из этого числа – благородные молодые Гонзага, названные выше. Как сложилась их судьба и судьбы других учеников из

³ Кроме сочинений Фр. Прендилаквы и Б. Платины и комментариев издателей к ним, данные об учениках содержатся в изд.: *Cosenza M. E. Dictionary of the Italian Humanists. IV. Boston, 1968, 3668*, в публикуемых источниках, статьях и книгах: *Mantova. Le lettere. V. II /A cura di E. Faccioli. Mantova, 1962. P. 23–32*; *Cortesi M. Libri e vicende di Vittorino da Feltre // Italia Medievale e Umanistica. Padova, 1980. P. 79*; *Signorini R. In traccia del Magister Pelicanus. Mostra documentaria su Vittorino da Feltre. A cura di R. Signorini. Mantova, 1979*; *Idem. Francesco Prendilaqua salvato dalle acque // Accademia Nazionale Virgiliana di scienze lettere ed arti. Atti e memorie. Vol. LI. Mantova, 1983. P. 120–121.*

благородных, упомянутых в источниках? В каких сферах деятельности они себя проявили? Старший сын Лудовико Гонзага (1414–1478) унаследовал власть отца Джанфранческо Гонзаги в 1444 г. Второй сын Карло (1417–1456) стал известным кондотьером. Это был способный юноша, знавший греческий и переводивший плутархово жизнеописание Агесилая, имевший свою небольшую библиотеку (список из 23 его книг сохранился в мантуанском архиве), среди книг которой – Вергилий, Цицерон, Овидий, Сенека, Стаций, Библия, стихи св. Климента, Боэций, «Африка» Петрарки⁴. Поскольку ему суждено было стать кондотьером, Витторино и воспитывал его в этом духе, о чем, в частности, свидетельствует его письмо, написанное при участии Витторино ученику другого гуманистического педагога Гуарино да Верона – Леонелло д'Эсте и прославляющее наряду со *studia humanitatis* военную доблесть⁵.

Третьего сына Джанлучидо (1421–1448), юношу поэтически одаренного, знавшего наизусть всю «Энеиду», легко овладевшего латинским и греческим языками, а также математикой, писавшего стихи и собиравшего античные медали, отец заставил заниматься правом и отправил учиться в Павию, собираясь сделать из него юриста⁶. Младший сын Алессандро (1427–1466), любимый ученик Витторино, наиболее полно усвоивший, по свидетельству Прендилаквы, уроки учителя, получил в наследство маленькое владение Кастильоне и правил там в духе наставлений учителя, демократично и с заботой о населении (Prend., р. 608–610)⁷. Дочь Джанфранческо Маргарита (ум. 1439), занимавшаяся у Витторино до 11–12 лет, была отправлена в Феррару, где училась у Гуарино да Верона и затем вышла замуж за Леонелло д'Эсте; Чечилия (1426–1451), младшая дочь Джанфранческо, с раннего детства учившаяся у Витторино и поражавшая знанием греческого языка, ушла в монастырь,

⁴ ASMN, busta 20.

⁵ Оба письма находятся в изд.: Guarino Veronensis Epistolario in 3 vol. A cura di R. Sabbadini. Venezia, 1915–1919. Vol. 3. P. 328–329 (письмо Карло), Vol. 2. P. 256 (ответ Леонелло).

⁶ О поэтических способностях Джанлучидо см. *Signorini R. Opus hoc tenue. La camera dipinta di Andrea Mantegna. Lettura storica, iconografica, iconologica. Mantova, 1985. P. 71 (comment.)*. О чтении им своих стихов, посвященных прибытию в Мантую императора, сообщает Амброджо Траверсари. Коллекцию античных медалей видел у него Чириако Анконский.

⁷ Об Алессандро и вообще о воспитании правителя подробнее сказано в нашей статье: *Ревякина Н. В. Мантуанская школа Витторино да Фельтре и проблемы воспитания правителя // Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 55–64.*

отказавшись от брака с урбинским наследником Оддантонио да Монтефельтро, Барбара Гогенцоллерн вышла замуж за Лудовико.

Другие ученики Витторино из благородных также проявили себя на разных поприщах. Кроме Лудовико и Алессандро Гонзага, правителем стал Федерико да Монтефельтро (Prend., p. 610–616). Сначала он управлял своим феодалом в Масса Трабариа, но после убийства урбинцами Оддантонио встал в 1444 г. во главе Урбино (герцог с 1474 г.). Лудовико Гонзага и Федерико да Монтефельтро называют государями Возрождения. Они превратили свои столицы в центры возрожденческой культуры, приглашали ко двору поэтов и художников, собирали библиотеки и произведения искусства, украшали и благоустраивали свои города⁸.

У Витторино учились и дети правителей небольших городов. Козимо Мелиорати (1426–1442/44), сын правителя Фермо, и Таддео (1430 – после 1479), сын правителя Фаэнцы, родственники Гонзага, выделялись нравами и образованностью, первый сражался под началом Пиччинино и стремился вернуть власть, потерянную отцом, но погиб совсем юным (Ibid., p. 616–618). А Таддео был еще мальчиком отозван из школы, но тем не менее, говорит Прендилаква, прославился «благодаря усердию наставника и собственной доблести» (Ibid., p. 618) тоже, видимо, на военном поприще; он долго правил Имолой.

Некоторые из учеников посвятили себя исключительно военному делу. И Витторино, представляя в целом судьбу своих благородных учеников, старался подготовить их к будущей военной деятельности, тренируя физически и закаляя духовно; но он считал необходимым дать им хорошее образование. Джованни Франческо Деи Баньи (ум. после 1480), отличавшийся прекрасной внешностью и величием души и тела, получил у Витторино хорошее знание латинского и греческого языков, а также прекрасную физическую подготовку: наставник укрепил этого юношу с пылким и превосходным умом, неукротимого по причине возраста и темперамента, физическими упражнениями и трудом. Посвя-

⁸ См. *Coniglio G. I Gonsaga*. Varese, 1973; *I Gonsaga a Mantova*. Ed. Zagnoli. Milano, 1975; *Signorini R. Opus hoc tenue. La camera dipinta di Andrea Mantegna. Lettura storica, iconografica, iconologica*. Mantova, 1985. Жизнеописание Федерико да Монтефельтро оставил Веспасиано да Бистиччи – *Vite di uomini illustri*. Bologna. T. 1–2. 1892–1893. T. 2. P. 266–322; см. также *Zampetti P. Vittorino da Feltre e Federico da Montefeltro // Vittorino da Feltre e la sua scuola. Umanesimo, pedagogia, arti / A cura di N. Giannetto*. Firenze, 1981; *Tommasoli W. La vita di Federico da Montefeltro. 1422–1482. Urbino, 1978; Federigo da Montefeltro. Lo stato. Le arti. La cultura / A cura di G. Cerboni Baiardi ed altri. Vol. 1–3 (Roma), 1986.*

тив себя военной службе, Деи Баньи «добился огромной славы в этой области», «совершил много славных деяний и, что на войне бывает редко, никогда не нарушал обещания»; он был выше всяких похвал в верховой езде, быстрый в беге, с сильной рукой, дельный в совете (Ibid.). Другой будущий военачальник, Джиберто ди Корреджо (1410–1455), видимо, был не очень способен в обучении («не столь блистателен в науках, сколь в военном деле»), и Витторино усердно занимался с ним тем, «что воспитывает военную славу», и тот в конце концов стал выдающимся (*magnus*), и, добавляет Прендилаква, не без хорошего знания наук, так как старательно слушал древние истории. В войне, которую вел Якопо Пиччинино в Тоскане, он предводительствовал войском сиенцев и был убит. «Так погиб прямо на пути к успеху выдающийся и отважный муж» (Ibid., p. 604).

Кроме кондотьеров и государей, которые и сами подчас были кондотьерами, из учеников Витторино вышли придворные; при дворе Гонзага служили: Карло Броньоли (1416–1489)⁹, Габриеле да Кремона, «сын славнейшего и благороднейшего рыцаря», отличавшийся умом, красноречием и высокими нравственными качествами (Ibid., p. 618), Франческо Калканьини (1405–1476) (Ibid., p. 572)¹⁰. Последний стал секретарем Джанфранческо Гонзага, был послом от Гонзага в Феррару, подеста в Вольте; затем он находился на службе у Лудовико Гонзага, позже перешел на службу к Борсо д'Эсте в Ферраре, выполнял там разные административные функции. При дворе Гонзага были Бартоломео Энсельмини (1410/20–1439), любимый племянник Витторино, погибший совсем юным на войне в ходе долгой осады Брешии, и два его брата¹¹. Витторино понимал, что проводить культурную политику государям без образованного и понимающего окружения трудно. Придворные Гонзага выполняли также дипломатические, административные и другие функции.

⁹ См. о нем: *Eramo G., Signorini R. La «luculenta oratio» di Carlo Brognoli // Vittorino da Feltre e la sua scuola.*

¹⁰ Ф. Калканьини был одним из первых учеников Витторино и учился у него, возможно, еще в Падуе, затем в Мантуе. См. о нем ст. Т. Аскари в *Dizionario biografico degli italiani. Vol. 16.*

¹¹ М. Кортези публикует сохранившееся в рукописи письмо ученика Витторино Лодовико Дела Торе к Джанфранческо Гонзага, в котором говорится о замечательных качествах Бартоломео, подававшего большие надежды, и о том, сколь тяжела эта смерть для Витторино – *Cortesi M. R. Libri e vicende di Vittorino da Feltre // Italia Medioevale e umanistica. XXIII. 1980. P. 113.*

Некоторые ученики Витторино после выхода из его школы продолжали образование на юридическом факультете разных университетов. Гражданским правом занялся Джованни Франческо Соарди (1422–1469), он был известен по всей Италии, был подеста ряда городов и без перерыва – претором флорентийцев и капитаном сиенцев. И хотя по законам Тосканы это запрещалось, замечает Прендилаква, однако «его высокая честность, верность, справедливость, воздержанность (все это он взял у наставника) заставили предпочесть авторитет этого мужа отеческим законам» (Ibid., p. 618). Он был также поэтом¹². Юристом стал и Лудовико Делла Торре (после 1480), разносторонне образованный, склонный от природы к искусству слова; он достиг многих должностей и прославился (Ibid., p. 618–620).

Часть учеников пошла по церковной стезе. Франческо Кастильоне (ок. 1420–1484) 8 лет учился у Витторино, хорошо знал латинский и греческий языки и обладал прекрасными нравственными качествами – умеренностью, честностью, скромностью (Ibid., p. 622). После школы он был секретарем у архиепископа Флоренции Сан Антонино. Позже стал доктором теологии. Он составил жизнеописание Сан Антонино, к которому приложил и жизнеописание Витторино да Фельтре и сравнил их обоих. Баттиста Паллавичино (1410/10–1466), «замечательный поэт», тоже обратился к церковной деятельности и был рукоположен в епископы Реджо (Ibid., p. 604). При Николае V и Пии II он играл в курии важную роль. Известен своими стихами и исправлением кодекса Корнелия Цельса. Пьетро Бальби да Пиза (1399–1479), ученик Витторино в Падуе и затем в Мантуе, любил математику и астрономию (Ibid., p. 624). Он стал епископом Никотеры и потом Тропеи. Переводил с греческого Лукиана, Апулея, Отцов церкви¹³.

Никколо Перотти де Сассоферрато (1429–1480), «любивший греческий язык, греческие нравы, греческий народ», сначала был секретарем у кардинала Виссариона (Ibid., p. 624–626), затем архиепископом Сипонто, выполнял разные административные церковные обязанности в Виттербо, Сполето, Перудже. Он известен своим полным начальным курсом грамматики латинского языка (*Rudimenta grammatices*), составленным в 1468 г. и напечатанным другим учеником Витторино – Джован Андреа де Бусси да Виджевано в Риме в 1473 г. Грамматика имела широкое распространение, Эразм Роттердамский называл ее наиболее совершенным учеб-

12 См.: *Belloni A. Un lirico del Quattrocento a torto inedito et dimenticato. Gio. Francesco Soardi // Giornale storico di letteratura italiana. Vol. 51. 1908. P. 146–206.*

13 См. о нем ст. А. Пратези в *Dizionario biografico degli italiani. Vol. 5.*

ником того времени¹⁴. Переводил с греческого античных авторов (Плутарха, Полибия и др.) и Отцов церкви. Составил большие комментарии к Марциалу (*Cognoscioriae*). Был членом Римской академии. Григорио Коррер (1409–1464) из аристократической венецианской семьи, замечательный оратор и чистотой жизни подобный Витторино (*Ibid.*, p. 604), после школы был апостолическим протонотарием в римской курии, потом, видимо, секретарем своего дяди кардинала Антонио Коррера, с которым жил до его смерти в Вероне. Был настоятелем храма Св. Зенона. Переписывался с Мантеней в 1458–1459 гг. по поводу заказа триптиха для церкви св. Зенона. Церковная карьера у него складывалась медленно, только в самом конце жизни, за два месяца до смерти он стал патриархом Венеции. Он был одарен поэтическим талантом, и Витторино хотел видеть в нем второго Вергилия. Еще в школе Григорио Коррер написал поэму о том, как должны воспитываться дети, в которой воспроизвел метод и наставления учителя. Его перу принадлежат трагедия «Прокне», написанная в юности, лирическая песнь, посвященная Мартину V, позже 6 сатир, эклога *Lucidas*; он переводил басни Эзопа¹⁵.

Как видим, ученики Витторино из благородных семей проявили себя в государственной, административной, военной, церковной, научной и литературной сферах деятельности; среди них не было педагогов в университетах, учителей в городских школах, воспитателей в семьях – эти функции выполняли другие ученики мантуанского наставника. Получив в школе Витторино хорошую подготовку, выходцы из благородных семей внесли достойный вклад в культуру, особенно государи Возрождения и те, кто сделал церковную карьеру. Их вклад – это издания античных авторов, переводы с греческого, составление комментариев, написание учебников, благоустройство городов (Мантуи, Урбино и др.), ставших центрами возрожденческой культуры, секретарство у знаменитых людей эпохи – кардинала Виссариона, архиепископа Сан Антонино. В Италии с конца XIII в. шел процесс сближения нобилитета и пополанов («зámков и банков», по выражению В. И. Рутенбурга), благородные, получая гражданские права, включались в общественную жизнь и с возрастанием престижа культуры и в культурную жизнь. Объективные тенденции эпохи совпадали с субъективным желанием Витторино да Фельтре помочь дворянству не просто удержаться в жизни, но и занять важные посты во власти.

¹⁴ *Woodward W.H. Vittorino da Feltre and other Humanist Educators. Cambridge, 1897 (Repr. N.Y., 1963) P.87.* Вудворд упоминает о принадлежащем Перотти педагогическом трактате «*De puerorum eruditione*», который не был издан. См. о Перотти также: *Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. СПб, 2000. С. 191–193.*

¹⁵ См. о нем ст. П. Прето в *Dizionario biografico degli italiani. Vol. 29.*

П. Ю. Уваров

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРЯНСТВА ПО НОТАРИАЛЬНЫМ АКТАМ ЭПОХИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Двадцать лет назад в тогда еще Ленинградском университете я имел честь присутствовать на конференции, очень близкой к теме нынешнего формула. Если не ошибаюсь, она называлась: «Господствующий класс средневековой Европы». То, что в отечественной науке произошли за это время громадные изменения, вполне очевидно: другими стали и страна и название университета, и парадигма исторических исследований, и сам способ писать историю. Но не менее серьезные сдвиги (правда, в несколько иные сроки) произошли и в западной историографии, в частности, в историографии французской, всегда служившей для нас своеобразным эталоном.

В 1960-е годы темы выделения и описания социальных групп находились в центре внимания французских историков. Сторонники «Школы Мунье» и «Школы Лабрусса» спорили о том, было ли общество Старого порядка разделено на классы, определяемые по объективным показателям, или на «orders» – сословные группы, основанные на критерии престижа¹. При видимой разнице подходов (позже разведенных между собой при помощи заимствованного у Кеннета Пайка разделения на «этические» и «эмические» категории²) было у спорщиков и нечто общее. Они не сомневались в реальном и стабильном существовании анализируемых социальных категорий, в наличии единой иерархии, отводящей точное место каждому индивиду на социальной лестнице.

Затем эта проблематика отошла на задний план, хотя и не исчезла полностью. Сегодня можно говорить о возрождении интереса к пробле-

¹ L'histoire sociale: Source et méthodes. Colloque de l'École normale supérieure de Saint – Cloud (15–16 mai 1965). Paris: PUF, 1967; Problèmes de stratification sociale. Actes du colloque international (1966) / Ed. par. R. Mousnier. Paris: PUF, 1968. Niveaux de culture et groupes sociaux. Actes du colloque reuni du 7 au 9 mai 1966 a L'École normale supérieure. Paris, La Haye: Mouton, 1967. Ordres et classes: Communications. Colloque d'histoire sociale, Saint – Cloud, 24–25 mai 1967 / Ed. par D. Roche & E. Labrousse. Paris, La Haye: Mouton, 1973.

² Pike K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. La Haye, Paris: Mouton, 1967.

мам социальной стратификации и социальной иерархии в трудах историков, принадлежащих к авангарду научного сообщества³.

Но теперь приверженность эссенциалистским подходам сменилась интересом к социальному конструктивизму. Отсюда проистекает осознание того, что универсальных классификационных схем не существовало и каждый раз положение человека или группы на иерархической лестнице, да и сами принципы классификации были сугубо контекстуальны. Изменилось отношение к языку описания социальных категорий. Если раньше в нем видели лишь отражение объективной реальности, то сегодня он рассматривается как система, порождающая и субъективное и объективное, а также регулирующая отношения между первым и вторым.

Некоторым историкам прежде казалось, что для постижения социальной иерархии старых обществ достаточно взять современную им классификационную схему. Например, знаменитое «трехчастное деление», воспетое некогда Жоржем Дюби, многочисленные трактаты и проповеди на тему «Etat du monde», или сочинение адвоката Шарля Луазо (нач. XVII в.), описывающее иерархию чинов и достоинств. Но эти и любые другие схемы составлялись не для облегчения жизни последующим историкам, а с иными целями. Трехчастная модель призвана была доказать превосходство «молящихся» над «воюющими», а Шарль Луазо, рьяный католик, распространял иерархию ангельских чинов Псевдо-Дионисия (только что заново открытого французскими издателями) на неприглядную французскую действительность.

Изучать классификационные схемы интересно, но судить на их основе о «реальной» структуре общества – все равно что опираться на суждения гробовых дел мастера Безынчука из романа Ильфа и Петрова, который делил людей на тех, кто «сыграл в ящик», «дал дуба», «приказал долго жить» или попросту «гигнулся». Классификаторы всегда предлагают некий специфический взгляд на общество.

Если же пытаться исходить из «объективных критериев» и выделять социальные категории, вооружившись строгими принципами формальной логики, то трудностей возникает не меньше. Логика предписывает наличие «необходимых и достаточных условий»: для существования множества необходимо наличие качества, которым обладали бы все его члены и не обладал бы никто, кроме них. Так, например, свидетельство о выдаче диплома доктора наук является таким основанием для выде-

³ См., например, коллективную монографию: *Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime/ textes réunis par Fanny Cosndey. Paris: Editions de l'Ecole des hautes etudes en sciences sociales, 2005.*

ления группы «докторов наук». Но для дворянства этот прием не подходит ввиду множественности критериев: благородство происхождения, образ жизни, уровень доходов, владение сеньориями и фьефами, особые принципы наследования, наличие королевских грамот, подтверждающих дворянский статус, обладание аноблирующими должностями и фискальными привилегиями и т. д. Но ни один из перечисленных критериев не является сугубо дворянским или свойственным всем дворянам королевства.

Ригоризм в этом вопросе может иметь для дворянства последствия не меньшие, чем деятельность созданных Кольбером комиссий по проверке дворянства, отбросивших в разряд простолюдинов до трети дворянских семей. Помню, как в конце 1980-х годов талантливый молодой историк в своем докладе, основанном на применении строгих критериев, сделал вывод, что социально-соловной группы «французское дворянство эпохи Старого порядка» не было. Присутствовавший на заседании А. В. Адо с надеждой спросил: «Но, может быть, на уровне провинций дворянство все-таки существовало?» Но докладчик был неумолим: «Нет, не существовало». Очень тогда Анатолий Васильевич растерялся.

И все же разговор о социальных категориях необходим, поскольку без обобщений истории трудно притязать на статус научного знания. К тому же людей прошлого очень интересовали как сами социальные классификации, так и то, какое именно место они лично должны в них занимать. Но изучать подобные вопросы стало гораздо сложнее, коль скоро очевидной стала необходимость учитывать и цели классифицирующих, и активность классифицируемых, и изменчивость их позиций, данную в языке.

Сущим кладом для историка оказываются нотариальные акты, наделявшие каждого участника определенными социальными именованиями. Помимо того, что это источник – массовый, допускающий статистическую обработку, важно, что акты составлялись со слов участников сделок, поэтому воля классифицируемых, стремление обозначить себя так, а не иначе, учитывались. Доля «социальной лестии» в них была ограниченной, поскольку нотариус все же был представителем публичной власти. К тому же заявленные в акте социальные притязания были результатом консенсуса партнеров: о том, как кого величать, стороны сделки договаривались точно так же, как и о материальных ее условиях. Сен-Симон рассказывал, что продажа герцогства де Верней герцогом Сюлли принцу Конде застопорилась оттого, что последний не пожелал, чтобы герцог, именовался бы не «месье», а «монсеньором», как сам Кон-

де. Принц королевской крови не мог допустить этикетного равенства сторон⁴.

Пособия по нотариату, тщательно инструктируя по разным вопросам практики (например, по поводу того, как определять возраст клиентов, чтобы судить о достижении ими совершеннолетия), мало информируют о системе подобающих величаний⁵. Нотариус предлагал свой вариант, руководствуясь собственным опытом и интуицией, но клиенты могли вносить уточнения, о чем свидетельствуют многочисленные исправления на страницах нотариальных минут. Так, например, 28 июля 1584 г., нотариус Жан Денисар (или его клерк) записал «благородным человеком» (*noble homme*) некоего Камила Фера, кавалера королевских орденов, королевского камергера. Но это не устроило клиента, и слова «благородный человек» были исправлены на «монсеньор». В тот же день другой клиент Де Лувенкура Клод Пилье, был назван в акте «честным человеком (*honnête homme*), парижским буржуа», но тут же эти слова были вычеркнуты, и он именовался теперь «благородным человеком»... советником и казначеем принца де Вандом⁶.

Все это делает нотариальные акты ценным источником, позволяющим хотя бы в масштабах одного региона делать выводы и об эволюции языка социальных терминов, и о социальных позициях людей, обозначаемых этими терминами.

В качестве первого примера возьмем нотариальные акты Экс-ан-Прованса XV в., исследуемые в работе Люси Ларошель, принадлежащей к школе Клер Долан, канадского историка, знатока провансальского нотариата⁷.

В Эксе часто употреблялся термин «*noblilis*». В конце XIX в. местные историки видели в нем указание на дворянство и не без гордости отмечали, что столь высокая доля «благородных» в Провансе объясняется галл-римскими традициями. Однако в разгар «кольберовских

⁴ Saint-Simon *Ecrits inédits*/ Ed. P. Faugère, t. III/2 *Mélanges*. P. 1881. P. 170

⁵ См., например: *Theorique de l'art des notaries: Pour cognoistre la nature de tous contrats...*/ Trad. De Latin en Francois...par Pardoux de Prat... Lyon, 1582.

⁶ Archives nationales de France (далее – AN), Minutier central (далее – MC), LIV, 85 f. Noble homme (monseigneur Camille Fera, chevalier des ordres du Roy, gentilhomme ordinaire de la chambre du roy 28 juillet 1584 honnête homme (noble homme) Claude Philier bourgeois de Paris (conseiller et tresorier de m. le Prince de Verneil).

⁷ *Larochelle L. Le vocabulaire social et les contours de la noblesse urbaine Provençale à la fin du Moyen Age: l'Exemple Aixois*// *Annales du Midi*. T. 104. 1992. P. 99–110.

проверок» юрист Александр Бельгиз писал о провансальском дворянстве: «Если в предъявляемых контрактах двухсот-трехсотлетней давности нет иных титулов, кроме «nobilis», то ему не следует придавать значения, ибо в то время составляли контракты по-латыни, и это качество присваивалось простолюдинам, отличаемых от прочей черни какой либо частной добродетелью»⁸.

Если в прежние времена провансальские грамоты обозначали этим термином наследственную знать, то в XV в. так величали юристов, нотариусов, купцов, буржуа, хотя по старинке так продолжали иногда называть рыцарей (miles) и «дамуазо» (domicellus) – мелких дворян, проживающих в городах. Итак, в Эксе XV в. эпитет «nobilis» вовсе не обязательно указывал на дворянское происхождение, но, мог соответствовать французскому «notable» – «известный», «почитаемый» житель города.

Некоторые термины обладали большей определенностью. Если перед личным именем стояло «magister», то это указывало либо на наличие степени бакалавра или магистра искусств, либо на обладание высокой профессиональной квалификацией в сочетании с солидным доходом. Так могли именовать нотариуса или уважаемого владельца ремесленной мастерской. Достаточную стройность система «предикатов» обрела при наличии формальной иерархии. Так, священников и монахов обозначали словом – «господин» (dominus), каноник звался «досточтимым» – (venerabilis), а аббат – «преподобным» (reverendus).

Именам судей или просто тех, кто обладал степенью в правоведе-нии, предшествовали эпитеты «egregius» или «circumspectus» – «славный», «мудрый». И даже если судья получал затем дворянский патент, приобретал фьефы и жил уже вполне по-дворянски, он все равно не отказывался от этих величаний, относящихся к миру правосудия. В самом начале XVI в. появляется новый эпитет «spectabilis» – «замечательный, великолепный» – так именовались советники парламента.

Помимо этих терминов, указывающих на профессиональную квалификацию, вид деятельности и принадлежность к корпорации, существовали и другие, обозначающие, скорее, степень респектабельности. Надо отметить, что само по себе обладание почетными эпитетами было признаком элитарности. Ведь, как правило, ни крестьяне, не наемные работники, ни мелкие ремесленники никаких величаний в актах не имели.

⁸ *Belleguise A. Traité de la noblesse: suivant les prejuges rendus par les commissaires deputez pour la verification des titres de noblesse en Provence...* Toulouse: J.-D.Camusat, 1688 Цит. по: *Larochelles L. Op. cit. P. 101.*

Термин *probus, providus* – «честный», «порядочный» указывал на определенный доход и престиж горожан. Величаемые так горожане уже принимали участие в муниципальных выборах, были полноправными членами городской общины. Приданое дочерей «честных» и «порядочных» горожан составляли обычно 100–150 флоринов. Этот показатель был выше для тех, кого обозначали термином «*discretus*», «*honorabilis*» – «уважаемые», «почтенные»: в их семьях размеры приданого колебались вокруг суммы в 300 флоринов. Те, кто обозначался уже знакомым нам словом «*nobilis*», демонстрировали в размерах приданого очень большой разброс значений – от 500 до 1000 флоринов. Этот термин часто употреблялся совместно с иными эпитетами. *Nobilis egregius*, бакалавр права Жан Бартелеми в 1458 г., после того как стал лицензиатом и судьей, в акте именуется как *nobilis magnificus* – «знаменитый», «величественный». Другой бакалавр, Гильом Аймерик, именуется в 1460 г. *nobilis circumspectus*, но позже, став доктором прав, в своем брачном контракте именуется *magnificus*. Таким образом, этот последний эпитет указывал на верхний слой нотаблей. Впрочем, в нотариальных актах всегда было место для появления каких-то необычных именовании. Так, юрист Этьен Пюже предпочитал именоваться «разумным» – (*sapiens*), прежде чем стать советником Парламента и обрести величание – *spectabilis*.

На знатность по рождению указывали термины «*generosus*», «*potens*», «*excellens*» – соответственно «благородный», «могущественный» «превосходящий». Обладатели этих эпитетов относительно редко появлялись в Эксе, но и к их величаниям могли добавляться слова «*nobilis*» и «*magnificus*». Практика нотариального употребления социальных эпитетов не знала непреходимых барьеров между группами.

Термин «*scutifer*» – оруженосец, (ср. с фр. «экюйе» и с англ. «эсквайер») относился к «буферной зоне» между нотаблями и родовитым дворянством. В грамотах средневекового Прованса этот термин (в отличие от слов «*miles*» и «*domicellus*», указывавших на истинный дворянский статус) мог относиться и к низшему слою дворян, и к «настоящим» оруженосцам, помогавшим рыцарям в бою, и к молодым воинам, ожидающим посвящения в рыцари, но также и к аноблированным горожанам.

Иногда у нотариусов Экса термином «*scutifer*» обозначались представители младших ветвей дворянских линий, а также дети рыцарей, не вступившие еще в права наследства. Они бывали в городе проездом (указывая в качестве адреса свою сеньорию), их принадлежность к тому слою, который мы называем «дворянством», не вызывает сомнений. Однако в самом Эксе встречаются семь местных жителей, обозначенных как «*scutifer*» и обладавших придворными должностями – хле-

бодаров, виночерпиев, камергера, мажордома. Четверо из них стали именоваться «оруженосцами» лишь после того, как они стали придворными. Так, Пьер Гвираманд назывался в 1474 г. «nobilis mercator» («знатным торговцем»), стал «nobilis scutifer», обретя должность мажордома графа прованского в 1480. Но можно было в Эксе найти и «оруженосцев», живших в городе, не обладавших никакими должностями, но владевшими сеньориями. Так, например «nobilis scutifer» Марк Шассегрос-Фуассард, был сыном купца, но совместно со своим дядей он владел сеньорией Истр. Характерно, что в своем акте он специально оговаривал, чтобы держатели приносили оммаж на коленях и с непокрытой головой. В начале XVI в. некоторые из этих «оруженосцев» фигурируют в актах с эпитетом «genegosus», указывающим на благородство по крови. Таким образом, они уже неотличимы от «настоящих» дворян. И все же, по мнению Люси Ларошель, путь проникновения мещан в дворянство через «титул» экуюе не был характерен для Экса, где городские элиты имели немало иных способов социального возвышения.

Итак, Прованс XV в. не знал термина, указывавшего на всех дворян и только на них. Разумеется, любой мог отличить благородных дворян от простолюдинов-ротюрье, но провести четкую границу между ними мешало наличие промежуточных групп. Такая терминологическая неопределенность облегчала горожанам проникновение в ряды дворян, благо что для Прованса, как для «страны писаного права», отсутствовал такой демаркационный признак, как особенности дворянского раздела имущества (в областях кутюмного права в дворянской семье старший сын получал большую часть наследства). Но была ли такая неопределенность исключительно провансальским позднесредневековым явлением?

Обратимся теперь к парижскому материалу, заведомо более представительному, поскольку только для XVI в. насчитываются сотни тысяч нотариальных минут. Французская нотариальная система именованый (напомним, что уже к концу XV в., задолго до ордонанса в Виллер-Коттре (1539 г.) парижские нотариусы перешли на французский язык) обладала следующей структурой:

почетный эпитет (titre d'honneur, epithète d'honneur) (1) – предыменное величание (avant-nom) (2) – личное имя (prénom) (3) – родовое имя (nom) (4) – указание на ранг или сословную, принадлежность, достоинство (vrai ordre, dignité d'honneur) (5) – имя сеньории (nom de seigneurie) (6) – должность или профессия (l'office, vocation) (7).

Например:

– Noble homme (1) maistre (2), Samuel (3) Spifam (4), chevalier (5), seigneur de Bisseux (6), conseiller du roi en sa court de Parlement de Paris (7)

– Haute et puissant seigneur (1) messire (2) Cristophe (3) Des Ursins (4) Baron de Trainel, chevalier de l'ordre du roi (5) Seigneur de la Chapelle et d' Armenonville (6), Capitaine de cent homme d'arme de ses ordonnances, lieutenant general de Sa Majesté au gouvernement de Paris et de l'Ille de France (7);

– Honorable homme (1), maître (2) Claude (3) Thomas (4) Marchand, bourgeois de Paris (7)

Конечно, в употреблении почетных эпитетов и предыменных приставок было немало произвола. Прежде всего, человек мог употребить некий необычный эпитет (вспомним провансальца, назвавшегося «sapiens»). Виноградарь из парижского предместья Тома Мазе именован «честным человеком» (*honneste personne*)⁹. В конторы парижских нотариусов заходило немало окрестных крестьян, но никто из них не удостоивался какого-либо почетного эпитета. Выяснилось, что этот акт был лишь зарегистрирован в Париже, а составлен в провинциальном монастыре письмоводителям местного бальяжа. Речь шла о солидном дарении, и благочестивый столичный виноградарь был именован эпитетом, невысказанным у парижских нотариусов. Здесь некоторое отступление от нормы указывает на локальные различия в нотариальной практике. Рауль Спифам, парижский адвокат (чьим внучатым племянником был Самюэль Спифам) указывал в своих актах то, что он – доктор прав¹⁰. Это обычная практика в провинции, но для парижских адвокатов наличие степени было обязательным требованием, и они не считали нужным это отмечать в актах. Рассказывают, что на ежегодную присягу Спифам являлся в парламент не в черном, как все адвокаты, а в пурпуре, желая подчеркнуть забытое достоинство адвокатского звания, равного судейскому¹¹. На сей раз «шероховатость» нотариальной практики породилась идейной установкой и личной экстравагантностью.

Во-вторых, некоторые отступления от общих правил могли происходить из обычаев нотариальной конторы. Например, в середине XVI в., когда адвокаты уже именовались «благородными людьми и мудрыми мэтрами» (*noble homme et saige maistre*), клерки старого нотариуса Жана Контецца по-прежнему величали их так, как это было принято в начале

⁹ AN, Y 98, f. 88

¹⁰ AN, Y 90, f. 288v.

¹¹ *Loysel A. Le dialogue des avocats du Parlements de Paris // Divers traités tirés des mémoires de m. A. Loysel. Paris, 1651. P. 524–525.*

¹² AN, MC, CXXII, 33 (1541) 35 (1545).

века: «почтенный человек» (*honorable homme*), как купцов и ремесленников, лишь добавляя указание на их ученость¹².

Наконец, случилось, что стороны сделки сознательно шли на подлог, стремясь по обоюдному согласию создать улучшенное представление о своем социальном статусе. В 1578 г. брачный контракт советника парижского городского суда Франсуа Пари упоминает отца жениха – «благородного человека, Клода Пари, экюйе, сеньора да Ла Форж», и отца невесты – «благородного человека, мэтра Мартена Жамара, адвоката парламента». В действительности же Клод Пари был богатым купцом-бакалейщиком, а мэтр Мартен Жамар был нотариусом и выборным старостой квартала Сен-Жерве¹³. Камуфлировать статус родителей потребовалось, вероятно, потому, что Франсуа Пари надеялся стать советником парламента, что давало наследственное дворянство, и его будущий сын, имея благородных дедов по обеим линиям, уже мог получить доступ к придворным должностям или в кавалеры Мальтийского ордена, куда принимали только родовитых дворян. Для этого надо было лишь «забыть» семейное прошлое.

Со времен Кольбера власть иногда производила «проверки дворянства». Политика в сочетании с экономической конъюнктурой привела к сокращению числа дворянских семей вдвое к концу Старого порядка. Но на законодательном уровне употребление социальных эпитетов не регулировалось. Сопrotивление их узурпации было пассивным: старинные обладатели оспариваемых величаний отказывались от «девальвированных» терминов. Все тот же Сен-Симон отмечал, что ранее герцоги именовались «высокий и могущественный (*hautes et puissantes*) сеньор, мессир такой-то». Но затем король возвел в герцогское достоинство полтора десятка не столь знатных человек. «Старые» герцоги, стремясь отделить себя от них, стали именоваться «высочайшими и могущественнейшими» (*très hautes et très puissantes*), но и в этом «новые» герцоги вскоре начали им подражать. Тогда «настоящие» герцоги заменили слово «мессир» на «монсеньор», и эта разница пока остается в силе. «Но «мессирами» сейчас даже именуются последние из буржуа» – сетовал маркиз¹⁴.

Тем не менее мы можем говорить о нотариальном языке социальных именовании, т. е. системы, позволяющей современникам ориентироваться в социальном пространстве. Ее эволюция может быть представлена следующим образом.

¹³ *Descimon R.* Un langage de la dignité. La qualification des personnes dans la société parisienne à l'époque moderne//Dire et vivre... P. 93.

¹⁴ *Saint-Simon* Op. cit. P. 172–173.

	1520	1620	1720
Богатый ремесленник, прокурор, нотариус, пристав	Почтенный человек мэтр Honeste homme Honorable homme maitre	Мэтр Maitre	Мэтр Maitre
Купец, парижский буржуа	Почтенный человек (в случае обладания сеньорией – сьер, сеньор) Honorable homme; Senieur, sieur	Сьер Sieur	Сьер Sieur
Парижский эшевен	Почтенный человек, сьер Honorable homme; Senieur, sieur	Благородный человек Noble homme	Экойе, Euyer
Адвокат	Почетный человек и мудрый мэтр; благородный человек и мудрый мэтр honnete homme et saige maitre; Noble homme et saige maitre	Благородный человек, мэтр; Noble homme maitre; maitre	Мэтр Maitre
Королевский секретарь	Благородный человек Noble homme	Благородный человек, мэтр или экойе Noble home, maitre, euyer	Экойе Euyer
Советник парламента и других суверенных курий	Почтенный человек и мудрый мэтр; Благородный человек и мудрый мэтр Honneste homme et sage maitre, noble homme et sage maitre	Благородный человек, мэтр. Месье мэтр Noble homme maitre, Monsieur maitre	Мессир такой-то, шевалье, сеньор Messire <i>un tel</i> chevalier, seigneur
Президент (председатель) палаты суверенной курии	Благородный человек и мудрый мэтр Noble homme et sage maitre	Мессир такой-то, шевалье Messire <i>un tel</i> chevalier, seigneur	Мессир такой-то шевалье, сеньор... Messire <i>un tel</i> chevalier, seigneur
Низшее Дворянство	Экойе Euyer	Экойе Euyer	Экойе Euyer
Среднее дворянство Haute noblesse	Благородный человек, мессир такой-то, шевалье Noble homme, Messire <i>un tel</i> Chevalier, seigneur	Мессир такой-то, шевалье, сеньор Messire <i>un tel</i> chevalier, seigneur	Месир такой-то, шевалье, сеньор Messire <i>un tel</i> chevalier, seigneur
Высшая знать Très haute noblesse	Высокий и могущественный сеньор, мессир Haute et puissante seigneur, messire	Высокий и могущественный сеньор, мессир Haute et puissante messire	Высочайший и могущественней ший мессир или монсеньор... Très haute et très puissante ... messire monseigneur

Эта таблица (составленная как на основании собственных наблюдений, так и на материалах работ участников семинара Робера Десиона) заведомо неполна (сюда не включены именованья духовенства) и поневоле слишком приблизительна. Однако она показывает, как квозь массу произвольных высказываний и случайных факторов проивают себе дорогу регулярности и изменения системы социальных именований.

Первое, что бросается в глаза – процесс разрушения городской системы почетных эпитетов. Изначальная солидарность городских нотаблей покоилась на эпитетах «честный», «уважаемый», «почтенный», распространявшихся практически на все фракции городской элиты. Но атем она нарушается привлекательным «благородным» термином «noble home», охотно присваиваемым себе «людьми закона», «людьми нания». После того как судейские узурпировали эпитет «благородный человек», истинные дворяне бежали от него как от огня, руководствуясь той же логикой, согласно которой полтора века спустя герцоги из «высоких и могущественных» превратились в «высочайших и могущественных», а затем просто в «монсеньоров».

Чисто городские эпитеты, указывающие на уважение, «нотабельность», вытесняются в XVII в. отнюдь не городским по своему происхождению предыменным величанием «сьер», (сокращением от «сеньор»), которое присваивают себе и те, кто не владел никакими сеньориями. Подобным образом «Monsieur l'Abbe, француз убогой», не докучавший моралью строгой юному Онегину, никогда не управлял монастырем: термин «аббат» также был девальвирован в предреволюционной Франции.

Судьба «благородных людей» – термина и социальной группы весьма поучительна. В XVI в. они, отколовшись от традиционной городской элиты, образовали буферную зону между «настоящими дворянами» и ротюрье наподобие той, что мы наблюдали в Провансе. Наличие этой зоны мешало системе социальных именований обрести жесткость. «Благородные люди» постоянно подпитывали дворянство, проникая в его ряды, скупая сеньории, стараясь «жить по-дворянски», юднились со знатными семьями и старались обрести королевские должности. Но при этом они сохраняли, а иногда даже культивировали свою культурную идентичность, отличаясь образованностью, своеобразным «культом разума», приверженностью к городскому образу жизни. Джордж Хапперт, перебирая для обозначения этой группы такие термины, как «городское дворянство», «благородные люди», «буржуа-жантийомы» остановился на парадоксальном: «французские

джентри»¹⁵. Но будущее показало, что полноценное аноблирование достигается не образованностью и даже не только дворянским образом жизни, а королевской службой. В XVII столетии офисье – владельцы королевских должностей, в особенности должностей аноблирующих, уже не имели необходимости в особых эпитетах, отделявших их от городских нотаблей. Поэтому термин «*noble homme*» исчезает, равно как и указания на мудрость/образованность – источником высокого статуса являлась теперь лишь королевская должность. Те же, кто ею не обладал, оказались безоговорочно отброшены в мир простолюдинов. И острее всех на себе это почувствовали адвокаты (подтвердился худший опасения Рауля Спифама). Из «городского дворянства», из людей, равных судьям по своему достоинству, они превратились в лиц, терминологически уравненных с ремесленниками. Сколь ни блестяще была их образованность, сколь ни велики амбиции – средств на покупку должностей у них все равно не было. Трудно не вспомнить, что Французскую революцию называли «детищем адвокатов».

Разумеется, эволюция нотариальных социальных именовании трансформировалась под воздействием массы факторов: экономической конъюнктуры, политических потрясений, социокультурных инноваций (упомянем среди последних развитие салонов и научных обществ, где система социальных величаний была принципиально иной). Однако и саморегулирующаяся система социальных именовании не была лишь простым отражением этих процессов, но и их активным участником, медиатором.

Специфика нотариальных источников позволяет свести к минимуму предумышленный характер социального конструирования, свойственный авторским системам классификаций, но она не позволяет забыть и о субъективной стороне функционирования социальных иерархий. Таким образом, социальная история, выйдя на новый уровень, вновь возвращается к своим классическим сюжетам, в частности – к истории нобилитета.

¹⁵ *Huppert G. Les bourgeois et gentilshommes: An essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago; London, 1977.*

Л. М. Аржакова

ПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX века

На проблему нобилитета так или иначе завязаны судьбы Речи Посполитой, судьбы польских земель после разделов, а отчасти – и в новейшее время. Собственно, это даже не одна проблема, а целый узел проблем.

Сюда прежде всего попадает все еще недостаточно изученный, вызывающий полемику вопрос об удельном весе шляхты в общей демографической структуре страны. В противовес доминирующему по сей день мнению, согласно которому каждый десятый поляк был шляхтичем¹, произведенные профессором Познанского университета Ежи Топольским подсчеты выявили иную по отдельным воеводствам и в среднем по стране картину. Если в Мазовии шляхта составляла до 25% всех обитателей, в Подляшье – около 20%, то в самых крупных регионах Речи Посполитой – в Великой и Малой Польше – ее доля редко доходила до 4%. В итоге средний процент никак не дотягивает до 10%, скорее не превышая 6%².

Но дело не только в том, что эти представления о многолюдности польской шляхты, бытовавшие на протяжении длительного времени (и усиливавшие сочувствие отечественной публицистики и историографии к польским крестьянам, которым, мол, приходилось кормить такую ораву), сильно завышены. Необходимо также учитывать имущественную и социальную дифференциацию польского дворянского сословия. В конце концов современные исследования убедительно доказывают, что число «эксплуататоров» в действительности было гораздо меньше, чем принято было считать. Ведь те же мазовецкие – и иные «загородные» – шляхтичи зависимых от них крестьян не имели, сами ходили за плугом, и лишь опоясывающая их сабля служила для окружающих верным знаком их отличия от мужика. Очевидно, есть все основания говорить о типологическом родстве такой «загородной шляхты» с российскими одноворцами или с донским казачеством.

Когда речь идет о шляхте и ее месте в политической жизни Речи Посполитой, нельзя забывать, что вопрос о характере так называемой

¹ *Дмитриев М. В.* Польская шляхта XVI–XVIII вв. // Европейское дворянство XVI–XVIII вв. М., 1997.

² *Topolski J.* Przełom gospodarczy w Polsce XVI wieku i jego następstwa. Poznań, 2000. S. 150–152.

шляхетской демократии также далеко еще не ясен. Известно, что после «золотого» для польской государственности XVI в. политический вес средней шляхты в XVII–XVIII вв. неуклонно снижался, зато резко усиливалась политическая роль магнатства, в том числе магнатства литовско-русского, пусть и изрядно ополоченного. В то же самое время с достаточной уверенностью можно говорить о том, что польская анархия во многом представляла собой производное от иностранного (в том числе российского) вмешательства в дела Речи Посполитой, вмешательства, находившего опору в различных магнатских группировках, которые манипулировали мелкой шляхтой и заметно отодвинули в политическую тень шляхту среднюю.

Естественно, что «шляхетская» проблематика привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей, среди которых, разумеется, лидируют польские историки. Достаточно назвать имена Анджея Вычаньского, Януша Тазбира, уже упоминавшегося Ежи Топольского – авторов капитальных трудов на данную тему³. Наша отечественная историческая литература также не оставалась в стороне от этой проблемы, которая, что немаловажно, вплотную касается не только самой Польши, но и тех украинско-белорусских земель, которые некогда входили в состав Речи Посполитой.

Не удивительно поэтому, что в российской историографии, как и в российском общественном мнении, давно и прочно сложились определенные стереотипы, касающиеся шляхты, ее места и роли в жизни польского общества. В чем-то эти стереотипы с течением времени эволюционировали, в чем-то оставались неизменными, и это не только лишний раз подтверждает значимость, научную актуальность проблемы польского нобилитета, но и во многом характеризует восприятие в России так называемого польского вопроса.

Упомянутые соображения, как представляется, вполне оправдывают рассмотрение некоторых характеристик польского нобилитета под углом зрения того, как в эпоху, когда Польское государство было устра-

³ *Wyczański A.* Polska – Rzeczą Pospolitą szlachecką. 1454–1764. Warszawa, 1965; *On że.* Polska w Europie XVI stulecia. Poznań, 1999; *On że.* Szlachta polska XVI wieku. Warszawa, 2001; *Tazbir J.* Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji religijnej w Polsce XVI i XVII w. Warszawa, 1967; *On że.* Rzeczpospolita i świat. Studia z dziejów kultury XVI wieku. Warszawa, 1971; *Topolski J.* Narodziny kapitalizmu w Europie, XVI–XVII w. Warszawa, 1963; *On że.* Działalność gospodarcza Mikołaja Reja. Przykład aktywizacji szlachty // *Gospodarka polska a europejska w XVI–XVIII w.* Poznań, 1977; *On że.* Przełom gospodarczy w Polsce XVI wieku i jego następstwa. Poznań, 2000.

нено с политической карты Европы, а значительная часть его наследия досталась Российской империи, все эти характеристики виделись русскому обществу, русской исторической науке в частности.

Начинать, по-видимому, следовало бы с Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, чьи представления о шляхте во многом вобрали в себя уже сложившиеся к тому времени стереотипы и, в свою очередь, заметно на них повлияли⁴. Но для настоящего обзора скорее подойдет упрощенный, в чем-то даже примитивный (и потому более репрезентативный) вариант. Вполне подходящий в этом смысле материал находим в сочинениях Дениса Давыдова, отношение которого к Польше, пожалуй, меньше всего опиралось на чтение ученых трудов. Зато участие в кампаниях 1812 и 1831 гг. утвердило Давыдова в суждении о поляках, которые прежде всего ассоциировались у него со своевольной (как традиционно считалось в его окружении) шляхтой. Не удивительно поэтому, что Варшава аттестовалась Денисом Давыдовым не иначе, как «горнило козней, вражды и ненависти к России», как «гнездилище вражды против России»⁵.

Главный объект критики и ненависти для Дениса Давыдова в его «Воспоминаниях о польской войне 1831 года» – мятежники-шляхтичи и их покровители на Западе. Не раз будет подчеркнута, что в 1830 г. восстали именно шляхтичи, помещики, если же посмотреть на «многочисленнейший класс народонаселения, состоящий из хлебопашцев, мещан и ремесленников», то он относится к русским вполне лояльно. Зато мятежникам (читай – шляхте) Давыдов адресует самые нелестные эпитеты, для него бунтовщики – это: «одно шляхетство и городская сволочь из тунеядцев», «шляхетство и разная буйная сволочь, обитавшая в окрестностях [Варшавы]»⁶. Говоря о мятежниках – врагах России, он вообще предпочитает оперировать собирательным определением «шляхта». Персональные обвинения Давыдов адресует лишь некоторым лицам, среди которых чуть ли не на первом месте оказывается княгиня Чарторыйская, по его разумению, «главнейшая виновница всех козней,

⁴ Аржакова Л. М., Якубский В. А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г. Е. Лебедевой. (Византийская библиотека). СПб., 2005.

⁵ Давыдов Д. 1812 год // Давыдов Д. В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. Стихотворения. Военные записки. М., 1962. С. 398; Давыдов Д. В. Воспоминания о польской войне 1831 года // Давыдов Д. В. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1895. С. 217.

⁶ Давыдов Д. В. Воспоминания о польской войне 1831 года // Давыдов Д. В. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1895. С. 218, 228.

заговоров и предприятий, возникавших в Польше против России в течение шестидесяти лет сряду»⁷.

Любопытно, что в «Воспоминаниях» этим пассажем практически исчерпывается гендерная – если прибегнуть к привычному и ставшему теперь популярным термину – тема, так громко звучавшая в рассуждениях о поляках в его автобиографии. Там, пытаясь понять смысл польских событий 1830–1831 гг., Давыдов представил его следующим образом: «Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствующий всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть – и не мог!»⁸. Обвинив во всех бедах Польши презираемую им шляхту, Денис Давыдов в характеристику последней ввел колоритную деталь: корень зла, оказывается, лежал в губительном женском влиянии.

Вообще-то применительно к Польше гендерный мотив вовсе не был чужд российской литературной традиции. О чарах красавиц-полек у нас писалось не раз: достаточно вспомнить Марину Мнишек из пушкинской трагедии или панночку, из-за которой покрыл себя позором младший из сыновей Тараса Бульбы, у Гоголя. Но Давыдов эту идею, можно сказать, генерализировал, усмотрев тут общее правило. Впрочем, любопытнее здесь другое: судя по всему, нашему «гусару и певцу» даже не пришло в голову, насколько обоюдоострой была тема женского начала в политике. В конце концов, для Польши все более или менее оставалось на уровне легенд и домыслов, тогда как в Российской империи память о нравах при дворе матушки Екатерины и ее предшественниц на троне была еще свежа. И при этом, заметим, Давыдов относился к Екатерине с большим почтением, утверждая, что: «век Екатерины» – «век чудес»⁹, и «сама Екатерина – бессмертная Екатерина»¹⁰.

Иной раз находя нужным подчеркнуть роль женского влияния на шляхту, иной раз даже не упоминая о нем, Давыдов твердо стоял на том, что именно она, шляхта, является носителем всех национальных пороков, свойственных полякам, к тому же она – главная ненавистница

⁷ Там же. С. 224.

⁸ Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова <Автобиография> // Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940. С. 34.

⁹ Давыдов Д. В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. С. 168.

¹⁰ Давыдов Д. В. О России в военном отношении // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 415.

России. «Истинный представитель характера польской нации» для мемуариста – это генерал Ян Круковецкий: «Дерзкий и спесивый, пронира и низкопоклонный по обстоятельствам, властолюбец <...> он не был способен ни к военному, ни гражданскому делу»¹¹. Именно к шляхте относит Давыдов привычное обвинение поляков в непостоянстве, а также в том, что им свойственны «несогласия и споры, <...> междоусобные брани». Кроме всего прочего, «все польское шляхетство» крайне неблагодарно. Давыдов напоминал читателям, как уступки полякам со стороны «великодушного, но слишком доверчивого монарха»¹² Александра I, а также мероприятия российской администрации, способствовавшие образованию польской армии, приведению «в цветущее состояние <...> земледелия, промышленности, торговли царства»¹³, лишь «давали им [полякам, т.е. шляхте. – Л.А.] средства к явному против нас возмущению», «подавали новые поводы к усилению ненависти, питаемой к нам во все времена поляками»¹⁴.

Впрочем, Давыдов считал, что это не должно было удивлять, ведь именно в шляхте господствует «дух своеволия, столь враждебный мудрому единодержавию»¹⁵. В то же время, когда он пускается в размышления об общественном строе, о свободе и принуждении в политической жизни, он, создается впечатление, даже не слишком выделяет поляков среди всех прочих народов. По его мнению, свобода годилась древним грекам и римлянам, «исполненным любви и самоотвержения и твердым в своих убеждениях»¹⁶, в современном же мире она губительна. Будто бы охватывая взором сразу весь современный ему мир, он с грустью восклицает: «Денежная выгода и расчет – вот убеждения нашего века». И польский пример служит ему лишним тому подтверждением: «Происки членов народного правления приготовили для Польши тот ряд бедствий, кои она испытала и которые были лишь последствием стремления каждого – извлечь из всего наибольшую выгоду»¹⁷. В известной мере здесь можно усмотреть едва ли не сочувствие автора к «исконным врагам» – полякам, причем это сочувствие носило заметно социально ориентированный характер. Объектом сочувствия Давыдова стал тот самый «класс народонаселения, состоящий из хлебопашцев, мещан и ремес-

¹¹ Давыдов Д. В. Воспоминания. С. 240.

¹² Там же. С. 208.

¹³ Там же. С. 207–208.

¹⁴ Там же. С. 207.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Там же. С. 206.

¹⁷ Там же.

ленников, – кто, по его словам, – слабо поддавался внушениям заговорщиков». Среди тех, к кому испытывал сочувствие Давыдов, были и «солдаты <...> которые весьма нерешительно и неохотно приставали к мятежникам»¹⁸.

И действительно, когда Давыдов пишет о «наглости и самонадеянности, столь свойственной полякам в минуты успеха», о том, что поляки «под личиной преданности» «пресмыкались» перед российским правительством «с полным забвением собственного достоинства», доходя до крайней «степени отвратительного раболепия», и тем более об «алчности поляков к почестям и наградам»¹⁹, можно быть уверенными, что все эти нелицеприятные эпитеты относятся исключительно к шляхте.

Поскольку былая Речь Посполитая ассоциировалась у Давыдова с правлением шляхты, проникнутой духом своеволия и «враждебный мудрому единодержавию»²⁰, неудивительна та уничижительная оценка способностей поляков (читай – шляхты), так сказать, к государственному устройству: «Для Польши самостоятельность есть дело весьма трудное и доселе невозможное, – без малейшей тени сомнения заявлял Давыдов, – до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себе, как она накликала на себя ряд бедствий и вмешательство сильных соседей становилось необходимым»²¹. При этом у Давыдова даже не возникало вопроса, по какой все же причине «сильные соседи» проявляли такую готовность вмешиваться в польские дела.

Д. В. Давыдов, по-видимому, не отдавал себе отчета в противоречивости ряда своих суждений. Так, с одной стороны, у него звучало заявление, что «для Польши самостоятельность есть дело весьма трудное», с другой же – отмечалось, что «инстинкт и разум народа гораздо проникательнее, чем полагают их вольнодумные апостолы аристократического света», что, хоть и косвенным образом, означало одобрительную оценку способностей польской нации (и, похоже, не исключая из нее шляхту) к самоорганизации.

Не меньший интерес польские сюжеты вызывали и у М. П. Погодина, тогда, в 1830-х гг., еще только начинавшего свою ученую карьеру. Прилагая к истории Польши весьма популярную в ту пору теорию завоевания, он предложил, в частности, ее своеобразный антишляхетский вариант. Суть его сводилась к тому, что созданием своей государственности Польша была обязана нашествию на страну иноземцев, которые,

¹⁸ Там же. С. 218.

¹⁹ Там же. С. 216, 209, 208.

²⁰ Там же. С. 232.

²¹ Там же. С. 207.

покорив аборигенов, «установили там феодальные порядки». Историк, правда, не брался точно определить, кто, какой этнос составил господствующий слой в Польше, но предполагал, что польская шляхта «имеет в себе значительную примесь крови западной, не славянской, а кельтической».

Аномалию польской истории Погодин усматривал в том, что развитие Польши уклонилось от верного русла. Верное же русло, по его разумению, означало процесс, в результате которого феодализм со временем трансформировался в «государство в настоящем смысле этого слова», т. е. в самодержавие²². Главную причину такой аномалии молодой историк усматривал не столько в самом этническом различии между низами и верхами польского общества, сколько в многочисленности «пришлого племени», в силу чего «пришлецы польские» сохранили свою обособленность от простого люда.

Именно из этой обособленности – причем только постулируемой и отнюдь не доказанной автором – ученый выводил губительные по своим последствиям черты шляхетского характера: «Совершенное отчуждение от прочих славянских племен, которых Польша никогда знать не хотела, хотя и жила рядом с ними <...> Презрение к собственному племени, то есть к крестьянам, что свидетельствуется всеми местными наблюдениями, и происходящая оттуда ненависть между сословиями...»²³. Судя по всему, Погодин даже не думал сопоставить это «презрение к собственному племени, то есть крестьянам», отмеченное им в Польше, с аналогичным явлением, характерным для России.

Возникает вопрос: почему не обремененный излишней ученостью Д. В. Давыдов и вполне эрудированный историк М. П. Погодин с одинаковой убежденностью видели в шляхте основного губителя Польского государства? Нельзя сказать, что бы они оба пришли к подобным выводам, располагая весомыми научными доводами. Скорее всего, в дело вступали политические страсти, причем страсти, заметно окрашенные этноконфессиональным пристрастием. Впрочем, определенную роль сыграло здесь, видимо, и другое обстоятельство. Дело в том, что в польской историографии и публицистике вина за разгул политической анархии в XVII–XVIII вв. возлагалась не столько на мелкую и среднюю шляхту, сколько на польских магнатов, многие из которых затем встали на путь прямого предательства государственных интересов Речи

²² Погодин М. П. Исторические афоризмы. М., 1836. С. 53.

²³ Погодин М. П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1868. С. 176–177.

Посполитой. Трудно сказать, слышал ли о таких обвинениях отставной генерал-лейтенант, но они явно были известны ординарному профессору Московского университета. Наверняка Погодин знал об антимагнатских выступлениях Станислава Сташица и других польских общественных деятелей, наверняка знал и о популярности этих выступлений в кругах, близких к национально-освободительному движению, где тон задавала шляхта. Хотя последнее обстоятельство, пожалуй, способно было лишь усилить нелюбовь российского автора к «кичливым ляхам» – шляхтичам.

Не исключено также, что одна из причин кроется еще и в том, что заострять внимание на роли аристократии в упадке и гибели Польского государства нашим историкам в какой-то мере мешало то, что критика магнатории невольно бросала тень на позицию Петербурга. Как-никак, ту же Тарговицкую конфедерацию вдохновляла императрица Екатерина. К умолчанию о, так сказать, грехах польской аристократии – может быть, даже подсознательно – российских авторов побуждало и то обстоятельство, что, как всем было известно, многие из польских вельмож и их потомков превосходно акклиматизировались в Российской империи, блистая в высшем свете.

Соображения своего рода политкорректности, которые, скорее всего, не мог не учитывать Погодин, слабее действовали на украинских землях, где размещались владения многих латифундистов и где память о давних счетах с притеснителями-магнатами не затухала. Силу антимагнатских настроений зримо отразила малороссийская, как тогда выражались, литература. Так, Н. В. Гоголь, увлекаясь историей Малороссии и собирая материал для обширного сочинения на эту тему, не прошел мимо польской проблематики. Планы не были реализованы, но известное представление о том, что думал писатель о польской шляхте, о Речи Посполитой в целом, дают его художественные произведения.

В первоначальной редакции «Тараса Бульбы» (которая относится к 1835 г.), в рассказе о казни Остапа в Варшаве, Гоголь подчеркивал, что польский «король не мог сделать ничего против дерзкой воли государственных магнатов, которые непостижимою недалечностью, детским самолюбием, гордостью и неосновательностью превратили сейм в сатиру на правление»²⁴.

Заметим, что во второй редакции «Тараса Бульбы» (которую Гоголь подготовил несколькими годами позже) авторская правка коснулась и интересующего нас фрагмента. Если в прежнем варианте чело-

²⁴ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1994. С. 233–234.

веколюбием и прозорливостью наделен был только король, то теперь к королю добавлены «многие рыцари», власть которых «была ничто пред беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов...»²⁵.

Спору нет, повесть Н. В. Гоголя не поддается сколько-нибудь уверенной привязке к историческим реалиям. Нет возможности определить, кого из польских монархов и каких рыцарей он мог иметь в виду. Но зато обе редакции «Тараса Бульбы» позволяют уверенно отнести автора к числу тех, кто видел главную беду Речи Посполитой во всевластии «государственных магнатов».

Подобный вывод находит себе подтверждение в найденном в бумагах Гоголя наброске, который условно принято именовать «Размышление Мазепы» (написано не позднее 1834 г.). В данном отрывке писатель воссоздавал ход рассуждений «преступного гетмана», который задумал отделиться от России, а посему рассуждал о том, на кого же из соседей он в этом деле сможет опереться. Все ему подсказывало, что Польша – наилучший претендент на эту роль. Однако, как констатировал Гоголь устами Мазепы: «Царство Баториево было на краю пропасти и эту пропасть изрыло само себе. Безрассудные магнаты позабыли, что они члены одного государства, сильного только единодушием, и были избалованные деспоты в отношении к народу и непокорные демокра[ты] к государю. И потому Польша действовать решительно [не могла]»²⁶.

О каком бы периоде польской истории ни писали отечественные историки или публицисты, они неизбежно – кто в большей, кто в меньшей степени – обращались к характеристике шляхетского сословия.

Польское восстание 1863 г. придало новый импульс полонистическим студиям в России, и лидирующая роль здесь, бесспорно, принадлежала С. М. Соловьеву с его «Историей падения Польши» (1863). Историк особо подчеркивал, что в Польше «вооруженное сословие, шляхта, имея у себя исключительно все права, кормилась на счет земледельческого, рабствующего народонаселения; город не поднимался, и его народонаселение не могло сопоставить с шляхтою другую, уравнивающую силу <...>. Войско [т. е. шляхта. – Л. А.], следовательно, было единственною силою, могшею развиваться беспрепятственно и определить в свою пользу отношения к верховной власти, которая была сдержана в самом начале польской истории и потом все никла более и более перед вельможеством и шляхтою»²⁷.

²⁵ Там же. С. 314.

²⁶ Там же. Т. 7. С. 150–151.

²⁷ Соловьев С. М. История падения Польши // Соловьев С. М. Соч.: В 18 книгах. Кн. XVI. М., 1995. С. 411–412.

Нельзя не заметить, что вначале шляхта выступала у Соловьева как единая целостная категория, зато к концу фразы (которая вобрала в себя не одно столетие исторического развития) оказывается подразделенной на две части – вельможество и шляхта. Впрочем, сам Соловьев, по-видимому, не придавал особого значения такому подразделению. Иначе как объяснить, что далее он по-прежнему рассуждает об одной лишь шляхте: «Сознание своей силы, исключительной полноправности и независимости условливали в польской шляхте крайнее развитие личности, стремление к необузданной свободе, неумение сторониться с своим я перед требованиями общего блага»²⁸. Похоже, все-таки главной для Соловьева задачей было поставить окончательный диагноз той болезни, которая привела Речь Посполитую к гибели. Во всяком случае, он вполне уверенно пишет: «Вследствие безобразно одностороннего развития **одного сословия**, вследствие **внутреннего безнарядья** Польша потеряла свое политическое значение»²⁹. Ключевыми словосочетаниями для него здесь выступают «одно сословие» и «внутреннее безнарядье», что по-своему вполне логично, во всяком случае для российского наблюдателя. Для него (что греха таить – не слишком доброжелательно настроенного по отношению к полякам) важнее было выявить корень зла, уловить первопричину свершившейся катастрофы. Предложенная нашим историком формула – содержащая «одно сословие» и «внутреннее безнарядье», предстает своего рода аксиомой и, значит, даже не требует доказательства.

Дань изучению истории Польши отдали также младшие современники С. М. Соловьева – В. И. Герье с его монографией «Борьба за польский престол в 1733» (1862), А. С. Трачевский, автор капитального исследования «Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов 1572–1573» (1869), и др. Практически всем этим работам свойственно отсутствие терминологической четкости в вопросе о шляхте. Так, например, Трачевский пишет то о «шляхетско-панской анархии»³⁰, то о шляхте как о дворянском сословии в целом. Создается впечатление, что терминологическим тонкостям он вообще не придавал никакого значения. Для него гораздо существеннее было то, что при любом варианте социально-сословной характеристики шляхта есть не что иное, как «главная язва Польши». Она, и только она, по словам историка, –

²⁸ Там же. С. 412.

²⁹ Там же. С. 411.

³⁰ *Трачевский А. С.* Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов 1572–1573. СПб., 1869. С. 189.

«невежественная и фанатичная владычица Польши»³¹, которая, по меткому замечанию В. А. Якубского, на страницах монографии Трачевского предстает «неким нравственным уродом»³².

Несмотря на ставшую традиционной для российской историографии XIX в. терминологическую неопределенность по отношению к нобилитету Речи Посполитой, некоторые из историков все же пытались разобраться в нюансах – по крайней мере, когда требовалось прямо назвать виновников гибели Польского государства. Такую склонность проявлял, в частности, П. К. Щебальский, который считал необходимым подчеркнуть, что именно представители польской знати способствовали укреплению позиций российского правительства в Польше. Начав издавека, опираясь на переписку польских вельмож с Петром I, Щебальский утверждал, что «вмешательство Петра в дела Польши нельзя объяснять одним его честолюбием». Русский царь в своих целях сполна мог использовать польских аристократов. «Правда, – продолжал московский историк, – это вмешательство простерлось впоследствии далее, нежели как желали Потоцкие, Поцеи, Огинские и другие». Применив к Польше XVIII века старинную легенду «о колдуне, который настойчиво хотел вызвать духа, но, вызвав его, лишился жизни от страху»³³, Щебальский напоминал, что хотя было «произнесено много пламенных заявлений о любви к отечеству, много было потрачено красноречия... но дух был вызван и вызван самими поляками»³⁴. Иными словами, Щебальский в конечном счете без колебаний демонстрировал приверженность традиционной для отечественной историографии XIX в. трактовке причин гибели Речи Посполитой, возлагая всю вину за разделы на самих поляков, а под последними разумея нобилитет.

Примечательна еще одна черта, свойственная нашим полонистическим сочинениям XIX в., когда дело касалось шляхты: польское дворянское сословие подчеркнуто противопоставлялось польскому простонародью так, как будто это представляло собой явление исключительное. Казалось бы, тут само собой напрашивалось сравнение с российскими реалиями, но отечественные историки его, это сравнение, упорно игнорировали.

³¹ Там же. С. XIX, 319.

³² Якубский В. А. «Польское бескоролье» А.С. Трачевского и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3. СПб., 2001. С. 160.

³³ Щебальский П. К. Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864. С. 11.

³⁴ Там же. С. 12–13.

В конце концов, подобное нежелание даже понятно, но показатель-но, что к противопоставлению «верхов» и «низов» польского общества наши авторы обыкновенно прибегали в своих рассуждениях, касающихся польских восстаний, или в самый их разгар, или (так сказать) по горячим следам. Еще Д. В. Давыдов, когда писал о Ноябрьском восстании, подчеркивал, что в нем приняли участие только шляхтичи, а не «многочисленнейший класс народонаселения, состоящий из хлебопашцев, мещан и ремесленников»³⁵. М. Н. Катков в 1863 г. практически то же самое утверждал по поводу восстания Январского. На взгляд издателя «Московских ведомостей», «польское восстание – вовсе не народное восстание: восстал не народ, а шляхта и духовенство». Больше того, по мнению Каткова, это была «не борьба за свободу, а борьба за власть, желание слабого покорить себе сильного», – прозрачно намекая на посягательство шляхты на российские интересы. По этому поводу он, в частности, писал: «Властолюбивой шляхте, желающей властвовать над русским патриотизмом, подает руку властолюбивое римско-католическое духовенство, желающее поработить православную церковь». М. Н. Катков не преминул заявить, что «не польский народ – враг нащ. Не польскую национальность поражаем мы, подавляя восстание. Мы боремся с интригой, которую затеяло властолюбие шляхты и ксендзов»³⁶. Обращает на себя внимание, что во всех тирадах Каткова, по сути дела, выступают традиционные, идущие от славянофилов, российские стереотипы, касающиеся польской шляхты.

Как видим, не будет большим преувеличением сказать, что польский вопрос в России XIX в. понимался именно как вопрос шляхетский. По своему примечательно, что такая его трактовка достанется в наследство советским временам. Когда осложнились взаимоотношения Кремля с Варшавой (что происходило едва ли не перманентно), наци политики, а вслед за ними средства массовой информации, непременно употребляли словосочетание «панская Польша». Стоит отметить, что о Латвии или Венгрии в аналогичных случаях выражались иначе: «буржуазная Латвия (или Венгрия)».

В то же время советская историография и социология были вынуждены корректировать свое отношение к шляхте предшествующего столетия. И причина здесь была проста: польское национально-освободительное движение, которое всячески приветствовали К. Маркс, Ф. Энгельс и

³⁵ Давыдов Д. В. Воспоминания. С. 218.

³⁶ Московские ведомости. 1863. № 130 // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863. М., 1897–1898. С. 310.

В. И. Ленин, было, как известно, преимущественно шляхетским, отсюда и та позитивная оценка, с какой основоположниками марксизма воспринималась активность представителей шляхетского сословия в деле борьбы с российским царизмом.

На исходе XX в., вслед за угасанием пиетета по отношению к идеям Маркса или Ленина, со страниц нашей прессы стали исчезать и реверансы по адресу участия шляхты в национально-освободительной борьбе против царизма. Соответственно в наши дни бывает сполна ощутим все тот же антишляхетский привкус, столь заметный в отечественной историографии и публицистике XIX в. В глазах публицистов, группирующихся вокруг журнала «Наш современник» и подобных ему изданий, Польша прочно ассоциируется со шляхтой. Наглядный тому пример: когда Станислав Куняев на рубеже 2000-х годов выступил со своим наделавшим много шума памфлетом по поводу антисоветской и анти-российской политики Польши, то озаглавил его кратко и выразительно – «Шляхта и мы».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел 1. Нобилитет как социокультурная категория: статус, структура, сословная институционализация	
<i>Пантелеев А. Д.</i> Христианизация римской элиты во II–III вв. н. э.	8
<i>Морозов М. А.</i> Военная знать византийского пограничья в X–XI вв.	20
<i>Дмитриева М. И.</i> Сиенский нобилитет с середины XIII до середины XIV века	31
<i>Бессуднова М. Б.</i> Рыцарство Северной Эстонии на ливонских ландтагах (конец XV и начало XVI века)	48
<i>Котов Г. Б.</i> Генеральный сейм земель Чешской короны и «языковой закон» 1615 г.	67
<i>Паламарчук А. А.</i> Создавая традицию: стратификация знатного общества у лондонских антиквариев начала XVII века	80
<i>Меркулов И. В.</i> Сословные аспекты комплектования морского офицерского корпуса в царствование Екатерины II	102
Раздел 2. Нобилитет и аристократия: механизмы внутрисословной интеграции и противостояния	
<i>Егоров А. Б.</i> Римская аристократия, ее сущность и историческая роль	120
<i>Вержбицкий К. В.</i> Кружки интеллектуалов в ранней римской империи как форма аристократической оппозиции принципату	139
<i>Румянцев А. Г.</i> «Аристократизация» английской знати во второй половине XV – первой половине XVI века	151
<i>Федоров С. Е.</i> Титулованная знать и династия в раннестюартовской Англии	164
<i>Прокопьев А. Ю.</i> Династии и дворянство в конфессиональной Германии: к проблеме идентичности элит	194
<i>Ковалев В. А.</i> Образы аристократии в английском придворном театре в правление Якова I Стюарта (1603–1625 гг.)	228

Раздел 3. Нобилитет и политическая сфера общества

<i>Соколов Р. А.</i> Александр Невский и высшие иерархи Русской Церкви	246
<i>Алексеева С. В.</i> Выбор власти московским боярством во время усобиц второй четверти XV века	262
<i>Лабутина Т. Л.</i> «Западничество» и «англомания» Ивана Грозного (к вопросу о вестернизации политической элиты России)	274
<i>Ведюшкин В. А.</i> Род Мендоса в политической борьбе в Кастилии во второй половине XIV–XV веков: стратегия возвышения и удержания власти	281
<i>Ходин А. А.</i> Королевская власть и нобилитет в Швеции на начальном периоде Великодержавия	294
<i>Ушаков В. А.</i> Участие английских лордов в колонизации Северной Америке в первой половине – середине XVII века	303

Раздел 4. Нобилитет в зеркале общественного мнения: идентификация и самоидентификация элиты

<i>Василик В. В.</i> «Прежде верный, а теперь неверный»: к социально-психологическому портрету сербской знати XIV–XV веков	312
<i>Ревякина Н. В.</i> Благородство и гуманистическая школа (на примере школы Витторино да Фельтре)	326
<i>Уваров П. Ю.</i> Социальные обозначения французского дворянства по нотариальным актам эпохи раннего нового времени	336
<i>Аржакова Л. М.</i> Польская шляхта и ее восприятие в российском обществе XIX века	348

Научное издание

НОБИЛИТЕТ В ИСТОРИИ СТАРОЙ ЕВРОПЫ

*Под редакцией доктора исторических наук,
профессора Г. Е. Лебедевой*

Подписано в печать 17.06.2010.

Ф-т 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,75. Тираж 800 экз. Заказ № 222.

Издательство СПбГУ

199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс (812) 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

НОБИЛИТЕТ В ИСТОРИИ СТАРОЙ ЕВРОПЫ

” Знатность — не что иное, как достоинство, или выдающее качество, возвышающее одного над прочими

Генри Пичем. Совершенный джентльмен. Лондон, 1627.

... Достойный джентльмен — ветвь на древе чести, плоды этой ветви суть достойные дела, приятные очам общественного мнения и сладостные для разума

Николас Бретон. Добро и зло. Лондон, 1616.

... [Знать — это] люди, освещенные и облагодетельствованные милостивыми лучами своего суверена, яркого солнца, источника того сияния, которое излучает наше славное дворянство

Джон Гвиллим. Обзор геральдики. Лондон, 1614.

Предлагаемое издание является первой в отечественной исторической науке попыткой комплексного рассмотрения одного из наиболее значимых явлений социальной организации европейского общества старого порядка. Ведущие российские ученые рассматривают европейский нобилитет во всем многообразии его связей с процессом становления и развития различных типов государственности, характерной для Средневековья системы властных отношений, этнокультурных и конфессиональных процессов. На широком сравнительном материале поднимаются вопросы, связанные с ролью и местом благородного сообщества в социальных структурах старого порядка, формами его групповой самоидентификации и мировоззрения.

На первой стороне обложки — *Антонис ван Дейк. Лорд Джеймс Стюарт и лорд Бернард Стюарт. 1638.*

На четвертой стороне обложки — *Антонис ван Дейк. Дети курфюрста Фридриха V Карл-Людвиг и Рупрехт. 1637.*